

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

10/2011

Журнал
«Семь искусств»

Октябрь 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Октябрь 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Василий Демидович	
Кто Вы, Г. Эрдман?	5
Габриэль Меерзон	
Учителя, коллеги, друзья	19
Виктор Гопман	
Яркая заплата	29
Марк Лейкин	
В тайнее меньше одной загадкой	43
Жозефина Пастернак	
Биография отца	70
Юрий Магаршак	
Почему царя Михаила называют без отчества?	82
Борис Тененбаум	
Фарс как средство бегства от действительности	98
Исаак Юдовин	
Гений философии	105
Артур Штильман	
Юрий Борисович Елагин	124
Лазарь Любарский	
Белла Розенфельд-Шагал	143
Моисей Каганов	
Мой друг Яша Блюмин	165
Давид Паташинский	
...и сердце откликается на сердце	174
Александр Балтин	
Волшебный мой кинематограф	229
Лариса Миллер	
«Стихи гуськом»	233
Александр Винокур	
«Отражая направленный свет»	255
Артур Шоппингауэр	
Остановка	273
Лорина Дымова	
А знаете, почему?	290
Моисей Борода	
В литературном зале	296
Александр Матлин	
Последствия тяжелого детства	305
Елена Матусевич	
Француз	315
Адольф Гоман	

Из ивритской поэзии	320
Владимир Слуцкий	
Круглый стол воспоминаний	352
Владимир Зайдельсон	
Снегопад	406
Александр Кацура	
TZAR, или история нагретого места	449
Микки Вульф	
Солнце во второй главе булгаковского романа	505
Виктор Вольский	
Простаки за границей	514
Элиэзер М. Рабинович	
Мои мозаики. Путешествия в Равенну	530
Об авторах	574

Василий Демидович

Кто Вы, Г. Эрдман?

туденты, высших учебных заведений, углублённо изучающие математическую дисциплину под названием *вариационное исчисление*, наверняка хотя бы слышали про так называемое *условие Вейерштрасса-Эрдмана* (см., например, [1, с. 284]). Если сведения о выдающемся немецком учёном Карле Вейерштрассе содержатся практически в любом математическом справочнике, то про Г. Эрдмана ничего подобного сказать нельзя. Более того, в течение нескольких лет я пытался расшифровать букву Г, чтобы выяснить хотя бы имя Эрдмана (разумеется, активно используя Интернет) – но мне так и не удалось этого добиться¹. Вот почему и была написана предлагаемая читателям работа с целью привлечь их внимание к этой загадочной личности.

1. О возникновении вариационного исчисления

Сначала, используя [2], кратко напомним об истории появления самого *вариационного исчисления*.

Вариационное исчисление возникло в конце XVII века. Рождение этой ветви анализа обычно отсчитывают от 1696 года, когда в июньском выпуске Лейпцигского журнала «Acta Eruditorum» [3]² появилась заметка Иоганна

¹ В связи с этим считаю своим долгом выразить искреннюю признательность фрау Юлии Лучко (Julia Loutchko), терпеливо помогавшей мне в безуспешных поисках следов Г. Эрдмана в библиотеках Технической высшей школы Берлина (Technische Fachhochschule Berlin) и Берлинского научного центра (Zentrum für Berlin-Studien).

² Журнал, в переводе с латыни называемый «Труды учёных», был создан в Лейпциге (в «Lipsiae» по- латыни) в 1682 году.

Бернулли (1667-1748), приглашающая математиков к решению следующей задачи: каков должен быть путь AMB , спускаясь по которому под влиянием собственной тяжести, тело M , начав двигаться из точки A , дойдёт до точки B в кратчайшее время? Эту задачу уже в 1696-1697 годы решили сам Иоганн Бернулли, его брат Якоб Бернулли (1654-1705), Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716), Гийом Франсуа Антуан де Лопиталь (1661-1704), и ещё анонимный автор, в котором Иоганн Бернулли сразу признал Исаака Ньютона (1643-1727) «*ex unge leonem*» («как по когтям льва» (лат.)). Кривой наибыстрейшего спуска (или *брахистохроной*) оказалась циклоида.

Иоганн Бернулли поставил перед юношей, слушавшим его лекции в Базельском университете, проблему найти общий метод решения задач, сходных с задачей о брахистохроне. Этим юношей (поступившим в университет в 13 лет) был Леонард Эйлер (1707-1783). Эйлер формализовал класс задач, включающий в себя и задачу о брахистохроне. Для таких задач Эйлер нашёл аналог условия Ферма: экстремальная кривая должна удовлетворять дифференциальному уравнению второго порядка, получившему название *уравнения Эйлера*. Это уравнение, опубликованное Эйлером в 1744 году, было выведено им «прямым методом», использующим дискретизацию исходной задачи (с помощью аппроксимации кривых ломаными), сводящей её к конечномерной экстремальной задаче и последующему предельному переходу.

Опираясь на «прямой метод», Эйлер, начиная с 1728 года, опубликовал решения других конкретных задач вариационного исчисления, и итог своей почти двадцатилетней деятельности в этом направлении он подвёл выпуском в 1744 году фундаментального мемуара[4]. А в 1755 году он получил письмо из Турина от девятнадцатилетнего юноши Жозефа Луи Лагранжа (1736-1813), в котором ему сообщалось что, помимо «прямого метода», существует иной подход к решению искомых экстремальных задач, основанный на выделении у максимизируемого (минимизируемого) функционала

главной линейной части его приращения (при варьировании кривой, подозреваемой на экстремум) и на требовании её обращения в нуль. Основные результаты этих исследований Лагранж опубликовал в 1762 году в[5]³. Подробное изложение искомого «вариационного метода», а также сам термин «вариация» появились в 1766 году в работе Эйлера[6], и в ней же весь раздел математики, в котором методом вариации решались задачи на экстремум интегралов, было предложено называть *вариационным исчислением*.

Эйлер и Лагранж исследовали также экстремальные задачи с ограничениями, в частности, *изопериметрические задачи*. Для подобных задач Лагранж стал применять общий приём, суть которого он выразил в 1797 году на примере конечномерных задач с ограничениями типа равенств в трактате по теории аналитических функций[7] словами: «Если ищется максимум (или минимум) некоторых функций многих переменных при условии, что между этими переменными имеется связь, задаваемая одним или несколькими уравнениями, нужно к максимизируемой (минимизируемой) функции прибавить функции, задающие уравнения связи, умноженные на неопределённые множители, и искать затем максимум (минимум) построенной суммы, как если бы переменные были независимы. Полученные уравнения, присоединенные к уравнениям связи, послужат для определения всех неизвестных». Этот принцип получил название *правила множителей Лагранжа*.

Идеей «правила множителей» Лагранж обладал ещё в «берлинском периоде» своей жизни – в 1766-1787 годы он был президентом Берлинской Академии наук. В 1788 году, будучи уже в Париже (куда он переехал после избрания в действительные члены Парижской Академии наук), Лагранж опубликовал своё знаменитейшее произведение по аналитической механике[8], в котором построил здание

³ Журнал с этой публикацией «Miscellanea Taurinensia» (т.е. «Туринский сборник») был организован самим Лагранжем в 1759 году в Турине (в «Taurinum» по-латыни) при (им же созданной в том же году) «Туринской академии».

классической механики, исходя из вариационного принципа стационарного действия. Там он неоднократно применял правило множителей для решения задач вариационного исчисления.

В XVIII веке стали подробно исследоваться и достаточные условия экстремума. Вообще-то вопрос о достаточных условиях экстремальности в вариационном исчислении начал изучать ещё Иоганн Бернулли в 1718 году, но его деятельность в этом направлении оставалась неизвестной вплоть до XX века. Систематически этой проблемой стал заниматься Адриен-Мари Лежандр (1752-1833). В 1786 году он опубликовал свой мемуар о различении максимумов и минимумов в вариационном исчислении[9], в котором была рассмотрена вторая вариация функционала для простейшей задачи вариационного исчисления. В нём появилось *условие Лежандра* в качестве необходимого требования для достижения на кривой экстремума функционала⁴. Некоторое время Лежандр полагал, что напрашивающееся усиление этого требования, в дальнейшем названное *усиленным условием Лежандра*, является и достаточным для экстремальности функционала на искомой кривой. Но затем и он сам, и Лагранж осознали, что это не так. Исчерпывающий ответ на вопрос о достаточных условиях экстремума для рассматриваемых задач вариационного исчисления оставался открытым до 30-х годов XIX столетия.

2. Развитие вариационного исчисления в XIX веке

В XIX столетии в вариационном исчислении было продолжено изучение различных разветвлений общей теории. В частности, возникшие ещё в трудах Эйлера и Лагранжа вариационные задачи со старшими производными, стали предметом рассмотрений для Симеона Дени Пуассона (1781-1840).

⁴ Это требование называют также условием Лежандра-Клебша (особенно в немецкой литературе), поскольку впоследствии именно Рудольф Фридрих Альфред Клебш (1833-1872) детально исследовал его значимость в вариационном исчислении.

Значительная доля исследований в XIX веке была посвящена вариационным задачам, в которых аргумент минимизируемого (максимизируемого) функционала зависит от нескольких переменных. Аналог уравнения Эйлера для таких задач был найден Карлом Фридрихом Гауссом (1777-1855) в двумерном и Михаилом Васильевичем Остроградским (1801-1862) в многомерном случаях. Исследования Лагранжа по минимальным поверхностям были продолжены Жозефом Антуаном Фердинандом Плато (1801-1883). Отметим здесь же и деятельность Георга Фридриха Бернхарда Римана (1826-1866) по анализу задачи Дирихле.

Новый этап развития вариационного исчисления в XIX веке связан с именами Карла Густава Якоба Якоби (1804-1851) и Вильяма Роуана Гамильтона (1805-1865).

В 1836 году (спустя полвека после публикации Лежандра) вопрос как о необходимых условиях, так и о достаточных условиях «слабого» экстремума (когда сравнивается близость не только самих функций, но и их производных), был окончательно разрешён Якоби. Он понял, что для их отчётливого формулирования, помимо выполнения на рассматриваемой экстремали задачи вариационного исчисления (т.е. на функции, являющейся решением уравнения Эйлера данной задачи), исходных ограничений и усиленного условия Лежандра, должны присутствовать ещё некоторые «нелокальные» требования экстремальности функционала. Именно Якоби показал, что необходимым условием слабого экстремума является (при реализации усиленного условия Лежандра) отсутствие в интервале между начальной и конечной точкой экстремали сопряжённой точки (т.е. точки пересечения экстремали с огибающей пучка экстремалей, исходящего из начальной точки). Подобное требование называется ныне *условием Якоби*. Отсутствие сопряжённой точки в соответствующем полуинтервале (включающем в себя и саму точку пересечения огибающей пучка экстремалей с исследуемой экстремалью) ныне называется *усиленным условием Якоби*.

На исследования Якоби большое воздействие оказало творчество Гамильтона, связанное с изучением им

задач механики и оптики. Идеи Гамильтона, в свою очередь, опирались на *принцип Гюйгенса*, который «в первом приближении» можно сформулировать так: функция, составленная из фрагментов экстремалей, может рассматриваться также как экстремаль.

Напомним, что Христиан Гюйгенс (1629-1695) строил волновую теорию света, и волновой фронт у него был «огibaющей» волновых фронтов от источников света, принадлежащих некоторому предшествующему волновому фронту. Гамильтоном, развивающим такой подход для широкого класса задач естествознания, была заложена фундаментальная идея о возможности установления экстремальности во всякой вариационной задаче путём её *возмущения*, позволяющего включить её в семейство «близких задач». На этом пути и были получены соответствующие условия экстремальности, составляющие в вариационном исчислении *теорию Гамильтона-Якоби*.

Таким образом, к середине XIX века стало понятным, что уравнение Эйлера, а также условия Лежандра и Якоби являются фундаментальными условиями экстремума для задач вариационного исчисления. Однако Якоби ещё не классифицировал экстремумы и не вводил понятие «сильного экстремума».

Изучение сильного экстремума вариационного исчисления в XIX веке в первую очередь связано с именем Карла Теодора Вильгельма Вейерштрасса (1815-1897). Он-то и осознал необходимость различать две топологии в вариационном исчислении - слабую и сильную. В соответствии с этим Вейерштрасс построил теорию сильного экстремума, дополнив ею исследования по слабому экстремуму. Он же установил необходимое и близкое к нему достаточное условие сильного экстремума, определяемые знакоопределённостью соответствующей вспомогательной функции, строящейся по интегранту минимизируемого (максимизируемого) функционала (теперь подобную функцию называют *функцией Вейерштрасса*). Заметим, что эпитеты «слабый» и «сильный» (по-немецки *schwaches* и *starkes*) для экстремумов, а также сам термин «экстремаль» (по-немецки *die Extremale*), в вариационное

исчисление были введены уже после смерти Вейерштрасса его учеником Адольфом Кнезером (1862-1930) в 1900 году в монографии [10].

Исследования Вейерштрасса, связанные с условиями экстремума в вариационном исчислении, развивали затем Адольф Майер (1839-1908), Оскар Больца (1857-1942), Эрнст Фридрих Фердинанд Цермело (1871-1953) и другие. Однако истинная суть теории сильного экстремума для задач вариационного исчисления была выявлена Анри Жюлем Пуанкаре (1854-1912) и Давидом Гильбертом (1862-1943).

Завершая краткий обзор развития вариационного исчисления в XIX веке, добавим, что геометрию экстремалей на базе понятий теории поля развивали не только уже упоминавшиеся Лагранж, Гаусс, Остроградский, Гамильтон, Якоби, но также Петер Густав Лежен Дирихле (1805-1859), Эудженио Бельтрами (1835-1900), Жан Гастон Дарбу (1842-1917), Саломон Жак Адамар (1865-1963), Эли Жозеф Картан (1869-1951) и их последователи. А условия экстремума для многомерных задач являлись предметом изучения для Константина Каратеодори (1873-1950) и Германа Клауса Хуго Вейля (1885-1955).

3. Условие Вейерштрасса-Эрдмана для задач вариационного исчисления

Смысл условия Вейерштрасса-Эрдмана мы поясним на примере простейшей задачи вариационного исчисления, рассматривая её лишь на минимум.

Итак, предположим, что в качестве исходного класса функций, на котором рассматривается задача вариационного исчисления, берётся линейное пространство

Fehler! Es ist nicht möglich, durch die Bearbeitung von Feldfunktionen Objekte zu erstellen.определяемое совокупностью непрерывно-дифференцируемых скалярных функций, заданных на конечном отрезке $[t_0, t_1]$, причём

снабжённое либо своей естественной нормировкой $\|\cdot\|_{C^1([t_0, t_1])}$, либо нормой $\|\cdot\|_{C([t_0, t_1])}$. Тогда под простейшей

задачей вариационного исчисления мы будем понимать экстремальную задачу вида

$$J(x(\cdot)) = \int_0^{t_1} L(t, x(t), \dot{x}(t)) dt \rightarrow \min, \quad x(t_0) = A, \quad x(t_1) = B, \quad (P)$$

где $x = x(\cdot)$ – переменная состояния, $\dot{x} = \dot{x}(\cdot)$ – её производная, $L = L(t, x, \dot{x})$ – интегрант задачи, полагаемый непрерывно дифференцируемой функцией от своих переменных.

Вводя обозначение $J = J(x(\cdot))$ и допустимое множество

Fehler! Es ist nicht möglich, durch die Bearbeitung von Feldfunktionen Objekte zu erstellen.

получаем, что предметом поиска в задаче (P) служит элемент $\hat{x}(\cdot) \in X_0$, на котором минимизируется функционал J .

Элемент $\hat{x}(\cdot) \in X_0$ называется слабым минимумом данной задачи ($\hat{x}(\cdot) \in \text{weak min}(P)$), если

$$\exists \delta \in \mathbf{R} (\delta > 0): \forall x(\cdot) \in X_0, \|x(\cdot) - \hat{x}(\cdot)\|_{C^1([t_0, t_1])} < \delta \Rightarrow J(x(\cdot)) \geq J(\hat{x}(\cdot)),$$

и её сильным минимумом ($\hat{x}(\cdot) \in \text{strong min}(P)$), если

$$\exists \delta \in \mathbf{R} (\delta > 0): \forall x(\cdot) \in X_0, \|x(\cdot) - \hat{x}(\cdot)\|_{C([t_0, t_1])} < \delta \Rightarrow J(x(\cdot)) \geq J(\hat{x}(\cdot)).$$

Ясно, что если функция $\hat{x}(\cdot) \in X_0$ доставляет в задаче сильный минимум, то она доставляет в этой задаче и слабый минимум. Поэтому для таких функций необходимое условие слабого минимума является и необходимым условием сильного минимума, а достаточное условие сильного минимума служит и достаточным условием слабого минимума. Поскольку из контекста будет понятно, о каком типе минимума идёт речь, то далее мы его будем называть (с применением соответствующей символики) просто *минимумом*.

Введём для (P) обозначения:

$$\begin{aligned}
 L(t, x, \dot{x})|_{x=x(t), \dot{x}=\dot{x}(t)} &=: L(t), & L_t(t, x, \dot{x})|_{x=x(t), \dot{x}=\dot{x}(t)} &=: L_t(t), \\
 L_x(t, x, \dot{x})|_{x=x(t), \dot{x}=\dot{x}(t)} &=: L_x(t), & L_{\dot{x}}(t, x, \dot{x})|_{x=x(t), \dot{x}=\dot{x}(t)} &=: L_{\dot{x}}(t), \\
 L(t, x, \dot{x})|_{x=\hat{x}(t), \dot{x}=\hat{\dot{x}}(t)} &=: \hat{L}(t), & L_t(t, x, \dot{x})|_{x=\hat{x}(t), \dot{x}=\hat{\dot{x}}(t)} &=: \hat{L}_t(t), \\
 L_x(t, x, \dot{x})|_{x=\hat{x}(t), \dot{x}=\hat{\dot{x}}(t)} &=: \hat{L}_x(t), & L_{\dot{x}}(t, x, \dot{x})|_{x=\hat{x}(t), \dot{x}=\hat{\dot{x}}(t)} &=: \hat{L}_{\dot{x}}(t).
 \end{aligned}$$

Тогда, согласно указанным классическим исследованиям Эйлера-Лагранжа, минимум $\hat{x}(\cdot)$ в задаче (P) следует искать среди решений уравнения Эйлера⁵

$$-\frac{d}{dt} \hat{L}_{\dot{x}}(t) + \hat{L}_x(t) = 0,$$

то есть среди двухпараметрического семейства⁶ его *общего решения*

$$\{x(t; \alpha, \beta)\}.$$

Точнее, если

$$\hat{x}(\cdot) \in \min(P),$$

то на $\hat{x}(\cdot)$ **необходимо** должно выполняться *условие стационарности*

$$-\frac{d}{dt} \hat{L}_{\dot{x}}(t) + \hat{L}_x(t) = 0 \quad (t_0 < t < t_1).$$

Параметры α, β затем конкретизируются из исходных краевых условий, если только соответствующая краевая задача разрешима.

Каждое частное решение уравнения Эйлера, как уже указывалось, называют экстремалью для рассматриваемой задачи, а при удовлетворении ею краевым условиям – соответственно, *критической* экстремалью. После построения критической экстремали требуется ещё проверить, является ли она действительно ответом на поставленную задачу или это не так.

Мы уже отмечали, что, используя сформулированное необходимое условие экстремума, благополучно были решены на первоначальном этапе своего развития многие задачи вариационного исчисления. Однако в середине XIX

⁵ Его ещё называют уравнением Эйлера-Лагранжа.

⁶ Ситуация «вырождения» его в однопараметрическое семейство требует отдельного анализа, и её мы здесь не касаемся.

века появилась нужда решать в вариационном исчислении задачи, у которых ответ (с физической точки зрения) заведомо **не может обладать** гладкостью $C^1([t_0, t_1])$.

Тогда-то и возникла идея искать решение подобных задач в расширенном функциональном классе, требуя от элементов класса сохранения их непрерывности, но допуская для них существование так называемых угловых точек $\{\tau_i\}$, где происходит разрыв их производных.

Для простейшей вариационной задачи в качестве такого класса функций берётся линейное пространство $PC^1([t_0, t_1])$, определяемое совокупностью непрерывных кусочно-дифференцируемых скалярных функций, заданных на конечном отрезке $[t_0, t_1]$, снабжённое нормировкой $\|\cdot\|_{C([t_0, t_1])}$ ⁷. В ходе исследования было понято, что минимум в такой задаче нужно искать уже среди функций, **склеенных** в угловых точках **из кусков различных экстремалей** рассматриваемой задачи⁸. В частности, по отношению к задаче (P), было показано, что для того, чтобы функция

$\hat{x}(\cdot) \in PC^1([t_0, t_1])$ доставляла бы минимум в задаче (P), необходимо чтобы она была бы так склеена из кусков экстремалей данной задачи, что в угловых точках $\{\tau_i\}$ удовлетворялись бы требования непрерывности для двух специальных величин:

А) канонической переменной

Fehler! Es ist nicht möglich, durch die Bearbeitung von Feldfunktionen Objekte zu erstellen. где **Fehler! Es ist nicht möglich, durch die Bearbeitung von Feldfunktionen Objekte zu erstellen.**

и

Б) гамильтониана

$$\hat{H}(\tau_i - 0) = \hat{H}(\tau_i + 0), \text{ где } \hat{H}(t) := \hat{p}(t) \cdot \hat{x}(t) - \hat{L}(t).$$

⁷ Полноты у такого нормированного линейного пространства уже не будет.

⁸ Сейчас бы мы сказали – среди сплайн-экстремалей.

Для задачи (P) «лучше всего», когда интегрант $L = L(t, x, \dot{x})$ строго выпукл относительно переменной \dot{x} . Тогда у задачи угловых точек просто быть не может. Подобные задачи называют *регулярными*.

Введение угловых точек позволяет решать квазирегулярные задачи, когда у интегранта $L = L(t, x, \dot{x})$ *строгой???* строгой?? выпуклости по переменной \dot{x} нет, но имеется (по этой переменной) «обычная» выпуклость.

Что же касается невыпуклости по \dot{x} интегранта $L = L(t, x, \dot{x})$, то по этому поводу мы лишь упомянем про исследования Николая Николаевича Боголюбова (1909-1992), где было показано, что всегда можно организовать соответствующее «овыпукление» интегранта, при котором минимизирующие последовательности у исходной и «овыпукленной» задачи будут одними и теми же.

Для большей ясности поясним идеологию анализа задач с угловыми точками на примере (P) в предположении, что у решения задачи имеется *лишь одна* угловая точка.

Именно объявив её неизвестным параметром τ , далее можно поступать так:

для «левого» подпромежутка $[t_0, \tau]$ из общего семейства экстремалей рассматриваемой экстремальной задачи следует выделить однопараметрическое подсемейство экстремалей *первого типа* $\hat{x}_1(t; \alpha)$, удовлетворяющее условию $\hat{x}_1(t_0; \alpha) = A$;

для «правого» подпромежутка $[\tau, t_1]$ из общего семейства экстремалей искомой экстремальной задачи следует выделить однопараметрическое подсемейство экстремалей *второго типа* $\hat{x}_2(t; \beta)$, удовлетворяющее условию $\hat{x}_2(t_1; \beta) = B$;

три параметра α, β, τ затем следует «непрерывным образом» конкретизировать для всего промежутка $[t_0, t_1]$, то есть найти такие их значения $\hat{\alpha}, \hat{\beta}, \hat{\tau}$, которые удовлетворяют системе трёх уравнений, возникающих при

«непрерывной склейке» в точке \hat{t} , во-первых, экстремали первого типа $\hat{x}_1(t; \hat{\alpha})$ с экстремалью второго типа $\hat{x}_2(t; \hat{\beta})$, во-вторых, канонической переменной $\hat{p}(\cdot)$ и, в-третьих, гамильтониана $\hat{H}(\cdot)$.

Требование «непрерывной склейки» в угловых точках, как для канонической переменной, так и для гамильтониана, в вариационном исчислении и принято называть *условием Вейерштрасса-Эрдмана*.

4. Заключительное замечание относительно условия Вейерштрасса-Эрдмана

Считается, что впервые искомое условие высказал на своих лекциях в 1865 году Вейерштрасс. Опубликовано оно было много позже, видимо, лишь при издании его учениками собрания сочинений Вейерштрасса в семи томах – в частности, посвящённый вариационному исчислению 7-й том[11], отредактированный Рудольфом Эрнстом Роте (1873-1942), появился в 1927 году. Поэтому не удивительно, что в 1877 году в знаменитом Берлинском математическом журнале «Journal für die reine und angewandte Mathematik» появляется статья по вариационным задачам с угловыми точками[12] некоего господина Г. Эрдмана (Von Herrn G. Erdmann) с завершающей пометкой «Берлин, 15 ноября 1875 года» (Berlin, den 15, November 1875). Поскольку в этом журнале было принято указывать и рецензентов издающихся статей, то нам известно, что положительное заключение на её публикацию дал Адольф Майер. Однако неясно, читал ли её Карл Вейерштрасс.

В статье Эрдмана подчёркивается, что на исследование в вариационном исчислении задач с угловыми точками его натолкнуло сочинение[13] Исаака Тодгентера (1822-1884), изданное в Лондоне в 1871 году, а Вейерштрасс в его статье нигде не упоминается. Причём для простейшей задачи вариационного исчисления в статье Эрдмана показывается, что ответом к задаче будет служить функция, склеенная из экстремалей с соблюдением непрерывности в угловых точках канонической переменной задачи и её гамильтониана (только гамильтониан там строится с

противоположным знаком). Далее разбираются некоторые примеры.

Мы заинтересовались, кто же это Г. Эрдманн? Удалось лишь выяснить, что, кроме этой «Берлинской» статьи, им опубликовано ещё три математические статьи [14]-[16], соответственно, в 1877 году, в 1878 году и в 1881 году, изданные в Лейпцигском сборнике «*Zeitschrift für Mathematik und Physik*». Все они относятся к вариационному исчислению, но в них уже ни слова не говорится о вариационных задачах с угловыми точками, а, наоборот, изучаются гладкие решения в таких задачах. И, опять же, имя автора обозначено лишь одной буквой «Г», хотя о нем указывается:

в [14] – что он учитель гимназии в Берлине (Gymnasiallehrer in Berlin),

в [15] – что он учитель гимназии в Кёнигсберге (Gymnasiallehrer in Königsberg)⁹,

в [16] – что он учитель гимназии в Инстербурге (Gymnasiallehrer in Insterburg)¹⁰.

После 1881 года имя этого автора исчезает из математических журналов. Так у нас и возник вопрос: «Кто Вы, Г. Эрдманн?».

Список литературы

1. Алексеев В.М., Тихомиров В.М., Фомин С.В. Оптимальное управление. Москва, Физматлит, 2007.
2. Демидович В.Б., Тихомиров В.М. Кафедра общих проблем управления: немного о прошлом и настоящем // Москва, Сборник «Математика в Московском университете на пороге XXI века (под редакцией С.С.Демидова, К.А.Рыбникова)», Центр прикладных исследований при механико-математическом факультете МГУ, 2005, С. 3-101.
3. Bernoulli J. Problema novum ad cujus solutionem mathematice invitatur // Lipsiae, Acta Eruditorum, 1696, Т. 6, С. 119-123.
4. Euler L. Methodus inveniendi lineas curvas proprietate maximi minimive gaudentes. Lausanne-Geneva, 1744.

⁹ Ныне город Калининград.

¹⁰ Ныне город Черняховск.

5. Lagrange J.L. Essai d'une nouvelle methode pour determiner les maxima et les minima des formules integrales indefinies // Torino, Miscellanea Taurinensia, 1762, T. 2, C. 335-362.
6. Euler L. Elementa calculi variationum // St. Petersburg, Novi Commentarii academiae scientiarum imperiales Petropolitanae, 1766, T. 10, C. 51-93.
7. Lagrange J.L. Theorie des fonctions analytiques. Paris, Imprimerie de la Republique, 1797.
8. Lagrange J.L. Mecanique analytique. Paris, Veuve Desaint, 1788.
9. Legendre A.-M. Memoire sur la maniere de distinguer les maxima des minima dans le calcul de variations // Paris, Histoire de l'Academie royale des sciences, 1786 (ed. 1788), C. 7-37.
10. Kneser A. Lehrbuch der Variationsrechnung. Braunschweig, Friedrich Vieweg und Sohn, 1900.
11. Weierstrass K. Mathematische Werke, Bd. 7: Vorlesungen uber Variationsrechnung (bearbeitet von Rudolf Rothe). Berlin-Leipzig, Akademische Verlagsgesellschaft, 1927.
12. Erdmann G. Uber unstetige Losungen in der Variationsrechnung // Berlin, Journal fur die reine und angewandte Mathematik, 1877, T. 82, C. 21-30.
13. Todhunter I. Researches in the calculus of variations, principally in the theory of discontinuous solutions. London-Cambridge, MacMillan, 1871.
14. Erdmann G. Untersuchung der hoheren Variationen einfacher Integrale // Leipzig, Zeitschrift fur Mathematik und Physik, 1877, T. 22, C. 324-331.
15. Erdmann G. Zur Untersuchung der zweiten Variation einfacher Integrale // Leipzig, Zeitschrift fur Mathematik und Physik, 1878, T. 23, C. 362-379.
16. Erdmann G. Uber die Variationen n -ter Ordnung // Leipzig, Zeitschrift fur Mathematik und Physik, 1881, T. 26, C. 73-97.

Габриэль Меерзон

Учителя, коллеги, друзья

От автора

Цель настоящих заметок – рассказать о людях, с которыми сталкивался автор почти за 60 лет работы в Храме Науки, который зовётся ФИАН, а если более пространно, – Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской Академии наук. На этом пути нам посчастливилось встретиться с замечательными учёными, яркими интересными людьми. Хотелось бы, чтобы память о них, как и о времени, когда они жили и творили, не канула в Лету.

Евгений Львович Фейнберг

Автор не стремился дать исчерпывающую характеристику научной деятельности своих учителей,

коллег, друзей. Скорее, здесь намечены лишь отдельные штрихи к их портретам. Конечно, эти воспоминания окрашены личным восприятием автора, его вкусами и пристрастиями, переплетены с его собственной судьбой. Но может ли быть иначе? Как это знают физики, суть явлений порой невозможно понять без упоминания о «наблюдателе».

Автор признателен В.М. Березанской, Ю.М. Бруку, К.В. Коваленко, А.М. Леонтовичу и И.И. Ройз за помощь в работе и полезные советы.

«ДОБРОЕ ЛИЦО ДВАДЦАТОГО ВЕКА»

*Уходят люди... Их не вернуть,
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
Об этой невозвратности кричать*
Е. Евтушенко

Недавно в мои руки попала книга журналиста Дмитрия Шевырова «Освещенные солнцем. Добрые лица двадцатого века». Книгу составили очерки-портреты самых разных людей, известных и малоизвестных. Их объединяет одно – совершённые ими добрые дела. Журналист не был знаком с выдающимся учёным-физиком академиком Евгением Львовичем Фейнбергом, возможно, даже не знал его имени. Но к нему, как нельзя лучше, подходят слова, вынесенные в заголовок книги. И хотя Евгений Львович умер в 2005-м году, он, конечно же, был «добрым лицом» века минувшего. Лицом, не только «освещенным солнцем», но излучавшим мягкий и добрый свет.

Евгений Львович родился в 1914 г. в Баку. В городе тогда преобладало армянское население. Он помнил погром азербайджанцев, совершенный армянами в 1918 г. (было и такое!), когда его отец прятал в подвале азербайджанскую семью. В дом уважаемого всеми соседями врача погромщики войти не решились. Видимо, высокие нравственные и демократические традиции, отличавшие Евгения Львовича, были заложены в нём семейным воспитанием. Он принадлежал к числу тех немногих людей,

которые с равным уважением и достоинством способны вести разговор и с королём, и с пастухом.

...В 1949 г., нам, студентам четвертого курса инженерно-физического факультета Московского механического института (так назывался тогда ныне широко известный МИФИ), Евгений Львович читал курс квантовой механики. На лекциях он всегда появлялся в безукоризненном коричневом костюме и в галстуке, что было несколько необычным в послевоенные годы, когда небрежность в одежде считалась своеобразной модой. Лектором Евгений Львович был превосходным – с четкой, отточенной манерой изложения. Конспекты его лекций практически без редактирования могли служить учебником по квантовой механике. Он обладал блестящими гуманитарными способностями: даром слова, богатым образным языком, был превосходным рассказчиком. Замечу, что слушать его всегда было интересно, говорил ли он о науке, искусстве или произносил заздравный тост.

Придя в 1952 г. в Физический институт им. П.Н. Лебедева Академии наук (ФИАН), я иногда слушал его выступления на научных семинарах Теоретического отдела или Лаборатории космических лучей. В те годы Евгений Львович и его ученики развивали теорию фэйр-боллов («огненных шаров») – нагретых до высочайших температур сгустков ядерной материи, которые возникали при лобовом столкновении атомных ядер сверхвысокой энергии. Модель фэйр-боллов позволяла теоретически описать множественное рождение продуктов таких соударений и неплохо согласовалась с экспериментальными данными.

В то время я мало соприкасался с Евгением Львовичем. Нашему более тесному знакомству способствовало следующее обстоятельство. Евгений Львович, будучи прекрасным ученым, оказался плохим водителем своего автомобиля. Он совершил какое-то серьезное правонарушение, и ему грозили нешуточные неприятности. Один из его учеников, И.И. Ройзен, зная, что мой близкий друг Л.А. Соя-Серко служит по прокурорской части, попросил меня помочь проконсультировать Евгения

Львовича в его беде. Вскоре последний был приглашен в Научный институт Прокуратуры СССР, занимавшийся проблемами изучения и предупреждения преступности. Там Евгений Львович настолько расположил к себе своих консультантов, что они охотно помогли ему быстро уладить все дела.

Дальнейшее наше сближение произошло в 1990 году. В то время жена Евгения Львовича, известный музыковед Валентина Джозефовна Конен, тяжело болела. Поскольку прилавки продовольственных магазинов тогда были пусты, то приобретение продуктов для семьи стало для Евгения Львовича трудной задачей. Я же каждое утро бегал на детскую молочную кухню, где получал питание для своего грудного внука. Поскольку к концу раздачи часть продуктов оставалась невостребованной, можно было сверх нормы разжиться молоком, кефиром и детским творожком. Узнав о трудностях Евгения Львовича, я предложил попутно «снабжать» его молочными продуктами из детской кухни, тем более что географически наши дома, кухня и ФИАН находились недалеко друг от друга.

Так, почти ежедневно по утрам я стал заходить к Евгению Львовичу и ближе познакомился с ним и его семьей. Я узнал, что родители Валентины Джозефовны добровольно приехали в 1930 годы из США в СССР, чтобы принять участие в строительстве социализма в нашей стране, и... жестоко заплатились за это стремление, попав в сталинские лагеря. Евгений Львович с улыбкой рассказывал о том, как друзья его будущей жены уговаривали её не выходить за него замуж. Они считали, что он скоро умрёт, поскольку болел в то время туберкулезом легких. Не обладавший от природы крепким здоровьем, Евгений Львович всю жизнь непрестанно тренировался. Где бы он ни находился: дома ли, в дороге, на отдыхе или на больничной койке – он находил время и для утренней гимнастики, и для прогулки на воздухе. По-видимому, именно благодаря своему мужественному характеру и здоровому образу жизни, Евгений Львович прожил столь долгую и удивительно плодотворную жизнь.

Встречи с Евгением Львовичем становились все более частыми, продолжительными и душевными. Мы иногда подолгу гуляли, и я с нескрываемым интересом слушал его рассказы о ФИАН, о Сергее Ивановиче Вавилове и других физиках, об их работе во время Великой Отечественной войны. Самому Евгению Львовичу пришлось в то время заниматься двумя крайне актуальными проблемами: повышением чувствительности распознавания акустических сигналов для пеленгации вражеских подводных лодок на фоне естественных шумов моря и распространением радиоволн вдоль земной поверхности, что было важно для радиолокации. Обе задачи были успешно решены, что внесло свой вклад в победу над врагом.

Е.Л. Фейнберг в кругу семьи

Евгения Львовича как глубоко и широко мыслящего ученого всегда волновали вопросы взаимоотношения науки и общества, в частности, науки и искусства, науки и философии. В 1965 г. в литературном журнале «Новый мир» появилась его статья «Обыкновенное и необыкновенное. Заметки о развитии современной науки». Эта статья произвела на меня столь сильное впечатление, что я вырезал ее из журнала и храню по сей день.

В статье доказывалось, что развитие науки, по крайней мере, со времен средневековья, происходило по экспоненциальному закону с периодом удвоения знаний

порядка 30 лет, т. е. за время смены одного поколения. Однако лишь в наши дни в науке накопились столь значительные количественные изменения, что они стали очевидны для всего общества и породили невиданный авторитет науки и веру в ее всемогущество. Наука как бы возвысилась над другими сторонами человеческой деятельности. Стали «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...». В серии последующих статей на эти темы в журналах «Вопросы философии» и, в особенности, в книгах «Кибернетика, логика, искусство» (1981 г.) и «Две культуры» (1992 г.) Евгений Львович доказывал, что интуитивное (внелогическое) знание выступает в облики искусства на равных с логическим (научным) знанием и столь же необходимо человечеству. Такие статьи и книги возбудили интерес широкого круга читателей и оказали заметное влияние на их (и мое) мировоззрение. В этих публикациях Евгений Львович предстал перед нами как ученый-энциклопедист. Его литературно-философские труды заслуживают отдельного углубленного анализа и еще ждут своего исследователя.

Лет десять назад в Москву из глубинки, небольшого городка Нолинска, районного центра Кировской области, приехал мой старинный друг Виктор Путинцев, прекрасный педагог, литератор, художник, краевед, спортсмен – словом, человек, наделенный бездной разнообразных талантов. Им была задумана книга, посвященная понятию «прекрасного», и он считал, что открыл семь определяющих это понятие законов. Особенно его вдохновляло магическое число семь. Виктор нуждался в мудром и добром совете, и я попросил разрешения Евгения Львовича привести друга к нему. Состоялась долгая и доброжелательная беседа, которая помогла Виктору найти разумный, взвешенный подход к своей работе.

В середине 1990 годов по совету своего давнего друга, одного из создателей Дубненского синхрофазотрона Игоря Иссинского, я обратился к Евгению Львовичу с просьбой рассказать об истории разработки принципа автофазировки релятивистских заряженных частиц, на котором основано действие современных ускорителей

высокой энергии. В ответ Евгений Львович описал следующие драматические подробности этого замечательного открытия.

– «В начале 1944 г. мой коллега Владимир Иосифович Векслер познакомил меня со своей идеей автофазировки частиц в ускорителе путём контролируемого изменения частоты ускоряющего электрического поля. Однако я заметил, что претворить в жизнь эту идею можно лишь в случае устойчивости движения пучка ускоренных частиц, т. е. если пучок не будет рассыпаться. В.И. Векслер предложил мне подумать на эту тему. Я просидел вечер за расчётами и наутро принес ему результат: движение, действительно, может быть устойчивым! Вскоре в журнале "Доклады Академии наук СССР" (т. XLIII, № 8, стр. 346, 1944) появилась публикация В.И. Векслера о принципе автофазировки. Ссылки на мое участие ни в этой, ни в последующей статье не было*.

В то же время в первой приоритетной публикации вопросу устойчивости движения частиц придавалось первостепенное значение. "Необходимо отметить, – писал В.И. Векслер, – крайне важную особенность, которой будет обладать всякий резонансный ускоритель, использующий постоянство приращения времени оборота для ускорения частиц. ...Если амплитуда поля V больше, чем резонансная, то частицы сами собой фазируются в точке резонанса $V = V_R$, т. е. резонанс является устойчивым(!)".».

Чувствовалось, что события полувековой давности взволновали Евгения Львовича. – «У меня сложное отношение к В.И. Векслеру, – продолжал он. – С одной стороны, я благодарен ему за то, что после аспирантуры меня не послали, как это ранее предполагалось, в Ярославский пединститут, а оставили в ФИАН, на чем настоял именно В.И. Векслер, который был тогда

* В третьей статье, посвященной принципу автофазировки и опубликованной в *Journal of Physics of the USSR*, vol. 9, no. 3, pp. 153-159 (1945), В.И. Векслер все же выразил благодарность Е.Л. Фейнбергу «за подробные обсуждения и полезные предложения».

секретарем нашего партийного комитета. Но с другой стороны...».

Как рассказывала Л.Л. Зиновьева, которая беседовала с Евгением Львовичем на ту же тему, на её вопрос, почему же он не настоял на своём соавторстве, последовал такой неожиданный ответ:

– Я решил, что если чего-то стою, то докажу это и без Векслера, а если не стою, то и Векслер мне не поможет!

Своей плодотворной научной деятельностью, за которую он был удостоен академического звания, Евгений Львович доказал правоту этих слов.

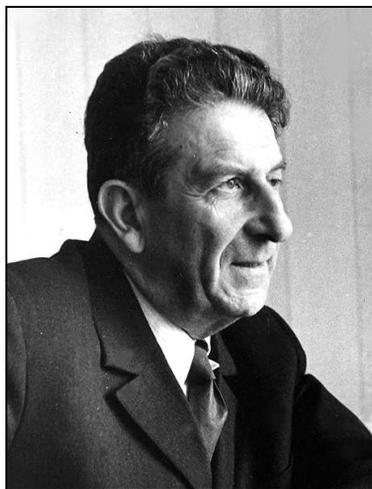
В марте 2003 г. мы с Евгением Львовичем одновременно лечились в больнице Академии наук в Ясенево. К тому времени он уже закончил книгу «Эпоха и личность (физики)» и готовил второе издание книги «Две культуры». Даже в больнице он регулярно и подолгу работал, отвлекаясь лишь на больничные процедуры и прогулки. Мы почти ежедневно гуляли с ним по территории больницы, коротая время в разговорах. Впрочем, говорил по большей части Евгений Львович, а я внимательно и с интересом его слушал. Он часто касался занимавшей его темы: а именно, отношения великого немецкого физика Вернера Гейзенберга и его коллег к их работе по урановому проекту в годы Второй мировой войны, проекту, который в случае успеха дал бы Гитлеру ядерное оружие. Евгений Львович приводил примеры, когда энтузиазм ученых позволял преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия и достигать желаемого результата. То, что немецкие физики отказались от попыток создания атомной бомбы, считая их бесплодными, свидетельствовало, по мнению Евгения Львовича, о нежелании заниматься подобной работой в интересах гитлеровской военной машины. Он рассказал и о письме, полученном им от известного немецкого физика-теоретика К.-Ф. фон Вайцзеккера, в котором последний удивлялся, как точно уловил Евгений Львович психологию немецких ученых – участников уранового проекта.

После выхода книги в свет Евгений Львович подарил мне ее экземпляр с теплой надписью на титульном листе.

Книгу я прочитал залпом и долго размышлял о судьбах ее героев. О многих из них я знал и ранее, но биографии академиков Л.И. Мандельштама и А.Л. Минца почти совсем не были мне известны. Оба были описаны настолько рельефно и художественно, что возникло впечатление, будто их жизнь прошла на моих глазах. Особенно удачен, на мой взгляд, литературный портрет легендарного Александра Львовича Минца. Его я видел лишь однажды при посещении Радиотехнического института Академии наук, где он демонстрировал действующую модель компактного протонного ускорителя с жесткой фокусировкой на основе сверхпроводящих магнитов и где над дверью Первого (секретного) отдела посетителей встречал плакат:

*Храни надежно документы,
за ними рыскают агенты!*

После того, как я прочел эту книгу, А.Л. Минц, который был другом семьи Евгения Львовича, стал близок и мне.

Евгений Львович, несомненно, был добрым, но отнюдь не «добреньким» и всепрощающим человеком, поскольку имел твердые нравственные принципы. Так, узнав в последний год своей жизни о неблагоприятном поведении одного из своих ближайших учеников, он твердо

заявил, что наилучшим выходом для того было бы покинуть родной институт.

Как уже говорилось, Евгений Львович никогда не был оторванным от жизни узким физиком-теоретиком.

В последние годы жизни, используя свой авторитет академика, он действительно помогал оснащению нашей лаборатории современной автоматизированной экспериментальной техникой, которая могла помочь зарегистрировать сигналы кварк-глюонной плазмы в исследованиях центральных ядро-ядерных взаимодействий при сверхвысоких плотностях энергии. Эти работы как бы продолжали его прежние исследования по множественному рождению частиц и физике файр-боллов.

Он был эталоном настоящего российского интеллигента. Прекрасно знал литературу, музыку, живопись. Умел заразительно смеяться, радоваться успехам своих учеников. Тревожился за судьбу дочери, чисто по-детски восхищался способностью компьютера мгновенно выполнять сложные операции с числами и текстами.

Самое горькое свойство жизни – ее бренность. Евгения Львовича уже нет с нами. Как нам не хватает его улыбки, его понимающего взгляда, его мудрого совета. Утрата эта невозполнима, и мы всегда будем её ощущать. Мы должны оставаться достойными его памяти.

Виктор Гопман

Яркая заплата

Eesti Raamat: Издательство и вокруг

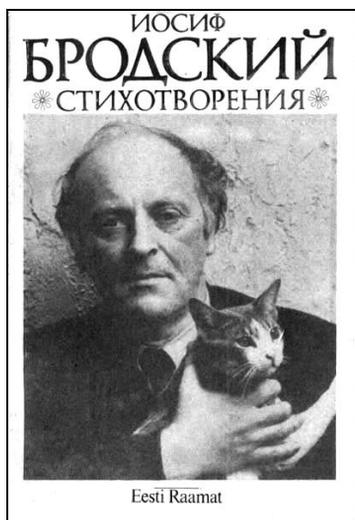

Если у читателя нет принципиальных или обоснованных возражений, то я, пожалуй, построю наш разговор вокруг издательства "Ээсти раамат"ы («Эстонская книга» – издательство, основанное в 1964 г. Общественно-политическая, художественная, искусствоведческая и детская литература). Хотелось бы при этом надеяться, что нижеследующий текст содержит достаточно убедительную аргументацию в пользу такого выбора.

С момента своего основания, то есть с 1964 года, адресом издательства является город Таллинн, который на определенном этапе новейшей истории стал писаться с двумя "н" на конце, что вроде бы противоречило орфографическим нормам русского языка – зато отвечало требованиям высокой политики. Кстати, аналогичным образом Берег Слоновой Кости в 1968 году стал в обязательном и официальном порядке именоваться "Республика Кот-д'Ивуар", и в этой связи один мой знакомый африканист сказал (в том же 1968 году, по горячим следам), что неплохо бы, коли и другая сторона, на основе взаимности, начала бы теперь писать в официальных документах "Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik": дескать, авось при таком подходе они немного призадумаются – особенно над третьим словом.

Но к черту высокую, равно как и повседневную политику. Ведь мы – о литературе. Итак, в 1991 году "Ээсти раамат" выпускает книгу стихотворений Иосифа Бродского, в мягком переплете, на первой странице обложки известный фотопортрет поэта с кошкой в обнимку. В том же году

произошли еще два немаловажных события новейшей истории – провалился августовский путч и развалился Советский Союз. Таким образом, сложилась новая политическая реальность, которая со всей очевидностью подчеркнута уже на обложке книги, где название издательства исполнено не кириллицей, а вовсе даже латиницей ("Eesti Raamat") – на национальном языке места издания.

Книжка эта мне особенно дорога по ряду причин, о которых мы сейчас и поговорим. Прежде всего, это был первый купленный мною сборник Бродского, ставший на некоторое время единственным источником текстов поэта; немедленно выяснилось, что кое-что известное мне со слуха или по машинописным копиям содержало неизбежные неточности, и пришлось производить внутреннюю текстологическую работу – вещь сама по себе бесполезная. Потом я приобрел более полное издание, но эта книжка оставалась на полке – как бы по праву первородства. Когда же пришло время упаковывать вещички для перевозки в Израиль, то в багаж пошло то, полное, а эту книжку я буквально в последнюю минуту сунул во внешний карман сумки – так, наудачу, потому что по

предварительным прикидкам было ясно: у нас и без того перевес. Ладно, решил я, в случае чего отдам провожающим. Но наш отъезд проходил в каких-то сверхблагоприятных условиях, и на четыре лишних килограмма шереметьевская девица не обратила внимания. Таким образом, это эстонское издание еврейского поэта, гражданина США, оказалось на Земле Израиля. И вот когда в один прекрасный день, после беготни по всяким делам (оказавшейся, как довелось уяснить спустя не столь уж и продолжительное время, лишь цветочками на усыпанных ягодами колючих кустах израильской государственной бюрократии) – так вот, когда вечером этого дня я присел передохнуть и взял в руки эту книгу, то она как бы сама открылась на 38 странице. Хотите – верьте, а впрочем, можете и не верить, но дело обстояло именно так. И я прочел следующие строки:

Воротишься на родину. Ну, что ж,
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
Кому теперь в друзья ты попадешь...

Так что толкуйте мне о символике, свойственной каббале, – учению, которое весильно, потому что оно верно.

А теперь вернемся ненадолго в Москву. В самом начале улицы Кирова, рядом с двухэтажным "Книжным миром", что выходит окнами на Лубянку, располагался крошечный, как бы полуподвальный магазинчик, торговавший книгами, изданными в союзных республиках. Там можно было купить самые неожиданные издания – например, маленькие сборники стихов, изданные в Прибалтике. И издательством "Лиесма", и издательством "Ээсти раамат". Названия издательств, правда, были напечатаны – как на обложке, так и на титульном листе, – кириллицей, то есть на языке оккупантов. Зато далее, внутри, – почти полная свобода. В самых разных смыслах, включая и преобладание свободного стиха, более известного русскоязычному читателю под французским названием "верлибр". Что вообще-то не есть самый главный и определяющий признак раскованности и независимости, ибо, как справедливо заметил Олжас Сулейменов, "стих

может быть и не верлибром, // поэзия была б свободной". (Кстати, в том же полуподвальчике куплен и его сборник "От января до апреля" алма-атинского издательства "Жазушы" (1989 г., тираж 70 тысяч), как сказано в аннотации, "самая полная книга автора, охватывающая его творчество за тридцать лет").

А впрочем... впрочем, верлибр – это приятно, особенно на общем фоне советской поэзии тех времен (напомним: давно уже, в октябре 1964 года, наступил конец хрущевской оттепели). "Девушки ткут голосами // звонкую пряжу..." (это – Арво Метс, сборник 1970 года). Или: "Вечерами царапает кожу // голубая птица тумана..." (это – Аркадий Канькин, изданный двумя годами раньше). Или: "Раннею алою зорькой // Мы отплывали от берега, // Яркое алел шиповник, // И хохотали русалки. // Море было зеленое, // Глаза у русалок – синие..." (это – Пауль Эрик Руммо, середина 60-х). Кстати, все эти поэтические сборники роднит и фамилия редактора: Г. Скульский – "бывший космополит, ветеран эстонской литературы" (так его определяет Довлатов, который себя в той же книге – "Ремесло" – называет с веселой издевкой "бывшим журналистом партийной газеты").

То есть, тогда, в те годы, такая поэзия была приятной (в смысле: пустяк, а вот поди ж ты...). Более того, часть этих маленьких книжечек я даже привез сюда, в Израиль. Хотя, если честно сказать, то скорее по инерции. Ведь не перечитывать же их, в самом-то деле. Перечитываешь теперь того же Довлатова, все больше и больше соглашаясь с ним. Вот, к примеру, пишет он (пусть и не про вышеназванных авторов, но все равно в масть): "Видел я книгу его стихов. То ли "Гипотенуза добра", то ли "Биссектриса сердца". Что-то в этом роде. Белые стихи. А может быть, и нет. Например, такие: "Мы рядом шли, как две слезы, // И не могли соединиться..."

А ведь в первой половине шестидесятых уже написан "Рождественский романс" (с детальнейшей датировкой: "1961, декабрь, 28-е" – такая точность, кстати, не всегда характерна для Бродского): "И от любви до невеселья // под Новый год, под воскресенье, // плывет

красотка записная, // своей тоски не объясняя..." И в следующем году: "Два всадника скачут над бледной рекой, // два всадника скачут: тоска и покой". И в том же, шестьдесят втором: "Ни страны, ни погоста..." В 1963 – "Исаак и Авраам", акедат Ицхак (то есть, жертвоприношение Ицхака), вещь, достойная быть включенной в любую антологию еврейской поэзии, сколь бы строгим и придирчивым ни был ее составитель. Год 1964: "В деревне Бог живет не по углам..." А 8 сентября 1965 года написана та штука, которая никак не слабее Гетевского "Фауста": "Однако человек, майн либе геррен, // настолько в сильных чувствах не уверен, // что поминутно лжет, как сивый мерин..."

Но, к стыду своему, я этих стихов тогда знать не знал. Хотя и числил себя в составе армии рядовых любителей (не производителей, хочу подчеркнуть!) поэзии – из числа тех, кто штурмовали Политехнический (два вида мероприятий в Москве тех дней проводились под охраной конной милиции: вечера поэзии в Политехническом музее и ключевые футбольные матчи в Лужниках), заполняли зал Чайковского и Театр эстрады (основные места проведения поэтических мероприятий, расположенные практически дверь в дверь, на площади Маяковского), а также составляли основу толпы, собиравшейся вокруг памятника Маяковскому в воскресные вечера, где всюду читались стихи – как свои, так и чужие.

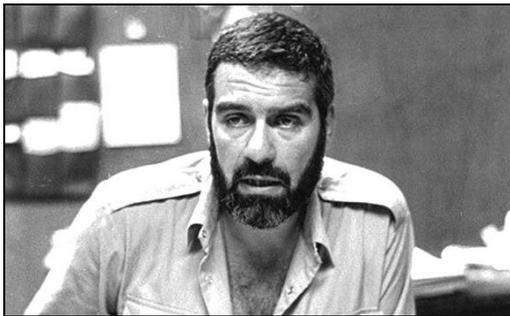
Мы даже ухитрились проникать в такие места, куда доступ посторонним был запрещен по определению. Пример? Пожалуйста. В 1965 в Центральном доме литераторов прошел вечер Велимира Хлебникова – к 80-летию со дня рождения. Впервые за много десятилетий это имя было упомянуто уже не шепотом, пусть и еще только вполголоса! Узнав об этом совершенно случайно, мы (четверо нас было, ребяташек) решили рискнуть. И пошли, что называется, на протырку. Нам совершенно по-дурацки повезло – сидевшая у входа бабка отвлеклась на секунду, и мы просочились в помещение. Но только начали скидывать пальтишки, как нас засекли. И подходит к нам некий человек достойного вида: рыжеватые усы, тронутые

седой, коричневый, в тоненькую полоску, костюм. И говорит нам: "Так, ребята! А что это вы здесь делаете?" И, не дождавшись нашего ответа, добавляет: "Я сегодня дежурный по ЦДЛ..." Ну, пусть и нескромно звучит, но первым из нашей четверки узнал его я. И говорю: "Добрый вечер, Борис Абрамович. А нам тоже хотелось бы... Послушать... Такой вечер, вы же понимаете..." Слуцкий внимательно оглядел нас (причем выражение лица заметно смягчилось: ведь признали его, и по имени-отчеству именуют, а прямо скажем, он не был из числа повсюду тогда узнаваемых ораторов Политехнического) и сказал: "Ладно. Но чтобы было тихо!" Мы заверили его в отсутствии каких бы то ни было скандальных намерений, горячо поблагодарили и смиренно отправились в малый зал, где и притаились, как мышата, в последнем ряду.

Но Хлебников – это было в разовом порядке. А в массовом – как уже было сказано, я следовал массовым вкусам и пристрастиям. Сейчас, став много старше и существенно обогатив с тех пор свой поэтический багаж, я не отвергаю без разбора все пристрастия давних времен (Вознесенский, например: он как стоял, так и стоит на моей сильно прополотой и прореженной книжной полке), но все же повторяю, раз за разом, раз за разом: "Когда на память мне неволью // Придет внушенный ими стих, // Я так и вспыхну, сердцу больно: // Мне стыдно идолов моих"... Не стану сейчас называть имена былых кумиров, которые сегодня я не в состоянии вспоминать без чувства, как минимум, смущения – вот только грусть-тоска охватывает, как подумаешь, что километры строк этих авторов засели в памяти с юных дней и лежат там бесполезным грузом.

Но при всем при том... При все при том – прав Довлатов: "Вообще обстановка была тогда сравнительно либеральной. В Прибалтике – особенно". И уж тем более в Таллинне, который Довлатов называет "наименее советским городом Прибалтики". Там он провел не худшие годы своей жизни. И там он надеялся выпустить свою первую книгу. Но пусть сам Довлатов рассказывает, чем это кончилось: "В сентябре 1973 года я представил в издательство "Ээсти раамат" сборник под общим названием "Городские

рассказы". Книга была положительно отрецензирована, со мной заключили договор. К началу 1975 года она прошла все инстанции, была набрана и одобрена в ЦК КПЭ." Прервем цитату для того, чтобы пояснить пребывающим в счастливом неведении молодым читателям смысл этой аббревиатуры: "Центральный комитет Коммунистической партии Эстонии". А также разъяснить, что компартия на любом уровне, в том числе и на уровне Эстонской Советской Социалистической Республики, была "руководящей и направляющей силой" – это если цитировать партийные документы. А попросту говоря, единоличным и никому неподвластным хозяином на контролируемой ею территории. Любое неповиновение рассматривалось однозначно и беспощадно каралось – для чего и существовали "солдаты партии", они же офицеры органов государственной безопасности. Продолжим цитату: "Трудно выразить, как много значит для начинающего автора первая книга. Ведь я ждал ее более десяти лет. И вот книга запрещена..."

Думаю, что без особого труда можно представить себе нынешнюю судьбу майора КГБ Никитина, который вел тогда дело Довлатова. Но вот где сейчас те патриоты, те активисты позорного судилища, устроенного как очно, в редакции "Советской Эстонии" (то есть, по месту его работы), так и заочно, в соответствующих инстанциях (от партийного ЦК и ниже)? Не удивлюсь, узнав, что некоторые из них занимают теперь неплохие идеологические посты в новой Эстонии. Может, даже высказываясь (скромно, но с

достоинством) в том смысле, что именно они первыми обратили внимание на выдающийся талант этого автора, который, кстати, и развивался на эстонской почве, именно они первыми предложили – да чего там, настояли! – на том, чтобы молодой автор издал именно в Эстонии свою первую книгу, и что не их вина, а наша общая беда в том, что реакционеры всяческих мастей не дали этой книге выйти в свет. Одним словом, времена были такими, и вообще: если смотреть глубоко и говорить по большому счету, то мы лично ни в чем не виноваты, нас так учили... Читатель, узнавший в последней фразе скрытую цитату из "Дракона", самостоятельно может воспроизвести ответную реплику Шварца-Ланцелота: "Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?"

В 1975 году Довлатов возвращается в родной Ленинград, а в 1978 году эмигрирует в США. "Двенадцать лет его второй жизни, на Западе, – писал Лев Лосев, – это взрыв литературной известности". Одна за другой начинают выходить его книги. Между тем, времена меняются, и вот настает черед российских публикаций. Хотя, строго говоря, началось все не с России: первым Довлатова на бывшей родине опубликовал эстонский (русскоязычный – везде, оказывается, существует такое замечательное словечко) журнал "Радуга". В 1988 году. По инициативе Михаила Веллера, который заведовал там отделом русской литературы (хотя сам Веллер утверждает: "нет, идея была не моя, ее родили редакционные дамы, а я так, сбоку сидел"). Потом пошли публикации в "Иностранной литературе", формально Довлатов числился тогда американским писателем, потом в питерской "Звезде", московском "Октябре", сверхмноготиражной общесоюзной "Литературной газете" (источник всей этой информации, равно как и прямых цитат из Веллера, – его литературно-эмигрантский роман "Ножик Сережи Довлатова").

До этих официальных публикаций мне не доводилось читать Довлатова. Могу только повторить сказанное выше, по поводу запоздалого знакомства со стихами Бродского, – к стыду своему. Год 1991, завершившийся распадом Советского Союза, начинался

книгами Довлатова. Московское независимое издательство ПИК выпускает под одной обложкой "Зону", "Компромисс" и "Заповедник", отмечая при этом на последней странице обложки, что "ПИК – первое отечественное издательство, пригласившее Довлатова к сотрудничеству и при жизни автора заключившее договор на публикацию его произведений". "Московский рабочий" издает сборник "Чемодан"; на обложке портрет автора работы Иосифа Бродского. В издательской аннотации также пишется, что это "первая книга Сергея Довлатова, изданная на родине". И Ленинградское отделение издательства "Советский писатель" выпускает тот же "Чемодан" в серии "Новинки года". И советско-британское совместное предприятие "Слово" печатает "Филиал" и "Иностранку". Тиражи: ПИК и СП – 100 тысяч, МР – 50 тысяч, "Слово" – 10 тысяч. Сравнивая же даты производственного цикла, невольно вспоминаешь о таком спортивном понятии, как фотофиниш. "Сдано в набор": "Слово" – 17.07.90, ПИК – 10.10.90, МР – 30.10.90, СП – 21.11.90; "Подписано к печати": "Слово" – 02.12.90, СП – 08.02.91, ПИК – 25.02.91, МР – 14.05.91.

Ясно, что приведенные цифры списаны мною с этих книжек, которые историк литературы назовет "советскими первоизданиями Довлатова". Хотя все вещи, разумеется, были потом включены в «Собрание прозы» в трех томах, я не ограничился трехтомником и, несмотря на то, что вес дозволенного к перевозке багажа был не столь значительным, привез из Москвы и эти первоиздания. Теперь они стоят рядышком на моей книжной полке, здесь, в иерусалимской квартире. И в их числе вот этот сборник лучших его рассказов – на титульном листе так и обозначено: "Рассказы" (московское издательство Renaissance, 1991), прекрасно, строго и достойно изданный том, в твердом коричневом переплете, с золотым тиснением; в послесловии Фазиль Искандер определяет читателей Довлатова как "любителей несуетной литературы". Туда вошли и мои любимые "Представление" и "В гору". И рассказ "По прямой", опубликованный в престижнейшем американском журнале, по поводу чего Курт Воннегут писал Довлатову: "Я вас тоже люблю, но вы разбили мое

сердце. Я родился в этой стране, бесстрашно служил ей во время войны, и, тем не менее, мне ни разу не удалось продать свой рассказ журналу "Нью-Йоркер"... Я вас поздравляю с прекрасным рассказом и поздравляю "Нью-Йоркер" с тем, что они напечатали по-настоящему глубокое и общезначимое произведение..."

Про эту книгу Довлатов писал Игорю Ефимову (письмо от 19 января 1989 г.): "Я готовлю сейчас сборник, как бы избранное за 20 лет, но это я попытаюсь выпустить года через два, к пятидесяти годам, если доживу, а если не доживу, тем более".

24 августа 1990 года Сергей Довлатов умер в Нью-Йорке, не дожив года до своего пятидесятилетия и не издав ни одной книги на родине. Первая его книга была подготовлена к печати, как уже было сказано, в "Эсти раамат", и там же было принято решение рассыпать набор – правда, по прямому указанию партийных и прочих органов. С журнальными публикациями дела обстояли не лучше. Вот, например, история о том, как Довлатов попытался напечатать "Зону" в ленинградском журнале "Нева". История рассказывается тем же Михаилом Веллером, который был тогда практикантом в отделе прозы этого журнала. Редактор отдела, Самуил Лурье, дал Веллеру рукопись на рецензию, со словами: "Обижать человека не надо, хороший парень, я его знаю, в общем, все равно это не литература... отметьте достоинства, недостатки, посетуйте, что "Нева" не может это опубликовать. И обязательно пожелайте творческих успехов автору. Страниц пять, больше не нужно". Продолжаем цитировать Веллера: "Таким образом, "Зона" не произвела на меня впечатления литературы. К моему облегчению, не пришлось даже кривить душой". Рецензия была написана, и рецензент получил гонорар – в сумме "тридцати рублей – именно и ровно". Символическая цифра, не так ли?

Жизнь, однако, причудливее любого романа, и первая публикация Довлатова на еще советском пространстве – как описано выше – также оказалась связанной с именем Веллера. А потом "Довлатова стали печатать в Союзе все наперебой" – также см. выше. А потом

Веллер, произведя переоценку творческой значимости Довлатова, обратился со своими сомнениями к тому же Лурье. Цитируем дальше, из того же источника: "Господи, да конечно все это полная..., – радостно сказал Лурье. – Ну, сделали имя, играют в эти игры, сами, понимаете, в это нисколько не верят, а если кто и верит – так это уже просто полные... Мы-то с вами понимаем, что никакая это не литература – разная, понимаете, ... о своей жизни, так кто из нас не может бесконечно писать такие истории".

Напомним и уточним, что Самуил Лурье, которого цитирует Веллер (с необходимыми отточьями на месте слов и выражений, традиционно относимых к категории ненормативной лексики – это (по словам того же Веллера) "старинный друг Довлатова", почти всю жизнь проработавший в отделе прозы журнала "Нева", член союза писателей и союза журналистов Санкт-Петербурга, действительный член Академии русской современной словесности (Москва).

Рискуя вызвать обвинения в злоупотреблении цитатами, приведу все же еще одну, достаточно пространную: просьба к читателю прочесть ее внимательно. "Сережа был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы, на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта – большая редкость. Собеседник начинает чувствовать, что у него – каша во рту, и так это на деле и оказывается". Иосиф Бродский, написавший эти строки, пожалуй, лучше всех наших современников знал, что такое стиль, что означает ритм фразы, да и вообще как надо писать – и стихи, и прозу, и публицистические произведения разных жанров, включая такой редчайший, как текст Нобелевской лекции.

Что еще, в этой связи и по этому поводу, хочется мне сказать? А вот что. На моих сильно поредевших с московских времен книжных полках имеется некоторое количество книг, которые я перечитываю достаточно

регулярно. В этот список я давно уже включил Довлатова – и пусть я буду, согласно определению академика российской словесности С.Лурье, ни кто иной, как "полный ...". Ничего, переживу. Позволю тут себе исторический анекдот (в старом смысле этого слова – "но дней минувших анекдоты..."): Малиновский, советский министр обороны с 1957 года, ввел определенные послабления для офицеров, дозволив им носить летом рубашки без галстука, туфли и все такое. А пришедший ему на смену в 1967 году Гречко снова закрутил гайки и велел, чтобы летом офицерский корпус шеголял в сапогах и при портупее. В этой связи глотнувшие воли офицеры говаривали: "Ничего! Пережили кукурузу (то есть, вмешательство Хрущева в армейские дела) – переживем и гречку!"

Наш разговор вокруг издательства "Ээсти раамат" вроде бы подошел к концу, и теперь из Ээсти Вабарийк, то есть из Эстонской Республики, перенесемся в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Точнее, в его столицу – город Лондон. А еще точнее – в административный округ Лондона Вестминстер, где расположено Вестминстерское аббатство – усыпальница не только английских королей и государственных деятелей, но и людей, составивших подлинную славу страны. Их имена известны всем и каждому еще со школьной скамьи: Уильям Шекспир и Джефри Чосер, Исаак Ньютон и Чарльз Дарвин, Чарльз Диккенс и Редьярд Киплинг... И на общем фоне этих солидных мемориальных досок, этого мрамора, потемневшего от времени и тем самым приобретшего еще более внушительный вид, бросается в глаза светлый прямоугольник, с новехонькой надписью: "Jane Austen, 1775-1817".

Джейн Остин, чья первая книга в русском переводе вышла аккурат два века спустя после рождения писательницы и мгновенно завоевала популярность, вполне сравнимую с той, которую ее романы обрели на родине, а потом и в Европе. Но ведь и там это произошло более чем через сто лет после смерти автора. Умерла Остин, когда ей было 42 года, от неизвестной и мучительной болезни. При

жизни она опубликовала всего четыре книги (в период с 1811 г. по 1816 г.), и было бы сильным преувеличением сказать, что эти романы встретили восторженный прием читающей публики, хотя и удостоились высокой оценки таких ее современников, как Ричард Бринсли Шеридан, автор язвительнейшей "Школы злословия", и сэр Вальтер Скотт. Подлинное признание пришло к Остин в тридцатые годы XX века, когда она была провозглашена провозвестницей "нового романа нашего столетия". С тех пор и по сегодняшний день ее книги регулярно переиздаются, инсценируются и экранизируются (сценарий по ее лучшему роману – "Гордость и предубеждение" – почел за честь написать Олдос Хаксли), а также переводятся на все основные европейские языки; ее творчеству посвящены сотни монографий и статей, а в Англии созданы Музей и Общество Джейн Остин.

Мемориальная доска своим новехоньким видом явственно свидетельствовала о том, что появилась она совсем недавно. Но все-таки – когда именно? Ни наш лондонский гид, ни служитель аббатства в форменном шикарном камзоле не смогли дать мне ответа. Повертевшись и пооглядывавшись по сторонам, я заметил солидную даму в форменной мантии, явно высокопоставленного сотрудника, и ринулся к ней. Увы, снова безуспешно. Впрочем, от нее я получил дельный совет: обратиться в библиотеку аббатства – что и было сделано по возвращении домой. Очень скоро по электронной почте пришел четкий и внятный ответ: "Мемориальная доска Джейн Остин была торжественно открыта 17 декабря 1967 года". Подписавшая ответ мисс Кристина Рейнольдс, научный сотрудник Вестминстерского аббатства, сообщила любопытную деталь: обсуждение этого вопроса началось еще в 1939 году, но тогда благородные намерения почитателей таланта Остин не увенчались успехом. И лишь ровно через полтора века после смерти писательницы Англия признала, что имя дочери провинциального священника достойно быть увековеченным в главной усыпальнице страны. Читатель – судя по тому, как раскупались, одно за другим, все новые и

новые издания Джейн Остин – уверился в этой мысли лет на пятьдесят раньше. Но ведь все равно с вековым опозданием.

Так, может, мы – читатели литературы, написанной на русском языке – и в самом деле можем гордиться собою? Своим вкусом, своим умением воспринять сказанное слово (пусть даже "мысль изреченная есть ложь"), своей пронизательностью, в конце-то концов! Потому что мы реагируем с опозданием существенно меньшим: обычно почти сразу же после смерти писателя – а иногда даже и при жизни.

"Неизменная реакция на его рассказы и повести – признательность за отсутствие претензии, за трезвость взгляда на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце". Это написано Иосифом Бродским через год после смерти Довлатова.

Марк Лейкин

В тайнее меньше одной загадкой

Поезд шел на Запад

Публікації носять не науковий, а художній і офіційні документи, ще відносяться до життєвого шляху письменника.

Маргаріта Пиркова

В великом человеке нам все интересно, любая частность его бытия.

Александр Пушкин

Это было очень опасно. Я имел фальшивую б биографию.

Ф. Фридрих Горенштейн

Так отомкните же архивы!

Избавьте нас от небылиц

Давид Самойлов

Кончина мамы. Кончина мамы – страшная (уже не первая и не вторая) судьбоносная вежа злой судьбы «мальчика»[1]. А мальчику всего-то около 12-ти. Последние сутки с мамой и события первых двух суток уже круглого сиротства мальчика в равнодушном огромном мире показаны в «Доме с башенкой», рассказе пронзительной правды и боли Ф. Горенштейна., который, по Виктору Ерофееву[5], «до сих пор трудно читать без слез», который, по Лазарю Лазареву[6], «...потрясал правдой и талантом, не было никаких сомнений, выражаясь высоким стилем прошлого века, что на небосклоне нашей литературы взошла звезда первой величины... Рассказ действительно

был очень хорош – тот уровень правды, который завораживает читателя», в котором, по Анне Берзер[7], «Наивное, детское (да и не только детское) цепляние за проблеск надежды и жесткое, безжалостное, немислимое для детской души уничтожение этой надежды – вот что по существу составляет содержание...».

Долгое время рассказ «Дом с башенкой» был единственным источником сведений об этой судьбоносной частности детства и раннего отрочества Горенштейна. Детско-подростковая память и предшествующего десятилетия (с ареста отца в январе 1935 года) внесла в мир Горенштейна личную тему, болезненную и постоянно саднящую. Незаживающую внутреннюю рану, о которой знал только он и никто больше[8]... И если он об этом написал пару слов в студенческой Автобиографии[9] и через десять лет в рассказе, а потом, более, чем через тридцать лет в «Апелляции...»[10], то молчал он до января 2000-го, о чем стало известно лишь в 2008-м[11].

Лишь через 18 лет он (бывший мальчик) смог обратиться к тому времени и теме. «Дом с башенкой» он написал, за неимением «койко-места»[12] ютясь в Некрасовской библиотеке. Через 20 лет после кончины мамы мальчика журнал «Юность» Бориса Полевого (1964, № 6) триумфально явил неизвестного писателя читателям (тиражи «Юности» доходили тогда до трех миллионов).

Не намного увеличило наше знание о том периоде Горенштейна еще одно его горькое свидетельство: «Тема мне близка, могила моей матери – где-то под Оренбургом, могила отца – где-то под Магаданом. Я поставил им памятники: матери – роман «Псалом», отцу – роман «Место». Однако это было уже впоследствии»[13].

И только через 54 года – «Арест антисемита. Быль» – новелла памяти о событии августа 1942-го, беспрецедентного в еврейской истории, написанной легко и искрометно – без тяжкого груза злого и голодного десятилетия, без «раскаленного воздуха ярости» (Кончаловский) и без «выворачивания черного дна человеческой души» (Коротич). Рассказ многосторонне

столь значим и самодостаточен, что представляется уместным рассмотреть его за пределами этой публикации.

Еще о многом впоследствии будет ниже. А пока можно лишь отметить, что знавшие и пишущие о Горенштейне люди, очевидно, из лучших просветительских соображений, были существенно щедрей, нежели он сам, на сведения о происходившем (или не происходившем) с ним и мамой...

Фрагменты из литературных текстов

Горенштейн полагал литературный текст документом лишь при условии, что поскольку весь текст приведен быть не может, то используемые фрагменты, отрезки, цитаты должны соответствовать (быть репрезентативными) всему духу текста, его сюжету, его характеру. Здесь представляется уместным дополнение, скорей всего, опущенное Метром в силу очевидности: обязательность доказуемости, либо неоспоримости, либо, в конце концов, просто возможности подтверждения ссылкой описания какой-либо заведомо отличной частности, без коих текст – не документ. На порядок ниже. В лучшем случае - версия...

Ниже – избранные репрезентативные фрагменты из известных литературных текстов и соотнесение их с требованиями документальности.

Мина Полянская[14]: *В рассказе мальчик едет с мамой в поезде в Сибирь в эвакуацию... Смерть мамы. Девятилетний мальчик был отправлен в детский дом.*

Татьяна Вольтская[15]: *...спасаясь уже от немцев, замерзает насмерть где-то в вонючей теплушке, на глухих российских дорогах, в начале войны. И вот, лет с десяти — детский дом, со всеми вытекающими последствиями».*

Виктор Ерофеев[5]: *Опасаясь ареста, мать уехала с Фридрихом в провинцию; ее все равно посадили. Вернулась из тюрьмы с очень слабым здоровьем. Во время эвакуации умерла под Оренбургом. Некоторое время Фридрих жил в детдоме.*

Борис Хазанов[16]: *Отец Горенштейна... был арестован и погиб в заключении, мать скрывалась с*

малолетним сыном. В начале войны она умерла в эшелоне эвакуированных, Фридрих оказался в детском приюте.

Игорь Полянский[17]: Затем последовала война, эвакуация за несколько часов до прихода немецких частей, смерть матери в вагоне поезда, уходившего на восток. Дорога в эвакуацию закончилась детским распределителем и приютом.

Игорь Шевелев[18]: Мать, подхватив трехлетнего сына, начинает скитания по стране, чтобы не арестовали и ее вслед за мужем, сделав ребенка сиротой. Можно ли убежать от советской судьбы? Жизнь в провинции без угла, без зарплаты, в ситуации загнанных зверьков заканчивается с войной. В поезде, идущем в эвакуацию на Восток, бедная женщина заболевает и умирает. Восемилетний ребенок остается один, попадает в детский дом.

Журнал «Егупец»[19]: «Мать... сбежала из Киева с малолетним сыном и несколько лет скрывалась в провинции у родственников и знакомых. В 1941 году во время эвакуации она в эшелоне заболела и умерла. Началось перемещение из одного детского дома в другой.

Лазарь Лазарев: «Мать опасаясь... что ее ждет та же страшная участь, сбежала с трехлетним сыном из Киева, несколько лет скиталась без постоянного жилья и регулярного заработка в провинции, укрываясь у родственников и знакомых. В сорок первом во время эвакуации она в эшелоне заболела и умерла. Фридриха сдали в детский дом».

Анатолий Ромов: Отца ...перед самой войной без особых раздумий арестовали и расстреляли... Но мать Фридриха о судьбе своего мужа, как и полагалось в то время, ничего не знала. Она считала, что он жив, и решила вместе с девятилетним Фридрихом поехать в Москву хлопотать за мужа и добиться справедливости. Но уже в Москве, обойдя множество инстанций, она поняла, что хлопотать за мужа бесполезно. С огромным трудом она вместе с Фридрихом села в поезд и поехала обратно домой, на Украину. Но уже началась война, и поезд по переведенным стрелкам направили на восток, в

эвакуацию.... Мать не выжила, она умерла в этом поезде. Фридрих был определен в приют.

Приятно, что все авторские имена – говорящие. Чтение их безусловно литературных текстов о Горенштейне, включающих демонстрируемые выше фрагменты, не только просветительно значимо, но и доставляет удовольствие.

Однако, они свидетельствуют и о том, что среди написанного о мастере встречаются положения и ряд частных бытия, приведенные без достаточных оснований, а если безоглядно, по Шимону Маркишу[20], полагавшему, что иначе о Горенштейне писать нельзя, то и вообще безосновательно.

К примеру, практически все, да простят меня за такое сравнение уважаемые маститые литераторы, будто в школьных изложениях по «Дому с башенкой», в унисон повторяют четырехединую версию смерти мамы Эрны Абрамовны Горенштейн:

Где-то под Оренбургом ее в критическом состоянии сняли с идущего в эвакуацию поезда и поместили в больницу. Мальчик, проснувшись, успел сойти тоже. На следующее утро мама умерла на глазах сына. После чего мальчик был помещен в детдом.

А во фрагменте журнала «Егупец» просто цитируется, без указания и кавычек, фрагмент Лазаря Лазарева.

Такое единомыслие объяснимо. До самого последнего времени не были известны источники, кроме упомянутого «Дома с башенкой» Горенштейна и горького для него незнания мест родительских могил («товарищу Маца»). Но в этих известных проникновенных текстах - ни слова о направлении поезда на восток и о детском доме.

Лишь в трех текстах есть поползновения выхода «за флажки» устоявшейся версии.

У Виктора Ерофеева указан неизвестный арест матери в Москве. Источник не указан. Не исключая, что им мог быть сам Горенштейн. И Ерофееву не обязателен был открытый текст. Хватило бы и нюанса... Они сотрудничали в «Метрополе», Ерофеев был гостем на свадьбе Горенштейна. Ведущий рубрику в «Огоньке» Ерофеев

звонит в Берлин Фридриху накануне выхода в №35 (1990) рассказа «С кошелочкой» со своим предисловием. В результате предисловие пополнилось цитированием эскапады Горенштейна: «Кстати, ты видел портрет Кристины во французском «Нуфель обсерватор»? Найди. Я скажу в каком номере. Франция – моя любимая страна. Почему? Там все мое издается»...

Отсутствует у Ерофеева и указание направления поезда – **в эвакуацию, или из...** Но тут мне представляется - по причине сомнений в неоспоримости устоявшейся Восточной версии.

С открытием Пырковой[21] архива, сделавшего известным засвидетельствование самим Горенштейном (Автобиография):

«В 1944, во время возвращения из эвакуации мать умерла» –

сенсационно документирована антитеза новой версии: западной, из эвакуации. Со всеми вытекающими последствиями, главные из которых:

на три года продлена жизнь мамы;

на столько же отодвинуто круглое сиротство Горенштейна;

на те же три года сокращен срок возможного пребывания (если таковое было вообще) его в детдоме – от кончины мамы до отыскания его бердичевскими тетушками Зинаидой (Злотой) и Рахилью.

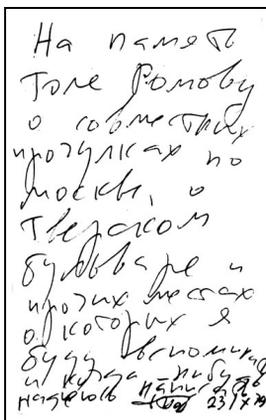
Пока о детдоме, кроме разговоров, абсолютно ничего не было известно.

У Анатолия Ромова в статье три бывших неизвестными частности: поездка мамы с сыном в Москву (Ромов с Горенштейном частенько и подолгу прогуливались по Москве. Мог и он что-то услышать от Горенштейна). Вот факсимильное засвидетельствование такого времяпрепровождения на подаренной Ромову фотографии:

При возвращении из Москвы в связи с началом войны – «...поезд по переведенным стрелкам направили на восток, в эвакуацию» ине включенный в пределы фрагмента трогательный сюжетик о версии дома с башенкой как о символе места, «где живут близкие люди, которые поймут

его без объяснений, примут, пригреют, накормят, сделают жизнь счастливой» – художественный вымысел...

У Игоря Шевелева – сторонника восточной версии – мальчик восьмилетний. Фридрих родился 18 Марта 1932-го. Он что, эвакуировался еще в мирном сороковом? Шевелев пишет: «В поезде, идущем в эвакуацию на восток, бедная женщина заболевает и умирает. Восьмилетний ребенок остается один, попадает в детский дом. Об этом рассказ "Дом с башенкой"». Похвально: ссылка! Однако в самом-то рассказе о восточном маршруте и детском доме – ни слова, более того, серьезное (по Фридриху, «чтение не по диагонали») прочтение рассказа доказательно убеждает, что поезд шел на Запад...

На письмо
Тале Рюмбю
о совместных
прогулках по
Москве, в
Тельском
бульваре и
в других местах
в которых я
буду восточнее
и куда-нибудь
на запад
Лейкин 23/1/19

У Лазаря Лазарева – тоже ссылка на рассказ. Что не прибавило оснований для защиты восточно-детдомовской версии.

Журнал «Егупец» вещает: «начались перемещения из одного детского дома в другой»...

Что же это? Ведь это – об историческом прошлом, о биографии знаменитого человека. Где здесь грани документа и вымысла?[22].

Вот так, не опирающиеся на документальную почву, пусть и доброжелательные фантазии прекрасных литературных текстов, многие годы работали на восточно-детдомовскую версию. Возникновение которой по сегодняшний день – «Тайна, «покрытая лаком»[23].

Поэтому и предпослана первым эпиграфом цитата из Пырковой, кроме прочего, проясняющая причины того, что часть детства, в котором, как говорил Горенштейн, «не было детства», и раннее отрочество мальчика – **оставались без документального обеспечения. Даже фотографий не сохранилось**[24]...

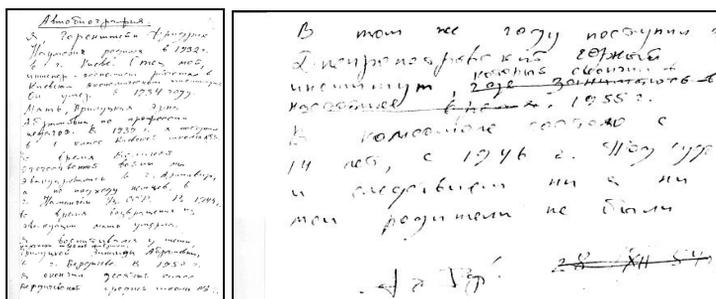
Но теперь многое прояснилось. О чем ниже.

Факсимиле автобиографии

Представляется, что Горенштейновский афоризм: «...каждая книга должна приходиться вовремя», – может быть отнесен и к прочим текстовым форматам. И уж несомненно, к трем: статья Пырковой, автобиография и интервью, к огромному сожалению, приходили с задержками... В силу ряда обстоятельств эти три незаурядные (по меньшей мере, незаурядные) публикации долгое время не были известны читающим Горенштейна и пишущих о нем.

Первая из них: «Известный и неизвестный Фридрих Горенштейн: прозаик и сценарист» написана сотрудницей музея альма матер Горенштейна - Днепропетровского Горного института (ныне Национального Горного университета), кандидатом исторических наук Маргаритой Пырковой - --первой из когда-либо писавших о нем, располагавшей архивными документами его студенческого личного дела. Она любезно откликнулась на просьбу, прислав копии факсимиле автобиографии пятидесятипятiletней давности студента-выпускника Днепропетровского Горного института Горенштейна Фридриха Наумовича.

Вот она – копия этой подлинной реликвии.

Кстати, еще одна реликвия, ровесница этой, – фотография Горенштейна из нашего выпускного альбома – будет ниже представлена в сопоставлении с портретом, нарисованным Юргенс, фотографиями Горенштейна-мальчика и пожилого Горенштейна.??

Даже один этот архивный документ, автобиография, как и сенсационная статья Пырковой, основанная на архивных материалах, как и вторая сверхсенсационная публикация: – интервью под названием «Каково качество «белого» в «Иерусалимском журнале», одно из последних интервью Фридриха Горенштейна... Снятого в рамках грандиозного проекта киносериала «Прости-прощай, XX век» грандиозного же режиссера-социолога и политолога Саввы Кулиша, близкого товарища Фридриха – знающего о чем и умеющего спрашивать.

Рисунок О. Юргенс к альбому-календарю «Детство, которого не было». Горенштейн считал этот рисунок очень удачным и «похожим»

В редакционной сноске «Иерусалимского журнала» – кроме прочего, объяснение более чем семилетней задержки публикации:

«В январе 2000 года известный кинорежиссер Савва Кулиш для своего цикла фильмов снял в берлинской квартире Горенштейна большое и никому до сих пор не известное интервью с писателем. С любезного согласия В.А. Арбузовой-Кулиш публикуем фрагменты из этого интервью»...

– Таким образом, через сорок шесть лет после написания демонстрируемой выше автобиографии, Фридрих Горенштейн, как говорится, «из первых уст», повествует перед камерой о наиболее сокровенном и наименее известном, фактически исповедуется, фактически впервые, – о трагедии девяти следующих за арестом отца аномальных годах, в течение которых мама его несколько раз спасала от смерти.

Фрагмент интервью

Приведенный ниже фрагмент – исторический документ, заполняющий страшной правдой частностей бытия практически все белые пятна недетских лет детства и раннего отрочества мальчика.

– «Читайте — и судите сами» [25].

– Ты – мой старый товарищ, и ты для меня – редкий пример того, как мальчик, маленький мальчик мог оказаться между двумя гигантскими жерновами – сталинского социализма и гитлеровского национал-социализма. Что ты помнишь из детства?

– В детстве, как говорится, не было детства. Я родился в 1932 году, а в январе 1935-го арестовали отца, арестовали сразу же после убийства Кирова. Отец был молодой профессор экономики, один из основателей киевского кооперативного института. Он был сторонником кооперативной экономики, которая противостояла как капиталистической форме, так и колхозной форме эксплуатации человека. Отец был арестован, отправлен в лагерь, там его убили.

Я самого ареста не помню, мне было меньше трех лет. От матери потребовали в парткоме, чтобы она отказалась от отца. Она бросила партбилет. Это я знаю, конечно, только с ее слов. Моя мать, учительница, работала тогда директором интерната для трудновоспитуемых подростков.

В день ареста отца она просто взяла меня и скрылась. Они ведь приходили обычно ночью, но ночью они нас уже не застали. И потом, когда была так называемая реабилитация, кагэбист очень удивлялся, почему нас не арестовали...

Мы просто скрылись. Можно было скрыться, многие могли спастись тогда, но шли, как кролик к удаву. Мать моя была человек разумный. Она меня много раз спасала от смерти, это я знаю, это я помню. Мы скрывались несколько лет до тех пор, пока не сняли Ежова.

– *А где вы скрывались?*

– В маленьких городах, она жила с другим паспортом, т. е. фактически ушла в подполье. Это редко кто делал. Он работала в разных местах, в частности, на швейной фабрике, но когда сняли Ежова – это был 1939 год, – взяла меня, и мы поехали в Москву. И она сама пришла в НКВД, во главе которого встал Берия. Тогда, при Берии, была некоторая легкая либерализация, и мою мать посадили на полгода, потом выпустили, разрешили работать...

– *А где ты был, когда мать посадили?*

– Оставался у хороших знакомых, у которых мы по приезду остановились. Когда мать выпустили, она даже устроилась в Москве на работу в детский сад. Но вскоре началась война, и нас выслали. Нас не пустили обратно в Киев, а разрешили жить только в Бердичеве, где у матери были родные. О Бердичеве я потом написал пьесу. В Бердичеве мы жили несколько недель и чудом спаслись...

– *Когда немцы уже были в Бердичеве?*

– Нет, когда они шли на Бердичев. За несколько дней. Я это помню. А вошли они 7-го. А мы 5-го утром просто пошли на вокзал, сели на платформы с оборудованием и поехали – это был один из последних поездов, который уходил в эвакуацию.

Теперь я знаю, что Бердичев, как и многие другие города, был обозначен на немецких картах как «стратегически важный объект». А стратегически важного в нем было только наличие еврейского населения (чудовищную же тактику локального массового уничтожения всей еврейской части (30 тысяч) населения Бердичева в системе пресловутого немецкого трудолюбия, пунктуальности и «аккуратности» сохранил для истории Василий Гроссман[30] (М.Л.).

Немцы вошли 7-го, точнее, приехали, просто приехали. На танках. Вечером. Когда люди шли с работы,

приехали немецкие танки. Мать Василия Гроссмана жила в Бердичеве. Ее там убили.

А мы ехали через всю Украину, много раз нас обстреливали. Помню один самолет, который, очевидно, забавлялся. Летчик же все видит. Видел людей, сидевших на платформах. Он летел низко, так что можно было и его, пилота, видеть, и он начал стрелять из пулеметов. К счастью, он не бросал бомбы – или жалел, или что... Все побежали, все поле было усеяно ранеными. Мы остались на платформе, и это нас спасло, так как он стрелял по тем, кто соскочил с платформы и побежал в поле.

Потом мы доехали до Краснодарского края и жили в одной из станиц. Прошло несколько месяцев, опять начались бомбежки – немцы наступали тогда на юг, к Ростову. Пришлось опять уезжать. Дорога была перерезана, и мы поехали назад, к Ростову. Если помнишь историю, то немцы тогда, взяв Ростов, находились в городе всего несколько дней. Наш поезд остановился в темноте. Ни вперед, ни назад, разные слухи: то ли он поедет, то ли надо уходить. Все сидят, прижавшись друг к другу. Слышна стрельба.

И мама взяла меня – второй раз это было, и мы просто ушли в ночь. От всех. Мы шли, там, на пути, было какое-то село, нерусское, то ли татарское, то ли какое-то другое. Не знаю, за кого они нас приняли, но они нас приняли. Тогда и из разных сел люди тоже уходили, спасаясь от бомбежек... Мы там жили в помещении школы...

Я видел красновских казаков, которые пришли с немцами. Они проезжали мимо этого села... С гармошкой. Несколько эскадронов, и я помню эти эскадроны с гармошками.

Прошло несколько дней – не помню сколько – и опять пришли советские части, и мы поехали дальше. Мама, к счастью, записала тогда нас, зарегистрировала.

Тогда записывали всех – был приказ Сталина (так говорили) переписывать всех, кто находился в бегах, ехал в эвакуацию, был ли на вражеской территории и так далее...

И это мне здесь, в Германии, очень сильно помогло. Русский Красный Крест выдал в 1997 году

соответствующую справку, на основе которой я признан в Германии расово преследуемым со всеми вытекающими отсюда последствиями.

(Не берусь судить по этому эпизоду с красновцами, находился ли Горенштейн тогда на нашей, ничейной либо оккупированной территории. Однако, думается, эти три версии заслуживают быть исследованными).

Потом мы с мамой пересекли Каспийское море под бомбами, жили в эвакуации, я об этом времени написал недавно рассказ. Ну а потом мама умерла.

(И даже здесь дата кончины мамы им не была раскрыта)

– *Сколько ж тебе лет было?*

– Одиннадцать. Я остался один, я был в детском доме.

– Наконец-то, впервые, появилось свидетельство (и кого!) самого бывшего мальчика об интернировании в детдом. Правда, – ни где, ни когда, ни продолжительность пребывания в нем, ни его реквизитов...

Но вернемся пока к одиннадцати годам мальчика, к вопросу-ответу: – *Сколько ж тебе лет было?*

– Одиннадцать. Я остался один. Я был в детском доме, а потом меня нашли мои тетки, я жил у них в Бердичеве.

– Любопытно, что «детский дом» из под пера либо из уст Горенштейна ни до, ни после этого интервью не возникал.

Скажу больше. За пять лет совместного студенчества и последующих, пусть и нечастых, общениях, о его круглом сиротстве – знал, о двух ревниво любящих его колоритнейших бердичевских тетушках, сестрах матери, – знал. Коржики их изредка ел, об аресте антисемита и готовности мальчика к лжесвидетельству – знал, еще за полвека до написания им рассказа «Арест антисемита. Бль»

О детдоме – слыхом не слыхивал.

Но из интервью следует, что мама (дата кончины которой неизвестна) скончалась до 12-летия мальчика, дату рождения которого мы знаем. Стало быть, и кончина мамы,

и интернирование мальчика в детдом произошло (если таковое все же было) до его 12-летия, т. е. до 18 марта 1944 года.

Были сборы недолги

Бердичев был освобожден 5 января, в честь чего 6-го в Москве гремел салют – 20 артиллерийских залпов из 124-х орудий.

Представляется, что собрать пожитки – мамины фетровые боты, папин коричневый отрез на костюм, два ватных одеяла, сумку с урюком и лепешками, школьную справку (возможно, за две первые четверти четвертого класса) и немного прочее не заняло слишком много времени. Семья отправилась в Бердичев... После Оренбурга маму в критическом состоянии сняли с поезда и поместили в больницу города «Дома с башенкой», где она к следующему утру умерла на глазах сына.

Проезд до Оренбурга тогда был непрост и нескор, так что представляется, что до 18 марта от кончины мамы времени оставалось совсем не много: от дней до недель. Стало быть, дата кончины мамы – между концом февраля - началом марта 1944-го. И это, стало быть, могло стать началом детдомовского периода мальчика... Этот период мог быть не позднее, чем «меня нашли мои тетки, я жил у них в Бердичеве».

К сожалению, пока не известна дата воссоединения Горенштейна с тетушками. Но известно, что они вернулись вскорости после освобождения Бердичева. В интервью он сказал, что первым делом, вернувшись в сорок четвертом, он побежал к старой квартире посмотреть на воронку от бомбы, чудом их не убившей. Они кушали, когда бомба взорвалась в нескольких метрах за стеной... Пыркова пишет, что в Бердичеве Горенштейн поступил в пятый класс школы № 2, которую и окончил в 1950-м. Такой расклад возможен лишь в случае возвращения в Бердичев до осени 44-го. Но он мог быть в Бердичеве и существенно ранее...

Я солидаризуюсь с Пырковой в том, что свои юные годы «Горенштейн жил у родной тети, а не в детских домах, но не согласен с продолжением фразы: а если и побывал там, «то лишь несколько лет». Вышеприведенные

временные расклады, хотя и без точных исходных дат, виной чему Горенштейновский комплекс умолчания, примерно определили возможную продолжительность возможного пребывания в детдоме не несколькими годами, а двумя-тремя месяцами. И, скорей, это был (если и был вообще) не детдом, а один-два-три эвакуприемника, сеть которых тогда была широка и которые занимались и пересылкой детей поближе к месту жительства. Значимость этих сенсационных документов неопределима. И даже его цитата, предпосланная третьим эпиграфом, – важнейший документ для будущих биографов. А все интервью – открывшееся обширное поле для исследователей.

Остается сожалеть, что такие важные материалы стали известны только сейчас. Интервью к тому же фрагментарно, да и не в формате съемки, а в формате пересказа...

Но теперь известны рукописное (Автобиография, 1954) и устное (Интервью Кулишу, 2000) засвидетельствования самого Фридриха Горенштейна. Известна статья Пырковой (2004). Известно личное дело студента Горенштейна (1950-1955). И это уже позволило, пусть и крупными мазками, доказательно (по каждой позиции!) построить во многом принципиально уточненную последовательность кошмара девяти лет, предшествующих смерти мамы, примерно определить время ее кончины, представить новую версию направления поезда. **На Запад, домой в Бердичев, из эвакуации.**

Для идущих следом Горенштейноведов еще много работы.

Представляется, что основы приведенной ниже западной версии в чем-то и облегчат их поиски.

Девятилетняя череда трагических обстоятельств

*Доля цього письменника...складна
с та трагічна, як і його твори*

Маргарита Пиркова

Арест отца (январь 1935-го).

Сразу же стремительный побег матери с ребенком в неизвестность подполья.

Расстрел отца (8 октября 1937-го).

Неоправданно наивная, предсказуемо обреченная поездка (1939) матери с сыном в Москву, явка на Лубянку, в наркомат внутренних дел СССР в надежде узнать о судьбе мужа и отца у наркома Берии, сменившего Ежова.

Арест мамы, и полугодовое заключение в лубянской тюрьме, необратимо погубившее ее здоровье.

Чудо освобождения органами с правом (!) работы в Москве (работала в детском саду).

В начале войны высылка в бомбардируемый немцами Бердичев (июнь 1941-го).

Побег (уже от Гитлера) за два дня до прихода немцев в Бердичев. На платформе с оборудованием – в эвакуацию в г. Армавир (5 июля). До Армавира не доехали – дорога была перерезана немцами.

Месяцы отсидки в школьном здании какой-то станицы, где мальчик видел проезжавшие с гармошками пришедшие с немцами эскадроны красновских казаков.

По приходе советских частей – поездом в Баку, переход под бомбами через Каспий на пароме в Красноводск, далее поездом в Наманган Узбекской ССР, где они с мамой прожили примерно до конца зимы 1944.

После освобождения Бердичева 5 января 1944 – недолгие дорожные сборы).

Отправление в обратный путь, на запад, в реэвакуацию.

Смерть матери на глазах одиннадцатилетнего мальчика. В захолустном городке, доселе известном лишь нареченными Горенштейном двумя нарицательными именами: «городок с Домом с башенкой» и «городок где-то под Оренбургом».

Последние сутки с мамой и события первых двух суток круглого сиротства мальчика.

Трагедийной глубины рефрен Александра Галича незамысловатой заменой «кому» на «и» персонифицируется маме с сыном в парафразе:

Предоставлено им вроде литеры,

И от Сталина, и от Гитлера...»

соотносимом с кошмаром почти десятилетних мук мамы и мальчика, вплоть до кончины на его глазах;

соотносимом и с первым вопросом Кулиша в том исповедальном интервью. Фактически тоже персонифицированный парафраз рефрена Галича;

ощутимо дохнувшим серединой прошлого века, т.е. временем, метафорически названным Горенштейном: «в некой давней земной бесконечности»[26].

И Горенштейновский «комплекс беззащитного сиротства» (Лазарев) – умолчание вряд ли был бы преодолен писателем без библейской проникающей мощи исторически взыскующего вопроса-документа Саввы Кулиша (повтор сознательный):

– Ты – мой старый товарищ, и ты для меня – редкий пример того, как мальчик, маленький мальчик мог оказаться между двумя гигантскими жерновами – сталинского социализма и гитлеровского национал-социализма. Что ты помнишь из детства?

И Горенштейн, наконец, превозмог себя. И рассказал многое из детства, которого не было.

Что помнил и пережил сам и из рассказанного мамой...

Светлые вехи посмертной судьбы

Слава Богу. Святые печали со временем светлеют Фридрих Горенштейн

В день похорон в Берлине 6 марта 2002-го Александр Агеев на интернет-странице «Октября» в Москве свое критическое обрамление некролога Мины Полянской Фридриху Горенштейну, продиктованное печалью и болью, завершил[27]: «...не очень понимаю, кто же возьмется опубликовать оставшуюся после смерти Горенштейна «Веревочную книгу» – 800 страниц прозы, кто возьмется за собрание сочинений... Горенштейн был вообще трудный человек – трудно жил, трудно умирал, похоже, что и после смерти судьба его легкой не будет»...

Три года спустя Борис Альбац свое оригинальное, без претензий на сенсацию, эпатаж и прочие нелепости, аналитическое эссе «Загадка Горештейна»[28] предварил проникновенным и прагматическим: призывом:

«Справедливость требует, чтобы великим и талантливейшим, хотя бы после смерти, отдавали соответствующие знаки признания не только в виде некрологов, но в виде широкой просветительской деятельности»...

В определенной мере оба услышаны. Слава Богу.

И сегодня можно говорить о трех уже поставленных и четырех в стадии реализации осветляющих вехах, – достойных культурологических проектах достойных мастеров к дате 2 марта будущего года, к десятилетию ухода мастера Фридриха Горенштейна в вечность. «Святые печали со временем светлеют»...

1. Молодой режиссер Ева Нейман смело взялась[29] и с фестивальным успехом создала в 2007-м первый свой и первый по прозе Горенштейна вообще (рассказы «Старушки» и «Разговоры») полнометражный художественный фильм «У реки». Почему смелая? Да потому, что еще до ее рождения Горенштейну этого не удалось. Его сценарий по рассказу «Старушки» был похоронен в «застенках Госкино» (Юрий Клепиков). Но он не отказался от мечты. «Наконец, находясь уже в больнице, написал киносценарий «На воде» на основе двух своих рассказов («Старушки» и «Разговоры») и даже напел украинскую песню, которая должна была прозвучать в сцене «В ресторанчике». Очень хочется надеяться на его экранизацию» (Мина Полянская). Не мне судить о некоторых условностях в фильме, вроде пользования мобильниками, но фильм сотворен мастерски, как «неподдельное кино», каковое отстаивал Горенштейн в своей максиме «сугубого натурализма... – как знак правды, а не правдоподобия»[30]. За короткое время фильм побывал на шестнадцати фестивалях. Жаль, не мог Горенштейн посмотреть фильм.

2. **«Евгений Попов первый обратился к музейной теме[31]:** «Ибо где должно быть место музея? В Киеве, где он родился в семье вскорости после его рождения арестованного и сгинувшего в лагерях ответработника?.. В многочисленных его общагах? В Тарусе у Оттонов? На Преображенке, в квартире, кстати, принадлежащей не ему?

Или в Берлине, где он жил в доме для благодетельствованных богатой Германией иммигрантов?» – **Подумалось о Днепропетровском Горном, об альма матер...** Узнаю, что там в библиотеке нет книг Горенштейна... Послал в дар университетскому музею из своей библиотеки «дюжину» книг Горенштейна, несколько статей о нем и тогда единственную о нем книгу Мины Полянской «Я – ПИСАТЕЛЬ НЕЗАКОННЫЙ...» на имя ректора Пивняка Геннадия Григорьевича

8 декабря 2008 года в музее Национального Горного университета Днепропетровска – альма матер Метрабыла проведена презентация экспозиции избранных сочинений Горенштейна и открыта выставка, посвященная Фридриху Горенштейну, – просветительский прецедент на литературном поле сгинувшей империи...

3. Издание «Зарубежные Задворки» на своих страницах провело в нынешнем году полемику вокруг Горенштейна и его литературы, выявившей возросший интерес к глубинам анализа феномена «Горенштейн». Борис Левит-Броун выступил в полемике с мощной статьей[32], наполненной выражением любви и почитания Горенштейну и Хазанову в двух самоисповедальных аккордах достойной осанны. Вначале: «Горенштейн – это у нас с Борисом Хазановым общая любовь». И в конце: «Спасибо вам вновь, Борис Хазанов, за вашу статью и за то, что она мне дала искорку чуть-чуть высказаться о моём любимом Фридрихе».

Поскромничал автор. Его статья – не «чуть-чуть высказаться»... По мне, так она точный punch мощного и бескомпромиссного литературоведа, выдающегося панчера полемики, утверждающего суть и правду усугубления ситуации и обострения суждений, в том числе и в критике.

«Ой, ну Боже мой... да кто ж на критиков-то надеется? И как можно надеяться на критиков в стране победившего критику кретинизма?..

Журналисты не удостоили вниманием?

Так это ж вообще царство мокриц и тараканов.

А Горенштейн – слон.

Ну какого, скажите, внимания могут удостоить слона мокрицы и тараканы, на разных скоростях снующие у его гигантских стоп? ...– крупнейший писатель... И не последних только десятилетий, а как минимум полувека, потому что и ретроспективно ему не сыщешь весового адекват, пока вспять до Платонова не долистаешь. От горы к горе... А на поверку – одно горе. Потому что и та и другая, и Платонов и Горенштейн – вершинами уходят за облака».

Наталью Синецину очень интересовал вопрос («Зарубежные Задворки», 3/3, пост № 4117, 17:58, воскресенье 27 марта 2011 года), адресованный сразу трем рыцарям полемики, по мне, так больше похожий на интересное выступление, или даже результат изыскания с чередой верных ответов, к сожалению, без одного, главного – **системного...**

МАРАТУ, ВМ, ОСТАПУ: «Замечание Кундеры интересное. Но давайте на минуту вообразим... Горенштейн получил Нобеля. Если у вас найдется время на небольшое изыскание в интернете, просмотрите коротко статьи о Горенштейне. И представьте, что было бы, если бы он (совершенно заслуженно) получил таки Нобеля. Его "Псалом" – это уровень Маркеса и Фолкнера. А он на нашем российском литературном поле практически отсутствует. Интересно, почему? У Горенштейна и "что" и "как" слились в обалденную литературную магму. Эта литература оторвана от сию-обыденности. Она над ней. Это так понятно "как простая гамма" Она – духовна. И тут у меня возникает несправедный вопрос: кто виновен в том что ВЕЛИКИЙ писатель ГОРЕНШТЕЙН выпал из русской литературной обоймы (или /пространства/ – так модно говорить – я знаю)? Народ? Критики? Писатели? Телевизоры? Интернет? Хотелось бы получить ответы, а не отписки».

И пошла-поехала полемика. Там было все, кроме:

«Но счастье было так недолго»...(счастье надо понимать как потрясение фантазмагорией явления Горенштейна «Домом с башенкой»).

После непродолжительной читательской и авторской эйфории системой была запущена проверенная и отработанная на Булгакове, Гроссмане, Ахматовой, Сельвинском, Мандельштаме, Цветаевой и даже на «официальном основоположнике советской литературы» Горьком с его «Несвоевременными мыслями», программа преступного замалчивания Горенштейна в несуществующей ныне империи. Работающая, увы, и сегодня в ее бывших пределах...

И потому инициатива «Зарубежных Задворок» – своевременный, существенный вклад и в Горенштейниану, и в просветительскую деятельность, вклад, который уже работает и будет долго работать. Как и где работает? За примерами дело не станет: ниже два из них.

Светлана Бердаус – («Зарубежные Задворки», № 3/3, *пост 4217, 11:28 среда 6 апреля 2011 года*) написала:

«Прочитала статьи Бориса Хазанова и Бориса Левита-Броуна о Горенштейне и крепко задумалась. Я как человек, имеющий смелость считать себя начитанным, была застигнута врасплох: такой большой писатель мне совсем не был знаком... Посему включаю в свои планы проведение исследования (диссертационного) творчества этого писателя. Понимаю, что этого мало, но пусть это послужит началом».

Был вопрос Светлане об авторе будущей диссертации – не один ли из ее учеников будет им?

Света Бердаус – (*пост 4270, 11:44 воскресенье 10 апреля 2011 года*):

«Работу выполню сама. Со всем пониманием значения и ответственности».

Доктор филологии, профессор искусствоведения Марина Стуль (Кливленд, Огайо, США) откликнулась на первую же для нее просветительскую статью в журнале «Заметки по еврейской истории»[33]: «...сама полемика вокруг Горенштейна стала интеллектуальным явлением... убедившим меня, читателя, что Горенштейна надо изучать, понять его и стать его союзницей. Теперь я готова к этой работе – достать, прочитать, выработать свое

мнение. Я еще не знаю, соглашусь ли ...определить Фридриха Горенштейна рядом с Чеховым и Достоевским, но я готова сделать его своим автором, к которому обращаться интересно и полезно. А если он окажется способным доставить удовольствие своим мышлением и словотворчеством, это будет большая радость. Открывать нового автора большое удовольствие».

4. С декабря прошлого года режиссер и сценарист Ева Нейман осуществляет свою студенческую мечту и снимает фильм по «Дому с башенкой»[34]. Здесь все грандиозно. Рассказ – бесподобный, смелость Евы Нейман – безгранична: ни самому Горенштейну начиная с 1962 года, ни позднее в соавторстве с Тарковским, ни еще позднее в соавторстве с Юрием Клепиковым, даже при уже купленном у них сценарии, в конце концов, «...сценарий зарубили в застенках Госкино. Обычное дело»...

Трогательно портретное сходство Димы Кобецкого, долго выбиравшегося героя на роль мальчика для «Дома с башенкой», не только с мальчиком Горенштейном, нарисованным Ольгой Юргенс для альбома «Детство, которого не было»[10], – Дима угадывается и в фотографиях студента Горенштейна и пожилого Горенштейна.

Дима Кобецкий

И это уже более чем очевидная удача Евы Нейман с командой. Это – «знак правды, а не правдоподобия», отстаивавшийся Горенштейном в его максиме «Тотального реализма»[35].

Хочу надеется, что и трагическая, тяжелейшая веха в жизни мальчика - время кончины его мамы, в фильме будет соответствовать указанной выше максиме Горенштейна и ставшими доступным знанием из его автобиографии 1954-го – **«В 1944 г. во время возвращения из эвакуации мать умерла»** – и из интервью Саве Кулишу 2000-го в рамках грандиозного кинопроекта «Прости-прощай XX век» – «Потом мы с мамой пересекли Каспийское море под бомбами, **жили в эвакуации... Ну а потом мама умерла»... И это будет уже** дважды документально удостоверенным знаком правды, а не правдоподобия. И уже в масштабе для человечества, – ибо и по сей день «из всех искусств важнейшим для нас является кино» (хотя слоган и извлечен из совковых задворок, но это так...).

Эта судьбоносная веха своей жизни названа Горенштейном лишь дважды. «...чувство «пережитого» вообще не оставляет нас при чтении рассказа. Особенно в главном – в нежности к умирающей матери, выраженной почти без слов, в непоправимости сиротства» (см. ссылку 7).

Повторюсь: детско-подростковая память с ареста отца в январе 1935-го года вошла во внутренний мир Горенштейна «личной темой, болезненной и постоянно саднящей. Незаживающей внутренней раной, о которой знал только он, и никто больше» (см. ссылку 8).

И это особенно касалось правды обстоятельств кончины мамы.

«В художественности дна нет, как в открытом космосе» («товаришу Маца...») – это тоже максима и тоже Горенштейна... Однако в этом исключительном случае было бы кощунственным воспользоваться дарованной Горенштейном космической бездонностью художественности... Во-первых, заговорили архивы, позволив восточную версию полагать, по Давиду Самойлову, **небылицей**. Во-вторых: «Тема мне близка, могила моей матери – где-то **под Оренбургом...**». И переносить ее **за Оренбург** – не по-божески...

Справедливость требует, чтобы и впредь, **во всех рассматриваемых проектах Горенштейнианы, осуществляемых сейчас и будущих, непременно был «тот**

уровень правды, который был в «Доме с башенкой», который завораживает читателя» (Лазарев), уровень правды, явленный Горенштейном в шестом номере «Юности» 1964-го года, а затем во всей его грандиозной литературе...

5. Александр Прошкин экранизирует повесть Фридриха Горенштейна «Искупление», полагая это своим «моральным обязательством перед ним»[36].

6. Юрий Векслер, известный кроме многого прочего, прекрасным проектом «Дом Горенштейна» на сайте радио "Свобода", готовит при поддержке «Инвестиционного Фонда Кончаловского» российско-германский документальный фильм о Горенштейне. Работа эта началась, с его слов, с отклика Андрея Кончаловского на «Дом» Горенштейна: **«Вы делаете неопенимое дело! Готов помогать, чем могу в любой форме! Если не мы, то кто?! Память о гении нужно сохранить в век укорачивающейся не по дням, а по часам - человеческой памяти. Рассчитывайте на меня. Ваш Кончаловский».**

Могу только предполагать, что Юрий Векслер сможет в этом фильме показать и интервью Горенштейна Кулишу. Это было бы фантастически интересно и полезно...

7. **Дождались! В работе - сверхсветлая вежа:** «одно крупное издательство приняло решение последовательно издать все написанное Горенштейном. В конце этого года первой выйдет книга "послевоенной" прозы Горенштейна, в которую войдут "Дом с башенкой", "Искупление", а также до сих пор не издававшаяся в России одна из лучших повестей автора - "Попутчики". Экранизация – это все же одна версия литературного произведения, а встреча читателя с настоящей литературой – это безграничное по возможностям кино воображения каждого, открывающего книгу» (Юрий Векслер).

Примечания

[1] «мальчик» - имя нарицательное, вместившее набор всего выстраданного самим Горенштейном «...и от Сталина, и от Гитлера»[2], данное им герою рассказов «Дома с башенкой»[3] и «Ареста антисемита»[4]. Временное расхождение описанных событий в них – около полутора эвакуационных лет. Происходят

они в период девятилетнего «хождения по мукам» в солнечном Намангане в августе 1942-го и в заснеженном «где-то под Оренбургом» несколько ранее 18 марта 1944-го (точнее пока назвать дату кончины мамы нет оснований).

[2] Александр Галич, песня «Право на отдых»

<http://www.shansonprofi.ru/person/galich/lyrics/galich-pravo-na-otdyih-.html>

[3] Фридрих Горенштейн, «Дом с башенкой», журнал «Юность», 1964, № 6.

[4] Фридрих Горенштейн, «Арест антисемита. Быль», журнал «Слово/Word», 2002, № 34.

[5] Виктор Ерофеев, «Фридрих Горенштейн: «Уровень мастерства», Москва, журнал «Огонек», 1990, № 35.

[6] Лазарь Лазарев, "Теперь мои книги возвращаются», Знамя, 2008, № 4.

[7] Анна Берзер, «Снова война», рецензия на рассказ Фридриха Горенштейна «Дом с башенкой» в журнале «Юность», 1964, №6, «Новый Мир», 1965, № 1.

[8] Анатолий Ромов, «В писках «Дома с башенкой», журнал «Слово/Word», 2007, выпуск 54.

[9] Архив Национального горного университета, оп. 2-л, дело № 2744.

[10] Фридрих Горенштейн и Ольга Юргенс, «Апелляция Искусства в Высшие Небесные инстанции», «... в виде экстравагантной сказки, изображающей модно одетых счастливых людей в ТОТ ДЕНЬ 8 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА, когда мой папа в каторжном тряпье упал с простреленным затылком, а моя мама в потертом пальтишке и косынке работницы скрывалась со мной под чужим именем в провинциальной глуши», журнал «Слово/Word», № 34.

[11] Фридрих Горенштейн, «Каково качество «белого», Иерусалимский журнал, 2008, №29.

[12] Фридрих Горенштейн, роман «МЕСТО», Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1, Москва, 1991.

[13] Фридрих Горенштейн, «товаришу МАЦА – литературоведу и человеку, а также его потомкам. Памфлет-диссертация с мемуарными этюдами и личными размышлениями», журнал «Зеркало Загадок», Берлин, 1997 (написание заголовка с маленькой буквы соответствует источнику).

[14] Мина Полянская, «Я – ПИСАТЕЛЬ НЕЗАКОННЫЙ». Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна», «Слово/Word», Нью-Йорк, 2004.

- [15] Татьяна Вольтская, «Беседа с Горенштейном», «Русская Мысль», 2002, 27 июля.
- [16] Борис Хазанов, в подборке «Тайна Горенштейна», «Фридрих Горенштейн и русская литература», Октябрь, 2002, №9.
- [17] Игорь Полянский, «Место Фридриха Горенштейна», журнал «Слово/Word», 2002, № 34.
- [18] Игорь Шевелёв, «Без места», журнал "Новое время".
<http://www.sem40.ru/famous2/m824.shtml>
- [19] Журнал «Егупец», №14, Предисловие редакции к кинороману Фридриха Горенштейна «Сны Тимура»,
<http://www.judaica.kiev.ua/Eg-14/Eg14Nach.htm>
- [20] Шимон Маркиш, «Плач о мастере», «Иерусалимский Журнал», 2002, 13.
- [21] Маргарита Пыркова, «**Известный и неизвестный Фридрих Горенштейн: прозаик и сценарист**», Национальный Горный Университет, Днепропетровск, научный ежегодник "История и культура Приднепровья", 2004, выпуск 4, стр. 161-163.
- [22] Ольга Чайковская, «Соперники времени: Биографический жанр и историческая беллетристика», М. Сов. Писатель, 1990.
- [23] «Тайна, «покрытая лаком» - титул одной из пока не опубликованных работ Горенштейна
- [24] Марк Лейкин, «Детство, которого не было»,
<http://www.berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer11/Lejkin1.php>
- [25] Наталья Иванова, «Предисловие к роману «Псалом», Москва, издательство «Эксмо-пресс», 2001.
- [26] Фридрих Горенштейн, рассказ «Фотография», журнал «Слово/Word», № 34.
- [27] Александр Агеев, «Некролог a.ageev.com»
- [28] Борис Альбац, «Загадка Горенштейна», журнал «Слово/Word», № 45.
- [29] Раиса КРЕЙМЕРМАН, ПРЕМЬЕРА, КОТОРУЮ ДАЛИ.
<http://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?6720>
- [30] Марк Розовский, в подборке «Тайна Горенштейна», повесть «Ступени», «Октябрь», 2002, №9.
- [31] Евгений Попов, в подборке «Тайна Горенштейна», «Из хороших писателей гарнитура не составишь», Октябрь, 2002, №9.
- [32] Борис Левит-Броун, «Несколько сопереживаний статье Бориса Хазанова «Фридрих Горенштейн и русская литература», «Зарубежные Задворки», №3/3.
<http://world.lib.ru/w/wladimir-b-w/blewit-broun.shtml>
- [33] Марк Лейкин, «Геспед» и «Геспед – пять лет спустя»
<http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer1/Lejkin1.php>

[34] Юрий Векслер, «Кино Фридриха Горенштейна»

<http://www.svobodanews.ru/content/article/2341390.html>

[35] Марк Розовский, в подборке «Тайна Горенштейна», повесть
«Ступени», Октябрь, 2002, №9.

[36] Александр Прошкин, «Вечный сюжет на злобу дня»

<http://www.newsland.ru/news/detail/id/583371/>

Жозефина Пастернак

Биография отца

Вступительная статья, публикация, комментарии Эрнста Зальцберга

Леонид (Ицхак-Лейб) Осипович

Пастернак¹ родился 4 апреля 1862 г. в г. Одессе. Отец будущего художника содержал постоялый двор на окраине города. Его мать Лия была неграмотной; на ней лежали все заботы о семье и домашнем хозяйстве, которое содержалось в образцовом порядке. Способности к рисованию проявились у мальчика очень рано, однако родители не поддерживали его увлечение «малеванием» и безжалостно уничтожали все его рисунки.

Постоялец отца Михаил Фрейденберг, впоследствии муж сестры художника Аси (Анны), привлек гимназиста Леонида к сотрудничеству в одесских сатирических журналах «Сверчок», «Маяк» и «Пчелка». Так, в журнале «Пчелка» был опубликован в 1879 г. рисунок Пастернака «Босьяк», о существовании которого напомнил художнику много лет спустя М.Горький.

¹ О Л.О. Пастернаке см также: *Osborn, Max. Pasternak. Warsaw, Stybel, 1932; Bukman, D. Leonid Pasternak. A Russian Impressionist, 1862-1945. Maltzahn Gallery Ltd., London, 1974; de Mallac, Guy. A Russian Impressionist: Leonid Osipovich Pasternak, 1862-1945. California Slavic Studies 10 (1977): 87-120; Salys, Rimgalia with an Introduction by Whiteley, John. Leonid Pasternak, The Russian Years, 1875-1921. A Critical Study and Catalogue. Oxford University Press, 1999; Зальцберг, Э.. Художник Л.О.Пастернак. Русское еврейство в зарубежье, т. 1 (6). Составитель, гл.редактор и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 270-286.*

В 1881 г. Леонид закончил гимназию и, по настоянию родителей, поступил на медицинский факультет Московского университета. Двумя годами позже он переходит на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. Этот перевод был связан как с нелюбовью к медицине, так и с тем, что студенты этого университета имели право беспрепятственно покидать страну. Воспользовавшись этим, Леонид Осипович уезжает в Мюнхен и поступает в Королевскую Академию искусств, в класс довольно известного живописца Л. Хертериха. Через два года он заканчивает с медалью натурный класс Академии и в этом же году экстерном – юридический факультет Новороссийского университета, после чего в течение года проходит обязательную военную службу.

14 февраля 1889 г. Леонид женился на молодой пианистке Розалии Исидоровне Кауфман², и этот брак оказался на редкость счастливым.

В этом же году известный меценат П.М. Третьяков купил несколько работ Л.О. Пастернака, в том числе картину «Письмо с родины», экспонировавшуюся на ежегодной выставке «передвижников». Это дало возможность художнику совершить поездку в Париж, о которой он давно мечтал.

10 февраля 1890 г. у супругов Пастернак родился первенец Борис³ и через три года – сын Александр⁴.

В Москве Пастернак стал членом «поленовского» кружка, в который входили В.Д. и Е.Д. Поленовы, И.И. Левитан, В.А. Серов, А.Е. Архипов, М.В. Нестеров. Члены кружка собирались по средам в доме Поленовых,

² О Р.И.Пастернак см также: *Levitsky, S. Rose Koffmann-Pasternak: La mere du poete. Etudes Slaves et Est-Europeennes* #8, 1963: 73-80; *Pasternak, A. La mere.* In: *Mark, P.J.* (ed.). *Die Familie-La Famille-The Family Pasternak.* Editions Poesie Vivante, Geneve, 1975; *Zaltsberg, E. In the Shadow: Rosalia Pasternak, 1867-1939. East European Jewish Affairs*, vol. 28, #1, 1998: 29-36.

³ Пастернак Б.Л. (1890-1960), поэт, прозаик, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1958 г.

⁴ Пастернак, А.Л. (1893-1982), архитектор, педагог и мемуарист.

рисовали с натуры или по памяти и обсуждали работы друг друга.

В 1894 г. Пастернак стал профессором Училища живописи, ваяния и зодчества и оставался на этом посту более четверти века. За год до этого назначения, весной 1893 г., состоялось знакомство Л.О.Пастернака с Л.Н.Толстым. Оно произошло на очередной, XXI выставке «передвижников» в Москве, где экспонировалось полотно Леонида Осиповича «Дебютантка». Когда Толстой остановился около картины, художник К.Савицкий, знавший о том, что его коллега работает над иллюстрациями к «Войне и миру» и является страстным почитателем писателя, представил их друг другу. «Да, да, я знаю это имя. Я слежу за его работами», – немедленно откликнулся Толстой⁵.

Пастернаки становятся частыми гостями Толстого как в Москве, так и в Ясной Поляне. Итогом этих визитов стала замечательная серия набросков, рисунков и картин Пастернака, посвященная писателю. Пастернак рисует Толстого в кругу семьи и знакомых, занятого творческой работой и физическим трудом, слушающим музыку и читающим свои произведения.

Л.О. Пастернак был также одним из лучших иллюстраторов произведений Л.Н. Толстого. Помимо «Войны и мира», он сделал 33 иллюстрации к роману «Воскресение». Они были созданы в течение 6 недель в 1898 г., одновременно с завершением произведения писателем. Каждая из них обсуждалась с Толстым и была им одобрена. Эти иллюстрации экспонировались в Русском павильоне на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., где они удостоились медали.

Из крупных работ Пастернака 1890-х годов, помимо «Письма с родины» и «Дебютантки, следует отметить «Молитву в приюте слепых» (1890), «Домой» (1893), «Муки творчества» (1893) и «Студенты перед экзаменом» (1895). Все они экспонировались на выставках «передвижников», неизменным участником которых с 1888 по 1901 год был

⁵ *Pasternak Leonid. My Meeting with Tolstoy. Russian Review. April 1960: 124.*

Леонид Осипович. Картина «Студенты перед экзаменом» была удостоена золотой медали на Мюнхенской международной художественной выставке, экспонировалась на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. и была приобретена парижским Люксембургским музеем.

В начале века в семье Пастернаков следом за двумя сыновьями появились две дочери – в 1900 г. родилась Жозефина⁶ и в 1902 г. – Лидия⁷.

Портрет Жозефины в детстве. 1900

В 1905 г. Петербургская Академия художеств избрала Леонида Осиповича академиком живописи. Осенью этого же года началась первая русская революция. Поскольку восстание в Москве расширялось и становилось все более кровопролитным, Пастернаки, по совету директора Училища князя Львова, в конце декабря 1905 г. уехали в Германию. В Берлине художник пишет заказные портреты и устраивает выставку своих работ.

В конце 1906 г. семья возвратилась в Москву. Постепенно жизнь в столице входит в норму, в Училище

⁶ Пастернак, Ж.Л. (1900-1993), поэтесса и философ.

⁷ Пастернак-Слейтер, Л.Л. (1903-1989), биохимик, поэт, переводчик.

возобновляются регулярные занятия, и Леонид Осипович приступает к своим профессорским обязанностям.

Помимо преподавания, художник пишет в эти годы много портретов выдающихся деятелей русской и европейской культуры и политических деятелей. Так, на его полотнах запечатлены литераторы М. Горький, В. Брюсов, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, Э. Верхарн, Ш. Ан-ский, композиторы А. Скрябин, С. Рахманинов, микробиолог И. Мечников, английский режиссер Г. Крейг, думский деятель В. Маклаков, теоретик анархизма князь П. Кропоткин и многие другие. В ряду портретов нельзя не отметить замечательный по композиции и одухотворенности групповой портрет детей Л.О. Пастернака «Поздравление» (1914, Третьяковская галерея).

В годы, предшествовавшие революции 1917 г., художник участвовал во многих выставках в России, Германии, Австрии, Англии и Франции.

В первые послереволюционные годы Л.О. Пастернак принял участие в ряде выставок, таких, как 1-я Государственная выставка гравюр (Москва, 1919 г.). Однако жизнь в столице становилась все труднее. Леониду Осиповичу и Розалии Исидоровне требовалось лечение, получить которое в Москве было невозможно. При содействии А.В. Луначарского в 1921 г. они уезжают в Германию. Вместе с ними едут дочери Жозефина и Лидия, а оба сына, Борис и Александр, остаются в Москве.

В феврале-марте 1923 г. Борис Пастернак навестил родителей в Берлине. Во время этого визита Леонид Осипович создал свой последний и, пожалуй, один из лучших рисунков старшего сына (в настоящее время хранится в Третьяковской галерее).

В начале 1920 годов усиливается интерес Л.О. Пастернака к еврейской тематике. В это время он заканчивает и издает монографию «Рембрандт и еврейство в его творчестве». В книге – 30 черно-белых репродукций работ великого голландца, обширные комментарии к ним Пастернака и его мысли о влиянии евреев и их истории на тематику живописи Рембрандта. Монография была выпущена на иврите в издательстве «Явне» и почти

одновременно – на русском языке издательством С.Д. Зальцмана в Берлине⁸.

В 1923 г. вышел альбом Л.О. Пастернака с восемью цветными портретами деятелей еврейской культуры⁹ и предисловием (на русском языке) художника Г. Штрука, эмигрировавшего из Германии в Палестину. В альбоме помещены портреты поэта Х. Бялика, драматурга Ш. Анского, писателя Д. Фришмана, критика М. Гершензона, музыковеда и композитора Ю. Энгеля, раввина Я. Мазе, деятеля сионистского движения Н.Соколова и автопортрет художника.

И, наконец, в 1924 г. в издательстве А. Штибеля вышел в свет ещё один альбом Пастернака со 148 иллюстрациями¹⁰. Альбом отличался высоким полиграфическим исполнением, и 50 его экземпляров были снабжены автографом художника.

В начале 1924 г. Пастернак принял участие в историко-этнографической экспедиции в Палестину, организованной парижским издателем А.Э.Коганом. Из этой экспедиции художник привез десятки рисунков и этюдов, часть из которых предполагалось включить в двухтомную монографию о Палестине. К сожалению, эта работа так и не увидела света.

В Германии Леонид Осипович продолжил свою галерею знаменитостей. Здесь им написаны портреты художников М. Либермана и Л. Коринта, писателей А. Ремизова и Г. Гауптмана, поэта Р.-М. Рильке, композиторов С. Прокофьева и Г. Эйслера, скрипача М. Эльмана, физика А. Эйнштейна, германского канцлера Г. Штреземана.

В Берлине, в галерее Хартберга, состоялись две персональные выставки художника (1927 и 1932 гг.). В 1932 г. в издательстве А. Штибеля вышла монография

⁸ *Пастернак, Л.О.* Рембрандт и еврейство в его творчестве. Берлин, изд-во С.Д. Зальцмана, 1923.

⁹ *Пастернак, Л.О.* Альбом портретов. Текст Германа Штрука. Иерусалим: Берлинское отделение изд-ва «Явне». 1923.

¹⁰ *Bjalik, Ch., Osborn, M.* L.Pasternak, His Life and Work. Stybel, Warsaw-Berlin, 1924.

М. Осборна о Пастернаке, в которой были помещены 150 репродукций его работ и четыре отрывка из его автобиографии.

После 1933 г. Пастернаку как еврею было запрещено заниматься живописью и преподаванием, и перед Леонидом Осиповичем и Розалией Исидоровной снова встал вопрос о перемене места жительства. Поначалу они думали о возвращении в СССР, но, в конце концов, в 1938 г. они уехали в Англию, где уже жили Лидия и Жозефина. Вскоре после приезда в Лондон, 23 августа 1939 г., от сердечного приступа умирает Розалия Исидоровна, и Леонид Осипович переезжает к младшей дочери Лидии в Оксфорд. Несмотря на тяжелую потерю и преклонный возраст, художник продолжает работать. Так, в военные годы им созданы картины «Бах и Фридрих Великий», «Мендельсон, дирижирующий “Мессию” Генделя», «Толстой за рабочим столом», «Пушкин и няня», «Сцены из советской жизни».

Л.О. Пастернак умер в Оксфорде 31 мая 1945 г. После смерти художника состоялись мемориальные выставки его работ в Оксфорде (1958 и 1990 г.г.), Бристоле, Ковентри и Мюнхене (1962 г.), Лондоне (1958, 1969 и 1974 г.г.), Москве (1969 и 1973 г.г.) и Тель-Авиве (1984 г.).

В организации этих выставок активное участие принимали Лидия и Жозефина Пастернак. Приводимая ниже статья Ж.Л. Пастернак является введением к каталогу рисунков и картин Л.О. Пастернака, экспонировавшихся в Оксфорде в 1990 г.,¹³ и содержит интересные детали его биографии. Каталог был напечатан ограниченным тиражом

¹¹ Memorial Exhibition of Paintings and Drawings by Leonid Pasternak, 1862-1945. Catalogue of Exhibition Held in the Ashmolean Museum, Oxford, April 1958. Oxford, Ashmolean Museum, 1958.

¹² Leonid Pasternak, 1862-1945. Catalogue of Exhibition of Works by Leonid Pasternak Organized by Oxford University Press in London, March 20-May 30, 1969. London, Oxford University Press, 1969.

¹³ Drawings by Leonid Pasternak, 1890-1945, with an Introduction by *Josephine Pasternak*. Ashmolean Museum, Oxford, 12 June-5 August, 1990. На выставке были представлены 32 рисунка художника и три его картины, принадлежащие музею и Фонду Пастернака.

гектографическим способом и никогда не переводился на русский язык¹⁴.

Эрнст Зальцберг

«Л.Н. Толстой завершает один из “Севастопольских рассказов” вопросом, обращенным к самому себе: “Кто, в таком случае, герой моего рассказа?”. И далее продолжает: “Это не храбрый командующий, не самодовольный генерал, не смелый капитан и не простой солдат. Герой моего рассказа – правда”¹⁵.

Толстой хотел, чтобы его первый роман «Воскресение» был богато иллюстрирован. Почему он выбрал для этого молодого художника, начинающего свой путь в мире искусства? Я думаю, потому, что Леонид Осипович Пастернак (я буду называть его далее ЛОП) не боготворил ни натурализм, ни академизм, ни авангардизм; героем ЛОП тоже была только правда.

Мое введение должно быть кратким, и я попытаюсь перечислить основные вехи в жизни и творчестве ЛОП.

Его отец был бедняком; таким же гордым, как шотландец. Шотландской была и пуританская атмосфера в их доме: сначала обязанности, потом удовольствия. Семья жила на окраине города. Люди здесь были простыми, бедными и дружелюбными. Дворник заказал шестилетнему ребенку (Леониду – Э.З.) нарисовать охотничьи сцены с борзыми. Он платил мальчику шесть копеек за рисунок и обклеивал ими стены дворницкой. Получив гонорар, Леонид

¹⁴ Перевод с английского Введения Ж.Пастернак – публикатора

¹⁵ Приведенная цитата не точна. Рассказ Толстого заканчивается так: «Ни Калугин со своей блестящей храбростью – *bravoure de gentilhomme* – и тщеславию, двигателем всех поступков, ни Праскухин, человек так себе, ни Михайлов со своей робостью и ограниченным взглядом, ни Пест, ребенок без твердых убеждений и правил, не герои этого рассказа. Герой его тот, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен – правда» (Л.Н. Толстой. «Севастополь в августе месяце». Полное собрание художественных произведений, т. II. Гос. изд-во, М., 1929. С. 100.

бежал за угол и покупал конфеты себе и сестре Асе. Другой его благодетельницей была добросердечная жена православного священника. Так как родители Леонида были весь день заняты, она брала их детей с собой на базар или просто в город, и даже в старости ЛОП вспоминал эти иногда утомительные, но всегда доставлявшие удовольствие, походы.

В редкие минуты отдыха отец Леонида выказывал чувство юмора и талант имитатора – и это доставляло удовольствие детям. Позднее ЛОП утверждал, что от отца он унаследовал свой специфический талант перевоплощения – основное качество художника-портретиста, важное также для создания живых зарисовок и “схватывания наиболее существенного”. От матери он унаследовал любовь к природе, простору, цветам и, в особенности, розам.

ЛОП поступил в гимназию и потом – в университет. Будучи по характеру мечтательным, добрым и готовым придти на помощь ребенку, Леонид не был, однако, образцовым школьником. Он менял гимназии без ведома родителей и любил развлекать одноклассников безобидными шутками и фокусами, которые проделывал за спиной учителей. Помимо этого, он рисовал карикатуры, хранившиеся в раскрашенной от руки папке. В них не было ничего обидного, они заставляли людей смеяться, никогда не раздражали и не задевали их. Ребята были в восторге, видя себя на набросках в “Журнале” ЛОП (на одном из них изображен и сам автор). Он не знал, что каким-то образом его “Журнал” попал в учительскую и изрядно повеселил его школьных наставников. Однажды учитель математики, прозванный за свою требовательность и строгость “страшилкой”, вызвал его: “Пастернак!”. ЛОП вытянулся перед ним. “Нарисуй мой портрет на доске”. “Я...Господин учитель, я приготовил домашнее задание и...” “Мой портрет, пожалуйста”. ЛОП продолжал делать вид, что не понимает просьбы. В этот день было два урока математики, разделенных двадцатиминутной переменной. Учитель наказал ЛОП закончить портрет к концу перемены. Когда он вернулся в класс, школьники впервые увидели его смеющимся. Позднее. ЛОП говорил об облагораживающем

влиянии искусства. Что касается карикатуры, то он утверждал, что это не обезображивание объекта, а выявление его характерных черт, которое научит карикатуриста стать хорошим портретистом.

После университета ЛОП мечтал о поступлении в Королевскую Академию искусств в Мюнхене, где мог бы изучать новую тогда технику рисунка углем. Его бедные родители принесли в жертву всё, что могли, для того, чтобы сделать это возможным. Леонид был принят в класс профессора Хертериха. Его работы были настолько хороши, что учитель никогда не поправлял их и разрешил ЛОП забрать их домой. В Москве они были приобретены такими любителями живописи, как Щукин, Третьяков и другие. Рисунок углем стал его любимой техникой, и он внёс в нее свои собственные новшества.

На одной из вечеринок ЛОП встретил известную пианистку Розу Кауфман и сразу влюбился в неё. В возрасте восьми лет она выступила с исполнением фортепианного концерта Моцарта, в 26 – стала профессором Одесского отделения Императорской Консерватории в Петербурге¹⁶. Несмотря на растущую популярность в России и за рубежом, Роза не утратила скромность, присущую истинному артисту, не вела себя, как «звезда», и никогда не пыталась поразить аудиторию чисто пианистическими эффектами. У ЛОП, однако, не было средств для того, чтобы жениться и начать семейную жизнь.

В 1888 г. П.Третьяков купил для своей галереи большую картину ЛОП «Письмо с родины»¹⁷. Полученные за работу деньги оказались сюрпризом для художника; в следующем году он женился на Розе и они переехали в Москву.

К этому времени ЛОП был известен и оценен в Петербурге Репиным. В Москве он стал членом

¹⁶ Р.И.Кауфман была профессором музыкальных классов Одесского отделения Императорского Русского музыкального общества.

¹⁷ Большинство источников указывает другую дату этого события – 1889 г.

поленовского кружка молодых художников. В связи с прибавлением семейства, ЛОП испытывал материальные трудности, однако сила характера помогала ему преодолеть их; он был неустанный труженик. Невозможно перечислить все его выставки в России и за рубежом, или оценить число его работ, которые находятся в Петербурге, Москве и многих провинциальных музеях. Картины ЛОП экспонируются также в главных музеях Англии, Германии, Франции, Италии и США.

Я упомяну здесь два новшества, которые были наиболее близки и дороги сердцу ЛОП. Первое связано с его работой в Училище живописи, ваяния и зодчества (московское отделение Петербургской Академии¹⁸), руководимом князем Львовым, с которым у ЛОП установились близкие отношения. Школа приобрела известность благодаря внедрению новых методов преподавания, некоторые из которых были введены ЛОП. Вторым новшеством, возможно, неизвестным зарубежом и, наверняка, в России, было решение отбирать картины для выставок, не прибегая к помощи жюри. Московские художники разочаровались прихотями «передвижников» в этом деле и организовали свою группу, которая провозгласила, что выбор картин для выставки является персональной ответственностью самого автора. Вначале, не уверенные в успехе, эти художники назвали себя «Группа 36». Вскоре, однако, стало ясно, что их работы пользуются успехом, и они изменили название своего объединения на более престижный «Союз русских художников». Ежегодные выставки «Союза» стали одним из наиболее интересных событий в культурной жизни Москвы. ЛОП являлся одним из основателей и участником этих выставок, где молодые художники и их старшие коллеги были представлены рядом, не будучи помехой друг другу.

Я бы хотела посвятить это Введение памяти моей мамы и сестры Лидии, чья скромность помешала им

¹⁸ Училище не было отделением Петербургской Академии художеств, хотя его выпускники имели тот же статус, что и выпускники Академии.

получить то признание, которое они заслуживали: первая - за вдохновенную музыкальность, вторая - за блестящие переводы на английский стихов Бориса. На одном из рисунков ЛОП изобразил жену и дочь, читающих при свете лампы. Рисунок подчеркивает не только позы моделей, углублённых в чтение. Он свидетельствует о чем-то настолько глубоком, что трудно изобразить открыто, и что, возможно, не было осознано даже самим художником. Это - удивительное высвобождение сущности характеров Розы и Лидии, имя которой - скромность.

Последние заметки в бумагах ЛОП, сделанные во время Второй мировой войны, содержат ссылку на “Царствие Божие на Земле” Л.Н.Толстого: “Должно пройти тысячи и тысячи лет, прежде чем установится Царство Божие на Земле”. И ещё: “Как хорошо, что Толстой не был свидетелем этой бесчеловечной войны”. ЛОП был избавлен от худшего – он умер в мае 1945 г., за несколько недель до преступления в Хиросиме».

Юрий Магаршак

Почему царя Михаила называют без отчества?

Былина о человеке, изменившем судьбу России
В истории России есть человек, абсолютно переменявший ее судьбу. И бывший ни много ни мало соправителем правившего императора. Являясь одновременно его отцом и Патриархом Русской Православной Церкви. И тем не менее имя этого человека подавляющему большинству Россиян, даже россиян образованных, неизвестно. А если известно, то только как патриарха, без какой-либо связи с тем, что Человек этот являлся отцом первого царя новой династии. А также без упоминания его роли в том, какая именно правящая династия появилась в России по завершении Смутного Времени.

Попробуем исправить этот пробел.

Сначала в виде видео-размышления.

Почему царя Михаила называют без отчества

<http://www.youtube.com/watch?v=7ONSgbygxR8>

(которое советую высокоуважаемому читателю посмотреть первым),

И только потом в тексте.

ЧЕЛОВЕК, ПОВОРОТИВШИЙ РОССИЮ

Поразительно, как стремительно меняется энергетический градус России! От полного покоя – к безудержному бунту – и опять к покою, иногда на целое поколение или даже на целый век. После якобы тихого царствования Федора Иоанновича – вдруг буря и натиск времени поиска, которое совершенно неправомерно названо смутным. Но в нем, времени этом, выделяется имя человека,

почти неизвестного русскому обществу, даже вполне образованному. При случайных опросах, мной проведенных, на улице, в кафе и пивнушке на вопрос кто он – не смогло толком ответить сто человек из ста. Между тем именно этот человек определил судьбы России и во многом определяет ее и сегодня. Звали этого человека Федор. Отчество – Никитич. Фамилия – Романов. Первому государю династии Романовых, правившей страной триста лет, приходившегося родителем. Но мало ли отцов у великих людей? Почему именно Федор Никитич определил судьбу России, а не, скажем Борис Годунов или Василий Шуйский, намного более известные по курсам истории и к тому же имевшие царский титул? Послушайте меня, судари и сударыни, и уверен что вы придете со мной в полное согласие относительно роли боярина Федора Никитича Романова в судьбе России.

Но вначале небольшая генеалогическая справка.

Мать царя Федора Иоанновича Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, первая жена Ивана Грозного, была сестрой Никиты Романовича Захарьина (от которого род начал называться Романовыми, по отцу согласно русской традиции, так сказать Никита Романов сын) Таким образом, Федор Никитич Романов, сын Никиты Романовича, приходился государю Федору Иоанновичу двоюродным братом. Родство достаточно близкое, хотя сами Романовы по крови, разумеется, не были Рюриковичами. Федор Никитич Романов (1554-1633) – Боярин с 1586 года. Русский патриарх, отец царя Михаила Романова.

Уже в этих как бы нейтрально-повествовательных словах для простого русского человека, с детства привыкшего читать между строк и слышать то, что ему недосказано, скрывается нечто, что способно заставить слегка поднять брови. Это как это? Отец избранного в результате свободного волеизъявления всего народа России Михаила Романова за которого на Земском соборе было подано 277 подписей (57 духовенства, 136 бояр и высших служивых чинов, 84 городских служивых людей) что доказывает свободное и соборное избрание нового государя – патриарх, то есть высший из всех наивысших чинов

русской православной церкви? И избрание Государя в результате свободного волеизъявления граждан и патриаршество его батюшки является случайными, не связанными друг с другом событиями? Что-то тут не стыкуется – или мы совсем не знаем России и мира. Что чего обусловило и что чего предопределило? Что первично, а что вторично? – как неоднократно вопрошал Ульянов-Ленин.

Итак дорогой читатель, углубимся – вкратце, исключительно и может быть чересчур кратко - в историю, в данном случае одного человека. Коя вполне может стать – и станет! – сюжетом голливудского фильма или русского сериала. Ибо история этой жизни способна оставить далеко позади даже такие бурные жизнеописания, как жизнь Октавиана Августа и Генриха Наварского. Хотя понять, что было а что легенда в данном случае воистину нелегко. Ибо жизнь эта впоследствии самим же боярином Федором Никитичем, превратившегося в патриарха Всея Руси Филарета, была превращена в житие. А жития, как известно, имеют немного общего с земной жизнью их обладателя, ее слабостями, радостями и грехами. Ибо удел возвеличенных – небеса а не земные перипетии.

При Грозном Федор Никитич особо заметен не был. Что впрочем и неудивительно: в конце концов всего лишь родственник первой из шести жен. А вот при его сыне Федоре, которому Федор Никитич приходился кузеном, новоиспеченный боярин играл при дворе видную роль, был дворовым воеводой и псковским наместником. Никто в Москве лучше Федор Никитича не умел ездить верхом; не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины. Удалец да и только! Современник иноземного (голландского) происхождения говорит, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты ну просто совершенный Федор Никитич. Ну и по части женского пола не слаб был боярин. Точнее, очень даже силен. (чего кстати сказать, патриарху тоже ну совершенно не пристало стесняться. В истории церкви было и не такое – см. жизнеописание папы Юлия II, покровительствовавшего искусствам, или юные годы

святого Августина). Удалец одним словом, каких вы иных землях не часто сыщешь.

По смерти царя Федора Иоанновича ходили слухи, что тот назначил Федора Никитича своим преемником. Не стал. Зато до коронации Бориса Годунова Романовы во главе с самым ярким из них: Федором Никитичем – затеяли небольшую интригу. Первое из своих деяний, о которых пусть смутно и едва слышимым шепотом но все же повествует история. А именно: сделал попытку поставить на трон Российский не Годунова, а Симеона Бекбулатовича. Того самого, которого Иван Грозный будто бы ради потешница и утех, сделал великим князем.

Тут у русского читателя, полагаю, поднимутся брови вторично за последние несколько минут. Что то тут не стыкуется. Этот Симеон Бекбулатович ведь был ну совершенно потешным великим князем, можно сказать скоморохом на троне. А тут – всерьез? На престол сверхдержавы? Это как же понимать? – как совершенно справедливо вопрошал В. Чапаев, герой сверхпопулярного фильма.

Не знаю, не знаю. Несомненно, что этот факт – серьезное рассмотрение крещеного касимского царя в качестве одного из претендентов на Русский Престол безотносительно к тому, кто его выдвинул, уже говорит о том, что что-то серьезно не стыкуется в канонической версии в национальном вопросе. Взаимодействие с татарами и другими народами в России всегда было намного более тесным и намного менее антагонистичным, чем нас учат. Вспомним, что многие аристократические роды России ведут начало от татар – Юсуповы например. И - Род Годуновых вместе с Сабуровыми и Вельяминовыми-Зерновыми происходит по родословцам от татарского мурзы Чета! Факт рассмотрения Бекбулатовича в качестве серьезного, а не шутовского кандидата на русский престол показывает, что интерпретация нашей истории с его великим княжением перевернана от начала и до конца. Особенно если учесть что после возвращения Иваном всей полноты власти себе он не был ни сослан, ни осмеян, ни превращен в скомороха, а был послан княжить в Тверь (в

современной терминологии назначен полпредом), город который, как мы помним, был старшим, выше Москвы и Киева, при передвижении Рюриковичей по княжескому столу. Если же рассмотреть выдвижение Симеона на царский престол как юридический детектив или сюжет для блокбастера, приходится согласиться, что, если это была чья-то интрига, то закручена она была мастерски. В самом деле: противопоставление в качестве кандидата в самодержцы Российской Империи татарину Годунову другого татарина, бывшего при этом в отличие от Бориса потомком Чингисхана и имевшего царский титул в провинции и великокняжеский в Москве – это не слабо. Тут и Цезарь Борджиа, и Мария Медичи – величайшие интриганы в истории, почешут в затылке.

Впрочем, в течение двух лет правления Годунова Романовы не испытывали притеснения.

1598-1600 – В Москве слухи, что царевич Дмитрий жив. При этом первое упоминание о существовании человека, впоследствии ставшего Лжедмитрием Первым, обнаруживается в имени бояр Романовых, а именно боярина Федора Никитича.

Ну и ладно. Кого из серьезных людей могут волновать какие-то болтуны? Тем более что в это приблизительно время самозванцев Дмитриев было превеликое множество. Как минимум тридцать. Ну просто половодье царевичей Дмитриев какое то!

1601 г – Этот человек объявляется в Речи Посполитой под именем Дмитрия, сына царя Ивана. Кто именно приписал ему вошедшее в историю имя Григория Отрепьева, остается невыясненным. Почти сразу после своего явления в Польше к этому Дмитрию или Лжедмитрию приходит атаман донских казаков Заруцкий, который признает в нем государя и гарантирует поддержку казаков. В том же 1601-м году Борис Годунов обвиняет Романовых в измене, арестовывает и ссылает. Федор Романов пострижен в монахи, Черкасские, Репнены и другие боярские роды подвергнуты жестокой опале.

А вот это уже серьезно. Почему Борис, вообще говоря человек милостивый, решил уничтожить ни с того ни

с сего весь род Романовых, обвинив его ни много ни мало в измене? И по странному совпадению, не сразу после вошествия на престол, а именно тогда, когда (лже?) Дмитрий заявил о себе в Польше со всей серьезностью? История об этом не повествует: попали в опалу и все, нашли чем удивить! Связано ли была опала на всех Романовых с их поддержкой едва появившегося самозванца? Не знаю. Да и Борис Годунов был человек скрытный, кто его, самодержавного, разберет что у него на уме? И не в русской это традиции – подданным открываться - читай краткие жития Ивана Третьего и Ивана Четвертого выше. А самодержавный царь отчет в побуждениях своих действий никому давать не обязан. Но: не странно ли в самом деле? вдруг ни с того ни с сего к какому-то самозваному наглецу на помощь приходит армия казаков, сила по тому времени могучая – см. *Тарас Бульба*. И не только донские казаки пришли к самозванцу на помощь, а все разом: и донские, и запорожские, и волжские, и яицкие. С чего это вдруг? Кто за этим стоит? И почему именно к этому *царевичу Дмитрию* а не к кому то из трех десятков других?

Несомненно было произведено следствие. В результате которого связь первого из приведенных выше фактов (связь Самозванца с Романовыми) со вторым (внезапной поддержкой его притязаний на российский престол армией казаков) стала как минимум озадачивающей. Всех сыновей Никиты Романова царь Годунов разослал в тяжелое заключение. При этом Фёдора Никитича и его жену (Ксению Ивановну Шестову) насильно постригли в монахи (новым монашеским именем Фёдора стало Филарет). Александр, Василий и Михаил Никитичи не пережили царской опалы. А Федор пережил.

И все же остановим величавую поступь истории еще на мгновение. Ведь этими своими шагами Борис Годунов навсегда определил маршрут Русской Истории. Если бы он казнил всех членов опального рода по примеру Ивана Грозного, не было бы династии Романовых в России, и история пошла бы по другому пути. Если бы Федор Никитич Романов был сослан например, в Березов или даже на каторгу в какие-нибудь рудники, посажен в колодки,

вернувшись через несколько лет он самолично – более чем вероятно – и как незаурядная личность, и как двоюродный брат уже правившего Россией царя мог занять царский престол и история опять таки пошла бы по другому пути. Годунов же постриг – всего лишь постриг – Федора Никитича, устраняя (согласно традициям того времени которую даже цари, даже самые удалые из удалых изменить не рискнули) его в качестве претендента на Русский Престол навсегда. Что, как мы увидим, повлияло на историю России. Ибо для Федора Никитича Романова, человека незаурядного ума и непреклонной воли, в честолюбивых мечтах оставалось одно: править страной за спиной кого то, безвольного. Чего он несколько раз пытался добиться разными путями. И в конце концов добился. И еще как добился! Но мысль стать самодержцем российским самолично у него более не возникала.

Поначалу жизнь Федора Никитича в монастыре была очень суровой, мало отличаясь от заключения. Приближение Лжедмитрия к России – даже всего лишь приближение! – изменило его положение кардинально. В 1605 году, когда борьба Бориса с самозванцем была во всем разгаре, Филарет вдруг изменился и “смело отгонял от себя палкою монахов, которые приходили следить за ним”. Воейков доносил на него в таких словах: "Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птиц ловчих, да про собак, как он в мире жывал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: Увидите, каков я вперед буду".

В чем причина столь дерзкого поведения? Нет, вы только представьте: узник бьет палкой тюремщиков. Каково?! И почему опальному от Годунова при все еще при царствующем Годунове чернецу-арестанту оно сходило с рук? Опять безответная загадка истории. Между тем самозванца по мере его приближения к Москве один за другим начали признавать государем русские города – ситуация стремительно приобретающая признаки общенародного восстания против владычества Москвы и ее государя. А одним из первых деяний (лже)Дмитрия после коронации в Москве (в войске которого преобладали казаки:

и донские, и волжские, и запорожские, и яицкие а вовсе кстати сказать не поляки) было возвращение всех оставшихся в живых Романовых из ссылки “как родственников”. Чьих? Царевича Дмитрия или реального самозванца? Этой деталью история не интересовалась. Иван Романов получил сан боярина, а чернец Филарет был возведен в сан ростовского митрополита (1605 г.). Вот уж воистину из грязи да в князи! Из простых монахов, минуя все промежуточные церковные должности – сразу в митрополиты! То что это неспроста, к гадалке ходить не надо. И то, что это неопровержимо доказывает не упоминаемую в школьных учебниках тесную связь (лже)Дмитрия I с Романовыми. Но из этого следует еще одно, а именно, самое непосредственное влияние ошельмованного историей Самозванца на появление в России царствующего дома Романовых. Ведь если Романовы не были возвращены самозванцем из ссылки, и если бы Федор Никитич, минуя все промежуточные должности, из простого монаха не был сразу возведен в митрополиты (то есть, выражаясь для лучшего прояснения сути дела более знакомым нам языком военной, а не церковной иерархии, из солдат в фельдмаршалы), Русская История точно пошла бы по другому пути.

Между тем, самозванец (или не самозванец??) воцарился в Москве и был коронован. И тут обнаружилось, что он вполне самостоятельный человек. Свое помазание этот ставленник московских боярских кланов воспринял всерьез. И кстати сказать, за десять месяцев царствования (с июня 1605 по май 1606) успел сделать немало полезного, например открывал школы. Однако дальние планы, о которых царь Дмитрий говорил открыто, такие как реформирование землевладения и права собственности над крепостными людьми, не могли не вызвать настороженность у (пользуясь современной нам с вами терминологией) элит. И совсем не величественный, а напротив: живой, динамичный стиль правления повелителя, столь непохожий на всех без исключения государей Московских до него, мог насторожить даже его сторонников. Царь определенно отбивался от рук, ставленник начинал приказывать тем, кто

думал, что после помазания на царство марионетки будут управлять ею – а значит Империей. Конец Государя Всея Руси (лже?)Дмитрия Ивановича наступил через несколько дней после коронования Марии Мнишек в качестве Российской Императрицы. Являлся ли приход в Москву сотен поляков из ее свиты фитилем, поджегшим пламя народного гнева – или же он был всего лишь поводом для начала восстания, организатором которого считают Шуйских (хотя участие других кланов включая Романовых историки также не исключают) – вопрос, который никогда не найдет окончательного ответа.

Свержение Самозванца и Воцарение Василия Шуйского не поколебало положения Митрополита Ростовского, удалившегося в свою епархию, которую до того почти не посещал за неимением времени и желания (активно взаимодействуя с (лже)Дмитрием I в Москве). Между тем к границам Московского княжества стали приближаться войска Лжедмитрия Второго, ставшие лагерем в 12 верстах от стольного града, в Тушине. Армия самозванца, в русской истории называемая поляками, в действительности состояла из русских, донских, запорожских и волжских казаков, шляхтичей и татар – тушинский лагерь многонационален. С другой стороны, и противостоявший тушинцам Царь Василий Шуйский пытался найти помощь отнюдь не в России, а в мусульманском Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 000 всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Навстречу союзникам царь выслал гонца с богатыми дарами. По русским источникам, татары (!) атаковали тушинцев, и те едва «усидели в своих таборах на реке Нара». Таким образом, разделение на сторонников Шуйского и сторонников Лжедмитрия проходило отнюдь не по национальному признаку, как нас учат. И – с точки зрения многонациональной сегодня и единой России – и слава Богу.

При взятии Ростова Филарет то ли арестован тушинскими отрядами, то ли просто примкнул к ним. Согласно канонической интерпретации, написанной с одобрения самого Филарета впоследствии, Филарет

Никитич удерживал свою епархию в повиновении Шуйскому, но напавшие на Ростов по поручению Самозванца переяславцы сорвали с него, молившегося за спасение Руси, святительские одежды, надели на страдальца сермягу, покрыли ему голову татарской шапкой и повезли в Тушино, в насмешку посадивши с ним на воз какую-то девку. В Тушино же Лжедмитрий II, признанный к этому времени самодержцем Российским многими русскими городами, встретил захваченного в плен (привезенного в таком непотребном и унижительном виде) Филарета с почестями и объявил патриархом. Картина достойная канонизации – и сериала на темы Истории! Однако все это как то не очень стыкуется между собой, и каноническая история с сермягой и татарской шапкой вызывает сомнения поскольку патриаршество Филарета у Самозванца сомнений не вызывает. Точнее: если и в самом деле Филарета доставили к Самозванцу Дмитрию Второму в столь униженном но в то же время не унижающем сана виде (сермяга все таки а не какие-нибудь тухлые яйца по лицу или сено на темя) – а царь, окруженный народом, его из сермяги в облачение митрополита – картина так и просится на экран. Или на сцену. Но кто был драматургом этого спектакля: его величество народ или его святейшество митрополит – история не интересовалась.

Находясь в Тушино и исполняя обязанности Второго Российского Патриарха при втором Российском Царе, Филарет сумел одновременно и пользоваться доверием самозванца и сохранять репутацию польского пленника в Москве (польского, а не казацкого!) В 1610 году он (по официальной версии) был отбит («отполонён») у тушинцев, принял участие в свержении Василия Шуйского и стал активным сторонником семибоярщины.

Присвоение Лжедмитрием II Филарету Никитичу (как он величал себя и на светский, и на религиозный манер одновременно) сана патриарха Всея Руси – коей он в тушинском лагере исполнял с усердием и профессионализмом, пользуясь полным доверием и расположением самозванца – вряд ли напоминает опалу. Юрисдикция нового Патриарха распространялась на

обширные территории, контролируемые тушинцами. Таким образом, на Руси оказалось не только две власти и два признанных государя, но и два патриарха (некто вроде «двоепапия» при авиньенском пленении пап в 14 веке – но на православный манер и в русской аранжировке). Однако – внимание! - перед врагами самозванца патриарх представлял себя как его «пленник» и не настаивал на своём патриаршем сане. При этом – что абсолютно и невероятно поразительно – тушинского патриарха Филарета считал “своим” и находившийся в Кремле патриарх Гермоген, непримиримый враг Лжедмитрия – и Лжедмитрий. Что говорит о совсем уже незаурядных дипломатических качествах Никитича, граничащих с мистикой и оставляющих далеко позади даже непревзойденного Талейрана. Запомним эту двойственность в восприятии Федора Никитича Филарета владыкой и мучеником, и повелителем и узником – ибо с ней русская история повстречается еще раз, причем в этом втором случае вынести решение был ли он узником или активно действующим политиком будет еще сложнее.

В июле 1610 года Филарет вместе с войсками Лжедмитрия II участвует в свержении (по другим версиям – переговорах с позиции силы) о добровольном отречении от власти Василия Шуйского и находится в самых дружественных отношениях с "семибоярщиной". Глава кн. Ф.И. Мстиславский. Члены – князя И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков, бояре Ф.И. Шереметев и – **И.Н. Романов (брат Филарета)**. И вдруг: неожиданный поворот! Вместо ставки на самозванца семибоярщина (в составе которой Иван Романов) и назначенный (лже)Дмитрием Вторым (успевшим к этому времени жениться на Марии Мнишек, напоминаю – Российской Императрице, прошедшей помазание) патриарх Филарет Романов решают призвать на Российский Престол польского королевича Владислава. Тотчас как по команде (хотя что я такое говорю? Разумеется по команде, таких зигзагов в истории без чьего-то закулисного дирижирования не бывает) Владиславу присягнула на верность Москва, а следом за ней и другие русские города. После чего именно Филарет Никитич (как он подписывал официальные

документы) возглавил "великое посольство" (состоявшее из 1200 человек!) в осажденный поляками Смоленск, целью которого было заключение соглашения о призвании на русский престол Владислава в качестве конституционного, то есть ограниченного условиями, государя. Одним из главных условий при этом было принятие юношей православия.

Надо сказать, что крайне отрицательное отношение русской идеологии начиная с XVIII века и по сей день к семибоярщине и так называемому "смутному времени" не находит рационального объяснения. Прежде всего обратим внимание на тот факт, что смутное время, как его обычно датируют (с воцарения Годунова до воцарения Михаила), с точностью до года, месяца, дня и часа совпадает с единственным в истории российской монархии периодом когда цари выбирались. Выборность Государей – и даже упоминание о выборности Государей! – могла вызывать резкое неприятие самодержавных Романовых. Но нам то с чего испытывать к выборности высших должностных лиц Российской Империи неприязнь? Что же касается идеи приглашения на Российский престол юного польского принца (которому в этот момент было пятнадцать лет) при условии принятия им православия, то объективно лучшего способа объединения славян и придумать нельзя. Рассудите сами: почему на русском престоле может быть татарин (Годунов) и чуть ли не династия немцев (Екатерины Первая и Вторая чистые немки, у Николая Второго 127/128 немецкой крови), а славянину это заказано? И почему население Руси того времени, огромного многонационального государства, могло исповедовать буквально любую религию (ислам, буддизм, поклонение небу, шаманство) – только не католицизм? С чего это такой страх? Тем более что, когда спустя полтора века Польша была поделена, присутствие католического населения на святой русской земле возражения не вызывало.

Представим на минуту, что Владислав стал русским царем а затем по праву наследования – и королем Речи Посполитой. Многовековая мечта об объединении славян, о которой по сей день мечтают славянофилы всех стран,

сбылась бы еще в 17 веке. Возникшая при этом империя простиралась бы не только от моря (Черного) до моря (Балтийского) чем особо гордилась Речь Посполитая, а от Карпат и Вислы до Тихого океана! Объединенное не только между собой, но и с народами великой степи славянство стало бы колоссальной силой, связанной и с Западом, и с Востоком многовековыми торговыми и культурными связями. Смешанные браки, равно как и приглашения на престол (вспомним не только полулегендарного Рюрика, но и многовековые традиции Новгорода, и княжеский стол как таковой) и до, и после этого времени были нормой: не случайно большая часть русской аристократии имеет либо литовское, либо польское, либо татарское происхождение. А если учесть что условием приглашения на престол Владислава было принятие православия, то вообще непонятно из за чего собственно разгорелся сыр-бор длительностью в четыреста лет. И: почему рассмотрение Ивана Грозного кандидатом на польский престол истоидеологией рассматривается как позитивное историческое явление, а приглашение польского принца на престол русский как чуть ли не худшее из всех возможных предательств? Но довольно об этом. Sapienti – каким без сомнения является читатель – в данном случае sat и более чем sat. Вернемся от обсуждения Русской Истории к Русской истории как таковой. И к Филарету.

Согласно канонической интерпретации, прибыв к полякам, Филарет отказался подписать договор, невыгодный для России, за что был арестован и девять лет провел в плену, живя в доме Сапеги (имя, ничего даже образованному русскому человеку не говорящее ничего), где и узнал об избрании на русский престол своего сына Михаила – за что смиренным Святым Отцом Церкви был отслужен молебен Господу. Лапидарная каноническая информация вызывает некоторые, мягко говоря, вопросы. Во первых, Лев Сапега был не начальником тюрьмы и не пыточных дел мастером, как можно подумать читая подчеркнуто лапидарные тексты учебников, а Государственным Канцлером, и дом его был роскошным дворцом. Но еще более серьезно – неучастие патриарха

Филарета, находившегося в Польском Плену, в избрании сына на царский престол, считающееся неизбежно каноническим в русской истории фактом, кажется более чем сомнительным. В действительности Филарет вел переписку с боярином Шереметьевым, возглавившим партию сторонников сына Филарета – Михаила Романова, и контролировал ситуацию в Кремле – для чего совсем не обязательно было находиться в Москве: вспомним хотя бы Грозного удалившегося в Александровскую слободу. Контроль Филарета за происходящим на Родине доказывается и тем, что после смерти патриарха Гермогена в январе 1612 года в Чудовом монастыре Московского Кремля Филарет, находящийся в плену (если только это был плен а не многолетние переговоры аккредитованного главы делегации на чем настаивают некоторые религиозные деятели Православной церкви в частных беседах), был избран патриархом всея Руси. И это при том, что, по признанию современников (для которых таковое признание было делом рискованным, а значит сказанное было у всех на устах), патриарх Филарет *был человеком светским, в собственно церковно-богословских делах разбиравшимся не очень хорошо.*

Представим себе на минуту, что Филарет, хитроумнейший дипломат и феноменально сильная личность, уехал из Польши на Родину до избрания Михаила – или вскоре после него. В этом случае ситуация легко могла выйти из под контроля. Ничто не мешало недавно образовавшемуся громадному по европейским масштабам государству – да еще в возможном союзе с Швецией, Ливонией и другими – вернуться в Россию и заварить новую кашу. Объективно, пребывание Филарета в стане поляков было исключительно полезно России – лучше его посла в критический для русских момент и придумать было б нельзя. Кроме того, не следует забывать, что далеко не все деятели церкви согласны с тем, что русский патриарх находился в плену у поляков. *Филарет руководил великим посольством и вел дипломатические переговоры, какой еще плен?* – воскликнул один из весьма образованных деятелей православной церкви, когда я напрямую спросил его, что он

думает о пленении Филарета Никитича. Так или иначе, было ли пленение патриарха Российского поляками реальным или дипломатическим прикрытием политического маневрирования, цель жизни Федора Никитича Романова была достигнута. Его послушный никогда не перечасий воле батюшки сын взшел на престол. Теперь властолюбию Филарета ничего не мешало.

После воцарения Михаила в России воцарилась разруха – даже сравнительно с последними годами правления Грозного. Через пять лет разорено приблизительно две трети крестьян. Недовольство в Русских городах и собственные амбиции подвигают Владислава, которому во время семибоярщины успели присягнуть на верность многие русские города, в 1617 пойти на Москву чтобы отвоевать трон у Михаила, который – как он считал – ему принадлежит по праву принесенной ему всенародной присяги. В ноябре 1618, в то время, когда Речь Посполита простиралась от моря до моря, он уже у Арбатских ворот Москвы. Идут тяжелые уличные бои (в которых полякам противостоял князь Пожарский) с большими потерями с обеих сторон, но Владиславу не удается взять Кремль и он начинает переговоры. В декабре того же 1618 года в Деулино близ Троице-Сергиева монастыря (пахотные земли которого, кстати сказать, за пять лет правления царя Михаила Федоровича уменьшились в 20 раз) заключено перемирие с Речью Посполитой. К Речи отошли Смоленская, Черниговская и Новгород – Северская земля с 29 городами. Несмотря на перемирие, Речь Посполитая не признала царем Михаила и не отказалась от своих притязаний. В следующем году совершился размен пленных; 65-летний Филарет вернулся в Москву и с первого же дня своего возвращения фактически правил Россией вплоть до своей смерти (1633), под именем “великого государя”. Все распоряжения верховной власти выходят отныне от имени двух царей – отца и сына (третья часть троицы – Святой Дух витал и продолжает витать над священной Русской землей по сей день и его животворное действие, как известно, даже при безбожниках большевиках не прекращалось ни на минуту), обоим делались доклады,

обоим представлялись иностранные послы – но, само собой разумеется, сын-самодержец по существу ничего не решал. Обращение *Святой Отец* (обычное в церкви по отношению к пастырям) в Доме Романовых первого поколения (при обращении младшего Государя к Старшему) приобрело удвоенный смысл. Двор Филарета Никитича, патриарха и государя всероссийского, отца и светского и духовного, был устроен по образу двора государей Московского Царства при Рюриковичах. Все грамоты выходили за двумя подписями. При патриархии возникли даже патриаршие приказы (министерства в современной терминологии). В правление Филарета еще более выросли и без того громадные церковные вотчины, а влияние духовенства на жизнь мирскую стало колоссальным, как никогда. Филарет Никитич был строг к кулачным и другим играм. Забавы, которыми сам он в молодости пробавлялся, были строжайше запрещены. При нем Русь стала самодостаточной и более закрытой от западных веяний – дурных ли, хороших ли – чем когда либо. Но что пожалуй наиболее важно: при Филарете Никитиче Романове Святость Русской Земли – всюду, куда ступил русский сапог или русский лапоть – святость, нашедшая отражение в первой строке Национального Гимна Державы спустя три с половиной века – впервые стала официальной государственной доктриной, остающейся незыблемой до сих пор.

Юрий Магаршак
Человек Мира.
И Миру-Мира.

Борис Тененбаум

Фарс как средство бегства от действительности

I

ринадцатого января 1525 года на вилле Якопо Фальконетти (или "Булочника", "Форначайо"), было дано представление новой комедии Никколо Маккиавелли, под названием "Клиция". Сюжет был безжалостно содран у Плавта, у которого есть комедия с совершенно такой же фабулой. Центральный персонаж пьесы – старый дурак, охваченный любовью, зовут его Никомако. Он, собственно, не так уж глуп - дураком его делает безумная любовь к молодой девушке, ничуть ему не подходящей. Вот эта страсть и делает его и глупым и смешным. Если основная мысль автора в силу каких-то причин не сразу дойдет до зрителя, то ему в помощь предлагается песенка-канцона:

Сколь хороша любовь во цвете лет, настолько не пристала тому, кто пережил давно расцвет.

С годами власть Амура сообразна – и в юношестве он прेमного чтим, а старость редко не чужда соблазна.

Так что оставьте это молодым, о старики – они на вашем месте Амуру больше чести способны оказать, сомнений нет.

Русский перевод несколько смягчен - в английской версии говорится не о об "...оказании должной чести Амуру...", а том что "... задницы молодых представляют собой более достойную цель для его стрел...".

Поскольку мы уже несколько знакомы со стилем Никколо Макиавелли, то, по-видимому, англичане со своим переводом подобрались поближе к оригиналу, чем их русскоязычные коллеги.

Исполнитель этой канцоны в тексте пьесы не указан, но, скорее всего, ее пела прелестная Барбара Раффакани. Постановка была сделана с истинным размахом: был задействован специальный художник, который создал сценическое оформление – Бастиано да Сан Галло – а музыку к спектаклю написал фламандец, Филипп Вердело.

Суть дела вкратце состоит в том, что Никомако, почтенный отец семейства, влюбляется на старости лет в свою воспитанницу, в которую влюблен также его сын Клеандро.

И Никомако измышляет прехитрый план: он собирается выдать свою воспитанницу за своего слугу, с тем, разумеется не с тем, чтобы отдать ее своему слуге на самом деле, а чтобы воспользоваться правами мужа юной красавицы самому. Дальше следует целый ворох невероятных приключений и поворотов сюжета. В итоге, когда Никомако все же настоял на своем плане, и входит вместе с ней в опочивальню, оказывается, что ему вместо девицы ему подложили другого слугу, так ловко закутанного во всевозможные одежды и густые вуали, что бедный Никомако в темноте не распознал разницы. И даже когда в попытке овладеть предметом своей страсти встретил отчаянное сопротивление, то и то ничего не понял, приписал случившуюся незадачу стыдливости новобрачной. А уж после того, как "она" двинула ему коленом в самое что ни на есть чувствительное место, решил и вовсе отложить дело до утра, и повернулся к ней спиной. Дальше есть смысл процитировать саму комедию. Вот что рассказывает об этой знаменательной ночи Никомако, обращаясь к своему другу Дамоне:

...Притомившись от обиды и боли, я начал дремать. Как вдруг почувствовал колотье такое в боку, возле поясницы – пять или шесть сильных таких ударов! Спросонья я завел туда руку и нащупал нечто такое твердое и острое, что заставило меня пулей выскочить из постели, ибо в ту же секунду вспомнил я о кинжале, которым Клиция грозила меня зарезать...

И бедный Никомако закричал, позвал на помощь, велел зажечь светильники – и вдруг обнаружил в своей постели нечто неожиданное:

...вместо Клиции увидели мы Сиро, моего слугу. Этот паршивец возлежал на постели совершенно голый, давился от хохота, и в знак полного презрения ко мне изображал рукой непотребные жесты...

В общем, все кончается хорошо. Пристыженный Никомако раскаивается в своей глупости, Клиция оказывается дочерью неаполитанского дворянина, который готов отдать ее за Клеандра, и все идет к благополучному концу.

А теперь примем во внимание, что героя пьесы Никколо Макиавелли зовут Никомако, "Нико-Мако", что словечко "Мака" его молодые приятели использовали как прозвище Макиавелли – и мы поймем, что автор написал довольно злую комедию о самом себе.

II

Что сказать? Эта комедия не выглядит такой уж веселой. Что-то сильно грызло душу автора, и что именно – мы можем только гадать. "Клиция" была написана как раз тогда, когда началось расследование по делу о заговоре, в который были замешаны близкие друзья Макиавелли. Он избежал ареста – и вполне возможной петли – просто чудом. О друзьях, окончивших жизнь на эшафоте, он никогда не вспоминал – по крайней мере, он не делал этого в такой форме, что это дошло бы до нас. Нет ни его писем на эту тему, ни воспоминаний кого бы то ни было из его современников о разговорах с ним на эту тему.

И он никогда не упоминал о сильном страхе, который неминуемо посетил бы каждого, чьи близкие друзья оказались схвачены как заговорщики. Не забудем – Никколо отведал уже раз и тюрьму, и пытку. А в комедии нет ни сожалений, ни ужаса, а есть только понятная всем и каждому неприятность, известная еще со времен Плавта – неподходящая влюбленность старика в чужую прекрасную юность.

То есть, вдобавок к фарсу как средству убежать от ужасной действительности, комедия получается еще и

довольно злой пародией на самого себя, и на свои поздние страсти...

Вдобавок - ко всему прочему...

Сильный был человек Никколо Макиавелли, не у каждого хватит духа посмеяться над собой в такой беде и в таком отчаянии...

Но если он спрятал свои чувства, и соорудил фарс как “...средство для побега...”, беды героя его пьесы и впрямь трогают сердце.

Песенка о том, что “...задницы молодых представляют собой более достойную цель для стрел Амура...” выглядит, я бы сказал, автобиографично. К тому же ее пела как раз та самая Барбара Раффакани, в которую Макиавелли был влюблен. И это хорошо видно из пьесы, которую он написал.

Его Никомачо не просто влюбился – он стал другим человеком. Как говорит в пьесе его жена - наш пожилой проказник ко всему прочему еще и женат - как, впрочем, женат и Никколо Макиавелли, что абсолютно ему не мешает:

...Прежде он был сама рассудительность и спокойствие. Время свое он проводил в неустанных трудах: вставал спозаранку, шел в церковь, распорядился по дому; затем – если бывала нужда – отправлялся на площадь, на рынок, в присутственные места; если нужды в том не было – уединялся с кем-нибудь из сограждан для степенного разговора или шел к себе и погружался в деловые бумаги и счетные книги; после чего приятственно обедал в кругу семьи, а отобедав – занимался с сыном, наставлял его, рассказывал назидательные истории о доблестных мужах и при помощи многообразных примеров из античной и современной истории обучал его жизни; затем снова выходил из дома либо по делам, либо для честного и серьезного времяпрепровождения...

В общем, Никомачо ведет себя, пожалуй, лучше чем Никколо – как-никак, он ходит в церковь и занимается деловыми бумагами, а не только “...рассказывает назидательные истории о доблестных мужах ... при помощи многообразных примеров из античной и

современной истории ...”, но вот, стоило ему влюбиться, - и он становится несчастным шутом и жертвой обмана.

Все-таки это довольно горькая комедия, я бы сказал...

III

Певицу Барбару Никколо Маккиваелли в первый раз встретил как раз у Якопо, который был ее, так сказать, патроном. Впрочем, он был не ревнив, и особо не возражал, если у нее появлялись и другие любовники. Приятели Никколо начали сплетничать насчет его вспышки поздней страсти чуть ли не в тот же месяц. У Франческо Веттори даже хватило ума написать его шурина, что по его мнению, Никколо поступил бы куда умней, довольствуясь крошками обеда, оплаченного Форначайо, чем торчать в обеденное время у двери [Барбары], которую ему не откроют. Слово "обед", понятное дело, тут надо понимать как эвфемизм.

Филиппо де Нерли сообщал все тому же шурина Никколо, Франческо дел Неро, что "*..Мака, твой родственник и мой друг...*", служит предметом пересудов всей Модены, потому что он, как-никак немолодой человек, неистово влюбился в женщину, которую он "*...предпочитает не называть...*".

Почему он не хочет ее называть, не очень понятно. У Барбары Раффагани было много "близких друзей", если мы используем эвфемизм еще раз. Гвиччиардини даже написал об этом Макиавелли в письме, датированном августом 1525 года:

"...ты слишком привык к своей Барбаре, которая, как и все особы ее рода занятий, старается понравиться всем и каждому, и ищет путей к тому, чтобы чем-то "казаться", вместо того, чтобы чем-то "быть"...".

Все это, конечно же, известно и самому Макиавелли – и ничуть его не беспокоит. В письме к Гвиччардини в Модену в январе 1526 года он пишет по поводу предстоящей там постановки "Мандрагоры":

"...что касается Барбары и других певцов, то я уверен, что смогу уговорить ее приехать, только надо ей заплатить. И упоминаю об этом потому, что некоторые из

ее любовников попытаются удержать ее от поездки, но есть способ заставить их помолчать...".

И Франческо Гвиччиардини пишет своему беспутному другу, что он влюблен не столько в Барбару, сколько во всех женщин вообще, и поминает ему некую Малискоту, с которой у Макиавелли была связь летом 1525, когда он был у Гвиччиардини по порученным ему делам о францисканских монастырях. Никколо ничуть не отпирался, и охотно признавался в легкомыслии, и в том, что он может устоять перед хорошеньким женским личиком, что красивая женщина интересней ему больше, чем все дела и планы императора Карла V.

Но про Барбару он пишет, что нашел в ней истинное сокровище огня, тонкости и грации, и думает, что этих ее качеств хватило бы на то, чтобы "*...приперчить...*" целый город.

А уж кстати о "перце" – он попросил Гвиччиардини разместить ее в Модене в каком-нибудь хорошем монастыре – Никколо полагал, что "*...среди монахов ее присутствие вызовет смятение...*". Шутка была хороша, но в Модену Барбара так и не приехала, потому что в силу самых разных причин постановка там "Мандрагоры" так и не состоялась.

Странное дело – Никколо Макиавелли было уже 56 лет, по тем временам возраст более чем почтенный. Папа Лев X скончался в 46. Денег у него не было, о власти, влиянии и могуществе уж и не говоря. И тем не менее он, даже пожилой и безденежный, нравился молодым женщинам.

Малискотта, например, говорила Гвиччиардини, что очень оценила разговор и манеры его друга. Можно допустить сомнение – в конце концов, она говорила с губернатором Романи, и могла похвалить Макиавелли для того, чтобы угодить губернатору.

Но вот прекрасная Барбара, с нежностью вспоминала его и потом, через 17 лет после его смерти. И это вряд ли была просто память о былом немолодой уже женщины - право же, ей было из чего выбирать, список бывлых любовей у нее был очень длинным.

И даже более того – говоря, в самый разгар их романа, что ценит своего друга и автора, она и в самом деле оказала ему услугу. Барбара, по-видимому, выхлопотала Никколо то, чего он не добился всеми 14-ю долгими годами службы Республике: право на выдвижение своей кандидатуры на почетные должности.

Оговоримся, однако, что мнения потомков на этот счет разделены. Например, есть вполне обоснованное предположение, что право это он получил благодаря влиянию Джулио Медичи, ставшего с 19 ноября 1523 папой римским, Климентом VII. По крайней мере, так говорится в совсем недавно вышедшей биографии Никколо Макиавелли на английском языке[2].

И вроде бы именно эта версия и выглядит более вероятной - как-никак, папе Клименту достаточно было молвить одно лишь словечко, и власти Флоренции, подвластной дому Медичи, выполнили бы его желание просто моментально. Но итальянский биограф Макиавелли, Маурицио Вироли, настаивает на том, что все было устроено Барбарой[3]. Кто тут прав?

Примем все-таки итальянскую гипотезу?

Пусть уж эта привилегия досталась Никколо от его юной любовницы, в знак женской благодарности за искреннюю любовь? А не от папы римского, как награда и милость?

Примечания

1. Тит Макций Плавт (лат. Titus Maccius Plautus) – выдающийся римский комедиограф.
2. Machiavelli, by Miles J. Unger, London New York, 2011.
3. Niccolo's Smyle, by Mauricio Viroli, 1998, page 225.

Исаак Юдовин

Гений философии

*Это чувство – удивление – чрезвычайно
свойственно философу, ибо у философии
нет иного начала, чем это.*

Платон

Удивление, с которого по Платону начинается всякое познание, сопровождало этого великого грека до последних дней его жизни. Умер он в 347 году до новой эры, по преданию, в день своего рождения.

Платон родился в Афинах в 428 или 427 г. до н. э. Его настоящее имя – Аристокл. Это имя дали ему в честь деда с отцовской стороны. Платон – псевдоним, которому он обязан то ли за его широкую грудь, то ли за широкий лоб, а скорее всего – за широту и непринужденность стиля (от греч. Platus – широкий, широкоплечий). Так Аристокл превратился в Платона.

Отца Платона звали Аристон. Среди его предков был последний афинский царь Кодр. Мать его, Периктиона, происходила из рода Солона, знаменитого государственного деятеля Афин, прославившегося демократическими реформами, которого прозвали Солоном – законодателем.

То, что Платон родился и рос в знатной, старинной, царского происхождения семье, не могло не сказаться на формировании его мировоззрения и личностных качеств. Будущий философ получил всестороннее по тем временам воспитание, в основе которого лежала идея гармоничного развития личности, сочетающей в себе физическую, телесную красоту и внутреннее, нравственное благородство. Достигнуть этой гармонии внешнего и внутреннего можно было упражнениями, в частности физическими, образованием и воспитанием с малых лет.

Юный Платон брал уроки у лучших учителей Греции. Гимнастике он обучался у известного тогда борца Аристана, причем так усердно, что участвовал в качестве борца на Олимпийских играх и даже получал награды. Грамоте он учился у Дионисия, музыку преподавал ему Дракон. Занимался молодой Платон и живописью, любил петь, хотя не отличался сильным голосом, сочинял трагедии и комедии. Он уделял большое внимание самообразованию и самовоспитанию.

У Платона рано обнаружился интерес к философии. Сначала он был учеником Кратила (последователя древнегреческого философа Гераклита), а затем и великого Сократа.

Двадцатилетний Платон и почти шестидесятилетний Сократ впервые встретились в 407 г. до н. э. Их встреча оказалась в высшей степени благотворной для обоих. В лице Платона Сократ обрел величайшего из своих учеников. С древних пор сохранился рассказ о том, что перед встречей с Платоном Сократ увидел во сне, как бескрылый лебедь опустился к нему на колени. Потом у лебеда выросли крылья, и он взлетел с дивным криком, пленившим всех, кто слышал его. Этот сон трактовался так, что придет к Сократу ученик (Платон) незрелым, но достигнет совершенства и создаст замечательное учение. Но величие Платона не только в этом. Как известно, Сократ никогда ничего не писал, а только беседовал с теми, кто искал истину или пытался разобраться в себе и в жизни. Если бы не Платон, обстоятельно записывавший эти беседы, мы знали бы о них гораздо меньше.

В свою очередь, в лице Сократа Платон обрел учителя, который служил для него образцом, идеалом и создателем подлинного философского учения. Став летописцем жизни Сократа, он прославил его в своих сочинениях. По словам А.Ф. Лосева (1893-1988), выдающегося знатока древнегреческой философии, "Сократ дал Платону то, чего так ему не хватало: твердую веру в существование истины и высших ценностей жизни, которые познаются через приобщение к благу и красоте трудным путем внутреннего самосовершенствования". Не случайно

сердцевиной философского поиска Платона явилась унаследованная от Сократа убежденность в том, что объектом умственного исследования должно быть познание сущности вещей. Отсюда цель философии заключается в постижении общих понятий. Основной же путь достижения этой цели – это применяемый Сократом индуктивный метод, ведущий от частного к всеобщему. Именно Сократ всегда поднимал вопрос об универсалиях: что есть красота, благочестие, справедливость, мудрость, дружба, мужество, храбрость, самообладание? Они заставляли задумываться не только о философских понятиях, но и о жизненных ценностях, особенно моральных. Как пишет Лосев, "Сократ разъяснял предназначение человека в обществе, его обязанности, его взаимоотношения с законами, почитание богов, необходимость образования, воздержания от грубых страстей, приобретения друзей, то есть практическую ориентацию человека в жизни, руководствующегося совестью, справедливостью и гражданским долгом". Все это становилось достоянием не просто памяти Платона, но сформировало его личность в целом, ее нравственную направленность, мышление, эмоционально-волевую сферу.

Мирные занятия философией не могли долго продолжаться в стороне от политических страстей, которыми были так богаты Афины. Первое непосредственное включение Платона в политическую жизнь государства относится к 404 году. Афинская аристократия, совершив переворот, пришла к власти, и двое родственников молодого философа оказались на первых ролях в олигархическом правительстве "Тридцати тиранов". Это был горький опыт: разочарование вызвали интриги и насилия, пущенные в ход теми, к которым Платон до сих пор питал доверие. Уже тогда у него появилась антипатия к власти олигархов. С годами она все больше усиливалась.

Кульминационным событием, приведшим Платона к полному разочарованию в практической политике Афин, стала смерть Сократа. Он умер насильственной смертью, ответственность за которую легла на демократов, вновь взявших власть в свои руки.

Это случилось в 399 г. до н.э. Афинские власти приговорили Сократа к смертной казни по официальному обвинению в непризнании местных богов и введении других, новых божеств, в развращении молодежи. Иначе говоря, Сократа обвинили в инакомыслии, в подрыве основ государства – его законов. Однако за сухо сформулированными пунктами скрывались причины другого рода. Своим благочестивым, бескорыстным и скромным образом жизни Сократ нажил себе не только друзей, но и врагов. Бездарные политики (а их было немало и в те времена) не могли простить ему его призыв: "Править должны знающие". "Цари и правители, – говорил Сократ, – не те, которые носят скипетры или избраны кем попало, и не те, которые достигли власти по жребью или насилием, обманом, но те, которые умеют управлять". Целью правителя должно быть, по Сократу, не удовлетворение ненасытной жажды власти, личных прихотей и капризов, а служение своему народу. Те же правители, которые используют власть в своекорыстных интересах, заслуживают сурового наказания. Поэтому важно, чтобы люди, готовящие себя к политической деятельности и властвованию, научились воздержанности во влечениях и обрели знания, необходимые для пользы государства и его граждан.

Невзлюбили Сократа и богатые граждане Афин за его неприязненное отношение к их образу жизни, в основе которого лежала страсть к наживе и к чувственным наслаждениям. Этим людям чуждо было то, что счастье Сократ видел не в богатстве, роскоши и неге, а в добродетельной жизни, достигаемой путем умеренности во всем, воздержания от соблазнов и разумного управления потребностями, эмоциями и чувствами. И Сократ до конца жизни не изменил этому пониманию счастья. Несмотря на то, что его семья жила в крайней бедности, он отказывался брать деньги у своих слушателей. Философа, берущего плату за обучение мудрости, Сократ сравнивал с теми, кто продает свою красоту за деньги. Иначе философия – любовь к мудрости – во многом теряет свою способность одухотворять и возвышать отношения между людьми и

самый процесс познания истины. И Сократ, исходя из этой особенности философии, бескорыстно просвещал всех, кто готов был его слушать.

Недовольны были Сократом и ярые защитники демократической формы правления. Ему представлялось, что Народное собрание, которое в условиях афинской демократии играло ведущую роль в решении важнейших вопросов государства, не обладало нужной для этого мудростью. Иронизируя по поводу всевластия демоса, который своими решениями превращал незнающих людей в стратегов, Сократ как-то, когда зашла речь о нехватке лошадей, посоветовал и этот вопрос решить на Народном собрании, а именно: превратить ослов в лошадей с помощью голосования. Видимо, Сократ интуитивно уловил психологию толпы, которая обезличивает отдельных людей, делает их игрушками в руках вождей, лидеров, правителей. Привыкая поступать бездумно, эти люди теряют способность принимать правильное решение, самое здоровое из предлагаемых суждений. Кстати, на эту особенность толпы обратил внимание Солон. Он говорил, что один отдельно взятый афинянин – это хитрая лисица, но когда афиняне собираются на Народное собрание, то имеешь дело со стадом баранов. Не стал ли Сократ с его нелестным мнением о решениях "большинства афинян" жертвой этого стада?

У Сократа была возможность предотвратить судебный процесс над собой. Начиная уголовное преследование крамольного мыслителя, обвинители рассчитывали, с одной стороны, запугать Сократа и заставить его замолчать, а с другой, – дискредитировать его в глазах афинян, представив его мудрость и весь его образ жизни как богохульство и явное нарушение устоев государства. Но Сократ не был бы Сократом, в высшей степени человеком нравственной свободы и ответственности, гражданского мужества и стойкости духа, если бы не принял брошенный ему вызов. Не мог этот человек, признанный даже дельфийским оракулом "мудрейшим из мудрейших", поступить иначе. И он предстал перед афинским судом, чтобы объявить себя

оправданным перед судом своей совестью. Недаром Сократ после провозглашения смертного приговора, воспользовавшись своим правом на последнее слово, сказал: "Избегнуть смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее – избежать испорченности: она наступает стремительней смерти". Друзья уговаривали Сократа бежать, ссылаясь на несправедливость приговора. Но он решительно отказался от побега как от бесчестного и преступного поступка. Хотя большинство и в состоянии убить нас, говорил Сократ, однако в вопросе о добродетельном, справедливом и прекрасном следует руководствоваться только разумом и убеждением. "Согласно или не согласно с этим большинство, пострадаем ли мы от этого больше или меньше, чем теперь, все равно, - утверждал он, - несправедливый поступок есть зло и позор для совершающего его, и притом во всех случаях".

Считая бесчестным отвечать несправедливостью и злом на несправедливость и зло, Сократ был убежден в том, что лучше испытать чужую несправедливость, чем самому творить ее. Для Сократа, рассматривавшего справедливое и законное как одно и то же, побег из тюрьмы означал бы насилие над законом и, следовательно, над справедливостью. "Предпочти умереть, оставшись верным закону, - говорил он, - нежели жить в насилии". И он сделал свой выбор: ушел из жизни в соответствии с приговором, ушел, не признав себя виновным, но и не посягнув на Закон и тем самым не воздав злом за зло...

Суд над Сократом настолько потряс Платона, что он заболел и не смог присутствовать при смерти своего Учителя, который всем своим поведением на суде и в ожидании смертной казни явил собой пример того, что надо уметь не только достойно жить, но и достойно умирать, противопоставляя страху смерти силу духа.

Испытывая теперь отвращение не только к власти олигархов, но и демократов, Платон решает держаться подальше от политики воинствующих невежд, которых меньше всего тревожит участь народа. В дальнейшем он пришел к выводу: если правителей интересует лишь собственный барыш, а не народный интерес, то, при этом

чрезмерная власть порождает абсолютизм тирании, а чрезмерная свобода вырождается в демагогию.

После казни Сократа Платон, не желая больше оставаться в Афинах, перебрался в Мегару к философу Евклиду, одному из самых преданных учеников Сократа. Туда же отправились и другие его ученики. Они хотели еще раз пережить вместе общее горе, прежде чем расстаться, разъехавшись по разным городам Греции и других стран. Теперь им ничего другого не оставалось, как начинать самостоятельную жизнь. А для этого они, молодые философы, должны были по старинной традиции набраться мудрости у тех, кто хранил ее с древнейших времен.

Сначала Платон посетил Египет (как в свое время его прославленный предок Солон), где встречался с учеными жрецами, от которых он, в частности узнал о судьбе древней Атлантиды и кровопролитной войне афинян и атлантов. Затем отправился в Италию, где познакомился с пифагорейцами (последователями Пифагора, знаменитого древнегреческого философа и математика, жившего в VI веке до н. э.), в том числе с Архитом, который еще при жизни, был признан выдающимся философом, ученым, инженером.

Платону было известно, что Сократ очень высоко ценил учение пифагорейцев о смысле жизни и смерти, утверждавшее, что "мы, люди, находимся как бы под стражей, и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать". Смысл этого учения о таинстве жизни и смерти заключается, в частности, в том, что тело - темница души и что освобождение души наступает лишь со смертью. Поэтому, хотя смерть есть освобождение, человеку произвольно лишать себя смерти нечестиво, поскольку люди – часть божественного достояния, и боги сами укажут человеку, когда и как угодна им его смерть. Отрицая самоубийство как путь к освобождению, пифагорейское учение придает жизни напряженный и драматический смысл ожидания смерти и подготовки к ней и к последующему возрождению среди богов и соединению с божественным, для чего необходимо сознательно и постоянно искать истину и благо. Не поэтому ли Сократ, рассуждая в духе

учения Пифагора и его последователей, не сомневался в том, что он заслужил свою смерть, потому что боги, без воли которых ничего не происходит, допустили его осуждение? Возможно, что именно по этой причине Сократ не считал нужным готовиться к защите на предстоящем суде над ним, говоря, что вся его жизнь была подготовкой к ней, что он ничем другим не занимался, как только тем, что исследовал вопросы о справедливости и несправедливости, поступал всегда справедливо, а несправедливых поступков избегал. Более того, Сократ утверждал, что он полон радостной надежды: ведь умерших ждет некое будущее. Он думал, что за свою справедливую жизнь попадет после смерти в общество мудрых богов и знаменитых людей. Смерть и то, что за ней последует, представляют собой награду за муки жизни. Как надлежащая подготовка к смерти, жизнь – трудное и мучительное дело. "Те, кто подлинно предан философии, говорил Сократ, - заняты, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялись".

Испытал на себе влияние учения пифагорейцев о смысле жизни и смерти и Платон. Исходя из дуалистического понимания человека, состоящего из как сверхчувственной сущности (души) и чувственного существа (тела), Платон рассматривал тело не как просто обиталище души, благодаря которой тело живет (на службе у души, как это понимал Сократ), но, скорее, как могильный склеп или как тюрьма души, где она изнуряется в муках. Недаром Платон высоко ценил творчество своего современника, выдающегося драматурга, автора трагедии "Медея", афинянина Еврипида: "Как не восхищаться Еврипидом, когда он говорит: "Кто знает, жить – не значит ли умирать, а умирать – не значит ли вновь ожить?" и, быть может, мы в действительности мертвы. Ведь и я слышал от мудрецов, что мертвы мы, и тело наше – могила наша". Словом, по мнению Платона, пока мы имеем тело, мы мертвы, ибо фундаментально мы есть благодаря душе, а

душа, пока она в теле, – она как в могиле, значит, умерщвлена. Душа должна избегать тела, насколько это возможно. Смерть тела – это жизнь, ибо душа освобождается из неволи. Тело – корень всех зол, источник нездоровых страстей, невежества и просто безумия, то есть всего того, отчего гибнет душа.

В дальнейшем Платон несколько смягчил столь негативную оценку телесного, но от сути ее так и не отказался. Он по-прежнему утверждал, что душа должна избавиться от телесного и мирского зла. Смерть – всего лишь эпизод, имеющий отношение только к телу. Она не только не вредит душе, а, напротив, дарует ей жизнь новую, праведную, принадлежащую лишь ей самой, и именно это позволяет ей, душе, наконец, соединиться со сверхчувственным, духовным, умопостигаемым миром. По словам Платона, "нельзя найти место среди богов, скитаясь по этой земле вокруг нашей смертной природы. Вот почему надобно как можно быстрее покинуть этот мир ради другого. А это значит уподобиться богу так, как это только возможно и доступно человеку, достигнув праведности, святости и вместе с тем мудрости".

Что же призвана делать душа, чтобы переселиться из мира физического, телесного в мир надфизический, духовный? Познавать. Но что такое познание и почему душа нуждается в нем? Познание, по Платону, – это "анамнез", то есть некая форма воспоминания, реактивация того, что уже изначально есть в глубинах нашей души. Если для Сократа было достаточно понять, что сущность человека – это его душа (от греч. психэ), не считая столь уж важным определить, смертна она или бессмертна, то для Платона проблема бессмертия души приобретала особое значение. Дело в том, что, душа человека способна познавать неподвижное и вечное. Однако, чтобы уловить это неподвижное и вечное, она сама должна иметь сходную природу. В противном случае все вечно пребывающее оставалось бы вне способности души к восприятию и озарению. Следовательно, душа столь же вечна и неизменна, как вечность, ей подвластная. Правда, сначала души представлялись Платону вне рождения и вне границ. Но

впоследствии он уже говорил, что душа порождена Демиургом (от "греч. "демиургос" – ваятель, создатель). Это значит, что рождение души имеет начало, но по своему божественному статусу она не подлежит смерти, подобно тому, как недоступно смерти все то, что прямо произведено Демиургом. Отсюда следует, что существование и бессмертие души осмысленны лишь в том случае, если она действительно понята как сверхчувственная сущность, обитающая в сверхчувственном пространстве, а потому не подлежащая порче и отрицанию со стороны человека. Душа, стало быть, видела все, и вся реальность для нее доступна, как по ту сторону мира, так и по другую. Если это так, то нет ничего проще, чем заметить, как душа познает и понимает. Она извлекает из самой себя истину, которой владеет как своей сутью. Вот это извлечение из себя и есть "воспоминание", "анамнез".

Выходит, что любой человек способен самостоятельно добыть изнутри себя истину, о которой прежде не знал и которой его никто не учил. Однако условием извлечения истины из души, ее произрастания должен быть факт наличия истины в душе. Но ни одна из вещей, чувственно нам данных, не бывает абсолютно адекватной понятию о ней. Зрение, слух, осязание, вкус и обоняние могут запутать нас. Наши глаза могут увидеть огромный предмет маленьким, если он расположен далеко. Мы можем неправильно расслышать то, что кто-нибудь скажет нам и т. д. В итоге мы можем получить неправильное представление о природе вещей и, следовательно, наши души не могут видеть реальность, пока они не освобождены от обманов и неточностей физических чувств. Значит, между опытными данными и нашими понятиями существует некая неадекватность: понятия содержат в себе нечто большее, чем чувственные данные. Откуда же берется эта плюсовая величина? Если ее нельзя структурно обнаружить вовне, то есть чувством, значит, ее источник внутри нас. Причем этот плюс не есть творение думающего субъекта. Субъект его находит, следовательно, этот плюс предпослан субъекту объективным образом, будучи абсолютным и независимым. Напрашивается вывод: чувства поставляют

знания несовершенные, но наш интеллект вскрывает, отталкиваясь от них, знания иные, совершенно адекватные с первыми. Но так как наш ум их не производит, то, следовательно, он их находит, как изначально существующие, вспоминая о них. Неудивительно, что именно Платон положил начало теории "врожденных идей", получившей свое логическое завершение в учении о познании выдающегося французского философа Декарта (1596-1750).

Какова, согласно учению Платона о реинкарнации душ, то есть о их воплощении в разных живых существах, участь души после смерти тела? Если души вели образ жизни, исключительно связанный с телами, страстями, вожделениями и наслаждениями, то со смертью они не смогут полностью отделиться от телесного. Эти души бродяжничают некоторое время, страшась Аида, кружа вокруг могил, подобно фантомам, пока, захваченные желанием телесного, не соединятся снова с телами как человеческими, так и животными, в соответствии с низким моральным уровнем предшествующей жизни. Для душ, отягощенных тяжкими преступлениями, наказание не имеет предела: они обречены на мучительное пребывание в теле, им не вырваться из него на свободу. Кто же в этом виноват? По Платону, человек должен сам отвечать за избранную им жизнь, не обвиняя ни обстоятельства, ни богов. В какую бы пучину тысячелетних странствий ни бросала бы судьба человека, ему надо держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость и разумность. Те души, что жили именно так - по законам добродетели - воплощаются в телах кротких и общительных животных или вполне достойных людей. "Но, - подчеркивает Платон, - высокое племя богов недоступно душам, не культивированным философией и не очистившим свое тело полностью, но доступно лишь тем, кто возлюбил мудрость". Мудрец чужд зла и безобразия. Он весь во власти добра и красоты, а значит, сопричастен богам.

Дружба Платона с пифагорейцами оказалась исключительно плодотворной для него. "Если Сократ, - замечает Лосев, - научил Платона уважать человека,

стремящегося к знанию и нравственному идеалу, то пифагорейцы обучили Платона четкости мысли, строгости и стройности в построении теории, последовательному и всестороннему рассмотрению предмета".

Десять лет путешествовал Платон после смерти Сократа, однако не торопился вернуться в Афины. В 389 году он отправился в Сицилию по приглашению ее правителя-тирана Дионисия Первого, который еще в 406 году захватил власть в Сиракузах вооруженной силой. Опираясь на преданные ему войска, он предавал смерти многих граждан, конфискуя их имущество и все чаще проявляя небывалую жестокость. Платон принял его предложение, надеясь внушить этому тирану идеал правителя-философа. Но это была чистейшая иллюзия, с которой Платон долго не мог расстаться. Разочаровавшись еще в Афинах во власти и аристократов, и демократов, он все более утверждался в мысли, что "человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или же властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами".

Надо было очень верить в силу философского воздействия, чтобы превратить Дионисия в мудрого правителя. Беседуя с ним о добродетелях правителя и человека, Платон поучал его, пытаясь объяснить, что такое счастье, справедливость, храбрость, мужество. Так, говоря о мужестве, Платон доказывал, что тираны беднее всех мужеством, ибо держат окружающих только силой страха и сами испытывают страх перед каждым человеком. На вопрос Дионисия, не требуется ли храбрости тирану, Платон, не таясь, ответил, что тиран – самый боязливый человек на земле, так как он дрожит даже перед своим цирюльником, опасаясь, как бы тот не зарезал его бритвой. Эти беседы все больше раздражали Дионисия, тем более что философа восторженно слушали придворные. Среди них был и близкий родственник тирана – Дион, умный и увлекающийся философией молодой человек. В его лице Платон нашел настоящего друга и ученика. Зная жестокость

и вероломство Дионисия, Дион решил немедленно отправить Платона за пределы Сицилии. Но на корабле, на котором философ отбыл из Сиракуз, находился пассажир, которому Дионисий велел убить Платона или в крайнем случае продать его в рабство. К счастью, до убийства философа дело не дошло, но в рабство он был продан. Друзья Платона вскоре вызволили его из неволи.

По возвращении в Афины после 14 лет странствий Платон основал Академию (в старинном гимназии, который был расположен в парке, посаженном в честь древнего героя Академа). Там и возникла около 385 года знаменитая философская школа Платона, которая просуществовала до самого конца античности, до 529 г. н.э., когда византийский император Юстиниан закрыл ее как рассадник ложной языческой (с точки зрения христианства) мудрости. Наконец-то Платон обрел здесь ту спокойную скромную жизнь, которой у него до сих пор не было. Вокруг него собралось много молодых и не очень молодых талантливых людей, которых объединяла увлеченность философией, математикой, астрономией, прикладной механикой. В то же время ученики Платона интересовались литературой, изучали законодательство разных государств, естественные науки. Излюбленным методом овладения научными знаниями была беседа (сказывалось влияние Сократа). Вначале Платон беседовал, прогуливаясь под деревьями в парке Академа, а затем - в своем доме, где устроил святилище, посвященное музам и зал для занятий.

Казалось, что Платон, удовлетворенный своим образом жизни в Академии, позволяющим ему заниматься науками и преподаванием, не пожелает больше куда-либо поехать, тем более что и возраст к этому не располагал. Но судьба распорядилась иначе. В 367 году в Сицилии умер Дионисий Первый, и власть перешла к его сыну – Дионисию Второму. Иначе говоря, от одного тирана к другому. Опорой тирана сына так же, как и при тиране – отце, остался Дион. Дионисий Второй, как писал древнегреческий философ и писатель Плутарх, был не худшим из тиранов. Однако, по мнению Диона, главное зло проистекало из невежества этого молодого тирана. Дион, вознамерившийся сделать Дионисия

Второго просвещенным правителем, всячески уговаривал его пригласить Платона, чтобы послушать его мудрые речи. В конце концов Дионисий поддался на эти уговоры. Не устоял и Платон перед чуть ли не умоляющими просьбами Диона и пифагорейцев помочь Дионисию разумно править государством. И вновь Платон загорелся своей заветной идеей соединить в лице одного и того же человека философа и правителя, который убедится в необходимости создания нового государственного строя на благо всех граждан страны.

Дионисий с почтением и благодарностью встретил 60-летнего афинского философа, охотно внимал его рассуждениям о роли знаний, образования, философии в управлении государством. Но, увы, Платон опять пребывал в плену иллюзий. Он не склонен был признать, что как ни просвещай тирана, тот все равно останется тираном. Дионисий, воспользовавшись ложным доносом на Диона, обвинил его в измене и сослал в Италию. Платону как другу Диона угрожала смертельная опасность. Но тут началась война.

Дионисию было уже не до Платона, и он разрешил ему уехать. Так еще одной неудачей завершилась попытка великого идеалиста сделать тирана благоразумным властителем.

Тем не менее, в 361 году Платон предпринял еще одну (уже третью!) поездку в Сицилию. Он меньше всего был в ней заинтересован. Но этого очень хотели... Дионисий и Дион. Каждый из них преследовал при этом свои определенные цели. Дионисию важно было реабилитировать себя в глазах граждан греческих городов-государств за свое недостойное обхождение с Платоном. К тому же любознательный тиран в самом деле хотел видеть философа у себя во дворце, беседовать с ним на разные темы.

Что же касается Диона, то он очень надеялся благодаря Платону, если тот опять окажется в Сиракузах, вернуться в Сицилию, чтобы восстановить свое право на принадлежавшее ему имущество и то политическое влияние, которое имел до изгнания. И хотя Платон не хотел больше

искушать судьбу, однако под давлением не только Дионисия и Диона, но и уважаемых им друзей, прежде всего пифагорейцев, призывавших его спасти Диона, старый философ (ему уже было 67 лет) вынужден был вновь отправиться к Дионисию Второму. Не мог Платон оставить друга Диона в беде, считая дружбу одной из основных добродетелей.

Дионисий, встретив Платона с еще большим почетом, чем в прошлый раз, пытался одаривать его ценными вещами и деньгами. Но Платон не польстился на щедроты, что вызывало зависть у тех, кто с радостью получал подачки от тирана. Но вскоре, когда Платон выступил в защиту Диона, Дионисий снова повел себя самым недостойным образом. И вновь над философом нависла смертельная угроза. И только вмешательство друзей – пифагорейцев спасло ему жизнь. Измученный и заболевший от тяжелых переживаний, он вернулся в Афины. Узнав об этом, возмущенный Дион начал военные действия против Дионисия и, победив его, пришел в 357 году к власти. Однако его намерения претворить в жизнь идею Платона о разумном управлении государством потерпели фиаско. Противники этой идеи организовали заговор и убили Диона в 353 году.

Платон был потрясен убийством Диона. Потрясен не только потому, что был убит его любимый друг и ученик, но и потому, что убийцей оказался афинянин Каллипп. Впрочем, и убийце недолго оставалось жить: ему перерезали горло тем самым кинжалом, которым он нанес смертельный удар Диону. Когда эта весть добралась до Афин, многие стали вспоминать старую поговорку: "Доблестные люди в Афинах не знают себе равных в доблести, а порочные – в пороке".

Не доставляли радости Платону непрерывные войны внутри Греции и одновременно ее борьба с внешними врагами, особенно с Македонией. Умело используя вражду между греческими городами-государствами, она методично покоряла их одно за другим и все сильнее угрожала самим Афинам. Каково было Платону все это сознавать?! Правда, он не дожил до того позора, когда крупнейшие деятели

греческих городов открыто высказывались в пользу добровольного подчинения македонскому царю Филиппу Второму, как, например, знаменитый афинский оратор Эсхин, который возглавил промакедонскую партию, призывавшую безоговорочно признать верховную власть Македонского царства над Грецией.

Платону умер до того, как экспансия Македонии в отношении Греции вступила в завершающую фазу, и ему не пришлось пережить еще одно тяжелейшее потрясение, связанное не только с потерей греческим народом своей свободы и независимости: его друг, с молодости, выдающийся оратор Исократ, не желая мириться с македонской агрессией, покончил жизнь самоубийством, а его, Платона, ученики Демосфен и Гиперид погибли в борьбе с царем Филиппом. Демосфен, как и Исократ, покончил с собой, а Гиперид был схвачен врагами и казнен. Не узнал, к счастью, Платон и о том, что его самый талантливый ученик Аристотель сблизился с македонцами.

Но и без этих тягостных событий жизнь Платона была насыщена горестными переживаниями. Уже осуждение и смерть Сократа положили начало разрушению в Платоне веры в силу разумного убеждения. В дальнейшем эту веру все больше подрывали тщетные попытки преобразовать сицилийскую тиранию в просвещенную монархию. Неудивительно, что Платон на закате своей жизни писал: "Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый – с самим собой". Ни что не изменилось с тех пор.

Древнегреческие философы до Платона предпочитали размышлять о физическом, чувственно воспринимаемом мире и о его физических первоначалах: воде (Фалес), воздухе (Анаксимен), огне (Гераклит), земле (Ксенофан) и т. д. Отсюда следует, что эти философы были материалистами. В отличие от них Платон открыл реальность надфизического, сверхчувственного мира, признаки которого не просматриваются в предшествующей философии. Чтобы ответить, например, на вопрос, почему некая вещь красива, тогдашний материалист призвал бы для объяснения элементы чисто физические: цвет, пропорции и

т. п. Однако, по Платону, не они являются истинными причинами. Необходимо постулировать существование некой последней причины, которая должна быть чем-то нечувственным, но умопостигаемым. Такой причиной является Идея, или же чистая форма Красоты – в – себе, которая определяет, какие из вещей, данных в чувственном опыте, красивы, т. е. через форму, цвет и пропорции обнаруживает, каковы они есть и какими должны быть в точном смысле, чтобы быть прекрасными. Только после создания Платоном учения об идеях можно было говорить о мире материальном и нематериальном. Именно эти идеи, воплощенные в мире надфизическом, сверхчувственном, и предназначены управлять физическим, чувственно воспринимаемым миром.

Что же делает платоновские идеи способными управлять этим материальным миром? То, что они представляют собою сущность вещей, т. е. то, что каждую из них делает тем, что она есть. При этом Платон употребляет термин "парадигма" (от греч. "paradeigma" – "образец"), указывая на то, что идеи образуют перманентную модель каждой вещи (чем она должна быть).

Иначе говоря, идеи – это вечные образцы, модели, по которым строится вся множественность вещей, образованных из бесформенной, темной, текучей, бесконечной материи. Сила пронизывающего, сияющего света, исходящая из идей, которые являются смыслом вещей и законом их существования, оживляет темную материальную массу, придает ей ту или иную видимую форму по образцу вечных и неизменных форм.

В понимании Платона мир идей образован из некоего множества, поскольку в нем есть идеи всех вещей: идеи математических и геометрических формул и фигур (круга, шара, треугольника), идеи различных телесных образований (растения, животного, звезды), идеи моральных ценностей (добродетели, блага, мужества, самоотверженности) и т. п. Все эти идеи, рассматриваемые в 23 диалогах Платона и в 22 приписываемых ему, а также в речи "Апология Сократа" и в ряде писем, предстают как иерархически организованная система, в которой идеи

нижнего яруса подчинены более высоким, и дальше, и выше, вплоть до идеи на вершине иерархии, которая является условием существования всех остальных и не обусловлена никакой другой. Речь здесь идет об абсолютной Идее, которую Платон называет Благом.

Идеи автоматически не становятся внутренним достоянием человека. Они требуют от него высокой интеллектуальной деятельности. По убеждению Платона, "они доступны лишь наиболее возвышенной части души", т. е. открыты понимающему уму и только ему. Однако продуктивная работа этой части души во многом зависит от состояния других ее частей: вожделяющей (чувственной) и страстной (аффективно-волевой). Если пренебрегать ими, то это неизбежно скажется на характере деятельности разумной части души.

Следовательно, душа в целом нуждается в непрерывном совершенствовании в целях познания мира идей. Недаром Платон с особой силой подчеркивал, что "тот, кто велит нам познать самих себя, приказывает познать свою душу". Так, и только так душа становится способной проникать в умообразный мир идей.

Сам Платон, благодаря целеустремленному самовоспитанию своей души, воплотил эти идеи, и они сделали его таким, каким он был в жизни: благожелательным и благородным, сдержанным и скромным, страстным борцом за справедливость и истину, исключительно совестливым. "Не золото надо завещать детям, – говорил он, – а наибольшую совестливость".

Он навсегда вошел в историю философии, науки, культуры прежде всего как создатель учения об идеях. Как пишет Лосев, "самое важное у Платона... это – открытие самого факта существования идей, необходимости их для познания вещей и их невещественный характер... Вот этим Платон как раз и велик, и это навсегда обеспечило для него огромную роль в истории последующей культуры". Вероятно, это и имел в виду известный англо-американский математик, логик и философ А.Н. Уайтхед (1861-1947), когда утверждал: "Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет

ряд примечаний к Платону". Можно соглашаться или не соглашаться с такой характеристикой, но в любом случае следует признать, что открытие мира идей и их сущности было под силу только гению.

Артур Штильман

Юрий Борисович Елагин

(1910-1987)

ичные встречи с людьми, заочно знакомыми нам по их книгам, выступлениям на концертной, оперной или театральной сцене, да и вообще с известными и знаменитыми, хранятся обычно в каких-то специальных отделах нашей памяти. Иногда, правда, хотелось бы стереть некоторые встречи, нас разочаровавшие и не соответствующие изначально идеальному образу того или иного героя. Однако и с положительным, и с отрицательным знаком эти встречи остаются с нами на долгие годы и меньше всего подвержены аберрации памяти.

Когда-то, ещё в начале 70-х годов в Москве, моему отцу позвонил знакомый врач и сказал, что у него есть книга, где упоминается об отце, и принадлежит она перу одного его знакомого. Больше он по телефону ничего не сказал, но обещал дать книгу на два дня (не больше!), так как она ему не принадлежит и её надо как можно скорее вернуть. По существу, любая книга, привезённая в те годы из-за границы, приравнивалась к самиздату, и её прочтение было связано с теми же выработанными правилами, которые должны были соблюдаться при получении и последующей передаче самиздатовских материалов. Обычно все задерживалось на более длительное время, чем было обусловлено, но, как правило, тексты или книги честно возвращались.

Книга, попавшая к нам, называлась «Укрощение искусств» и принадлежала перу Юрия Елагина, действительно, бывшего соученика моего отца по скрипичному классу профессора Д.М. Цыганова в Московской консерватории. Книга была настолько

увлекательной, что я прочитал её два раза и даже сделал из неё выписки. Она была напечатана в самом начале 50-х годов издательством имени Чехова в Нью-Йорке, а её жанр определялся с трудом - это была живая история музыкально-театральной Москвы 30-х годов. К этому следует добавить, что автор её проявил незаурядный литературный талант, живо воссоздав галерею самых знаменитых актёров, писателей, композиторов, режиссёров - цвета и элиты творческой Москвы. Писатель сумел объединить такие, казалось бы, несовместимые вещи, как рассказ о легендарном скрипичном педагоге П.С. Столярском, его учениках и педагогическом методе, что, быть может, имеет узко – профессиональный интерес, с повествованием о московском быте и собственной артистической судьбе. Написано это было захватывающе интересно, и непрофессионалам, органично вплетаясь в общую ткань книги. Пожалуй, она не имела аналогов в мемуарной литературе советского периода.

Книга давно стала библиографической редкостью, хотя и была переиздана издательством «Эрмитаж» (1988, Tenafly, NJ.) с предисловием Мстислава Ростроповича, многолетнего друга Юрия Борисовича Елагина.

“Сам Юрий Елагин, – писал Ростропович во вступлении, – был не только скрипачом, но и тончайшим знатоком музыки. Я очень прислушивался к его замечаниям. Когда он после концерта говорил мне, что вот такое-то место было сыграно недостаточно хорошо, я всегда настаивался и начинал расспрашивать его, почему ему так показалось. Даже когда мне бывало обидно и я возражал ему, в глубине души я знал, что он прав».

Но это были уже новые времена.

Юрий Борисович Елагин родился в Москве в 1910 году в семье фабрикантов. Его деду принадлежала мануфактурная фабрика примерно в 60 км от Москвы в городе Богородске.

Отец Елагина получил прекрасное образование в Германии и Англии и был крупным инженером - специалистом в текстильной промышленности.

Мать также происходила из состоятельной семьи. Она живо интересовалась музыкой, хорошо играла на рояле, и своими первыми музыкальными впечатлениями будущий скрипач и писатель обязан ей.

Семья владела большим особняком в Москве и прекрасной дачей в Подмосковье с теннисным кортом, цветниками и всеми достижениями цивилизации начала XX века.

В 1917 году налаженная жизнь, собственность - всё ушло в прошлое безвозвратно. Однако отец Елагина не стал врагом новой власти, не принимал участия в гражданской войне, а начал служить в советских учреждениях. Он был вполне лояльным гражданином и в политике никакого участия не принимал.

В эти годы, несмотря на все сложности нового времени, молодой Юрий Елагин начинает свои занятия на скрипке. Его первым учителем был концертмейстер одного из московских оперных театров скрипач Гроббе, русский немец, ученик самого Иоахима. Занятия на скрипке развивались вполне успешно, и к 17-18 годам он стал серьёзно думать о том, чтобы избрать музыку своей профессией, несмотря на несогласие родителей, считавших профессию музыканта несерьёзной и несолидной. Это было распространённым предубеждением в буржуазных семьях, где конечно уважали музыкантов масштаба Рахманинова или Ауэра, но представителей этой профессии в массе своей считали людьми другого круга.

Казалось, что жизнь стала налаживаться – отец Юрия Елагина стал главным инженером большой текстильной фабрики, но летом 1929 года бывших фабрикантов, «капиталистов и эксплуататоров», лишили избирательных прав. Семья перешла в разряд «лишенцев». Как писал впоследствии Елагин в своей книге: «Положение «лишенцев» в советском обществе напоминало положение евреев в гитлеровской Германии. Государственная служба и профессии интеллигентного труда были для них закрыты. О высшем образовании не приходилось и мечтать. «Лишенцы» были первыми кандидатами в концлагеря и тюрьмы... Вскоре после лишения нас избирательных прав к нам в

квартиру пришёл монтёр с телефонной станции и унёс наш телефонный аппарат. «Лишенцам телефон не полагается», – сказал он кратко и выразительно».

Худшее не заставило себя ждать – в одну осеннюю ночь 1929 года были арестованы отец и он сам. Ему было 19 лет... Пробыв в «Бутырках» три с половиной месяца, Юрий был освобождён «по чистой» – без поражений в правах (кроме избирательного). Отца его выпустили из тюрьмы через шесть месяцев с предписанием в трёхдневный срок покинуть Москву. Впоследствии отец был снова арестован и погиб в одном из лагерей ГУЛАГа.

Выйдя на свободу, Елагин не имел другой альтернативы, кроме как заниматься музыкой, – сама жизнь распорядилась в выборе им профессии – высшие технические заведения были для него закрыты, как для «лишенца», так что пришлось сразу заняться добыванием средств к существованию с помощью музыки.

«Необходимость совпала с моими желаниями, – писал он, – я почувствовал, что без профессии музыканта жизнь не имеет для меня большого смысла».

Мир не без добрых людей. Весной 1930 года Василий Петрович Ширинский, известный московский скрипач (40 лет он был вторым скрипачом квартета имени Бетховена), педагог, композитор и дирижёр, совмещавший в то тяжёлое время работу в квартете и в Консерватории с обязанностями концертмейстера оркестра Второго МХАТа, пригласил своего ученика Юрия Елагина сыграть в оркестре на спектакле «Пётр Первый». С этого момента молодой музыкант влюбился в театр, – это стало началом «спектакля жизни» самого автора замечательной книги.

Молодой скрипач не имел постоянной работы в этом театре, да и не имел на неё права как «лишенец» – он мог только заменять кого-либо из своих коллег и приглашался лишь по мере надобности. Коллеги же относились к нему исключительно тепло, зная его бедственное социальное положение, и, вероятно, это сыграло некоторую роль, когда в конце лета 1930 года он был вызван в избирательную комиссию, где ему было объявлено о восстановлении его в избирательных правах. Правда, подули новые ветры, и были

даны директивы о восстановлении прав именно людей искусства.

«Никто не мог предполагать, что к середине 30-х годов артисты, музыканты, певцы будут занимать такое неслыханно привилегированное положение в советском обществе, какое разве что занимали их предшественники в античных государствах Греции и Рима, да и то вряд ли, и какое, без сомнения, они никогда и нигде не занимали в новейшей истории человечества».

Получив, наконец, право на постоянную работу, молодой скрипач смотрел на мир широко раскрытыми глазами. Умея запоминать, анализировать и связывать события истории с процессами, происходящими в искусстве, имея широкий кругозор, он оставил нам картину бурной, противоречивой, но захватывающе интересной жизни театрального и музыкального мира Москвы 30-х годов.

«В искусстве к 1930 году ещё не вполне исчезла либеральная и толерантная атмосфера времён НЭПа, которая продолжалась по всей стране с 1922 по 1928 год.

Эти шесть лет были единственным временем в истории советского государства, когда существовал довольно тесный контакт с Западом... В Москве в то время можно было увидеть решительно всё - от Аристофана до Шекспира, от Расина до Гоцци и Гольдони, от Мериме и Бальзака до Ибсена и Стриндберга... Пикассо и Матисс влияли на московских художников тех лет больше, чем Репин и Суриков, струнные квартеты играли сочинения Казеллы и Хиндемита. На эстрадах лучших концертных залов Москвы и Ленинграда Жозеф Сигети, Артур Рубинштейн, и Андре Сеговия восхищали своим несравненным искусством восторженную публику. Джаз начал своё триумфальное шествие по Советскому Союзу. Вся советская художественная жизнь тех лет была бесспорно заражена космополитическим духом в высшей степени».

Мысли Елагина об исторических путях русского искусства представляют интерес и сегодня. Вот что он писал о характере развития и историческом пути русского искусства конца 19 и начала 20 века:

«Искусству русского театра были присущи два замечательных свойства русской культуры вообще: её *космополитизм* (выделено мной – А.Ш.) и многообразие форм. В музыке, живописи, поэзии существовало всегда множество всевозможных стилей, направлений и школ, казалось бы, совершенно исключавших одна другую. Как непохожи Чайковский на Мусоргского, Достоевский на Чехова, Рахманинов на Скрябина, Блок на Маяковского, Станиславский на Мейерхольда. Нигде, думается мне, в мире нет и не было такого множества направлений в пределах одной культуры, как это было в России. Лично я также уверен, что эти качества являются признаком зрелости культуры, а не её недостатком».

Молодой человек с таким свободомыслием, конечно же, должен был быть либо заключённым в ГУЛАГ, либо эмигрировать за границу. Последнее в конечном счёте и произошло, правда, весьма необычным образом. Но об этом несколько позднее...

Ю.Б. Елагин в октябре 1931 года уже официально поступил в штат оркестра Театра имени Вахтангова, где работал все годы, пока учился в Московской Консерватории (с 1934-го по 1939-й). В своей книге он запечатлел много волнующих моментов работы театра над новыми спектаклями, короткие зарисовки самых выдающихся работ театра и его актёров, истории создания тех или иных спектаклей и рождения новых театральных групп внутри самого театра. Так, ещё в Москве мы впервые узнали о том, что отцом-основателем будущего израильского театра ГАБИМА был Евгений Вахтангов.

Время, проведённое в Театре им. Вахтангова, было наверное самым счастливым за всю послереволюционную жизнь Елагина в Москве. Кстати, концертмейстером театрального оркестра был потомок графов Шереметьевых – Николай Шереметьев (кажется, что эта фамилия правильно пишется как Шереметев), превосходный скрипач, многому научивший Елагина в оркестровой и ансамблевой игре. Служили в театре потомки и других аристократических

родов, счастливо избегшие репрессий под сенью любимого правительством театра.

Незадолго до окончания консерватории Елагин решил поступить в Государственный Симфонический оркестр Союза ССР, но работать там ему пришлось недолго. После окончания Московской консерватории ему было предложено уехать в Таджикистан... директором музыкального училища в Ленинабаде! Чтобы избежать немедленного изгнания из Москвы, молодому музыканту пришлось быстро оформиться солистом Гастрольно-концертного объединения и уехать на полгода с концертной группой на Дальний Восток, где начинался советско-японский конфликт.

Но ещё до этих событий Елагину удалось в июне 1939 года увидеть и услышать в последний раз В.Э. Мейерхольда, выступившего на Всесоюзном Съезде театральных режиссёров.

К этому времени театр Мейерхольда был уже закрыт, имя его практически было вычеркнуто из театральной жизни. Одно время его травили одновременно с Шостаковичем. Но композитор написал 5-ю симфонию, сразу же ставшую мировой сенсацией: за право её первого исполнения в США боролись два самых известных дирижёра Америки – Артуро Тосканини и Леопольд Стоковский. Тосканини продирижировал симфонией на радио, концерт транслировался: на весь мир. Стоковский исполнил симфонию в публичном концерте в Карнеги Холл в Нью-Йорке. Сталин был очень чувствителен к триумфальным успехам советского искусства за рубежом. В итоге критики подвели под симфонию необходимую базу и объявили композитора «исправившимся» и преодолевшим формалистические тенденции в своём творчестве. «А что мог сделать Мейерхольд? – писал Елагин, – и были ли у него какие-либо возможности, кроме одной единственной – жестокой и унижительной. Ему предстояло во всеуслышание зачеркнуть всё сделанное им за его творческую жизнь и признать правоту судей... Ибо речь, слово – всегда ясны и не могут быть истолкованы двояко».

Главный раздел его речи был посвящён определению понятия «формализм» и «социалистический реализм». «Вероятно, социалистический реализм является ортодоксальным антиформализмом», – говорил Мейерхольд. «...Если то, что вы сделали с советским театром за последнее время, вы называете антиформализмом, если вы считаете то, что происходит сейчас на сценах лучших театров Москвы, достижением советского театра, то я предпочту быть, с вашей точки зрения, формалистом. Ибо по совести моей я считаю то, что происходит сейчас в наших театрах страшным и жалким... Я знаю, что это бездарно и плохо. И это убогое и жалкое нечто, претендующее называться театром социалистического реализма, не имеет ничего общего с искусством. А театр – это искусство! И без искусства нет театра!» «Там, где были лучшие театры мира, там царит теперь, по вашей милости, унылое среднеарифметическое, убивающее своей бездарностью! К этому вы стремились? Если да – о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней ребёнка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!»

Это были последние слова мастера. «На сцене стоял сильный и бесстрашный человек, пламенный художник – неподкупный и непримиримый... Ему дали договорить... «Пятая симфония» была доиграна до конца. Только последствия оказались другими, чем у Шостаковича. На другой же день Мейерхольд был арестован и канул в небытие», – вспоминал Елагин много лет спустя. *Его личное присутствие при этом событии делает нас, читателей, как бы свидетелями выступления Мейерхольда в тот день - последний день его свободы...*

Книга «Укрощение искусств», как мы знаем, вышла в самом начале 50-х годов, когда охота на «формалистов и космополитов» в СССР была ежедневной реальностью - то слегка угасая, то воспламеняясь с удвоенной силой. Поэтому именно тогда слова Елагина о событиях 1939 года были особенно актуальными:

«Когда настал его (Мейерхольда – А.Ш.) решительный час, то у него нашлось большое мужество не

унизиться перед невеждами и предпочесть славную гибель. У многих ли его единомышленников достанет этого мужества, когда придёт их решительный час?»

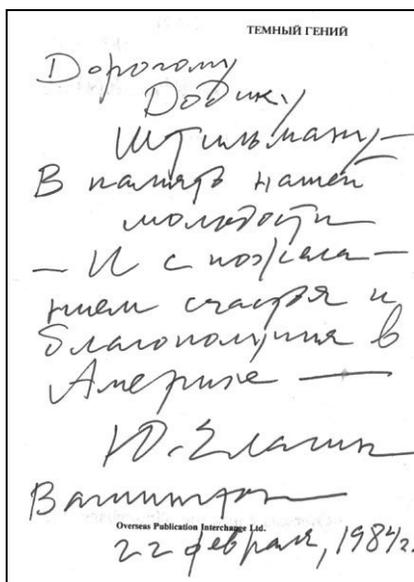
...Закончена Московская консерватория и после длительной концертной поездки, о которой рассказывалось выше, во избежание судебных преследований и после многих перипетий Елагину пришлось подписать своё согласие на «распределение» на работу вне Москвы, хотя это и был лучший из возможных для него вариантов - ему был предложен город Кисловодск, где он должен был преподавать скрипку в местном музыкальном училище, и должность заместителя директора этого училища, а также работа солиста Филармонии.

«Главным было то, что я мог оставаться скрипачом. Надолго ли?.. Мои друзья провожали меня на Московско-Курском вокзале. Это были мои милые москвичи, с которыми я расставался надолго, вероятно навсегда. Их – моих друзей – я терял, терял я навсегда и город мой – мою Москву, в которой родился и вырос, в котором родились и жили мои деды и прадеды. Это были печальные результаты проигранных битв, тяжёлых неравных битв с сильнейшим врагом – с моим собственным государством. А вот и последствие победы – моей победы. Ценой страшных усилий, при помощи верных, умных друзей и счастливого стечения обстоятельств, выиграл и я одно большое сражение – сражение за мой маленький любимый инструмент, который лежит сейчас в своём футляре в багажной сетке вагона, слегка покачиваясь в такт колёсам. Как должен быть я счастлив, что мне удалось отстоять его – отстоять своё право играть на нём, отстоять свою любимую профессию... На этот раз мне это удалось. Удастся ли в следующий?»

Мимо окна вагона бежали огни семафоров, мелькали мосты, будки, тянулись длинные заборы. Поезд вздрагивал на стрелках. Скоро исчезли и пригороды, и только позади ещё долго виднелось зарево от тысяч огней большого города – огней Москвы». Так закончился московский период жизни автора в 1940 году.

Через несколько недель после приезда моих родителей в Нью-Йорк в апреле 1982 года как-то среди дня в их квартире раздался телефонный звонок:

«Додик? Это Юра Елагин! С приездом в свободный мир! Твой телефон мне дал Миша Гольдштейн» (скрипач, композитор и педагог, брат известного советского виртуоза Бориса Гольдштейна, к тому времени уже много лет работавший на Западе – А.Ш.). Казалось, что не прошло сорока двух лет, так узнаваемы были друг для друга голоса собеседников. Сразу восстановилась связь времён... Начались воспоминания о людях и годах, связанных с Московской консерваторией. Юрий Борисович вскоре прислал отцу свою книгу «Тёмный гений», посвящённую Мейерхольду. Он потом часто присылал свои статьи, опубликованные на русском языке в журнале «Диалог».

Естественно, что мне захотелось встретиться с Юрием Борисовичем при первой возможности. Она представилась только в апреле 1985 года. В это время Метрополитен Опера, в оркестре которой я работал,

выступала в Вашингтоне, и я попросил отца позвонить Юрию Борисовичу и договориться о встрече с ним.

Сразу же по приезде в Вашингтон я позвонил ему домой. Мы договорились о встрече у него на работе – в Информационном агентстве США, где он был куратором всех вопросов, связанных с музыкой, в том числе и с музыкой на радио «Голос Америки». Я описал ему приблизительно, как я выгляжу, но сам его не спросил, как он будет одет, понадеявшись на то, что видел его фотографию многолетней давности в журнале «Америка».

Когда я вошёл в здание Информационного агентства, назвав своё имя и сказав, с кем я ожидаю встретиться, мне было указано место в секторе для посетителей. Там сидело много людей, что уже сразу несколько уменьшило возможность быстрого узнавания. Появлялись люди – молодые и пожилые, в армейской униформе родов войск и в штатском, но ни в одном я не мог узнать Юрия Борисовича. Прошло уже минут семь после назначенного времени, как вдруг меня окликнул человек в тёмно-синем костюме, элегантный и подтянутый – каким-то чудом Юрий Борисович опознал меня первым. Он пригласил меня на ланч, и, встав в очередь в служебный кафетерий, мы начали с ним разговор, как будто бы продолжали его со вчерашнего дня. Он обладал редкой способностью чувствовать своего собеседника совершенно безошибочно и вести беседу в манере настолько естественной, что создавалось впечатление давнишнего и многолетнего знакомства.

Естественно, что он начал расспрашивать о работе в Метрополитен Опере, и мы перешли к воспоминаниям о нашем профессоре в консерватории – Д.М. Цыганове.

«Ведь он порядочный человек?! – сказал он с полувопросительной интонацией.

«М-м...». «Вы хотите что-то сказать? Не стесняйтесь!» Я рассказал ему историю с изданием Концерта для скрипки Белы Бартока, редакцию скрипичной партии которого я сделал сам, но мой профессор взял меня в свои «соавторы» для издания Концерта в «Музгизе». Это было обычной практикой в Москве в те годы, и не в этом было дело, а в том, что как только я эмигрировал, Цыганов

издал Концерт второй раз и теперь уже только под своим именем, хотя прекрасно знал, что основную работу делал я, в том числе и все корректуры для «Музгиза». Когда я увидел это издание в Нью-Йорке, я написал письмо своему бывшему профессору с предупреждением, что если это издание появится в магазинах Америки, я подам в суд по поводу ущемления моих авторских прав и заблокирую таким образом продажу этого издания. Все мы знали, что практически вся переписка с Москвой вскрывалась. Моё письмо не было исключением. Конечно, всё это было блефом с моей стороны - я только начинал жизнь в Нью-Йорке и у меня были дела поважнее, чем авторские права. Однако в Москве к этому, кажется, отнеслись вполне серьёзно, и... мои родители перестали получать мои письма! Я понял «намёк» и сказал одному знакомому, который, по мнению многих, был тесно связан с Москвой, что я, конечно, пошутил, но моё возмущение можно понять, но я не думаю ни о каких *реваншистских* действиях.

Юрий Борисович Елагин

Через неделю после этого разговора *в один день* все мои письма лежали в почтовом ящике родителей... (хотите верьте, хотите – нет).

Эта история, казалось, не удивила Юрия Борисовича. Он стал серьёзным и сказал: «Вы - молодой человек, и я не хотел вам говорить о нашем профессоре ничего дурного, но после вашего рассказа я вам тоже кое-что расскажу:

«Когда я сыграл свой дипломный экзамен в Малом зале консерватории, мой приятель Марк Мильман – вы, конечно, его знаете - поднялся в амфитеатр Малого зала, где проходило обсуждение. Он был молодым ассистентом кафедры камерного ансамбля и вошёл туда, чтобы повидать кого-то из старших профессоров. В это время как раз обсуждали моё выступление. «Какие предложения о Елагине?» – услышал Марк голос Цыганова. «Отлично! Отлично...» – слышались голоса членов жюри. «Нет! – прервал из Цыганов, – мы не должны ставить ему в диплом «отлично», вы ведь знаете, что его отец... Нас могут неправильно понять! Четыре!».

«Вот таков был вердикт *моего профессора...*» – грустно закончил Юрий Борисович.

В это время подошла наша очередь, и мы заняли столик на двоих. Теперь я мог задавать вопросы, которые интересовали меня с той поры, когда я впервые прочёл его книгу десять лет назад. (По возвращении в свой отель я записал по возможности точно нашу беседу).

«Юрий Борисович, вы вероятно ушли на Запад в Вене после войны?» – задал я свой первый вопрос, потому что этим путём воспользовались многие люди, встреченные мною в Америке.

«Нет, нет, Артур! Я с женой работал в Кисловодске, когда туда пришли немцы.

Когда они туда вошли... все мы были между небом и землёй. Нам удалось выбраться в Польшу, в маленький городок Пшемьсл, где был крохотный оперный театр и где нам удалось найти работу. Так продолжалось два года. Когда фронт стал приближаться, то нас, как русских, работавших в Польше, посадили в эшелон с рабочими, русскими и украинскими. В Варшаве была проверка документов. Поляк-переводчик, увидя мои документы и скрипку, спросил: «Музыкант? Скрипач?» И не дождавшись даже моего ответа, сказал эсэсовскому жандарму «Задержи

его! Это точно – еврей! В России все скрипачи – еврей!». Жандарм колебался:

«У него документы в порядке!» – сказал он. «Нет! – настаивал переводчик, – это еврей, и его надо задержать!» Меня отправили в штаб-квартиру гестапо на Шопеновскую улицу. И тут – его величество случай! Я считаю, что случай управляет миром, судьбой! Пожилой человек в штатском говорил по-русски (вероятно, он был из балтийских немцев), что уже облегчало мою задачу. Я рассказал ему всё о своей жизни, об отце, о дяде в Турции, сумевшем уехать туда в начале 20-х, словом, свою биографию.

Он выслушал меня молча, а потом сказал: «Я вам верю. Я дам вам пропуск в эшелон с польскими рабочими, иначе это будет повторяться на каждой остановке, и в конце концов вы попадёте в концлагерь! А так – доедете до Германии, а там... там посмотрите сами. Счастливого пути!»

Можно ли было поверить в такое чудо? И почему он сделал доброе дело? Я думаю, как я сказал, - это просто случай, мне повезло...».

«В конце концов, - продолжал он, - мы оказались под Мюнхеном, где и встретили американцев. Но... Вскоре началась волна выдачи пленных, а потом и остальных советским оккупационным властям в Германии и Австрии. Я ещё до начала этих событий списался с дядей в Турции, разыскал его там по адресу, который помнил по его единственному письму, дошедшему до нас в начале 30-х годов. Он мне прислал какую-то липовую справку, что я его *сын*. Я приклеил к этой справке свою фотографию и стал как Остап Бендер – «турецко-подданным». В общем, это было всё равно лучше, чем мой паспорт. Волна выдач схлынула к 1947 году. «Справка» всё же помогла мне уцелеть.

Как-то весной 1947 года я играл с такими же «перемещёнными», как и я, трио Чайковского «Памяти великого артиста». И – опять случай! На наш концерт в лагерь «ди-пи» приехали американцы. Среди них была дама в мундире полковника – очень высокая и крупная. После нашего выступления она подошла ко мне и, выразив своё удовольствие нашей игрой, спросила меня, не хочу ли я

переехать в Америку? Я сказал, что даже и не мечтал об этом. В общем, она взяла меня под своё покровительство, и довольно скоро мы были уже в Нью-Йорке.

Получив по 25 долларов от «Ассоциации эмигрантов», мы как-то устроились – немного работали, учили язык. Я написал статью о советской музыке, и она была опубликована в «Новом русском слове». Я пришёл к Вейнбауму (владельцу газеты. – А.Ш.) за своим гонораром – 5 долларов – и уже собрался уходить.

Вейнбаум остановил меня в дверях и сказал: «Вы недавно из России, молодой человек. Подумайте о книге. Не так уж много людей могут описать то, что видели, а вы долго были в центре музыкальных событий и в мире искусства».

«Я тогда не придавал большого значения этому разговору, – продолжал Юрий Борисович, – и только потом, обосновавшись в Хьюстоне, вернулся мысленно к нему опять и постепенно стал делать отдельные записи. Потом дело стало разрастаться. Время у меня было...»

«А как вы жили в материальном отношении?» – задал я наконец вопрос, не решаясь до этого момента прервать его рассказ.

«В ту пору, работая в оркестре 7 месяцев в году вдвоём, вполне зарабатывали на целый год. Летом мы уезжали подальше от жары - на дачу наших друзей в Канаду. Там я сидел и писал...».

Незаметно время стало подходить к концу, и я с сожалением сказал Юрию Борисовичу о том, что ему, вероятно, надо возвращаться в его офис. «Не волнуйтесь, я своим временем распоряжаюсь сам, могу и задержаться».

«Вы, наверное, знаете от вашего папы: я писал ему, что работал в Хьюстоне помощником концертмейстера Хьюстон Симфонии с весны 1948 по весну 1965 года. Это было очень интересное время - лучшие солисты Америки и Европы выступали в Хьюстоне, а закончил я свою работу в оркестре исполнением всех девяти симфоний Бетховена со Стоковским. Я думаю, это было неплохим завершением моей карьеры скрипача!»

«В 1965 году я женился второй раз, ушёл из оркестра и переехал в Вашингтон – начал другую жизнь и занялся другой профессией – можно сказать «музыкально-административной» в Информационном агентстве США.

Я рассказал Юрию Борисовичу, как мы, тогда ещё студенты консерватории, с 1 января 1955 года почти ежедневно слушали музыкальные программы «Голоса Америки». Это были джазовые программы, которые вёл и составлял энтузиаст джаза Уиллис Коновер. Он живо откликнулся на это, но в неожиданном для меня направлении – «Да, да! Тогда это было важно, но сейчас я настаиваю, чтобы вместо этого самым широким образом транслировался для молодёжи России рок-н-ролл! Это музыка сегодняшнего дня, сегодняшней молодёжи, она оказывает влияние на молодых людей во всём мире, и поэтому это особенно важно для вещания на Советский Союз». Он увидел разочарование на моём лице и мягко сказал: «Это ведь не для интеллигенции, не для таких, как вы, это массовая продукция для масс!».

Он коснулся истории Театра Мейерхольда, заметив что Мейерхольд был, по его мнению, самым интересным, захватывающим и значительным режиссёром и теоретиком театрального искусства не только в России, но и во всём мире.

«Я собираю о нём всё, что написано в России, в Америке, в Англии или Германии».

Я поблагодарил его за книгу «Тёмный гений», подаренную моему отцу.

(Сегодня большинство московских и немосковских литераторов вообще *отрицают факт приведённой Елагиным речи Мейерхольда* на том основании, что «её нет в стенограмме». Уместно напомнить, что председателем конференции был А.Я.Вышинский, и было бы странным, чтобы текст стенограммы остался в неприкосновенности. Приводятся несостоятельные доказательства людей, никогда при этом не присутствовавших, а ссылающихся на устные свидетельства передавших это со слов давно ушедших в вечность третьих лиц... При встрече с Елагиным я спросил его, как он мог безбоязненно записывать речь, на что он

совершенно ясно ответил: «Артур, так ведь все же записывали!». Странно доверять каким-то слухам и не доверять свидетельству очевидца, в честности которого не может быть никаких сомнений).

Теперь уже действительно наступило время прощаться, но ему не хотелось уходить, и он спросил меня напоследок, играл ли я с Ростроповичем? Я рассказал ему о работе Ростроповича над операми «Евгений Онегин» и «Война и мир» в Большом Театре в конце 60-х - начале 70-х, где я работал тогда. Он слушал очень внимательно и сказал, что считает Ростроповича самым интересным и волнующим музыкантом и дирижёром настоящего времени, при этом заметив, что в русской эмиграции за всю её историю не было фигуры в музыкальном мире подобной ему, со времени Рахманинова и Ауэра.

«Я очень люблю Славу как человека и музыканта. Он очень дорог и близок мне...» Это были его последние слова. Увы, больше мне не удалось его увидеть.

Частенько мне передавал привет от него мой отец, которому он иногда звонил и писал. В 1987 году Юрия Борисовича не стало.

Можно не сомневаться, что прочитав об одиссее Елагина во время войны, найдутся моралисты, которые скажут: «Благородным у вас выглядит ваш писатель-скрипач. А ведь он ушёл с немцами! Какая же тут моральность, если весь народ воевал против гитлеровцев, а он, видите, покинул родину и с помощью тех же немцев перебрался в Германию, чтобы потом уехать ещё дальше! Где же тут порядочность и честность?»

Что можно сказать в ответ на подобный вопрос? Прежде всего, Елагин не приносил присяги на верность никому - он не служил в Красной Армии. Не служил он и в Русской освободительной армии генерала Власова. Он был частным лицом, вполне лояльным гражданином своей страны, и, как и его погибший отец, без сомнения, любил свою родину не меньше «моралистов», совершенно упускающих из виду, что люди, подобные Елагину, с нацистскими оккупационными властями *не сотрудничали*.

Как любил говорить Юрий Борисович, «его величество случай» чудом помог ему уцелеть в годы Великого террора - в 1937-м и 1938-м. Даже если бы он и не оказался на оккупированной территории, по своей воле или по воле того же случая, он, несомненно, был бы повторно арестован в 1947 году, когда волна «повторников» прошла по всему Советскому Союзу. Если бы он дождался прихода Красной Армии, то также нет сомнений, что уже в первую после оккупации «филтрацию» его бы обязательно арестовали, а его «дело» 1929 года приблизило бы его гибель.

Он не был техническим специалистом, способности которого нацисты могли бы использовать на своих заводах или лабораториях. Он был музыкантом, скрипачом, и единственным желанием его было работать по своей специальности.

Мы подходим к главному - имеет ли право человек спасать свою жизнь в экстремальных обстоятельствах, никого не предав, ни с кем не сотрудничая? Его решение *покинуть* пределы Советского Союза, несмотря на тысячи опасностей, подстерегавших его в течение всей войны и сразу же после неё, было абсолютно его личным делом и его правом на жизнь. При любых обстоятельствах Елагин, конечно, понимал, что гитлеровский рейх не сможет долго существовать и что если он не воспользуется уникальной возможностью, его ждёт только одна альтернатива - пойти по пути его отца – на этап, в ГУЛАГ, на смерть...

Его книга, о которой здесь говорилось, не является политическим документом. Она лишь выражает веру её автора в право композиторов, писателей или художников творить так, как позволяет им их талант, в соответствии с пониманием роли их творчества и их индивидуальными принципами. Главная тема книги - свобода творчества.

«Многие из великих гениев человечества жили и умерли бедняками. Скромно жили Моцарт и Бетховен, Шуберт и Шуман. Берлиоз нуждался всю жизнь... Мусоргский жил последние свои годы на пожертвования друзей. И всё-таки, они были неизмеримо счастливее своих советских потомков, ибо никто не порабощал и не насиловал их творческий дар, никто не отнимал у них высшей радости,

данной Богом лучшим из людей, – радости свободного творчества».

Этими словами Ю.Б. Елагин закончил свою книгу. Сегодня кажется глубоко симптоматичным, что в новой России была издана книга «Укрощение искусств» (Издательство «Русский путь», 2002).

Лазарь Любарский

Белла Розенфельд-Шагал

(1895 Витебск – 1944 Нью-Йорк)

жене Марка Шагала, Белле Розенфельд, мало что известно широкому читателю, в том числе почитателю её мужа, всемирно известного, великого художника, подлинного «революционера и лидера авангарда изобразительного искусства XX века. Но она и сама была «от бога» одаренным человеком, наделенным артистическим и литературным талантами, которыми она пожертвовала во имя любви к мужу, его карьере. Настоящая статья посвящена короткой жизни этой самоотверженной женщины и единственной любви Марка Шагала, которую он вдохновенно пронес в течение всей своей долгой жизни (1887-1985).

Вездесущий и всеобъемлющий современный «кладезь» информации ИНТЕРНЕТ, позволил уточнить некоторые данные непосредственно по архивным документам. Имя восьмого ребенка ортодоксальной семьи Розенфельд было Бася-Рейза и родилась она будто в 1889 году (по имевшимся данным 15.12.1895г.). Имя её отца, любавичского хасида, состоятельного ювелира, было Шмуть-Ноах Ицкович и был он одним из попечителей Витебской Талмуд-Торы. Её мать звали Фрида Левьянт-Розенфельд. Несмотря на патриархальный уклад жизни семьи хасидов Розенфельд, их взгляды были достаточно широки, чтобы дать Белле возможность получить светское образование. Белла успешно сдает экзамены и переводится из еврейской школы в шестой класс русской (христианской) витебской женской гимназии, которую заканчивает через два года с серебряной медалью. Интересно отметить, что в

гимназии преподавали «Закон еврейской веры» на русском языке, при этом по субботам евреи были освобождены от занятий.

Белла Розенфельд-Шагал

Серебряная медаль об окончании гимназии позволяла евреям продолжить учебу в Москве. Белла Розенфельд была личностью незаурядной, яркой. Она поступает в Московский университет на историко-литературно-философский факультет, по окончании которого написала две диссертации: 1. «Освобождение русских крестьян» и 2. «Достоевский». В студенческие годы, Белла занималась актерским мастерством в студии у Станиславского (позже была актрисой) и сотрудничала в московской газете «Утро России». Она сама была талантливой писательницей (об этом ниже).

Летом 1909 года в гостях у своей подруги, соученицы по гимназии Тойбы (Теи) Брахман, Белла познакомилась с бедным молодым художником Мойшей Сегалом, впоследствии Марком Шагалом. Задумчивый, постоянно погруженный в живопись, которую он считал делом своей жизни, никем не признанный, у окружающих Мойше Сегал вызывал недоумение и жалость. Это знакомство стало для обоих судьбой на долгие годы, они оба оставили воспоминания о той первой незабываемой встрече.

Вот как Марк это описывает в своей книге «Моя жизнь» на идише («Майн лэбн»): «...ее молчание это мое молчание, ее глаза это мои глаза. Как будто мы давным-давно знакомы и она знает обо мне все, о моем детстве, моей теперешней жизни, все - о моем будущем. Как будто наблюдала за мной, чувствовала меня близко возле себя, где-то рядом, хотя и я ее вижу в первый раз. И я почувствовал в этот миг, что она будет моей женой. Ее бледное лицо, ее глаза, какие они большие, выпуклые, и черные! Это ведь мои собственные глаза, моя душа! Я вхожу в новый дом, с которым не могу уже расстаться». Ему вторит Белла в своей книге «Первая встреча»: «Я не смею поднять глаза и встретить его взгляд. Его глаза сейчас зеленовато-серые, цвета неба и воды. Я плыву в них, как в реке». Очевидно, в его глазах было то особенное ощущение полета, которому он научил ее позже, когда их любовь повзрослела. Белла увидела в нем талант и твердость духа, она поверила в него еще тогда, поверила на всю жизнь. Позднее он писал: "Долгие годы ее любовь освещала все, что я делал". Через год после знакомства, Белла и Марк стали женихом и невестой. Но вскоре влюбленный юноша укатил в Париж, а Белла хранила спокойствие и была уверена, что вернется. Четыре года они непрерывно переписывались. "Мои русские картины были без света, – писал Шагал Белле из Парижа. – В России все сумрачно и имеет серовато-коричневый оттенок. Приехав в Париж, я был потрясен переливами света". И все же, сюжеты его картин не изменились. "Париж, ты мой Витебск!" (ведь там оставалась его любимая невеста) – это, по мнению Шагала, было лучшим комплиментом. Жил Марк на улице Данциг, неподалеку от бульвара Монпарнас, в круглом кирпичном здании – это было общежитие художников под названием "Улей" («guche»). Одну из квартир там занимал в то время Амадео Модильяни, другую – Фернан Леже... Все обитатели "Улья", как и положено настоящим художникам, бедствовали и даже голодали. Не имея денег на холсты, Шагал писал картины то на скатерти, то на простынях, то на собственной ночной рубашке. А в какой-то момент он опять почувствовал смутное беспокойство. Может быть затосковал по Белле! А, может,

это было неосознанное желание убраться подальше от надвигающейся войны: начинался 1914 год, и Франция была главным врагом Германии...

А Белла писала жениху письма – прекрасные, поэтичные, нежные. Она дождалась своего Марка. Он вернулся накануне первой мировой войны уже зрелым и известным мастером. Они поженятся в 1915, году и Белла навсегда останется его первой возлюбленной, женой и музой. «Лишь к тебе моя стремилась Любовь, избрав тебя одну...» – написал Шагал вскоре после свадьбы. И снова он рисовал себя и свою Беллу летящими в небе, свободными и влюбленными. А, когда в 1916 году родилась дочь Ида, стал рисовать и ее.

Марк Шагал и Белла до переезда в Париж. 1922

В присутствии Беллы, Марк испытывал чувство невесомости, парения и покоя. Часто он ее так и рисовал – безмятежно парящей в небе, и себя летящим рядом с ней. Ей было немногим больше двадцати лет, когда до октябрьского переворота она вышла замуж, разделив с Марком все тяготы и все счастье уготованного ему будущего: увлечение революцией, полуголодную жизнь московского художника-авангардиста в гражданскую войну, эмиграцию, шумный европейский успех, бегство через океан, когда немцы подходили к Парижу... Она попробовала писать – о старом Витебске, о собственных корнях, о своем детстве. Случилось это уже в эмиграции и не сразу. Мысль взяться за

перо пришла после поездки с Шагалом в Вильно в 1935-м. Тогда это была Польша, где антисемитские настроения усиливались буквально с каждым месяцем (писатель Башевис-Зингер, будущий Нобелевский лауреат, в тот же год покинул Варшаву, уехав в Нью-Йорк, чтобы избавиться от чувства поминутного унижения и опасности). Оставалось всего четыре года до трагедии, которую выпало пережить всему восточноевропейскому еврейству.

Настроения Шагалов после этого путешествия в край, расположенный поблизости от их родного гнезда, были самые мрачные. Но это совсем не чувствуется на страницах книги, за которую Белла принялась, не очень ясно представляя себе, что из давних воспоминаний в нее войдет и в каком порядке выстроится. Только одно было для нее ясно с первых же минут: писать она будет на идише, хотя французским она владела совершенно свободно и даже перевела на этот язык автобиографию Марка Шагала «Моя жизнь». Было несколько тетрадей с отрывочными записями и законченными новеллами, в которых оживает ее город (Витебск), каким он запомнился Белле с ее детских лет. Эти тетради она увезла в Америку, продолжала писать и не расставалась с ними до своего смертного часа. Белла умерла в американском госпитале второго сентября 1944 года. Марк напечатал ее мемуары в Нью-Йорке двумя книжками, как и было задумано Беллой: «Горящие свечи» («Бренендики лихт») в 1945 году и «Первая встреча» («Ди ерште багегениш») в 1947 году. Эта серия вышла на французском языке в 1973 году в переводе дочери Иды и к ним Марк сделал 68 рисунков тушью. Общая книга вышла на иврите в переводе с идиша Иехуды Иеари. Во всех книгах включена трогательная статья Марка, со следующей аннотацией из раннего письма к Белле: «Если бы я, дорогая Белла, писал бы письма, как настоящий писатель – я бы тогда безусловно их рисовал. Я стыжусь слов. Всякий раз должен их исправлять. Но душа требует писать тебе, чтоб ты мне ответила и писала обо всем, обо всем...».

Книги доносят многоцветный спектр, в котором у Беллы Шагал воссоздан мир, отделенный от нас уже целым столетием. Это несомненная творческая удача. Идиш был

языком, который Шагалы считали для себя родным. Нет необходимости напомнить о трагедии языка идиш, как следствие катастрофы европейского еврейства и того, что этот язык перестал быть языком масс в Израиле и других странах (за исключением отдельных ортодоксальных общин, не признающих секулярную литературу). И этим подтверждается, насколько не беспочвенными были опасения Беллы Шагал, что погибает многовековая культура, языком которой был идиш. Выбрав для своих записей этот язык, она стремилась, насколько могла, как-то противодействовать надвинувшейся угрозе исчезновения культурной традиции, на которой ее воспитывали. Первую книгу она назвала «Горящие свечи» («Ди брениндике лихт»), подразумевая огни, зажигаемые в еврейские религиозные праздники. В доме Розенфельдов правила благочестия соблюдались строго и неукоснительно, а жизнь проходила в молитвах, постах, покаяниях, ликованиях, в том неизменном ритме, который требует зажигания светильников каждую субботу, и в Судный день, в праздники Кущей и Торы в Хануку, в Пурим и в Пасху.

Горит светильник, и должны отступить все злые силы: пройдут любые невзгоды, закончатся все страхи. Девочкой Белла верила в эту мудрость предков, не ведая ни мига сомнения. Она взывает к той же мудрости, делая записи в своих тетрадах, когда уже не существует Польши и танки вермахта на подступах к Парижу, и Витебску вскоре предстоит сделаться укрепленным районом в составе новообразованной территории «Остланд». Время, когда пишутся ее воспоминания, незримо в них присутствует, определяя тональность книги: лирическую и печальную, хотя рассказ идет о счастливой поре детства. Белла была младшим ребенком в большой и житейски благополучной семье витебского торговца-ювелира, который с помощью жены, очень сообразительной в коммерческих делах, стал богатым человеком, владельцем четырех лавок (в революцию все его достояние пропало). Реб Шмуль-Ноах был человеком твердых религиозных верований, воспитывался в ешиве, считался видным талмудистом. В Субботу (Шабес) он всегда приходил из синагоги самым

последним, и Башечке (Белле), оставшейся дома за столом с подсвечниками, даже много лет спустя ясно виделась картина, которую ей так часто описывали братья: тишина в пустом храме, тщедушный шамес (служка) у столика с толстыми фолиантами и папа – раскачиваясь из стороны в сторону, он молится с закрытыми глазами, а вокруг трепещут тихо пропетые стихи. Дома в субботний вечер – «все легкое, благостное, умытое, как после дождя». Следует омовение рук из тяжелого медного кувшина, протяжный речитатив над вином, читают кидуш. От блюда с фаршированной рыбой доносятся острые запахи лука и перца. Мальчишки шушукуются о том, что дядя Бере ужасно брызгается слюной, а Шмоне-эсре (Восемнадцать благословений) прочли так, словно спешат на пожар. Отец покрикивает на них: «Тише! Что за возня!». Для него самого Шабес священен, он способен часами обсуждать, верно ли поняли сыновья слова раввина, толковавшего слово пророков. Разумеется, он убежден, что этот порядок жизни – честная и прибыльная торговля, жесткая семейная иерархия, неприкосновенные заветы, неуклонно исполняемые обряды и ритуалы – установлен до «скончания века». На самом деле мир, который ему кажется таким прочным, доживает свои последние годы. Сыновья уедут из Витебска учиться – кто в Петербург, кто в Женеву или в другие места. Дочь Анна станет социал-демократкой, ее мужа, видного большевика, репрессируют в 1930-м. А Башечка встретит Шагала, крепкого, широкоплечего, с острыми зубами, которые словно впиваются в собеседника, с шевелюрой, несущей его, как крылья. Говорили, что он ужасно беден, у него нет своего угла, картины он пишет, устроившись на печке рядом с кадками и курами, и домашние боятся, как бы он ее не перепачкал красками. Над его живописью все смеются, сестры протирают пол тряпками, которые он испортил своей мазней. Он похож то на дикого зверя, то на светлого ангела, и для него ничего в мире не существует, кроме занятия, в котором ему видится призвание. Когда они первый раз встретились в доме подруги, дочери витебского врача, Шагал уснул на кожаном диване, который предназначался для пациентов: видно, был вымотан до предела. Тея (Тойба)

Брахман, познакомившая их, все твердила: такой несчастный, надо его спасать. Однако несчастным он себя вовсе не ощущал, рано почувствовав, какой огромный талант ему отпущен. Белла была одной из первых, кто это понял, кто поверил в Шагала безоговорочно и навсегда. Она стала его великой любовью, его музой и опорой.

Любовники 1914 г.

В упомянутой статье Марка Шагала к книгам Беллы «Горящие свечи» и «Первая встреча», он пишет: «Долгие годы ее любовь освещала все, что я делал», и «все покрылось тьмой» в тот сентябрьский день 1944 года, когда Белла покинула этот мир. Соединяя с ним свою судьбу, Белла многое меняла в привычном с детства укладе и родители, конечно, должны были печалиться: ничего основательного, впереди какая-то смутная богемная жизнь и, очень вероятно, нищета, уж не говоря о том, что для Шагала, по первому впечатлению, мало что значили ценности, священные в доме Розенфельдов. Вспоминая свою новую родню, Шагал в «Моей жизни» отзываясь о ней довольно пренебрежительно: они «только и знали, что молиться с утра до ночи». Белла всего на один год пережила свою мать, и наверно, до Фриды Левьянт-Розенфельд должны были доходить вести о мировой славе, которой добился ее зять, внушавший столько опасений витебским обитателям. Но это произошло где-то бесконечно далеко от

Витебска и от дома ревностного хасида Шмуля-Ноаха Розенфельда. Почти ничего и не сохранилось после революции от окружения и атмосферы, в какой выросла Башечка, общая любимица, выбравшая для себя совсем не тот путь, что предназначался девочке из добропорядочной и крепкой еврейской семьи. Сам Шмуль-Ноах Розенфельд скончался в 1923 году. Нет сомнений, что доживи он до печально-знаменитых тридцатых годов, его перемолола бы «сталинская молотилка», как классового врага советского народа и режима.

Над городом 1914-1918 гг.

Вот оглавление первой книги Беллы Шагал – «Горящие свечи» («Бренендике лихт»): Наследие; Двор; Баня; Суббота; Меламед; Рош а-Шана (Еврейский новый год); Йом кипур (Судный день); Сукот (Кущи); Симхат Тора (Праздник Торы); Первый снег; Ханукальная лампа; Пятая свеча; Ханукальные деньги; Магазин; Мишлоах манот; Мегила; Пуримшпилерс; Обеденный час; Проверка квасного; Канун пасхи; Пасхальный седер; Илья пророк; Афикоман; Девятый день месяца ав; Свадьба. Каждая глава, это фактически законченная новелла на означенную тему, с описанием специфических колоритных особенностей еврейской жизни, в которой родилась и прожила несколько десятков лет автор. Но это была и жизнь евреев стран восточной Европы начала XX века в целом, жизнь сохраняющая и старый уклад, но уже подверженная

просветительским веяниям. Такой жизнью жили наши предки всего несколько поколений тому назад. Книга «Горящие огни», в этом отношении, является важным историческим документом для последовавших и грядущих поколений.

Вводная глава «наследие», является фактически наказом этим поколениям помнить и дорожить своими корнями, своим прошлым, своей историей, языком идиш. Поэтому представляется важным привести это введение полностью.

Прогулка 1917-1918 гг.

«Странное дело, захотелось мне писать именно на языке мамы, на котором я почти не разговаривала со времени оставления отчего дома. Насколько мои детские годы удалились от меня, настолько же они внезапно и приблизились ко мне. Я явственно вижу себя, полненькую, маленькую девочку, бегающую по дому, сующуюся повсюду, прячась словно закрученный червячок с ногами на подоконнике. Папа, мама, обе бабушки, красавец дедушка, родные и чужие семьи, состоятельные и бедные, свадьбы и похороны, улочки и садики, – все проплывает перед моими глазами, подобно глубоким водам нашей Двины. Моего дома больше нет. Все исчезло и даже – мертво. Отец умер.

Мама - Бог знает жива ли еще – в абсолютно чужом городе. Дети - рассеяны по этому и тому свету, где кто. Но каждый, как кусочек отцовского савана, взял с собой, взамен пропавшего наследия, дыхание родительского дома. Я поглаживаю свой кусочек наследия, и к носу подступает прямо запах моего старого дома. В ушах звенят выкрики из магазина и праздничные мелодии ребе. Из каждого отверстия торчит тень, и как только я к ней прикасаюсь, она меня втягивает как в хоровод, с другими тенями. Они толкаются, ударяют меня в спину, шупают мои руки, ноги, пока все вместе не нападают на меня, как жужжащий рой мух в жаркий день.

Моя невеста в черных перчатках. 1909, холст, масло, 88x65. Художественный музей. Базель

Я не знаю, как вывернуться от них. Как-то мне однажды-таки захотелось вырвать из темноты день, час, момент из исчезнувшего дома. Но как оживить этот момент? Боже мой, ведь так тяжело вытянуть из захудалых воспоминаний кусочек прошедшей жизни! И жаль, когда они потухают, мои худые воспоминания, и умирают даже совсем со мною вместе? И хочется мне их спасти. Вспоминаю я, что ты, мой верный друг, часто меня доброжелательно просил рассказать тебе о моей жизни, когда ты меня еще не знал. Вот и пишу я об этом для тебя. Наш город тебе еще дороже, чем мне. И ты, добросердечно, поймешь даже то, что мне не удастся рассказать. Но одно меня тревожит – моя сладкая доченька, которая провела

(правда, годовалым ребенком) всего лишь один год своей жизни в моем отцовском доме, поймет ли она меня? Будем надеяться, что да». (Сент-дие, Франция, 1939).

Из приведенной вводной главы, становится ясным, что Марк Шагал вдохновлял долгие годы Беллу взяться за перо, зная о ее литературных способностях и исходя из общности их отношения к искусству и к своему народу; ему она посвятила воспоминания о юности и молодости в родном для них Витебске! И не будет преувеличением, что Белле удалось на своем родном языке, на идише, изложить то, что Марк изобразил на своих картинах.

Голубые любовники 1914 г.

А вот и оглавление второй книги Беллы – «Первая встреча» («Ди ерште багегениш»). Две первые главы ее, это сентиментальные оды, внезапно пробужденной любви целомудренной девушки Баси-Рейзе, потрясшей в не меньшей степени и Мойше Сегала. Остальные главы, это фактически продолжение первой книги: Стакан газированной воды; Связка кораллов; Прогулка с отцом; Зима; На рассвете; Лодка; На даче с родителями; Поезд; День рождения. В предпоследней главе этой книги, «Поезд», Белла вспоминает, что в детстве она была убеждена, что ее город, Витебск, – это крайняя точка мира, который и начинается, и завершается на витебской платформе.

И вдруг возникло страшное чувство, что состав, скрывшийся за горизонтом, никогда не вернется, а без тех,

кто рыдал в окнах вагонов, платочками подавая последнюю о себе весть плачущим на перроне, все опустело. Только деревья остались, и по-прежнему «парят над крышами их воздетые руки». Город сделался и реальным, и призрачным – в точности, как на картинах Шагала. Он видится покинутым домом, как будто и вправду уехал весь, до последнего человека. Она действительно его больше никогда не увидела. В Витебске, освобожденном от немцев за полтора месяца до смерти Беллы, насчитывалось всего 118 жителей, а от еврейского Витебска не осталось ничего. Белла об этом уже даже не узнала.

Розовые любовники 1916 г.

Чтобы понять свое прошлое, прошлое своих предшественников, прошлую жизнь вообще, надо вернуться к этому времени, перенестись к нему, к своей молодости. Годы спустя Белла взялась за перо, чтобы возместить ощущение потерь, чтобы продолжал существовать этот мир, где были совсем особенные люди, вещи, пейзажи, еврейские праздники, цветы, особая душа, особый язык, уникальное «маревое красок».

Краски играют и переливаются на страницах ее рассказов, придавая необыкновенную выразительность самым обычным эпизодам – описаниям уроков со стареньким ребе, которого так любили морочить и дразнить непоседливые дети почтенного ювелира, прогулки на санях, когда дети получали от отца по гривеннику в праздник,

посещения бани, пасхального обеда, визита ряженных на Пурим.

День рождения 1915 г

Белла Шагал просто восстанавливает жизнь, которой больше нет. Это сделано ею талантливо и артистично, а шагаловские рисунки тушью – их 68 – дополняют повествование настолько яркими образами, что ее мысли воспринимаются как бесспорная достоверность.

Серые любовники 1917 г.

Эта жизнь и была достоверностью для Марка и Беллы, веривших, что все возвращается к исходной точке, к тому началу, которым для них обоих был Витебск: язык их предков - идиш, еврейская душа, неистребимая, каким бы чудовищным испытаниям ее ни подвергала реальная история во времена, когда им выпало жить. Белла во многом

вдохновила и подготовила будущие художественные открытия Марка Шагала.

Их брак дал искусству художника новую тему – единства земной и небесной любви. В его картинах восторженное чувство способно вознести возлюбленную над землей, и это кажется вполне естественным и убедительным. Глядя на работы Шагала, понимаешь, что для художника любимая жена Белла стала источником вдохновения и полета мысли и пера. Муза на долгие годы. На склоне лет Марк Шагал скажет: “... В нашей жизни, как на палитре художника, есть только один цвет, способный дать смысл жизни и Искусству. Цвет любви”. Он, как никто, обладал удивительным даром любить и ощущать счастье, соединяющих и преображающих людей.

Любовь давала крылья ему и женщине, которую он любил. Он писал: “...Я жизнь провел в предощущенье чуда. Я жду, когда ж меня ты обовьешь, чтоб снег, как будто лесенка, спустился. Стоять мне надоело – полетим с тобою в небо по ступенькам белым!” В 1917-18 гг. художник создает свой знаменитый триптих, включающий картины “Над городом”, “Прогулка”, “Двойной портрет”. Этот цикл можно назвать автобиографичным, ибо все три работы представляют собой портреты Шагала и его молодой жены Беллы.

Зеленые любовники 1914 г.

В картине “Прогулка” зрителям предстает “обыкновенное чудо”: художник идет по земле, держа за

руку свою жену, которая взмывает в небо и трепещет там, словно знамя на ветру. Художник и сам стоит на земле не очень устойчиво, как бы готовый в любой момент взлететь. Удерживая одной рукой Беллу, Шагал сжимает в другой серую птицу.

Это намек на известную поговорку о синице в руках и журавле в небе – мол у меня в руках и то, и другое. На картине художник, конечно же, в Витебске – любимом городе, таким же привычным, как и неповторимым и единственным. А стало быть для сердца больше ничего не нужно – город всей жизни и любимая женщина, которая рядом. Любовь Беллы и Марка Шагала была яркой и почти неземной, она подарила обоим полет – во сне и наяву. Крылатая любовь.

Белла в белом воротничке 1917 г.

Любовная тема в творчестве Шагала неизменно связана с образом Беллы. С полотен всех периодов его творчества, включая и позднейший (после смерти Беллы), на нас смотрят ее выпуклые черные глаза. Ее черты узнаваемы в лицах почти всех изображенных женщин: "Голубые любовники", "Розовые любовники", "Серые любовники",

"Зеленые...", "любовники", "День рожденья", "Белла в белом воротничке", "Белла в белых перчатках"...

А вот как Шагал раскрыл мотив своей свадьбы с своей Беллой. Реальность слита с миром мистического – над женихом и невестой парит ангел!

Любовь к Белле, Марк Шагал увековечил во многих картинах, которые получили мировую известность и в «Истории изобразительного искусства», и в «Теме любви» в целом, и в личной жизни самого художника. В настоящей статье приведена лишь небольшая часть этих картин. По признанию самого Шагала, Белле он обязан дивным ощущением внутренней свободы. Любовь к Белле, главной женщине своей жизни, породило в нем чувство полета и высоты, которые, очевидно, во многом определило образ мышления художника. В августе 1944 года семья Шагалов с радостью узнает об освобождении Парижа. Война близится к концу, скоро они вернутся во Францию.

Но буквально через несколько дней, 2 сентября, умирает от осложнения после гриппа его единственная любовь, его жена Белла. Необыкновенная женщина! «Твой белый шлейф плывет, качаясь в небе...» – напишет он много лет спустя.

Свадьба 1916 г.

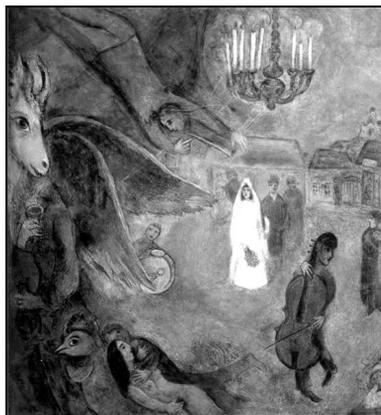
Девять месяцев мольберты с эскизами были повернуты к стене – рисовать Марк не мог. Он вообще ничего не мог – ни с кем-либо говорить, ни куда-либо

ходить, ни чего-либо хотеть. Если бы так продолжалось дальше, он либо сошел с бы с ума, либо умер. Художник совершенно оглушен постигшим горем. И только спустя девять месяцев он берет в руки кисти, чтобы написать две картины в память о любимой: «Свадебные огни» и «Рядом с ней».

А потом он изобразит, в шагаловском стиле, и картину "Одиночество" – т.е. свою "осиротевшую жизнь" на фоне порхающей, вознесшейся на небеса, Беллы.

Шагал рисовал свою Беллу с момента их знакомства в 1909 году и до ее преждевременной кончины в 1944 году, т.е. на протяжении 35 лет. Но и последующие 41 год своей жизни, ее образ не оставлял его никогда.

http://en.wikipedia.org/wiki/File:Chagall_Bella.jpg<http://www.bing.com/images/search?q=Bella+Shagal&qpv=Bella+Shagal&FORM=IGRE>Мифопоэтический образ родного Витебска был незабываем для Беллы и Шагала. Большую часть жизни они провели на чужбине и их родной город с течением времени изменился до неузнаваемости.

Свадебные огни 1946

Однако Витебск существовал всегда в душе Беллы и Марка. Их общая, навеки утерянная родина, была их общей заветной тайной, миром их грез. Образ дореволюционного городка в Белоруссии отображен не только в картинах Марка, но и в книгах воспоминаний Беллы "Горящие свечи"

и "Первая встреча". Как уже упоминалось выше, Марк написал к этим книгам послесловие (в ивритском переводе предисловие) и сделал иллюстрации. Эти книги проникнуты ностальгией, глубоко лиричны. Как и воспоминания Марка Шагала "Моя жизнь", книги Беллы помогают глубже прочувствовать своеобразие и особенности тех времен и обстоятельств, а главное оценить талант Беллы.

Белла прожила с Марком Шагалом долгую и счастливую жизнь, деля с ним все трудности и победы его творческого пути. Марк многократно рисовал Беллу и с их дочерью Идой.

Иде было 28 лет когда мама умерла и, наблюдая отчаяние отца, делала все, чтобы вернуть его к жизни. С ее помощью и усилиями, он сумел преодолеть трагические настроения и продолжить уникальный творческий, «шагаловский» жизненный путь. Но это уже другая тема.

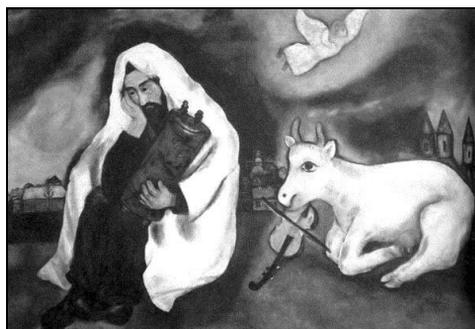

Шагал с Беллой, 1934 год

Цель настоящей статьи – осветить образ замечательной женщины, Беллы Розенфельд-Шагал, безраздельно и жертвенно посвятившей себя любимому человеку, уникальному еврейскому художнику Марку Шагалу, который отвечал ей такой же самозабвенной и преданной любовью. Другие моменты упомянуты в статье лишь, как имеющие отношение к Белле, в т.ч. ссылки на Марка Шагала и его картины. При этом, представляется важным привести предисловие художника к изданным посмертно двум книгам Беллы с его рисунками. Вот это

предисловие, которое фактически подводит итог истории ее жизни.

«Белла намеревалась быть актрисой. Она играла в театре и ее игру хвалили. И вот приехал я из Парижа, мы поженились и уехали вместе во Францию. Конец мечтам о театре... Велико было ее влияние на мое искусство в течение долгих лет. Но кажется мне, что что-то угасло в ней, что-то оттеснилось в сторону. Я думал, что в сердце Беллы сокрыты сокровища, как в ее «Связке кораллов», пропитанные любовью. Подобно ветерку, исходящему из ее губ, как первый поцелуй; поцелуй – как жажда справедливости... Стыдилась ли она меня, людей, желая оставаться всегда в тени? Пока не услышала голос еврейской души, пока не увидела диаспору последних лет и язык ее родителей вновь не стал ее языком. Стиль ее – «Горящие свечи» и «Первая встреча» - это стиль еврейской невесты в еврейской литературе. Образ ее письма подобен образу ее жизни, ее любви, ее гостеприимства. Ее слова и строчки подобны запаху краски на полотне. На кого она похоже? Она не напоминает никого.

Марк Шагал "Одиночество"

Ведь она Башенька-Беллочка с горы в Витебске, отражающейся в реке Двинск, с облаками, деревьями и домами. Вещи, люди, пейзажи, еврейские праздники, цветы – все это ее мир и о них она рассказывает. В последнее время я ее часто заставал, поздней ночью, сидящей на кровати, при маленькой лампочке читающей еврейские

книги. Я говорил ей: Так поздно? Ложись лучше спать. Несколько недель перед тем как она уснула вечным сном – она еще была свежа и красива как прежде – я ее видел в комнате на нашей летней даче, приводящей в порядок рукописи – отдельно законченные вещи, отдельно наброски и отдельно копии. Спросил я ее тогда со скрытым опасением: что вдруг такой порядок? Она мне ответила с бледной улыбкой: так ты узнаешь где каждая вещь лежит... Обо всем в ней поведал тяжелый вид, тихий и глубокий. И вот я ее вижу через окно гостиницы, сидящей на берегу моря перед тем как войти в воду. Она меня ждет. Целиком ждет и прислушивается к чему-то, как прежде, в бытность молоденькой девушкой, прислушивающейся к лесу на летней даче. Я вижу ее спину, ее тонкий профиль. Она не двигается, ожидает, думает... а может она уже видит «другие миры»...! Углубились ли сегодня, обеспокоенные люди, в ее мир, в мир ее записей? Мне кажется, что в будущем появятся люди, которые вдохнут запах ее цветов, ее веры. Ее последние слова были: «мои тетради...»!

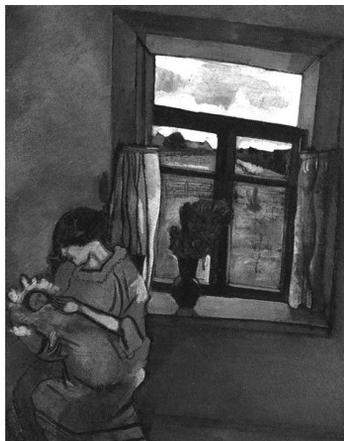

Клубника. Белла и Ида за столом

Когда Белла ушла из жизни, второго сентября 1944 года в шесть часов вечера, грянула грозная буря и непрерывный дождь излился на землю. В глазах моих потемнело» (Марк Шагал).

Из предисловия М. Шагала к посмертным изданиям книг Беллы, становится ясным, что Белла знала о своей

роковой болезни, предчувствовала свой летальный исход и спешила завершить миссию, которую она определила для себя на земле.

Белла и Ида у окна

Марку это также было известно или он догадывался об этом. Пусть же настоящая статья «вдохнет запах цветов Беллы» в людях и напомнит им о ней, о том, чему она посвятила свою яркую и недолгую жизнь.

Моисей Каганов

Мой друг Яша Блюмин

(Из дневника воспоминаний, который не
веду, август 2011)

онференция по физике низких температур, Ленинград, 60-е годы. Одна из... Не помню, с чем я выступал на той конференции. И плохо помню, было ли что-нибудь особенно интересное в чужих докладах. Это я о науке. Давно дело было. И низкотемпературных конференций в Ленинграде было несколько. Скорее всего, на той, после закрытия которой я познакомился с Яшей, сенсаций не было. Иначе, наверное, вспомнилось бы. *Особенно после того, как позвонил Яша.* Его звонок напомнил мне не только о нём самом, но, как обычно бывает, и о многом – по ассоциации или потому, что "близко расположено". Мысли крутятся вокруг происходившего в Ленинграде. "Было всякое..." Приятное. Не слишком. Очень неприятного или даже просто неприятного что-то не припомню - из происходившего со мной.

А не со мной... Написал и содрогнулся: список тех, кого уже нет, велик. Из близких. Из ленинградцев, из тех, кто меня моложе. Грустно. А когда садился писать, мысли были, пожалуй, игривые. То вспомнилось, это... Вспомнились... "Очень неприятного или даже просто неприятного что-то не припомню." Передёрнуло, и рука сама вывела: "Из происходившего со мной." Признаюсь, почти буквальное ощущение: встали передо мной друзья, которых нет. Володя Фикс, Володя Грибов, Витя Френкель, Ия Ипатова, Витя Голант¹. Простите, друзья, меня, старого

¹ Все перечисленные мои друзья – физики. Витя Френкель "по совместительству" историк науки.

ловеласа и гедониста. Что говорить? На минуту – другую забыл, не думал о вас. Радостные минуты захотелось вспомнить. Были и они. Конечно, были. Но написать то, что написал...

*

По-моему, дело было в воскресенье. Не было заседаний или был какой-то неинтересный день. Гуляю по городу со своей приятельницей Валей Волоцкой. Она бывшая моя студентка, сослуживица по УФТИ, у нас общие интересы, Валя экспериментально исследует то, что я - теоретически. Решили нарушить обычную программу (Эрмитаж, Русский музей) и посмотреть Годичную выставку молодых художников Ленинграда. В каком помещении была выставка, не помню. Из всего увиденного понравились только деревянные... не знаю, как их назвать: игрушки – неправильно, статуэтки – точнее. Но непривычно. Автор, фамилию которого мы не запомнили, приглашает к участию в творчестве. Характер лисы или ёжика можно изменить, повернув головки зверюшек. Вот выразительный жираф или изящный олень – настоящие статуэтки. А то, что они из дерева, а не из фарфора или фаянса, делает их особенно трогательными.

Обедать решили в Европейской, в ресторане на крыше. Похоже, я был при деньгах, как выражались когда-то. Не очень частое состояние. Входим в зал, и сразу бросается в глаза: за большим круглым столом восседает (именно так!) Иван Васильевич Обреимов в окружении девиц. Их несколько. Сколько, не помню.

Иван Васильевич - очень мной уважаемый крупный учёный и интереснейший человек. Он первый директор и создатель УФТИ, друг и даже сват П.Л. Капицы. Мы знакомы, и (приятно вспомнить) он доброжелательно ко мне относится. Увидев меня и мою спутницу, приглашает подсесть к ним. Мы с удовольствием принимаем приглашение. Иван Васильевич заинтересовался, как мы проводим свободное время. Последовал рассказ о том, что мы видели. Неожиданно одна из слушающих нас девиц спокойно говорит: "Скульптор – Яша Блюмин, он мой дедушка"... Очень странно, подумал я: Выставка молодых

художников! Но внучка добавила: "Неродной. Он не старый". И тут же уверила, что Яша будет очень рад, если я позволю ему, сошлюсь на неё, наверняка предложит показать и другие свои поделки. "Может быть, вы захотите что-нибудь приобрести. По-моему, у него есть что-то и на продажу". Последняя фраза внучки решила дело.

Когда закончилась конференция, я задержался в Ленинграде на несколько дней. С моим покойным другом Володей Фиксом мы были заняты то ли размышлением над проблемами *электронного ветра*, то ли оформлением статьи на эту тему. Работали. Но и развлекались. В программу развлечений входил и звонок к Яше Блюмину. Очень уж мне понравилось то, что демонстрировал Яша. Кроме того, из поездки приятно привозить сувениры.

Позвонили. Были приглашены приехать. Яша и его обаятельная жена Алёна встретили нас очень радушно. Увидели кое-что из того, что не видели на выставке. Купили подарки. Подарки всем очень понравились. Многие вещи, сделанные Яшей, стали обязательной приметой наших домов и домов наших с Володей друзей. Женщинам, которым хотелось доставить удовольствие, дарили узнаваемые, так сказать, фирменные украшения. Не нравились бы им, не носили бы. И всё же не в этом дело.

Не в покупке сувениров главное. Удивительно: одной встречи оказалось достаточно, чтобы мы, Володя и я, приобрели друзей. И по цепочке, с нашей помощью приобрели друзей и наши ленинградские друзья. В этом большая заслуга Володи...

Прошли десятилетия. Боюсь, полвека. Встречи легко пересчитать. Многих наших общих с Яшей друзей нет. Тридцать восемь лет назад Яша уехал в Израиль. Первое время доходили какие-то сведения. Потом перестали доходить. Вскоре после нашего переезда в США раздался звонок. Яша. Обрадовался. Ощущение, будто недавно расстались, а ведь прошло после прощального визита Яши к нам в Москве более тридцати лет! На память о прощании у нас осталась ваза из наплыва бука. Мне она напоминала и о нашей встрече в Сухуми. О ней чуть позже, "на закуску".

Первый звонок из Иерусалима в Бостон не имел продолжения. Почему, не знаю.

И вот звонок недавно. Опять ощущение, что не было перерыва во много десятилетий. Связь не разорвана. Мы близки вопреки милям и годам, а года ведь могли вместить целую жизнь. Не знаю, как будет дальше. Времени на долгие интервалы без общения осталось немного. И на помощь приходят новые средства общения. У меня уже есть Skype, Яша обещает, что скоро будет и у него. Уже, не ожидая Skype, можно на него посмотреть, рассмотреть новые работы, даже увидеть его рисунки (их я прежде не видел), понять, что в Израиле Яша участвует в том, что он и большинство израильтян считают наиболее важным – в сохранении духа истории и веры. Глядя на хранилище Торы (по-русски я называю его ковчегом), сделанное руками Яши, каждый, думаю, со мной согласится (см. вторую ссылку).

<http://art-in-process.com/avtory/plasticheskie-iskusstva/yasha-blyumin/>
<http://lukor.livejournal.com/67143.html?mode=reply>

*

Несколько эпизодов нашей дружбы с Яшей мне хочется вспомнить.

Яшу страшила непредсказуемость действий советского правительства. Речь шла о военной угрозе, которая ощущалась в бесконечном накоплении ядерного оружия, в полулегальном участии в военных конфликтах, в поддержке тиранов где бы то ни было и в том, что уже произошло в Венгрии. Думаю, свою идею Яша нам высказал после 56-го года, но до 68-го. Его идея состояла вот в чём. Он считал, что надо призвать всех физиков воздержаться от работы, связанной с военной тематикой. Прекратить самим (нам, если этой работой мы заняты) и призвать коллег нас поддержать.

Нет смысла обсуждать, возможно ли было хотя бы попытаться организовать подобную акцию. У нас она не нашла поддержки и умерла, не родившись. Мне же приятно об этом вспомнить, понимая, какой душевной чистоты был наш новый друг. И ещё: какие доверительные отношения сразу после знакомства возникли между нами. Оказывается, не всегда нужно съесть вместе пуд соли, чтобы узнать друг друга.

*

По какому поводу я в Ленинграде, не помню. Визит, похоже, очень краткий. Почти не успел пообщаться с друзьями. Остановился в гостинице "Октябрьская". Последний вечер. В полночь "Красной стрелой" уезжаю в Москву. Не могу решить, что делать. Дилемма: есть возможность посмотреть картины Павла Филонова на квартире его сестры или провести вечер с друзьями. Хотя Филонов абсолютно не выставлялся тогда, пренебрёг неожиданной возможностью. Не жалею. Провести время решили в номере: близко к вокзалу. Наверное, из-за спонтанности встречи до сих пор вспоминаю её, как одну из самых приятных. Но и грустно: слишком много тех, кто упомянут в списке ушедших из жизни. Кто был? Володя Фикс, Володя и Лиля Грибовы, Ия Ипатова и Яша Багров, Яша и Алёна Блюмины. Потом присоединился Даниил Данин. Его я привёл из гостиничного буфета, куда пошёл за "пополнением". Он сидел с рюмкой, грустный. Сказал, что только что умер его друг Юрий Герман. Мы с Даниным были неплохо знакомы, я пригласил его в нашу компанию, он пошёл и, мне показалось, ему среди нас было уютно. Сравнительно недавно моё впечатление подтвердилось. В посмертно опубликованных (кажется, в журнале "Знамя") мемуарах он упоминает об этом вечере в тёплых тонах.

Ничего особенного в этот вечер не происходило. Пили коньяк, трепались. Трёпом мы называли тогда любой разговор не на научную тему. И всё же было нечто, о чем тогда мы постеснялись бы говорить: мы все любили друг друга, нам было хорошо в обществе друг друга, мы были друзьями. Тогда об этом не надо было упоминать. Просто это было. "Но леса нет и эха нету...", как сказал о своих ушедших друзьях всеми нами любимый поэт Давид Самойлов – для большинства из нас Дээзик.

*

Я часто бывал в Сухуми. У меня были деловые отношения с Институтом физики, который располагался на окраине Сухуми. Было это, наверное, к концу 60-х годов. Свой официальный приезд в Сухуми приспособил так, чтобы на берегу моря провести майские праздники.

Чудесное майское утро. Скорее всего, 2 мая. Очень тихо, никакой суеты. Гуляю или куда-то иду, не помню. Неожиданно вижу Яшу. Не ожидал, не знал, что он бывает в этих краях. Обрадовался, естественно. Поцелуи. Выясняется, что и он в этом райском месте по делу: то ли учит абхазских мастеров использовать бамбук в декоративных целях, то ли учится вместе с ними. И даже в этот праздничный день у него вполне определённый план – посетить знакомого художника Валентина Семёновича Контарева, дом которого недалеко от Синопа – так называется предместье Сухуми, в котором расположен "мой" институт. Правда, всё равно нужно ехать автобусом. Яша уверен, что художник рад будет и мне. Я не сопротивлялся. Мы купили две бутылки вина по 0,75 литра, добавили какое-то количество сыра – закуска. И поехали в гости. Встретил нас хозяин очень приветливо, нам показалось, что принесенное уместно, потому что всё было выпито и съедено очень быстро. Помню, в какой-то момент посетовал, что мало принесли...

Что было дальше, – несколько позже. Сейчас о первом впечатлении. Зайдя в дом Контарева, подумал, что переместился в средневековье и попал в обитель алхимика. В первой комнате бросился в глаза очаг. Было очевидно, что недавно (вчера, позавчера) в нём пылал огонь. Но трудно было себе представить, что на нём готовят пищу. Скорее, выплавляют металл, превращают свинец в золото. В это легче было поверить. Во второй комнате главным предметом была конторка, на которой лежал раскрытый фолиант. Узнал ли я тогда, что это за книга, не помню. Признаюсь: мне хочется написать, что рядом с книгой лежал череп, но, уверен, его не было, но надо было, чтобы он был. Для завершённости. Кроме конторки, в комнате стоял топчан, над которым висела пейзаж хозяина дома. Рассмотреть его было трудно, так как он, как и всё в доме, был основательно закопчен. Подумал, если пейзаж освободить от копоти, то он напомнит Рокуэллу Кента или позднего Николая Рериха. Потом я видел одну-две картины Контарева в Сухумском музее: отдалённо напоминали...

Насколько помню, Яшу интересовал Валентин Семёнович и как интересный человек, и как художник, и, наверное, более всего, как мастер, владеющий какими-то тайнами обращения с металлами. Я могу подтвердить, что Контарев был весьма интересной личностью. К сожалению, не смогу даже схематично повторить, о чём шли разговоры^{*)}. Всё же происходило это около 50 лет назад...

Провели мы у него много часов. Если не придирайтесь к словам, рабочий день. Всё это время к нему заходили друзья, как я понимал, соседи по посёлку, среди них были штатские и военные (помню, один из военных оказался художником-любителем, а Контарева считал своим учителем). Никто не приходил без вина. Ёмкости чередовались: канистры, бочонки. Вино своё, прошлого урожая. Красное, типа «Лидии». Хорошее вино. Пили из кружек. Мы пытались не слишком отставать, но это было невозможно, соседи менялись. Правда, темп задавали не они, а хозяин дома. Пил он целый день, стоя. Закуски не помню. Если и была, то минимальная. Я и Яша, простите за подробности, несколько раз выходили. А хозяин – ни разу...

Поняв, что ещё немного, и мы не доберёмся до дома (хотя бы моего), ретировались. Доехали до Синопа. В тот раз я жил в квартире для приезжающих, в которой, кажется, кроме меня, никого не было. Прекрасно устроились и, как убитые, проспали до вечера. На вечер я имел приглашение в компанию местных физиков. Мы пошли вместе. Народа там было столько, что ещё один пришедший был бы попросту незамечен, если бы...

Вот что произошло. В порядке развлечения мужчины начали бороться. Нет, не на полу, а на столе. Рука

^{*)} Одну фразу, сказанную В.С., запомнил. В.С. сказал, что он из тех, кто последними приняли советскую власть. И разъяснил, что был в каком-то белогвардейском(?) соединении, которое не сдавалось вплоть до 1922 года (?), а вело независимый образ жизни в горах Кавказа. Я нашёл несколько слов о Контареве в интернете. Там об этом не сказано. Но сказано: "В 1924 г. в райцентре Серебряково участвовал в конкурсе на памятник Ленину, получил первую премию". Формального противоречия нет.

в руку. Локти на стол. Кто положит руку противника, тот и выиграл. Один побеждает, его "выбивает" другой. Подначки. Весело. Шумно. Яша решил принять участие в веселье. Сел. Выиграл. Подсел другой. Снова выиграл. И дальше без одного сбя. Большие, по виду сильные, мужественные, не могут победить какого-то им неизвестного лысеющего, невысокого, отнюдь не плакатного силача! Не до смеха. Местные мужи нервничают и злятся. Стало тихо. Грузинский гонор – опасная черта характера. Кто-то из моих знакомых коллег посоветовал закончить соревнование и тихо, по-английски уйти. Мы советом не пренебрегли и отправились спать. Яша переночевал у меня...

Когда Яша прощался с нами в Москве и подарил вазу, он рассказал, что наплыв у бука срезал в горах около Сухуми.

*

Моя дочь Жека вспомнила забавный эпизод, демонстрирующий силу Яши. И ещё более – обстановку в компании физиков, в которую он так естественно вошёл. Кто-то еще рассказал этот эпизод мне - либо Лиля Грибова, либо Володя Фикс. Меня с ними, к сожалению, не было.

В ресторане Дома писателей в Ленинграде праздновалась защита Лилей кандидатской диссертации. Среди приглашённых был Яша Блюмин. При входе в ресторан стоял (возможно, и стоит) монумент – Маяковский примерно в полтора человеческих роста. Стоял он в углу, смотря на входящих. На следующее после банкета утро в квартире Грибовых раздаётся телефонный звонок, и Лилю просят зайти в Дом писателей. Взволнованная, недоумевающая, почему её зовут, она приезжает туда, где вчера они весело проводили время. Выяснилось: всё в порядке, только Маяковский отвернулся от проходящих и смотрит в угол. Особой претензии ни у кого нет, но уборщицы жалуются, что их сил не хватает повернуть монумент. Лиля и Володя не смогли помочь. Позвонили Яше. Приехав, он самостоятельно вернул Маяковского в прежнее положение. Одновременно выяснилось, что во время одного из перерывов в возлияниях и тостах Яша на спор повернул

"лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи" спиной к массам.

Спорящие, как и гонористые физики-грузины, не учли, что обработка вручную дерева, которой всю жизнь занимается Яша, требует незаурядной силы.

*

Очень надеюсь, современные средства коммуникации помогут нам не терять друг друга на года.

Давид Паташинский

...и сердце откликается на сердце

виноград

Виноград идет по городу, заглядывает в окна,
время спать, но время дорого, время так бесповоротно.
Виноград кислее ревеня, бьют часы на старой ратуше.
Время жить, да мало времени, что ни вечер, так пора уже.

Разрешили бога ради нам, успокоили, не трогали.
Улыбнись мне, виноградина, бестолкового предлога ли
замечая, запоздалая, сверкающая, самая,
обними меня, усталого, упругая лоза моя.

Виноград идет по городу, заплетя дорогу винную,
время выпорото, впорото, выгибая шеи львиные,
гривы тянет до луны свои, мы и сами дали корни бы,
да не хочет думать мыслями тьма немая, законная.

Постараемся зажмуриться, как дойдем до поворота мы.
Виноград минует улицы, фонари стоят сиротами.
Что забыть, когда не вспомнить нам, по ночам не чуя
холода.
Воздух морщится оскоминой. Виноград идет по городу.

колесо смеха

Мы поднимаемся наверняка, мы становимся выше, чем
ожидали,
женщины улыбаются сквозь облака, погонщик работает на
педали,
его веселый велосипед косит оранжевым, быстрым глазом,
и на еще более чудовищной высоте, чей разворот замечен,

но не указан,
висит сверкающий аэроплан, головою сед, крыльями весь
распахнут,
и солнце, испугавшись собственного тепла, морем
вчерашним пахнет.

Смеемся тебе, говорили пьяные дети, в теплых мохнатках,
местного говорка,
игрок на трубе играл на вечернем свете, пальцами в сладких
музыках старика.
В улыбке холодной, от снега еще кривее, зубы белыми
камушками блестели,
и стволы деревьев, пробитые до червей, отвечали вслух
пляске сырой метели.

Мы поднимемся наверняка, оказавшись неба на сгибе
тайном,
мы увидим рассыпанный, как мука, летящий сквозь воду
лайнер,
он идет на север, но его отражение хочет уйти на юг,
прихватив капитана за крик холостой команды,
и волны ловят и пьют хрусталь голубых кают,
и матросы поют и играют в нарды.

обыкновенный покой

Ко мне сегодня утром пришел Берия,
в холщовых штанах он был похож на маленького господина,
пахло гаревом, росло огромное дерево,
по стране разносилось настроение карантина.

Висела картина, как ястреб висит на пологе
солнечного, пронзительного луча,
отца и сына опять обвинили в боге,
сапогами по жести радостно грохоча.

Уходя до свидания, приходим, и вот что кажется,
что кажется нам, умудренным несчастными такими собой,
вот что сбудется, спалится, станет сажа вся
нарисованной красотой.

Поедем, еще покатаемся,
поедем, что тебе стоит пойти со мной,
посмотрим на всяко-разные таинства,
некоторые принесем домой.

Не забывай меня, если лицо мое станет сонными
бликами на зеленой воде ручья,
если опять падают в небо сонмами
черные очереди грачя.

Нас не оставят в покое, не верь, не спрашивай страшного,
лучше смотри как туман растворяется над рекой.
Мы и завтра будем людьми вчерашнего,
не смешиваясь с толпой.

механические часы

Не ищи на лице моем циферблат,
лучше губы грустные на нем найди,
я тебе не приятель, не брат,
я ведь муж твой. Но опять без пяти
стрелки глаз моих покажут тебе,
зазвонит будильником хмурый лоб,
и кукушка, что висит на стене,
повернется и кивнет тяжело.

Не смотри, как жесть моя жестяна,
ты ведь знаешь, кто клепал мою грудь,
ты ведь в самом деле моя жена,
и, пожалуйста, о том не забудь.
Слышишь, утро проникает в наш дом,
это солнце нас наружу зовет.
Только тикаю сегодня с трудом.
Верно, кончился последний завод.

Мрамор, мрамор, гладкие ступени,
никогда не знаешь, если вышел,
подойди ко мне, смешная пани,
я на крыше.

Говори со мной на маленьком наречье,
улыбайся, как тебя учили.
Нам ни схожести не нужно, ни отличья,
ни печали.

Дом мой отличается от башни,
только тени света в нем, да светотени.
Ты, наверное, сегодня передашь мне
день в ладони.

Ночь набросит бессловесную на плечи.
Свет луны деревья обнимает.
Только за стеной тихонько плачет
мышь больная.

спящая собака

На самом деле была война,
на самом деле забирали у нас жизнь,
кирпичная твоя, коричневая стена
кровоточила, как избитый народом шиз,
на площади твоей от костей не пройти,
не проехать по ней от костей да рваных сердец,
и слепой соловей только и плачет - прости,
и гоняет красных коней пожилой отец.

Время ты мое, сон чудовищ, когда уйду
в землю, которой веришь ее пожарищ,
береста твоя скрутилась в трубу,
только утром поет дорогой товарищ.
Он держит пилотку на весу, как подругу,
клен золотой растет сквозь его молодой лоб,
и животное в синем лесу глаза повернув к югу,
собирает осеннюю пригоршню позолот.

Бей, байдарка, волны по мокрым лицам,
держи меня, солнечная водяная слюда,
карта полей холм превращает в птицу,
улетающую навсегда.
Я сам давно уже не стреляю,

приклад покрыт книжной тяжелой пылью,
и собака плачет во сне по молодому лаю,
поднимая лапы, как меховые крылья.

Поэт в России больше не поэт,
подай, страна, подай ему на милость,
пройдет еще совсем немного лет,
чтоб различить, которого лишились
мы смысла жизни. Говоря о детях,
теперь умеем больше не жалеть их.

Поэт в России больше никогда.
Летит в зенит расстрелянная птица.
Не ждут дожди, и мокрая вода
умоет опрокинутые лица,
склонившиеся над арбузом слов,
плевать их под себя, и будь здоров.

Поэт в России больше, чем звезда,
но меньше солнца, потому сверкает
и падает, и падает с моста
судьба его, нелепая такая,
смола последняя обугленной коры
нам освещает путь в тартарары.

Когда и не мечтали мы о чем
сейчас читаем новую газету,
звенела музыка, он падал, обречен,
и мы следили пар его тепла.
Не сетуй на пустые зеркала,
ты в них не отражаешься, раздетый,
и не открыть ни сердцем, ни ключом
ту комнату, что выжжена дотла.

Поэт в России. Здравствуй, дорогой.
Не узнаешь? Да я и сам не знаю,
пройду, как дождь, неслышную водой,
лови меня, страна моя лесная.
Скажи мне да, вся исходя на нет.

Поэт в России больше не поэт.

черное

Последним в груди застывает воздух,
лапы его маленьких медвежат.
Вставай, мы убежим на звезды,
будет тебе лежать.

Разбирай, марафет, без ножа, без мыла,
поцелуй меня, пьяная, в душу плюнь.
Ночь моя черным меня кормила,
имя ему июнь.

Ты, когда возьмешь за меня руками,
не печалься, что мало меня теперь.
Видишь, как страстно собаки мои лакали
молоко неумолимых потерь.

Черное солнце, только рубахи белым,
белым холстом небо несут в ручей,
мы упадем между умом и делом,
в замочную память скважин и мелочей.

Нам и рассвет, нам и закат не важен.
Воздух листе послушной дает раза.
Веришь траве, значит, в нее и ляжем,
над нами пройдет гроза.

идет-бредет

Мой белый шум, чернеет тишина,
идет-бредет, и хлебушка не просит,
светлеет осень, даль разрешена,
над крышами стремительно разносит
котов пушистых страшные хвосты,
и теплое видать, но не спасти.

Настанет вновь привычная среда,
четверг существования не зная,

в крови кипит пустая лебеда,
багряная, торопится лесная
тебя запомнить ложная тропа,
душа моя, ты все-таки слепа.
Душа моя, ты так мне дорога,
сердцами разделяясь на свирели,
мы будем жить под знаком четверга,
когда листвы осенней догорели
мой белый шум, моя смешная тень,
и серый день торопится на вечер,
придерживая каменные стен
ночные скособоченные плечи,
в глазах огни горят сторожево,
идет-бредет, не помнит ничего.

вокзал

От тоски до тоски нам земля пролегает чужая,
не давай мне руки, не читай мне последнего сна,
говори мне стихи, если снова тебя провожаю,
мы с тобой старики, и последняя наша весна
знает времени часть, нарисует дощечки из глины,
клинописная смерть, я твои указания сотру,
от сейчас до сейчас мы с тобою одна половина,
наша звонкая медь зеленеет на влажном ветру.

Молодая луна, города я считаю, года я,
легкой клетки моей говорящий фарфоровый шум,
наливай мне вина, остальное я сам угадаю,
ты меня не жалей, я другие слова надышу
на холодном стекле стороны, где вокзалы пустые
отражают огни электричек хрустальных дверей,
я не знаю страны, где бы нас отдохнуть отпустили,
мы с тобою одни, мы заложники жизни своей.

Наша сила в промокшем чаду, что рождали полночные
топки,
я уеду под вечер в Читу, я порву, где становится тонко,
все равно не прожить на бегу, время кончилось, дело

настало,
и ты радуешься старику, что смеется тебе с пьедестала.

Над пространством работал шутя, над собой никогда не
работал,
тонких спиц перебор колотя боковой, несусветной травую,
проживи этот день в простоте, не гони электричество в
ротор,
слышишь, снова приходят не те, за тобой, за тобой, за
тобою.

Ты уснула мне, я уснул тебе,
а огней, огней, что летучих рыб,
на той стороне, на пароходной трубе,
что гудит, как и мы могли б.

Ты нежная, я такой грозовой,
ты смешная, день наступил березовый,
плыл листвою, мостовую мел, заметал собой,
чтобы помнили свои слезы мы.

Сон, ленивая смерть, молодого вина смутьян,
светлый смех, золотого шитья кафтан,
пью вино, не напиваясь пьян,
пустой орех, корабля утонувшего капитан.

Ты устала мной, пой мне свои ручьи,
пальцы свои мне пой, но говори ключи.
Жалость наша, это когда победы бегут ничьи,
не говори, молчи.

Молчи слова, это такие неслышные существа,
на руках качаешь, как усталого малыша.
Я уснул у стола, бумаги моей листва
улетает прочь, а должна душа.

Я родился в рубахе, и ложка во рту,
на рассвете заката, на самом огне,

мне огромные няньки роняли звезду,
и мулат-санитар наклонялся ко мне,
мне сирень подносила к лицу кулаки,
мне коньяк улыбался и люльку качал,
и звенела в калитку слепая клюки,
но такая родная, такая печаль.
Дорогие поля, голубая слюда,
что березовый плен отражает река,
мне пчела опыляет цветные слова,
купорос перемен, малахит уголька.
Называя, зови, узнавая, замай,
мая жук, женский муж, молчаливо певуч,
позывная любви, каравая ломай,
не скажу, неуклюж этот солнечный луч.

Не могу я без фальши в шеренгу по два,
проживая проспать, а уроков там тьма,
школы не было больше, чем игры в слова,
неживая кровать, и сурок без ума.
Рождены для победы, мы правим седло,
мы уздечку крутым заряжаем конем,
хороши эполеты, и в доме светло,
и сердечные ты разрешаешь о нем.

Я полки свои строил не зря на траве,
мастерил камельки, пепел наш ворошил,
хороша ты, героя заря в голове,
бандерилья руки, да вчерашний аршин.
Где рождается связь, лед расколом не мы,
там и солнца черна на рассвете печаль.
Пробегаю, смеясь, два шага до зимы.
Вот такого меня никогда не встречай.

музыка пли

Мокрый снег на лице, и ты целый опять,
не проси не стрелять, поминать, забывать,
человечишко, дрянь, грязь кирзы зацвела,
вот такие дела, вот такие дела.
Мокрый снег, но его заменил сухой дождь,

и в глазах не горит, только тлеет, шипит,
полька - танец всерьез, ничего не поймешь,
что ни слово, то крик, а потом она спит.

Через час, через два, наши губы - костры,
не погасли сестры вороные зрачки,
холостые слова, как осколки, острые,
не полюбишь, растли, не запомнишь, прочти.

Мокрый свет уронил снег на сердце ее,
свет на сердце ее, колокольная мгла,
и безмолвствует чай, и шершаво цевье,
и свинцовая песня течет из ствола.

Ты не совсем виновата, а я совсем виноват,
тебе хорош кабабата, мне сообщает медбрат,
сожжет ладони крапива, на солнце выгорит плешь,
мы воспарим из архива, как самобранку ни ешь,
мы улетаем, как мухи, жужжа прозрачной спиной,
играет старый Менухин над пожелтевшей страной,
весна становится осень, гора рождает осла,
мы так себя не выносим, когда любовь не спасла.

Герой не выдержал веры, и промахнулся пловец,
и закричал из партера владелец быстрых колец,
я подойду, но пти па ли меня спасет из пике,
и декорации пали на радость страстной толпе.
Мы все виновны в грядущем, но настоящим полны,
последний час не отпущен, рука не тронет струны,
устало странное племя людей эпохи ура,
звенит брусочек поколений над нищетой топора.

Такое время сегодня, что от беды до беды
нас отделяет холодный зрачок небесной слюды,
душа не знает изнанки, рука не терпит сумы,
забудусь сном, милый ангел, затем дарованы сны,
страшней не знаю врага я, чем утро в зеркале дня,
забудусь сном, дорогая, как ты была у меня,
мои читала слова ты, и проверяла, полна,

как ты, ни в чем виновата, своим лекалом луна.

Желай здоровья, денег, дождя грибного,
ветра ночного, лунных слепых часов,
драйва бездомной собаки, дающей ноги.
Жизни желай мне, задумчивый теософ.
Мастерская свободна, звон перегретой стали,
рыба счастья солнцу целует лоб.
Подноготную давно разбирать перестали,
глядя сонными луковицами в потолок.

Мастерская сердца, бьет невеселый бубен
позывных твоих, парадных столов,
звездного неба мы закрывать не будем,
пусть удивляется птицелов.

Лампам нашим вольфрам заменен на рений.
Вокзальным неоном света, молодая тварь
страны, потерявшей пространство, забывшей время,
находит на рельсах библию и букварь.

Мадам, уже падаем вниз мы, зеленого неба нельзя,
усталою осенью лисьи, мои дорогие друзья.
Немногого мало осталось на глеющий день папирос.
Тяжелой воды побежалость допил на заре многоросс.

Мадам, на скамье под забором мне скорбная жизнь хороша,
не стану сегодня о спором, души позвонок гоноша.
Ручья голоса кистеперы, листвою кружит череда,
взлетают ночные саперы, раскрыв над плечами счета.

Не дам я шагреневой счастья ложиться на утренний сон.
Твои полосаты запястья, осеннего неба гарсон.
Мадам, нас зовет полустанок вагонов веселых щенят,
и новые песни версталонок дорожную землю щемят.

крик ангела

Дайте хлеба, он говорил, плакал, но не просил,
из спины его не было крыл, да из бока бил керосин,
он был летающий, сам поднимал себя вверх,
на глазах тающий, не ангел, но больше не человек.

Растоптал лапти, что твою, брат, коноплю,
хватит, говорил ему, я так помолчать люблю,
тише, говорил, клавиши мне спать не дают,
дыши, говорил, в доме будет уют.

Он оглядывался на меня, пританцовывал, бил ступней,
а в воздухе, заполоня, клубился вчерашний зной,
перемешиваясь с сегодняшней суетой,
хоть вешайся, а ты ему - стой постой,
чтобы еще удержать его,
мгновение, рассчитайся на одного.

Месяц, луна ли, эти птицы мне одинаково хороши,
вы бы знали, как не хватает живой души,
чтобы рядом, воздух чтобы делить,
холодный, горячий, безродный космополит,
другой, резиновый, душит его стена,
помню, просили вы за бедного пацана,
а слова выходили, как рыбы, вбок,
лондоны, пикадилли, тот же скупой лубок,
гродно, карпаты, кто вас воспламенит,
горы покаты, бьет голубой родник.

Дайте хлеба, дайте неба, он говорил,
в хламиде на голое, на просвет.
Получается, я не знаю других мерил,
чем золото наших немых бесед.
Вино, когда не одно, распирает кровь,
любовь вытекает коричневым ноябрем.
А я цветок тебе подарил, розу ветров.
Мы никогда поэтому не умрем.

ночное

Ты не дала мне даже повода,
смотрела страшно и растерянно,
как всадник, не теряя повода,
от ослепительного терема
в глухую ночь, как лист обугленный
письма вчерашнего, колючего,
и ветер воет, как подкупленный,
когда поймашь между туч его.

Ты не дала мне даже времени,
держа сегодня взаперти его,
глазами вспыхнула сиренево,
на поводу ведя ретивого,
от потолка до неба верхнего,
от переулка до околицы,
а небу нужен человек его,
когда оно совсем расколется.

Ты не дала мне даже повода,
твоих случайных папирос духи
кружили голову, и по воду
гуляли маленькие воздушы,
такие страшные рассказы вам
когда услышать, дело случая,
ночные капли дождь подбрасывал,
как цыганенок, в небо жгучее.

они догадались что не придешь усталый
они улыбались что дождь уже перестал и
они уходили сами дорог не зная
под полыми небесами судьба лесная
под голубыми верхними боковыми
мы не были или были но были вы ли

морозным утром воздух совсем не воздух
его хрусталь раскалывается от вздоха
мы станем куклы несносных улыбок плоских

горизонталь оскала верста востока
заря надежды смиряет найдешь не помня
вверяя томно возьму ее у стола я
а ты конечно не бросишь на крышку комья
целуя нежно врагу ее доверяя

дороги мяли мули кричали мули
you touch me darling кричали летели пулей
а на вокзале ты сам упадешь в июле
и страшный карлик тебя затолкает в улей
они догадались что ты не придешь арсений
лицом весенний душой неизменно вешний
зенит твой синий прибитый к лучам скворечней
немного осталось рабочих нам воскресений

а солнце село на села на все посева
настало серое сюра его беседы
впадает волга но выпадает сена
и сердце застыло в шорохе от кассеты
оно рассердилось а что ему остается
в пылу тавтологий и догма горит как домна
ты помнишь силос солнце на дне колодца
когда уволок и долго себя не помня

Не говори прощай, не обещай на память,
не подходи ко мне, я больше не могу,
горчит вечерний чай, несчастное стихами
не говори луне, останусь на снегу.

Не говори слова, слова у постамента
такие же слова, но сердца взаперти,
улыбкой углова, лети, моя монета,
щербата и крива, хоть шаром покати.

Мне мрак ложится в грудь, ему поверить нечем,
и пустота с лихвой сегодня не уснут,
с утра обычный труд, как кнут, бесчеловечен,
беспечен постовой бессовестных минут.

Веди меня ко сну, пустынная квартира,
скажи меня, мишень, что рисовал на ять.
Дарила тишину чудесная картина,
и в тире малышей учили не стрелять.

Ты была у меня одна, я другой у тебя совсем,
пей до дна, не твоя вина, что не умер, не сел.
Пей вино, оно простит, распахнет тебе крылья вино.
Слышишь, дождь моросит, нет, не слышишь, заснула давно.

Ты такая, что ни солнцем сказать, ни пером, нет, ни пером,
холодный оказался базальт, небо со всех сторон.

С одной стороны вижу еще, с другой опустевший перрон,
и воздух в горло, как поперчен, работает топором.

Ты другая у меня не была, а одна, так и повторил бы тебе,
а на небе облака, купола, и на медной отражает трубе
солнце джаз свой, ты знаешь джаз, он в глазах, как в душе,
а ты пьешь его, не смыкая глаз, а ты спишь уже.

Пьет Пьеро, молит своих мальвин, мельник мелет свою
муку,
головой бел, душой львин, что останется старику.

Голова болит, глаза просят очки, свет горит, как смешной.
А ты прочти меня, как не меня почти. Скажи: ты мой
родной.

Небо ливнем расколото, сердцем воду лови,
спой мне песню, царь-колокол, о кленовой любви.

Если мглу обручальную разогнал, и молчок,
сбей мне люльку качальную заводной мужичок.

Наливай мне, метелица, голубые снега,
если сердцу не терпится достучаться туда.

И лиловые мальчики, чья весна углова,
на дороге, где начаты, но забыты слова.

парафраз

Нагая свобода приходит, но нет никого за дверьми,
и только береза бередит напрасной, напрасной любви,
мечтою наполнено сердце, в руках и младенец, и клад,
и некому выделить царство, и на ноги выложить плед.

Машина богато сверкала, но медленно что-то везла,
а ты меня так одарила, что век бы тревожил назло,
мне пиво в груди, как шарманка, играет Бетховена слух,
а ты приходи, карамелька, с утра, и на совесть и грех.

Свобода, заказ сибарита, отправлена в долгий этап,
и конская, венская свита, и кепкоголовый Остап,
греми, запоздалая конка, по круглым камням у моста,
Реми, и качается звонко, и ночь молода и чиста.

На солнце остались прогалы, а вот на земле ни росы,
целуй меня, нежная Гала, в заглавные эти часы,
рисуи мне смешной понедельник, сангиной по впалой душе,
в лесу остается отшельник, и страшно в его шалаше.

Свобода уже не приходит, хоть весь магазин приноси,
не плачь о несбывшемся, котик, нейдут на меня караси,
они золотые такие, глазами блестят из воды,
и ртутные лампы под килем, и окна тяжелой слюды.

Навстречу живя, мы не знаем, что прав невзначайный
барчук,
и льем ненавистного клея на самый его пиджачок,
плачевные чем-то причуды, ничейные мальчики тьмы,
мы сами себе домочады, на хлеб занимая в уме.

Беги этих липовых родин, не верь однополой родне,
и горькую поросль градин топи в непослушном вине,
неважно, о чем отвечал ты, они все равно не спешат,
вечерние, черные чарки сдвигая до звона в ушах.

Паруса, говоришь, опадут, так другие поставить велят,
просвистит молодой бурундук через времени вынутый кляп,
две секунды ему остается, от рассвета до маршала Тоца,
он еще понимает, допустим, где столетняя, дряблая вещь,
и лица ее пойманный лещ бьет листом по волнистым
капустам.

Шелести пересохшей травой на веселую смерть цинандала,
ты останешься больше живой, если книга тебя угадала,
разбираешь словес шелуху, это время лежит на слуху,
это женщина песню заводит об оставленной, бедной стране,
и белье иступленно колотит по его полотняной спине.

Последний год подкрался незаметно,
дрожала клинопись еловых голосов,
роняли пыль раскрашенные медно
фарфоровые лопасти часов,

пора лепить полночные пельмени,
я мимо жил, и ты меня прости,
последнее заканчивалось время,
а первое забыли подвезти.

Маленький человек, наверное, из простых,
был москвич, в руке догоревший спич,
в глазах папирос дым, ростбиф в его зубах,
поднимайся в воздух, говори бах,

забирай ключи, останешься молодым,
моцарт молчи, музыки полон дым
лица его прекрасны, мачты горят почти,
фрачны его мечты.

Господи, боже мой, но идет домой,
трет лоб, говорит чтоб,
брат его, лицедей, говорит людей,
пьет из колб, да подальше шел б.

Маленький человек смотрит во все глаза,
всех глаз у него, что гусей пасти,
в траве растет ее бирюза,
ласковая, до кости.

Поднимается ветер на всех кривых,
вечер полон почтовых и постовых,
ночь подошла, рука ее узлова,
смотрит за нами во все слова.

Короткий ум, шершавое сукно, ты отвечала долгое давно,
смеялась мне случайно, как больная, когда смотрела в
черное вино,
да я и сам давно тебя не знаю, прошла зима в малиновом
пальто,
летела вдаль кобыла вороняя, и в дверь стучал
рассерженный никто.

Короткий ум, но родовая память еще хранит души моей
зерно,
и солнце продолжает страшно падать, где горизонт
кривляется черно,
пустым ветвям поклонисься, зажмурься, и ветра обаятельны
басы,
и льется кровь неопалимых куриц, слепляя мех
стремительной лисы.

Давайте жить, сказала и устала, рука дрожит, и золото горит,
хрусталь зрочка становится кристаллом, ты в нем не
отражаешься, старик,
вокруг столы, пустые, как кровати, пиши письмо, но
пожалей конверт,
она осталась в голове кровати, подушки слов подбрасывая
вверх.

Послушай, брат, какие наши иглы, мы бегло спим, и на лице
печаль
таких утрат, что искренне погибли, и ты иди, меня не
замечай.

Ума длина становится короче, я раньше жил, но все еще живой,
и голубые руки старой ночи сложил рассвет себе за головой.

Плохие новости, судьба на помеле, душа в кармане, правда о рубле,
не стоит маме говорить о главном, когда она горела на столе,
свеча, конечно, мама у окна, она одна, но ты еще однее,
а за окном лежит ее страна, и голуби так пристально за нею следят,
за мамой, нет, не за страной, мне странной кажется, а вот тебе не странно,
давай еще накатим по одной, а за окном сквозь кашицы туманной
медлительно, как если бы впотьмах, когда и ламп дыхание незримо,
идет наш день, как тощий альманах, и дождь летит, не как-нибудь, а мимо.

Плохие новости, нас заперли в себе, теперь не жизнь зареванному урке,
пожалуй в гости к собственной судьбе, держись еще на влажной штукатурке,
проснись и пой, как всем заведено проснуться, петь, глотать сливовый ветер,
а вот о той, что страсть-веретено, совсем забудь, хватило б только петель,
поймешь скорей, простишь уже едва, не обернешься, звуком нем и ясен,
под нож ложится беглая трава, ступени в окружении балясин
ведут тебя, как прежде, в небеса, ты был оса, но сам за все в ответе,
и, между прочим, света полоса слепит глаза, но освещает эти

плохие новости, грядет крепленный рай, сарай сгорел, но дом еще дымится,
пустой от злости черный самурай на дровнях стрел играет в домино,

не станешь всем, когда под сердцем дзэнн, а на пороге
огненная птица,
которую, не удержав в горсти, ты пьешь, как безвоздушное
вино.
Такая вещь со мной еще случится, со мной случались разные
дела,
проходит ночь, как серая волчица, держа в клыках души
перепела,
следи экрана, проверяй, где палец ведет тебя до самого
конца,
где жизнь, как рана, обнажает палех прекрасного, но
мертвого лица.

мы воздух и вода но каменно летаем небесные часы давно
заведены
бегут сквозь провода слова вчерашних таен по головам росы
проходят ведуны
а губы чистый мед но в тишине колодца не отличить края
когда взлетаешь за
а голову все жмет наверное порвется сосудик где твоя
улыбка и глаза

На свете есть два вида колдовства,
один, когда горит во мне листва,
другой когда на солнце птицы, птицы,
что исчезают даже для меня,
и ничего плохого не случится,
на повороте солнечного дня.

На свете есть две силы, но одна
нас слабость одолеет на рассвете,
и воздуха тяжелая волна,
и пончики, румяные, как дети,
на дрожжевом стремительно растут,
и кофе ароматно и лилово,
и если кто-то оказался тут,
так только заблудившееся слово.

Морская пыль и человечья мель,
вы все одно, но вы всего другое,
зимы свирель играет акварель,
и снег поет под легкою стопою,
и синева летит, как сон, в глаза,
и ветер на ладони нарисован,
и ветви поднимают паруса,
над городом родным и невесомым.

Серый волк уходит, глаза его в клетках слез,
глаза его взаперти, в глазах его свет берез,
серый волк говорит вой, он луну тебе говорит,
он друг твой, он вместе с тобой горит.
Снег на пути бел, тени синие на снегу,
вечером пел, ночью петь не могу,
серый волк держит за руки, пьет со мной,
а на пороге парубки молодой стеной.

Сгинь, зима, лето настань, тепла, тепла,
пускай звезда улыбается нам в высоте,
серый волк, это когда сгораешь совсем, дотла,
но греют руки в тебе не те.

Колокольчик зол, зол, шмель жену себе нашел,
пальчиком водил, рыбку удил.

Патронташик пуль полн, нам бы ваших бурь, волн,
да прибрежного песка, да железного свистка.

Разгуляйся, гуляй, платье красное вверх бросай,
платье черное лови, соловьи, соловьи.

Звон стоит, молодой сон, над рекой звон,
под рекой мужики, там живут мужики.

Весна пришла, только очень холодно еще,
сделай так, чтобы горячо.

Колокольчик сам свят, на небе ал стяг,
небо синее, голубое, вот и мы с тобою.

Время спать, а место, стало быть, жить,
собирать на лихолесье опят,
здравствуй, тать, хотел тебя порешить,
как ни трать, а решкой ляжет опять,
ночь чиста, совсем нежна и пуста,
а с моста и падать некуда мне,
так бы выбил роковую из ста,
да не выпадет орел при луне.

Говорю, потом еще говорю,
на мякине проведя, как закон,
что не выдашь дорогому царю,
а с другими ты почти не знаком,
сердце в горле, слов малиновый лад,
слушай, карла, отправляешь почем
за бугор ли, где кипит шоколад,
где пекарни говорок обречен.

Ты не думай, что уже рассвело,
не за здорово живешь отдают,
и летит луны болеро,
в серебро моих прощальных кают,
умирать не собирается тать,
остается помолчать при луне,
да волчат своих седых посчитать,
что не сгнули в чужой стороне.

Гудело горькое в груди, а он все шел себе, пахал,
а ты еще к нам приходи, великовозрастный пахан,

а ты заточку не томи, а ты дырявого не строй,
а если Боже сохрани, так это плаванье не кроль,

и эта кровь не для мужчин, и их событий без конца,
пшеница знает свой почин, и пот с корявого лица

на землю теплую пролив, он шел и песню угадал,
а где-то Берингов пролив, и смерти ласковый миндаль,

а где-то сказано в ружье, и барабанит дождь в бадью,
и тихо плачет мужичье, прильнув к забвенному бабью,

и раздается на версту, и горло Родина свела,
и ты все помнишь бересту, что завивалась от ствола.

о земле

Дышу, как волк, икаю над золой и ручью киваю седину
свою,
меня поймал ночной гиперболоид на лунную, прохладную
змею,
душа полна восторженных испарин, налей вина, неугасимый
Гарин,
волна летит, вспеняя берега, и на пути ни друга, ни врага.

Просыпешь тальк на пролежни ленивых, ушастых,
зазевавшихся равнин,
и уголь кальк мечтою анонимок становится последний
гражданин,
перо по буквам, поминая лечь им, земля как будто пахнет
человечьим,
напишешь сон, и голова цела, и ходит слон на цыпочках
стола.

На черноземе пахота горит, и тракторишка тащится
пластунским,
у бригадира верное болит, он навсегда останется под
Курском,
светло в ночи, давно необратимо, зерно молчит, но помнит
побратима,
его наган и алые слова, где луговая вечность узлова.

Когда и мне просиживать штаны, за годом год, а за два не
давали,
но если говорить обречены, то замолчим, играя на кимвале,
едва ли сел, по голову прополот, лукавит серп, предсказывая

молот,
дышу, как волк, над черною водой. Мне двести вольт, я умер
молодой.

Забытый на подоконнике
плачевный платок,
мальчишки играют конники
на восток,
девчонки канючат пряники,
чтобы обременять
животики и кораблики.

Солнце поднимается на канатике,
роса костит ягоды перебой,
а ты научи меня математике,
от суеты рябой.
Бешенство ушек маленького
собачика на снегу,
дай валенки,
все равно убегу.

Платок, платочек,
положи мне его в карман,
а жизнь мою хочешь,
где фонари горят,
а смерть мою плачешь,
я сам себя поломал,
цеплял пальцами якорят.

Солнечное кочевое облако,
кучевая его гроза,
а я люблю своего ослика,
его апельсиновые глаза,
травы горсть,
а он яблоко был непрочь,
к тебе гость,
ночь.

и звон ушей воспринимаю как шепот и бег мышей мне
однозначен вдвойне
и малышей я понимаю еще как когда бегут они ко мне по
стерне
мне мир любим и колдовать безопасно веселых чар храни
теперь к рождеству
огонь рябин согреет зимние сказки я сам лечу мне обещали
листву
светло в глазах и на душе жемчугами водой сгущенной
солнца медным плечом
смешно сказать но как они зажигали январь прощенный что
вовсю запрещен

а зеркала все понимают где старче и честным блеском
освещают моря
навзрыд села бредет неистовый Санчо смешная феска
никому говоря
а ты проснись лазурь глазами глотая оранжев вальс и на
подругах цветы
и прямо вниз где зыбь дрожит золотая я встретил вас но
оказалась не ты
детская музыка

Маленький бедный ребенок, пользы в тебе никакой,
пенек боишься и конок, скользкого льда над рекой.

Маленький бедный ребенок, смысла в тебе ни на грош,
страшные сказки спросонок голосом тихим поешь.

Бедное дитяtko, крошка, шарик воздушной земли,
ты меня любишь немножко, видишь, и лампу зажгли.

Сон наступает украдкой, ночью гирлянды шумят,
шапка над буковкой краткой, ушки свирепых щенят.

Долгую, чёрную пьесу дождь голубям говорит,
лис улыбается лесу, ночь фонарями горит.

Книгу названий нездешних гром по слогам прочитал,
и опадает орешник, платье платя по счетам.

Маленький бедный пацанчик, катится твой колобок,
горница светом смеется, сонными пальцами бья.

Клавиши трудно даются, музыка прячет лицо,
вечером струн деревянных, ночью малиновых брызг.

Звезды погасли, как свечки, чем-то заполнен восток,
и домовый из-за печки тенью вчерашней растет.

Сон происходит на совесть, дело его хорошо,
к новыми словам приспособясь, сыпать смешной порошок.

Вороны любят воронок, шепчут им на ухо кар,
маленький бедный ребенок, ноты не любят бекар.

Ночью внезапные птицы крыльями маленьких тел,
музыка не состоится, ветер ее улетел.

кофе коричневым сном
рисунки пыльного солнца
за окном зеленый рассвет
уложи меня спать чтобы ровно дышал

музыка ждет
струны и стрелы и страны ее
за окном солнце встает
спать уложи чтобы ровно дышал

клен и медведь и кривая ольха
медь и смола и фарфоровый шар
за окном разговор королька
спать уложи чтобы ровно дышал

я вернулся

Ну вот и все, и ваших нет, и наших,

страна закрыта, небо вдалеке,
и черные от времени папаши
гадают на смолистом котелке,

и павших не считают генералы,
работники обугленной земли,
и ты глазами только замирала,
когда меня по улице вели,

настала мгла, и нету комнатенки,
горит спираль для бедного тепла,
и жалобно играют ребятенки,
и ночь на подоконник прилегла.

Веревки, говорю, веревки, стропил совсем не различу,
и кто-то маленький и ловкий ползет по острому лучу,
он залезает прям на солнце и огонь ладонями берет,
и ослепительные кольца бросает вниз наоборот.

Сквозь облака мышинной статью звезды падучая пчела
и руки прижимая к платью, ты платишь взглядом за вчера,
а мне бы холмы и равнины читать, зайдя на перевал,
ручья звенящего стремнины, где сны смотрел и забывал.

Прощайте, говорю, прощайте, не стоит масти, если шесть,
и листья колкие печальте, гремя в безудержную жечь,
на то и дождь, что перестал и дрожит, как лошадь под
вожжой,
и кто-то маленький, усталый, ложится навзничь, как
большой.

Вино длиною в год старается на совесть,
никто не узнает больного старика,
а он себе идет, судьбой не успокоясь,
и медленный киот, что молимся слегка,
и медленный кивок навстречу человеку,
когда он достает последние слова,
березовый завод закончился у века,

он на руки прилег, и вся его трава.

Крепи свою муку, неумолимый мельник,
и медом наливай растерянный сусек,
больному старику что день, что понедельник,
вези его, трамвай полуночных бесед,
спаси его, собес, когда, непобедимы,
уходят поезда в неистовое вне,
и, пасынок чудес, волнуется Гудини,
в руке его звезда, рожденная в вине.

ДОЖДЬ

Подари мне тяжелое небо дождя, клен горящий летит,
барабан ударяет по воздуху твердой рукой.
Комариным сверкающим шелком упала звезда, легкий,
страшный квартет отрицательный звук угадал.
Тигра трогает за ноги грубый махровый ковер, на усах
молока скипидар, глубоко под землю луна.
По песчаному дну черный, алый, золой и цветами,
бульжник крутящимся перцем кирпичных мостов.

Хруст по имени сто, край ленивых забот, завтра нищий
умрет, захлебнувшись водой котелка.
Вырубая ступени в тяжелой воде, новый день начинается
местью за старые сны, продолжается ночь.
Пусто стало толпе, льется пепел обратно в костер, пламя
времени брат, а сестра его врет.
Лечь, войдя, деревянные жаль за высокую честь, завтра
новая часть, приходи ко мне лечь.

Ворох ливня, дождя мне тяжелое, мне умывает лицо мне,
умоет лицо, мне дождя умывает лицо.
Комариная плешь, перелесковый съешь, звезды лезут в
карман, беспечальная кварта лениво звучит.
Он зубами, животное, рвет и вечернюю пьет и на грудь
принимает прозрачную меру хребтовой воды.
Пустота осыпается новым песком, и ложится лиловая мгла,
и волчица тебе сыновей родила.

Кончай болтать, надежды больше нет, предатели приникли к
амбразуре,
их предводитель, бешеный корнет, слагает нет, а девушек
разули,
они цветут склоненной головой, и вечный суд, и Кашенко
живой.

Кончай трепаться, жестяной язык, страна закончена,
солдаты пьют всухую,
мелькают пальцы разовых бузык, от порчи как возьму, да
застрахую,
настало лето, воздух грозовой, пройдем еще по этой
мостовой.

Я ветер за дождины ухватил, он закричал, в лицо меня
ударя,
среди людей, событий и картин живые обзаводятся по паре,
вот Кашенко, единственный мужик, его душа сквозь яблони
бежит.

Чернеет вечер, надо помолчать, свеча рыдает желтым
парафином,
лица неуловимая печать, а в остальном такой славянофил
он,
идея о родимом не своем, скудеет слов холодный водоем.

Начать не кончить, кончить не начать, мельчает пруд, и
бабы по колено,
от человека остается часть не речи, а которая болела,
считай до ста и немо повтори, читай с листа фонемы-
фонари.

Утром, вечером, на росе, на лугах, вечно ты сидишь, ничего
не делаешь,
враг, монах, сам у себя в ногах, сам свое тело ешь,
руки себе откусываешь, запивая желчью, сандалии глубоко в
пыли,
а Керчь повернула харю, такую рачью, что навзничь падали

ковыли,
а плач такой над Русью сегодня ходит, что слез его ведром
не собрать, не счесть,
а за углом смеется детский садик, и на часах шерсть.

Утром, ночью, когда гранита перната, когда крапины града
пишут на крыше ноль,
рачью мне показывать нет, не надо, я еще пьян не столю,
мне еще стол не подставил тугую рюмку, разохлось дерево,
и комары поют,
встать бы завтра, молодым, чуть свет, спозаранку, да
запалить приют.

Утром, утром, день никогда настанет, мягко стелет,
говоришь, зато стережет всюю,
во всю губернию недосчитались стенок, под хвост грязному
поросю,
духота, это метод забыть об оном, маета, это тень, у которой
свет,
и любовь, в пиджаке своем незнакомом, играет четвертый
сет.

Говорил, она молчала, ночь лежала между ними,
холод лунного причала, черный мех травы,
а свеча виолончели, что единственно хранили,
а усталые качели вечной синевы.

Говорил, словами между, ветра Рим деревья Трои
поворачивает страшно, копы горячи,
а другого нам не нужно, только малого укроем,
только падают неслышно капельки свечи.

Вот и кончилось простое, предыдущее, как имя,
вороватое, как пламя, время никогда,
облаков кривая стая звезды трогает своими
закругленными углами, падает вода.

Говорил, но все пропало, время первой папиросы,
тетива пустая пела песню о стреле,

ть, как кот, бежит со стула, взгляда медленные осы,
догорела, догорела, прямо на столе.

Армия красных шапок, алые паруса,
девушки без перчаток, громкие голоса,
ветер поет все тише, ночь подошла к дверям,
только скребутся мыши, помним вас, доверяем,
шубки ваши смешные, звонкие коготки,
ласково так пушны и жизни так коротки,
только за ломтик сыра, что так чудесно тал,
переполняет сила, крепость огромных скал,
где на рассвете витязь драит пустой доспех,
так что еще скребитесь в поисках тех утех.

Армия спать ложится, ружья построив в ряд,
словно кривые шильца страшно штыки горят,
словно коса на камень, верхнего дна алуф,
бродит орел, зеркален, клюв ударяя в клюв,
небо едва струится, дальние смяв края,
плачет двойная птица, сладкую воду лья,
радости малороссу, что и лубок глубок,
девушка папиросу держит, как шпагу, вбок,
сам предлагаешь помощь, да не находишь глаз,
мыши печалют полночь, полночь печалит нас.

Ржа проникает глыбко, лак покрывает стол,
бьется слепая рыбка в береговую соль,
солнца ленивый херес кровь до слюны пьянит,
люди идут, не целясь, прямо в его зенит,
пару побольше, пару, клял расторопный хрен,
красные белым пара, как броненосцу крен,
белые красным дулю кажут из-под полы,
баба сидит на стуле, голос тупей пилы,
время не терпит полдня, варево на плите,
этой войны не помня, новую в животе.

лунные старики

Говорят, что там живет шоколадовый корзинчик,
зорче пончика печет, всех зовет наперечет,
янтаря печальный мед, ветра лед глотает пинчер,
на загровке шерсти черт, старикам у нас почет.

Вместо лунной головы, на столе холодный локоть,
удивляя удила, полоумного звала,
обращается на вы, ключ потерянный брелокать,
и метелицы юла, снега тонкая зола.

Старикам у нас лафа, фат не носят старики же,
и моргана на дому, миражами вопреки,
сказка пишется глупа, плачут медленной и тише
уходя по одному, дорогие старики.

Голова-то голодна, да не голого голуба,
а молочного до дна, где кисель на берега,
ты останешься одна холостого однолюба,
хлопотала полотна карусельная река.

Запечалили, да так, что всего затормошили,
плечи дрожью пожимал, губ чернильная печать,
медь становится пятак, заходя на крепдешине,
где кофейная эмаль отражается молчать.

Угловата жен судьба, мужикам такая жалость,
нет, не выдавить раба, капли больно хороши,
молодые берега по обрывам разбежались,
и дорога дорога, повстречаешь ни души.

Лесная просека ресницами печальных сосен по краям,
ни расставаться, ни присниться мы, и только вечер, окаян,
ложится мертвыми подушками на маринованную тишь,
прислушайся, как дышим скучно мы, хотя ты спишь.

Лесные звука безобразия, что был его, что нет его,
а ты ведь понимаешь, разный я, и облако мое криво,

ему дождя бы осторожного на землю вовремя упасть,
когда от времени истошного осталась часть.

Уйдем, как водится, по краешку, на цаплях изумленных ног,
наверное, и не узнаешь ту, где собирался и не смог,
где воздух колбами глотается, и гром, катаясь по траве,
колотит небо гулкой палицей по голове.

Вчерашний хлеб хрустит сухариком, вода осталась
питьевой,
лесная городской не пара там, а ты и сам себе не свой,
идешь сквозь улиц заполошное, и небо снова высоко,
и улыбается из прошлого Шанель Коко.

солнечный снег

Забываем под утро, понятно мы, что чугун говорил не
спеша,
рассыпаясь туманами мятными над коротким костром
мальша,

где усталые мальчики прыгали, если девочки трогали нож,
согревая горящими книгами черный лак опоздалых калош.

Луговой напевалович, сволочь та, дудкой сердца настроил
рояль,
для почетного целая полочка, не участвовал, не состоял.

Успокойся немедленной темени, ты окажешься правильно
взят,
парусами прозрачного темени голубые занозы скользят.

Гостевые надев подстаканники, бьет хозяин чужую жену,
фолианты обширной британики приникают к его кожану,

на глазах его века отметины, на губах молодая фасоль,
и когда забываемся в смерти мы, он навстречу выходит
босой,

он навстречу выходит, как Санников, пальцы в солнце, душа

на огне,
и чудесные головы всадников проявляются в пыльном окне.

Нас настигает скорбная пора,
дожди с утра, и чет сменяет нечет,
и сосен пористая, тихая кора,
и время только плачет, а не лечит.

капитан мой капитан

Подходишь к нему, голос дает петуха, голос дает курице на
яйцо,
хочешь, сомну голубые твои меха, брошу на лед кольцо.
Хочешь, вороне подарю сыр, лисе подарю четвертую из
сторон,
ты падаешь, так одинок и сыр, ты останешься под столом.

Подходишь к нему, собака поет муму, плачет вой, луны
поминая рай,
взял казну, возьми и его жену, сам не свой, писем не
разбирай.

Хочешь, мазаю испеку хлеб, пастуху волки кричу, кричу,
отползая на локтях холостых лет, красную жгу свечу.

Подходишь к нему, ветер простыл дуть, фатер простил жить,
истово повторять
не по уму, снежная пляшет муть, гном бежит, глазки его
горят.

Хочешь, сынку, сделаю нам шатер, полог ник, рыбы икрой
больны,
смотри, воду распарывает, остер, стальной плавник, нож из
ее спины.

Подходишь к нему, кол, понимаешь, двор, колодезный небо
буравит зрак,
вышел в сени, вот и весь коридор, свет лиц не разгоняет
мрак.

Хочешь, перине подарю пух, поляне постелю мох, волку
отдам мех,
помолчи, запоминай дурака на слух, но не забудь забывать
на смех.

Подходишь к нему, а его давно нет, смотришь в глаза, там
голубая даль,
руки привыкли к теплу молодых монет, не говори мне
отдай, отдай.
Хочешь, я сам тебе все отдам, море ночное, волны, луну,
луну,
ты говоришь, мой капитан, мой капитан, я никогда не засну.

романс

Начинается все, лишь тебе не дано начинаться,
посмотреться тебе не дается в зеркало твое,
и японец кричит харасе, и податливый Надсон
рыбой по воду бьется, иская свое ё-моё,
и акаций лаская рукой запоздало-шутливой,
ты словаешь молча, говоря глухие сказы,
Бонифация стая покой обуздальной сливой,
словно шаешь свеча, на моря, и стихия слезы.

Продолжается вся, предложаться и нам, неуклюжим,
семена головы разбросая по гулкой земле,
жизнь проходит, бося, заводными слонами по лужам,
суждена на увы, и роса на траве, и Пеле
все играет души ослепительный розовый мячик,
нам не начать уже, положи на забор булаву,
погоди, не спеши, посмотри, как он быстро мастрачит
этой бедной душе Пифагора на полном плаву.

Окончается где, лишь тебе по твоей настоящей
не бежит бороде малышей сокровеновый мед,
и приходят не те по воде фонарей морозящей,
на пустой высоте, что пришей, все одно не поймет,
потому-то сухи на лице твоём дряблые брызги,
и ловца не бежит удивительный кролик идей,
зацветут лопухи, упадут на траву василиски,

и настроится жить умеревший давно лиходей.

Несколько шагов до утра, несколько стихов дотемна,
ты уже, наверное, ушла, дверь закрыв, наверное, сама,
а на улице был опять дождь, мокрые деревья, дома,
я знал, что ты от меня уйдешь, несколько стихов дотемна.

Ни наречий не осталось теперь, ни глаголов, что за руки
держал,
ты ушла, закрыв за собой дверь, а на улице дождя висит
шаль,
а на улице от мокрых собак жалость разливается по траве,
и месяц, надев лапсердак, топчется у неба на голове.

Есть мужички, что море по колено,
а есть которым Родина взашей,
а ты прочти, пока не околела,
про ласковых, но подлых малышей,
а ты бери, когда на грудь тугую,
когда в нутро, пробитое до дна,
и сухари грызи на берегу и
запей еще, куда холодна.

Есть бабы врозь, ногами сами в Сочи,
ее с торца, а там и одолел,
где повелось, которого охочи,
трезвон яйца, сопение свирел,
и ливень льет, и надувает фалды
сырой сквозняк на повороте дня,
и рта поет картавая петарда,
когда казнят, но только не меня.

Проснись и свой зажав промежду ляжек,
иди полить на белого бычка,
попросишь стой, и встанет, словно ляжет,
но так болит, что кончилась мечта,
есть мужички, что понимают вымя,
и есть бабье, что режет под живот,

когда почти словами угловыми
зовем ее, что временем живет.
Приходит тьма босыми парусами,
и херувим парит над мостовой,
забудь сама, как страшные плясали,
а что кровим, так это нас с тобой
берут за все, а отдают задаром,
давно скрипит уключины печаль,
твое лицо уже не станет старым,
налей мне пить и слез не замечай.

волчье

Идет толпа нога в ногу
над резонансным мостом,
печальный волк одиноко
луну качает хвостом,
глаза горят угольками,
загривок дыбом стоит,
клыков задумчивый камень
холодным светом блестит,
людей читает, как травы,
росой прибиты к земле,
его мохнатые лапы
в седой пушистой золе.

Рука не трогает руку,
красны с утра лопухи,
а что уснул на пиру ты,
на то и звезды легки,
оставил женщин друзьями,
а сам и жить невдомек,
такой больной обезьяне
советом страшным помог,
играют пальцы сонату,
звенит в ушах барабан,
когда не выдержал сна ты,
читай меня по губам.

Роняет у-уу злых метелиц

хрустальный плеск на луга,
и воробьи разлетелись,
но трезв вчерашний слуга,
волчара горло тугое
на горизонт распрямил,
дугой полночного воя
укрыв изменчивый мир,
где пробирался сквозь душ ты
необозримый покой,
заснув под утро, подушку
прижав колючей щекой.

печальное

Целовала в губы,
говорила слова,
не смотрела в глаза,
не любила совсем,
ветер мокрые лапы
протянул из деревьев,
липы только шептали,
ночь ушла, не простясь.

Плес лежал бездыханный,
голубая, в луне,
обнаженная,
заплывала за камни,
воздух падал в траву,
прямо на спину падал,
не любила совсем,
говорила слова.

Обнимала,
прижимала к мокрому,
холодному телу,
хотела согреться,
говорила слова,
не любила совсем,
целовала в губы,
заплывала за камни.

Лес стоял на деревянных
мохнатых ногах деревьев,
луна бросала вниз
голубые платки,
облака сжимали
черные кулаки,
плес лежал бездыханный,
не любила совсем.

Кольчужка дряхлая, подружка еще дряхлей, гуляет пешка,
гиперборей, взлетает пташка, а вот и мы, а вот и мы,
а завтра выпадет промашка, и промокашка станет пушкой,
и ты возьмешь, пожалуй, лишку на острие сырой зимы,

а завтра выпадет вчерашка, губами мокрая ватрушка,
гуляют голуби по крышке, а угадать бы, угадать,
меняет свет свою рубашку, ночнушку вывесит на сушку,
а говорят, давай, старушка, и наступила благодать.

Топорщит ворот, тащит ворог, друзей толпа, а в ней намеки,
сорняк прополот, самоволок гремят печатные шаги,
ложится облако на берег, сверкает медь прекрасных денег,
и я уснул на солнцепеке, а что ты ждешь от мешуги.

говорящая луна

Когда-то давно были маленькими деревья,
луна говорила, плавала в черном небе,
луна серебряная, прозрачная, она говорила.

Музыка пришла, в руке чемоданчик,
там полно тяжелых старых пластинок,
армстронг и элла,
музыка такая, она говорила.

Деревья были маленькими, трава была мягкой,
жизнь была длинной, все остальное было хорошим,
вот так она говорила.

Такая осень холостая, струился дождь за воротник,
птиц ослепительная стая медноголовых вероник
звенела в тонкие свирели, дома закатные горели,
брели за тридевять земли, и не могли, и короли.

Жизнь настает, бери и пользуй, не зарекайся никогда,
что обнажает профиль козий соседней страстной лабуда,
на переулке шум метели, прозрачный выбег плясовой,
где птицы дальние летели позеленевшей мостовой.

Такую ночь сидел внизу бы, лицом в латунный самовар,
дышал, показывая зубы, и никого не узнавал,
холодный ветер гонит комья по полосе сторожевой,
закрыв глаза, себя не помня, неосмотрительно живой.

На слух и хлеб не вырастут слова,
пастух и лет не прожил, а трава
и зим не потянула, вот, бедняга,
теперь она зеленая бумага.

И глух, и нем, и ест уже почти,
в глазах сидят полночные зрочки,
в ушах читают иволги альбома
соленых букв прилежную печаль,
а вытолкни на улицу любого,
настанет непременно встречай.

Гори огнем, гористая гряда,
сегодня день не более среда,
сегодня ночь не менее настала,
гудят басы обугленных полей,
подите прочь, сожигатель москвостана,
собрался пить, смотри не околеи.

Сверкают окна звонких электричек,
буравит ночь слепое острие,
энтличек, получается, пентличек,
на смех и грех печальное свое.

Незрим собой, встречаю новый день я,
мечтая чем и ночью не усни,
в полях гобой и прочее дуденье,
и гордый челн на гребне колосни
несет зарю, кого ему нести же,
торчит рука по окорок в седле,
благодарю, и прочее, что ниже,
бегут срока, и время на нуле.

Грядет среда, и голубю вода
чернее льда, когда на провода.

Событием обычен, жег свечу бы
случайный сон, полночный гражданин,
и птичьи получаютя причуды
ловить лицом попутчиков равнин.

Ночуя днем, привычные набаты
обыкновеньем бычьим утоля,
и глух и нем, и помыслы горбаты
в жужжании почтового шмеля.

Живи еще и жажду утоли.
Прижми плечо. Останься по любви.

подарю тебе солнце и звезды
и старый сундук
где хранится прекрасное поздно
и золотое вдруг

где мышата прогрызли осень
до краев голубого неба
где огонь зажигают лисий
сквозь усталые листья

Морская вода утешает, речная лечит, степная вода на
ладонях лежит больная,
а утром все птицы уходят на небо, значит, на небо уходят
птицы, и ветер тоже.

И если ты плачешь: Боже, прости смешного, и если ты босиком по росе, по веткам, по синему пастбищу, где молодые бродят, по черной траве, где оранжевые фиалки.

И если ты плачешь жалко, и больно как-то, и падают капли на светлое время суток, и падают капли вверх, на небо, где птицы снова летят и гуляют и нет им опять покоя.

И это, наверное, жизнь у меня такая, ходить между вами, слова разбирать на штучки, слова собирать на пачку, давай, закурим, ходить между вами, послушай, давай, закурим.

И воздух, смотри, он опять не бумага - калька, и все, что дышали, теперь черно-белый оттиск, и все, что бежало в оттепель, в горы, в горы, теперь не вернется, а мы его так просили.

И все остается в силе, и мир пропавший, и лилий головы мертвые на проспекте, а в слабости только мальчик, слова пропевший, а в слабости старая книжка на две тетрадки,

и ты не поверишь, редко, но где-то были, белели парусом, морем синели строго, шинели стояли колом, когда они пропадали, и царь, и женщина, и дым стоял над оврагом.

гоген

Гарем стоял на тонких ножках, лежали бабы на снегу, и черных ям вдохнув немножко, сочился воздух не могу, кричали дети беспокойны, торчали маленькие корни, гроза пришла, в руках держа сто миллионов вольт рассвета, и обветшавшая межа набрякшим ртом брала песету.

Народа тьма сопела тихо,
а главный вовсе был таков,
его веселая шутиха
долбила мир без дураков,
лицом прилежен, бел руками,
шинель в шкафу его, в шкафу,
и бьется страшное конг-фу,
как бабочка, в его стакане,
как радостно звенели яйца,
а мир пищал, скрипел, боялся,
на мелкий шорох расчленен,
Зенит остался чемпион.

Моя бы баба все сказала,
да нету рта у дорогой,
живем, не чувствуя вокзала,
под черной вольтовой дугой,
мальчишки радостны, в лесу им
попалась девка заводна,
и безусловно голосуем,
страна совсем у нас одна,
голодный радуется сытым,
светла улыбка короля,
и голословно солью сыпем,
пустую землю запыля.

Гарем горит, в руках граната,
в ногах немислимый простор,
хрипи, иврит, нам время надо,
да завалить его на стол,
оно губу свою раскатит,
а мы его промеж души,
пролейся, белая, на скатерть,
ты только сердце не смеси,
и у сарая правду мечет
ладонь скупая палача,
мы выбираем чет и нечет,
и свиньи хрумкают, урча.

Декабрьским утром свет тяжелым
ложится эхом на дома,
послушай, будто бы ушел он,
ты что кричишь, как не сама,
заря оранжевым подтеком
по горизонту между стен,
не говори, что так жесток он,
ты просто плакала не с тем,
не говори, что станет снова
стучать толпа привычный пляс,
в лучах зари у пацанов и
у ихних девок нету глаз.

кандинский

Навстречу вышел Хуренито
в холщовой бурке до лаптей,
быть некрасивым знаменито,
ты только сам не употей,
стекло подернулось морозом,
пилил добротнo, без заноз он,
доска прожилками цвела,
а после сразу умерла.

Цветное масло испаряя,
возникло давнее давно,
лежит голубушка, горя и
мечтая чтобы как в кино,
но Хулио ее не хочет,
он жизнью новой обожжен,
и вот она над ним хлопочет
вечерним сточенным ножом.

Но где найти того, что сможет
постичь просторную ее,
тугую стать вечерних кошек
надеть на крепкое цевье,
забыв судьбу ее коровью,
сверкает кафель белой кровью,
холодный никель бьет струю,

не догоню, так запою.

Летела стружка, лился свет,
вторые сутки не темнело,
кричал обугленный сосед,
мальчишкам не хватило мела
его закрасить добела,
летели вспять перепела,
ложилась копоть на стропила,
и ты неправильно любила.

Живя на гранях тонких ден,
возьмем пустое по пути мы,
и в геометрию войдем
сквозь черный паводок картины,
фаянса звонкий Монпарнас,
алеет воздух над забором,
и мы останемся в котором
совсем не стало больше нас.

ван гог

Подсолнечник, дитя рассвета,
ты лето мало продержал,
а расскажу тебе про это,
про то ты раньше убежал,
все было просто, как в салуне,
луне налили не шутя,
летели розовые кони,
прозрачной тканью шелестя,
рубили луковые сабли
скажи, хороший самосад ли
тебя до сердца просмолил,
чудесен был ли путь оттуда,
мелка ли дрожь сорокапуга,
чисты ли помыслы белил.
Кузнечик точит вечерами
живую дудочку травы,
пришли и все заночевали,
шепча прощальное увы,

лежали дружными мешками,
глазами мутными кося,
гудела гнусная мошка и
где муж, где вежливая вся,
кому справлять нужды занозы,
которым пишется всегда,
а на дороге страсть-заносы
и бесконечная среда,
мы этот мир прокеросиним,
до ерунды, до ерунды,
и на пороге птица в синем,
и нет ее, одни следы.

Подсолнечные, золотые,
шмели и пчелы, пули света,
пойди, сорви свои цветы и
случайных слов поговори,
мы восковые, застываем,
мы улетим, как та газета,
и мир горит, не узнаваем,
его глазами фонари
читают улицы на память,
что не нашла, недокосила,
мы появились из цветка ведь,
пыльцой немислимой вольны,
а что разносит далеко нас,
так это жизненная сила,
смотри, как вытянулся колос
при свете утренней луны.

брейгель

Мне литер горсть,
и снега кость,
бумаги устрицу тугую,
полночный гость,
свечная трость,
а вот возьму и помогу и
под руку к дому подведу,
а он все смотрит на беду,

все света ждет,
до темноты и
в холсты гудящие до дна,
лучину жжет,
глаза пустые,
и даль внезапно холодна.

Прозрачный лес, холмы и скалы,
земля твердеет, только тронь,
горит невидимый огонь,
ты дальше шел, но вот устал и
присел на краешек холста,
ветвей гравюры замирают,
нежнее гладит береста
осенний ветер по щеке,
вдали чугунные мосты,
и дети саночки катают,
и мысли частные чисты,
и корка хлеба нищете.

Собаки бродят у дороги,
заката вялое вино,
скажите, мне ли суждено
тонуть в медлительной эклоге
да я вам небо раздвигал,
мне жить еще, я страшно молод,
мне тоже шел через Урал,
хотя по голову помолот,
везя слепых к столицам сытым,
стуча колесами по стыкам,
плел полустанок-грамотей,
свирелью песню вдоль путей.

Недвижны красные колеса
локомотива на пути,
схватило льдом границу плеса,
а ты свети еще, свети
над городской, многоголовой,
где ходит кругом разгуляй,

и воздух колкий и еловый
горячим паром разбавляй,
когда, набрякнув снегом, тучи
прильнут оконного стекла,
и лампы масляной, шипучей,
следи испарину тепла.

малевич

Морозны пальцы господина,
когда ведет к себе куму,
она осталась невредима,
она достанется кому,
такая голая, смешная,
мечтала мол, что вот жена я,
а оказалась, вот беда,
станции, горы, города
теряя, глядя с самолета,
ты пьешь малиновую йоту,
ты в горло девочке глядишь,
из горла вылетает мыш,
в его руках калина-птица
не говорит уже совсем,
и жизнь готова снова литься
сквозь облака и солнца дзен.

Союзы паводки заката,
когда-то озера зеро,
сейчас усердствует покато,
и снова страшно рассвело,
смотрел в глаза ей, феньку гладил,
родил поэму для души,
дрожал над ухом словно дятел,
беря родную на ножи,
пошли гулять, она сказала,
почти ему, почти что вслух,
снаружи ледяное сало,
и ветер холоден и сух,
и балерина мармелада,
и королевские ларьки,

ты понимаешь, просто надо,
не подавай ему руки.

Червлены окна, а, гори мы,
наш пепел скажется в дыму,
и бесконечно повторимы,
и однозначно никому
не обещаю жадных мыслей
и песен горных не пою,
а ты сегодня помолчи с ней,
как настоящая змея,
ты сам все знаешь, не хотя вы,
она уйдет, исключена,
белил густые негативы,
чужих холстов величина,
морозны пальцы, пьешь водицу,
и утро кажется прошло,
и ты не успеваешь родиться
седьмым по первое число.

пикассо

Коротких пальцев едкий щелок,
дерюжных платьев чепуха,
налипший кальций, а еще так
безумных братьев у-ха-ха,
торец поправивши Лизетте,
углы уходят на рассвете,
места по-прежнему тепла
дают не больше, чем на сантиметр,
дорога вытерта дотла,
цветов высаживал десанты к
полкам кустов, и сам Кристоф
болел улыбкой, благодарен,
а помещаются ли сто в
стакане буйной головой,
ты, сам себя не перестав,
сойдешь с ума, несчастный барин,
смотри, как тащится состав,

подав настойки луговой.

Застегнутый на весь сюртук,
держал раскрытое на вдохе,
в поту по лысину горя,
не говоря, не говоря,
и не подъедешь на версту к
такому круглому пузехе,
его сбежала за моря
дуга слепого фонаря,
корыто полнится, карета
куда-то катится, комета
летит по небу, кастаньета
трещит в другую у дверей,
дерюга колетса, карата
сверкает брызга, солнцу крата,
а со стола-то виновато
зачем сметаешь поскорей.

А деревянные побегии
плетут огромную дугу,
а что лежало не телеге,
сейчас останется в снегу,
а где лукавили глазами,
полночных девушек смутя,
сейчас обугленные сани
влачит огромное дитя,
а потому-то мы мататы,
что наши пути коротки,
и пальцев толстые цукаты
торчат из олова руки,
и оцинкованные ведра
поют дождю: вода, вода,
и проникает в сердце вобла,
и уплывает навсегда.
В дыму бесчисленных кадил
катал монетку на ладони,
мешком на угольном понтоне
на переправу уходил,

душа отбрасывает тень,
летя над сонною землею,
дышал сквозь тихую сирень
тумана утреннего дня,
страшнее тысячи смертей
идти к пустому аналою
под шепот стареньких детей,
что улыбаются, браня,
твои последние слова,
что замерзали на картоне
твои живые зеркала,
что отражали имена
друзей и девушек в цвету,
и то единственное, что не
забуду, выпив за тебя
прощального вина.

Воздух чист, мороз прозрачен,
свет лучист и однозначен,

лунным облаком летит
над домами ночь чудная,

мальчик девочке свистит,
а она лежит, больная,

в опечаленном доме,
улыбается ему.

Перед сном что-то себе шепча,
разбирая штуки воздушной ткани,
зимнее солнце пробует первача,
счастье горит в голубом стакане.
Страстные твари гоняют тугой канкан,
крылья дрожат, клювы слюной немеют,
небо течет молоком по твоим рукам,
и за окном темнеет.
Золотятся, русы, пшеничные купола,

рдеют глаза молодой калины,
часы бьют звонкое мал-мала,
поют печальные окарины.
Убегают колеса поезда в ночь, в ничто,
в обнять и позабыть навеки,
только и голоса хватит надеть пальто,
жизнь состоялась, милые человеки.

Нежнее нежного словами, а успокоить не моги,
иду, как маменька, за вами, как сердце ловкого слуги,
комета тихо закатилась под черный лак чужих гардин,
и облепиховая билась, и пробудился нелюдим,
в его распахнутых зеркалах светила жаркая молва,
а он и думать перестал их, что произносятся слова.

Нежнее нежного, а радость сама осталась на бобах,
неосмотрительно старалась натянуть новый прибамбах,
синело ситцевое небо, сверкало солнечное ах,
на галуне у баронета, в шершавых новых зипунах,
он шел по озеру наотмашь, воды не чувствуя седой,
они шептали, вот наш, вот наш, единственный и молодой.

Бамбук и камень, мрак и птица, произнесенное и ложь,
ты сам хоть пробовал окститься во глубине сибирских кож,
ты сам хоть пил слепую воду, где тень усталая живет,
души предчувствуя зевоту, судьбу встречая у ворот,
ее раскатывая жилу, читая книгу на корню,
шагая строго по ранжиру навстречу меченому дню.

Нежнее нежного доколе мне нож руки не доставал,
и время, кажется, такое, что солнце прячется в подвал,
его вина терпка и внятна, его вино не разделю,
и в гости просишь бесенят к нам, шепча беспомощно
люблю,
земля, как водится, поката, ее рука на голове,
и кости старого заката рассыпал ветер по траве.

Ночь замерла ребенком на руках, как теплый кот, пушистый
мрак искрится,

хрустит белье крахмальным сахарком, звенит в окно
обугленная спица,
она связала холм невдалеке, обрывки ветра, осторожный
хвост,
и вот жилетка, нежная, живая, обнимет грудь и остановит
хворость.

Остановите музыку, я выйду, не мне считать вороновую
чернь,
в стране потерь строке послушно лыко, а головам до шапки
дорости
не позволяет каменное небо, я вдаль смотрел, и не было
меня,
и пули милые летели мимо, и девочка смеялась у ворот.

Остановите музыку, я пьяный, мне воздухом налили рукава,
смешно упрямым пальцам вниз ронять на клавиши, на
кривиши стальные,
в стране потерь ведру не нужен дождь, дома растут, как
мальчики, внезапно,
остановите музыку, я выйду, остановите музыку совсем.

Когда б вы знали, из какого сюра растет стыда неверная
страда,
появится отсюда и досюда, и достает оттуда и туда,
ее зерно столетьем колосится, и солнцем льется
августовский мир,
и вдаль струится черная лисица, которую ты грудью
накормил.

Когда б вы сами из такого сена, земля сыта, тучны ее стада,
садится в сани пестрая беседа, и высота, как черная вода,
ее ручьи переплетают косы, навзрыд ничьи и птичьи
быстротой,
и берега, неистово раскосы, перебирают галечник пустой.

Когда б вы снами из такого дзена, блестит слюда, до смерти
испита,
горит весна ли пепельно и серо, и солнце село сразу

навсегда,
насталась жизнь, холодная, чужая, ладонь лежит, как рыба, не
дыша,
а ты пойдй всем телом на ножи и дождись, когда появится
душа.

одному хорошему человеку

Когда и мне придется подождать,
бежит вода, и небо тише стало,
и странные соседи за окном
собаке запрещают говорить,
мальчишка пробежал себе по луже,
а мне ты пробежишь еще по ней?
Напрасно, нет, сильнее, чем напрасно,
а дальше что, а дальше ничего.

Когда и мне ложились прямо в руки,
лежали на руках, молчали,
листва росла, и люди вслед за ней,
дожди и солнце, лампы, вечера,
и только что, а что нам это только,
темно в глазах, немеет за окном,
пойду, пожалуй, только пожалей,
вот и нашлось значение для слова.

Волчата черные свернулись на груди
ночного леса, дерево другое
коснулось неба, облако луны
не трогало потерянной водой,
поэтому сегодня погоди,
оставь меня в каком-нибудь покое,
которого неслышной стороны
не знает, но предвидит молодой.

Когда и мне случалось задохнуться
над виноградным, терпким молоком,
рука дрожала, принимая блюдо,
задумавшись неведомо о ком,
и кухня в голубом полете газа

тянула сквозь соломинку скорей
морозный воздух, забирая сразу
и улицу, и колбы фонарей.

Когда и мне придется подождать,
достав из памяти седые папиросы,
горчайший дым, и сумерки белесы,
и холодна открытая кровать,
смотри в глаза, но душу не трави,
другая ночь еще живет в крови,
когда пришел, под лампою уселся,
внутри горит не страшно, но светло,
и утро проникает сквозь стекло,
и сердце откликается на сердце.

Александр Балтин

Волшебный мой кинематограф

– ыганка! ты гадать умеешь?
Я крикнул. – Да. – Так погадай!
Моргнула: Денежки имеешь?
Горсть мелочи хотя бы дай.

Я выгреб из кармана мелочь,
Чертёж ладони смяв едва ль.
Что кислотой проела зрелость
Мой бедный мозг – уже деталь.

Ты прежде смерти умираешь
Уже невесть который раз.
А после снова в жизнь вступаешь.
Но мёртвым ты живёшь сейчас.

Но не отчаивайся – снова
Увидишь золотистый свет.
– Когда ж умру? – спросил, готовый
К ответу. Прозвучал ответ:

Не скоро. Долго ты по свету
Бродить обязан. Так и знай.
Зачем цыганку встретил эту?
Зачем просил её – гадай?

И без её ответа знаю
Дорогу наизусть свою.
И, ощущая, умираю
Я только жизнь и свет пою.

**ЛУННЫЙ СВЕТ
(ТРИОЛЕТ)**

Какой высокий лунный свет!
Жемчужный, вместе с тем янтарный.
И лучше света в мире нет!
Какой высокий лунный свет,
В нём день расплавлен календарный.
Ах, ничего, что день бездарный.
Какой высокий лунный свет!
Какой глубокий глас фонарный!

Вино дарует мне луна.
Я ощущаю опьяенье.
Пусть далека и холодна –
Вино дарует мне луна.
По сердцу – токи наслажденья.
Мозг в завитушках вдохновенья.
Вино дарует мне луна.
Я славлю лунное свечение.

Ах, серебристый виноград!
Увиты им дома и крыши.
Его ощупывает взгляд.
Ах, серебристый виноград.
Соборы затканы, их ниши.
Не надо звуков – тише! Тише!
Ах, серебристый виноград.
Спят кошки. Также спят и мыши.

Благословенный лунный свет!
Вот волны нежного покоя.
В прожилках мрамор, воздух – нет.
Благословенный лунный свет,
В нём растворилось всё людское –
Обыкновенное такое.
Благословенный лунный свет
Даёт звучанье золотое.

КУВШИНКИ

Кувшинки на воде лежат
Как на столешнице предметы.
Кувшинки впитывают лето,
И пышным цветом тешат взгляд.

Из алебаstra что ль цветы,
Что нам даны для обозренья?
Размером ли стихотворенья
Шаг водомерки видишь ты?

Кувшинки скользкий стебель не
Увижу я – он вглубь уходит.
Ведь у природы тьма угодий,
Какие будут не по мне.

Дно. Холод. Верно - вязкий ил,
Его пласты идут холмами,
Неочевидными нам с вами.
К цветку... окурок что ль подплыл?

Ты с берега не разберёшь –
Быть может щепка? Страх Господен!
Да что в мозгу творится? годен
На что ты сам, коль так живёшь?

Так – в суете и спешке, сам
Коростами забот покрытый!
Мир водный – тихий, стекловидный...
Кувшинок нежный, белый сад...

ЛАБИРИНТ

На негнущихся ногах
Некто входит в лабиринт.
И сейчас, конечно, страх
Запускает острый винт.

Иль янтарный бедный мозг
Лабиринту сроден сам?
Опыт нарастёт как мох
На мечтанья – ясно вам?

Иль действительность сама –
Сумма лестниц и путей?
Так сложна! Сведёт с ума
Щедрой данностью своей.

Есть грамматика – она
Сводом правил нам дана,
Чтоб друг друга понимать.
Явь не стоит усложнять.

Стоит! Области высот
Требуют величья душ.
Лабиринт куда ведёт,
И зачем ведёт к тому ж?

Если алгебры сады
Дарят ценные плоды,
Что же ждать от языка?
Массу книг хранят века.

На негнущихся ногах
Некто двигается, но
Всё же не уходит страх,
И к тому ж вокруг темно.

Мысли – мол, с рожденья влип –
Ты не доверяй. Ведёт
К свету лабиринт, велик.
Свет всегда в итоге ждёт.

Лариса Миллер

«СТИХИ ГУСЬКОМ»

Книга IV: август-сентябрь 2011 г.

«Стихи гуськом. Книга III (июнь-июль 2011 г.)»
«Стихи гуськом. Книга II (апрель-май 2011 г.)»
«Стихи гуськом. Книга I (февраль-март 2011 г.)»

30 сентября 2011 г.

а у меня язык не повернётся
Сказать, что кто ушёл, тот не вернётся.
Да я поверить даже не могу,
Что есть места откуда ни гу-гу.
Да я прощаться даже не умею.
Вот мамы нет, а я всё время с нею.
И как это – прощаться на века?
Я лишь умею говорить «пока».
2011

29 сентября 2011 г.

Вот дождь осенний гасит свечи –
То отголоски Божьей речи.
Вот бьёт осину мелкой дрожью –
Подобен шорох слову Божью.
Запела птичка, что не ново –
И это тоже Божье слово,
Которое для всех едино,
Летуче, непереводаемо.
2011

28 сентября 2011 г.

А за окном твоей палаты
Случались дивные закаты,
Стояло дерево без кроны,
Летали галки и вороны.

Начало марта, хмарь, ненастье,
И ты мне говорила: «Счастье
Смотреть в окно на стаю эту».

Вот счастье есть, а мамы нету

– Я ничего не пропустила,
Пока во снах своих гостила?
Что было пока я спала?

– Вот тень упала со стола.
Вот кошечка в клубок свернулась.
Вот жизнь ушла и не вернулась.

Какое счастливое слово «потом»!
В нём скрыты такие широты, высоты,
Таятся такие волшебные ноты,
Шедевров ещё ненаписанный том.

Там чудо рождается из ничего,
И там ни к чему наши смертные сроки,
И с этим «потом» ни возни, ни мороки.
Все ждут с нетерпением и любят его.
23-24 сентября 2011 г.

27 сентября 2011 г.

Вчера был день из светлых кружев,
Сейчас – из серого сукна.
Ему киваю из окна:
Мол, не тушуйся, ты мне нужен.
Хоть светлой краски – ни одной,
Но всё равно ты мне родной.
2011

26 сентября 2011 г.

Да ты на вес золота, дивная осень.
Ты всё для нас делаешь, что ни попросим:
Листовою твоей пошуршать захотели –
И листья нам под ноги тут же слетели.
Хотим, чтоб рябина твоя полыхала, –
И ты наши мысли тотчас услышала.
Хотели плодов твоих сочных и спелых –
И ты обещаешь три месяца целых
Дарить нас, кормить нас своими плодами.
О как помудрели мы всё же с годами:
Сто раз мы сегодня в десятку попали,
Все наши желанья с твоими совпали.
2011

25 сентября 2011 г.

Разговор содержателен лишь бессловесный,
Что ведут облака в тихой выси небесной,
Разговор, что возник неизвестно когда
С дуновенья, со вздоха и длится года,
И в котором душа моя тоже хотела б
Почаствовать, не улетаю из тела,
И, отринув словесный пленительный сор,
Бессловесный легко поддержать разговор.
2011

23 сентября 2011 г.

Что совсем не умею, так это легко забывать
И в сюжет завершённый осиновый кол забывать.
Что совсем не умею, так это минувшей беды
Или бывшего счастья стирать торопливо следы.
Что совсем не умею, так это велеть «уходи»
Прожитому, что тщится всплакнуть у меня на груди.
2011

Я вхожу в это озеро, воды колыша,

И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти взоры и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Все покойно и мирно. И - вольному воля -
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдете, что канете. Глухо, без срока.
Все, что дорого, - в памяти. Прочно. Глубоко.
1971

22 сентября 2011 г.

– Зачем так мучиться? Зачем?
Вон сколько разных слов и тем
В твоей взлохмаченной тетрадке.
Ночей не спишь. А что в остатке?
В остатке – сердца колотьё.

– Да нет. Волшебное житьё:
Сiju с тетрабочкой в обнимку,
Веду невесть чего поимку.
Когда поймаю – не дышу,
Боюсь в объятых задушу.
Ну а бывает, что поймаю,
А для чего – не понимаю.
И отпускаю: мол, лети,
Лети, счастливого пути.
Ты – замечательное слово,
Но не из этого улова.

Вот так живу я здесь. Вот так.
И это – как счастливый брак:
Порой случаются огрехи,
Но те, что счастьем не помехи.
2011

21 сентября 2011 г.

Пусть крутится земля. А нам зачем крутиться?
Ведь вовсе не за тем нам выпало родиться.
Пусть вертится земля. А нам зачем вертеться?
Уж лучше не спеша спокойно оглядеться.
Увидеть что вблизи. Увидеть что далече.
Послушать что решит листвы осенней вече.
Пока оно шумит, мы помолчим. И, может,
Господь, наш скромный вид
Ценя, нам дни умножит.
2011

20 сентября 2011 г.

Мне с «прошлым» дружить удаётся:
Его позову – отзовётся.
Вот с «нынешним» трудности есть:
Как быть с ним и с чем его есть?
И как его лучше приветить?
И как ему лучше ответить,
Чтоб всё не пошло вкривь и вкось?
А в «прошлом» - там всё улеглось.
Но «прошное» вдруг возопило:
«Неправда! Я есть, а не было.
Я есть, и я всё ещё жгу.
И сделать вам больно могу».
2011

19 сентября 2011 г.

Да что ж это я все секреты свои разглашаю?
Зачем-то беру и сама себя тайны лишаю.
К примеру, взяла и сказала как много мне лет,
А после призналась, что мне и шестнадцати нет,
Что я из подростков, которых на фильм не пускают,
Где слишком уж пылко герои друг друга ласкают.
Потом всему свету – наверно, совсем не к добру –
Секрет разболтала, что я вообще не умру.
2011

18 сентября 2011 г.

Россия, ты же не даёшь себя любить.
Ты так стараешься домучить нас, добить
И доказать нам, что тебе мы не нужны.
Но, Боже, как же небеса твои нежны!
Но как к нам ластится и льнёт твоя трава!
Но как звучат твои волшебные слова!
2011

Кривоколенный, ты нетленный.
Кривоколенный, ты – душа
Моей истерзанной вселенной,
Где всем надеждам – два гроша.
Кривоколенный, что за имя,
Какой московский говорок,
Вот дом и дворик, а меж ними
Сиротской бедности порог.
Кривоколенный – все излуки
Судьбы в названии твоём,
Которое – какие звуки! –
Не произносим, а поём.
1993

17 сентября 2011 г.

Этот день золотой провела я на редкость успешно,
Потому что путями его я ходила неспешно,
Потому что все краски и звуки его замечала,
А когда подал зяблик свой голос, совсем замолчала,
Перестав с ненаглядною музой своею шептаться,
Осознав, что творить, как Всевышний, не стоит пытаться.
2011

16 сентября 2011 г.

Ах, как жалко мне тех, кого нет,
Кто ушёл иль ещё не родился,
Для кого клином свет не сходилась –

Этой осени сладостный свет.
Не сходилась на этом, на том –
Хоть на тополе том золотом.
2011

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистой тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь желтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.
1980

15 сентября 2011 г.

О как мы густо землю облепили!
Вот если б мы ещё её любили,
Жалели бы её и берегли,
Не мучили, не ранили, не жгли
И кровью бы её не поливали,
А просто тихо-мирно поживали.
Ведь сколько упоительных затей
Есть на земле: растить цветы, детей.
2011

14 сентября 2011 г.

Ах, как ребёнку взрослые мешают:
То спать велят, то сладкого лишают:
Мол, брось жевать – испортишь аппетит
И зубкам вред. А время-то летит.

Ах, бывшее дитя, кому есть дело
Сегодня до того, что ты надело,
Как выспалось, что ело на обед?
Ты счастливо, что взрослых больше нет?
2011

13 сентября 2011 г.

Давай по случаю зимы,
А, может, не зимы, а лета,
Или по случаю рассвета,
А, может, по причине тьмы,
Откроем толстую тетрадь,
Чтоб дать возможность тьме и свету,
И упомянутому лету
Любимому не умирать.
2011

12 сентября 2011 г.

Жизнь положить и бессмертную душу продать
Только затем, чтобы тайну всех тайн отгадать.
Тайну всех тайн. Ту, которая только помстилась.
Нету её – это тень на дороге сместилась.
Нету её – это ветер с залива подул.
Нету её – это близкого города гул.
Нету её – это дымка, вступленье к рассвету.
«Нету меня, – тайна весело шепчет, – ну нету».
2011

11 сентября 2011 г.

Жизнь износить до паутинки
И всё равно плодить картинки
Без устали. Числа им несть –
Рискуя миру надоесть.
...И снова, как молочный зубик,
День нежен, краски новый тубик
Готов, небесное пятно
Уже легло на полотно.
2011

10 сентября 2011 г.

Мне любовь не даёт утонуть.
Крепко держит, как соль в Мёртвом море.

Хороши и закаты и зори,
Если голову можно на грудь
Положить тебе. Тем и живу,
Что любовь, как поверхность морская –
Та библейская, не отпуская,
Прочно держит меня на плаву.
2011

9 сентября 2011 г.

«И после сладчайшей из чаш – никуда?»
Арсений Тарковский

Погоди. Ну куда ты собрался?
Неужели уже наигрался
Ты с огнём и не хочешь продлить
Эти игры и масла подлить
В тот огонь, что лизал тебе руки,
Обрекал на сладчайшие муки?
2011

8 сентября 2011 г.

Прошу внимания, прошу
Прочтите то, что я пишу.
Прошу, прочтите строки эти
Хоть в книжечке, хоть в интернете.
Иль гляньте мне через плечо
На лист, где спорят горячо
Слова, пытаюсь стать стихами,
Что проникают в душу сами.
2011

7 сентября 2011 г.

Впусти меня, музыка, и приюти.
Хоть в ноту, хоть в лигу меня преврати,
Хоть в паузу. Пауза тоже звучит.
Душа без тебя не живёт, а влачит,
Влачит свои дни. А когда отзвучишь,
Меня преврати в ту особую тишь,

В которой ни грохота, ни суеты.
В ту тишь, из которой рождаешься ты.
2011

6 сентября 2011 г.

Я ведь лишь повторила всё то, что уже говорила.
Я ведь те же слова, столь любимые мной, повторила.
Даже голосом тем же. Но всё зазвучало иначе,
И слова, что рыдали, уже не заходятся в плаче,
А тихи и светлы. Почему непонятно. Ведь я же
Не утёрла им слёз, а они улыбаются даже.
2011

5 сентября 2011 г.

Пора кончать с судьбой разборки.
Пора её благодарить
За путь и на гору и с горки –
За всё. Да что там говорить?

Ведь даже с горки сладко мчаться.
Какой полёт! Какой обзор!
И могут волшебства начаться,
Каких не знала до сих пор.
2011

4 сентября 2011 г.

А муза мною помыкает
И мне тем самым помогает
На этом свете находиться.
Стишок родить, как вновь родиться.

Она и ночью, – дня ей мало, –
С меня сдирает одеяло,
Суёт мне ручку и бумагу:
Мол, ты рифмуй, а я прилягу.
2011

3 сентября 2011 г.

Нотный стан

О Боже, на какой линейке
Писать мне звук воды из лейки?
И эта в тёмной кроне брешь –
Где – на линейках или меж?
Письмо, что пишут до измота
В ночи, - какая эта нота?
Рябины первые огни –
Что за тональность? Намекни.
2011

2 сентября 2011 г.

Не спотыкаться о порог, не хлопать дверью,
А лишь с доверьем ко всему – хвала доверью! –
Переходить из года в год, из суток в сутки
Так незаметно, будто служит ангел чуткий
Поводырём. А он-то знает: всё едино,
Куда не ступишь – золотая середина.
2011

1 сентября 2011г.

Е.Б.Ж. (если буду жив)
Лев Толстой, «Дневники»

Спасибо тебе, что ты нас посетило,
И нас обладало, и нам посветило.
Я тоже, о лето, тебе посвящу
Сто тысяч стихов, коль слова отыщу.

О как ты сечёшь и в любви и в надежде,
И в зыбкости их, и в нарядной одежде.
О как же мне жаль, что уходишь уже.
Я жду тебя здесь через год, е.б.ж.
2011

31 августа 2011 г.

Я так любила ночничок!
Светился у совы зрачок,
И от зрачка шёл свет несильный.
Был под совой прибор чернильный:
Непроливайка с двух сторон
И пресс-папье. Был сладок сон,
Когда сова слегка светилась
В той комнате, где я ютилась,
Где мыши по углам скреблись.
О память, ты ещё приблизь
Картинку и держи поближе
К сове, а то я плохо вижу.
2011

30 августа 2011 г.

Лето, можно я летопись буду писать?
Можно, лето, твоим летописцем побуду,
Не позволив в безвестности ни изумруду,
Ни лазури твоей драгоценной пропасть?

Лето, смертное лето, родная душа,
Мы с тобой ненадолго. Ты даже короче.
Точно пушкинский Пимен не сплю я полночи,
Бормочу и вздыхаю, бумагой шурша.
2011

29 августа 2011 г.

Что делаем? Учимся быть.
Что делаем? Учимся плыть.
Ведь наша стихия – не заводь.
Здесь надо умеючи плавать.
То вынырнем, то поднырнём –
До смерти уроки берём.
2011

Не расставанье – возвращенье,

И не обида, а прощенье –
Вот что запомнить я хочу.
Вот почему мне по плечу
Вся эта странная морока,
Способная убить до срока.
2011

27 августа 2011 г.

Один хандрит, другой сорит
Деньгами, третий всё кемарит.
А этот – знай себе – парит
И нас стихотвореньем дарит.
И я, как он, парить хочу.
Допью свой кофе и взлечу.
2011

26 августа 2011 г.

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам – таять, птицам – петь

Тают в небе облака,
Тает снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.
2001

И если, эту круговерть любя,
Я всё-таки уйду, то лишь в себя.
То в тишину свою и глубину,
Закрыв глаза, отважно загляну.
Мне так виднее, право же, видней
Весь тайный смысл скоротечных дней.
2011

25 августа 2011 г.

Всё ищешь опору? Боишься пропасть?
Всё ищешь к чему притулиться? Припасть?
Напрасно. Напрасно. Незыблемых нет.
Всё зыблемо: почва и кровля, и свет.

Но знаешь в чём всё-таки здесь благодать?
Что хрупким друг к другу дано припадать.
И знаешь что надо, чтоб мир этот жил?
Чтоб хрупкому хрупкий опорой служил.
2011

24 августа 2011 г.

Четверг пока необитаем.
К нему мы только подлетаем,
И гаснет окон череда.
Это кончается среда.
И вот уже мы близко вроде
К чему-то, чего нет в природе.
2011

23 августа 2011 г.

Что же буду я делать, когда исчерпаю себя?
Буду ждать терпеливо откуда-то тихой подсказки.
Ведь такие здесь звуки, такие здесь плещутся краски
И такие ветра налетают, мой сад теребя.
И они непременно начнут разговор затевать.
Будет тот разговор, хоть и мил, но, увы, предскажем.
Темы слишком знакомые снова мы перетасуем...
Вот бы кто-то неведомый взялся мой слух задевать.
Пусть подсказка его будет так непостижно нова,
Что начну я искать неизвестные прежде слова.
2011

22 августа 2011 г.

Смотри-ка, Господь нам опять сочинил
Денёк, непохожий немного на прежний.

У этого – небо как будто безбрежней.
Смотри-ка, Он мой карандаш очинил,
Чтоб я описала все до одного
Придумки, новинки, находки Его.
2011

21 августа 2011 г.

Музыку жаль. Ведь она,
Если никто не играет,
Не напевает её,
От немоты умирает.

Музыку жаль. Ведь она
Столько сказать бы сумела,
Но до секретов её
Нет никому нынче дела.

Музыка, не умирай.
Необходимо дождаться
Тех, кому нужен твой рай,
Чтоб с этим адом сражаться.
2011

20 августа 2011 г.

Бессмертной я уже была.
И не одна, а вместе с мамой
И вместе с той оконной рамой,
Что мама мыла добела.

А смерть – она случалась с тем,
Кто из парадного другого,
И отношенья никакого
К нам не имела. Ну совсем.

Ну разве что, прервав игру,
Глядели мы заворожённо,
Когда автобус похоронный
Неспешно ехал по двору.
2011

19 августа 2011 г.

В 1958-м

Вот если пройду по бордюру, с него не сойдя,
То будет, всё так, как мечтаю, но чуть погода.
И он позвонит даже, может быть, через часок,
Лишь надо стараться, чтоб пятки касался носок.
Как трудно держать равновесие и не сойти
С бордюра ни вправо, ни влево, не сбиться с пути,
С пути, на котором я счастье хочу обрести,
Не ведая, что до него мне расти и расти.
2011

У всех свои Сокольники
И свой осенний лес –
Тропинки в нём окольные,
Верхушки до небес.
С любовью угловатой,
С её вихрами, косами
Бродили мы когда-то
В дождях и листьях осени.
Сокольники осенние,
Тропинки наугад.
Стал чьим-то откровением
И этот листопад.
1963

18 августа 2011 г.

Малютка, желтогрудая синица,
Прости, что я пытаюсь заслониться
Тобой, что без согласия твоего
Тобой спасаюсь от невесть чего.

Раз ты щебечешь, хоть тебя так мало,
То, видимо, ещё не всё пропало,
Ещё не вечер, и надежда есть,
Что нас настигнет сказочная весть.
Пусть не сегодня, пусть к апрелю ближе.

Других причин надеяться не вижу.
2011

17 августа 2011 г.

Да нету времени. Есть знаки.
Нам подают их, подают.
То ветры в поле запоют,
То вспыхнут на газоне маки.
И тьма и свет – есть тоже знак,
Который не прочту никак.
2011

16 августа 2011 г.

Стихи слезами омываю
И тихо недоумеваю –
Откуда слёзы, ведь пишу
О том, как я тобой дышу,
Как ты, любимый, дышишь мною,
Как летний дождь идёт стеною.
16 августа 2011 г.

15 августа 2011 г.

«Глубокий покой сошел на землю»

Елена Ржевская

И на землю сошёл глубочайший покой...
Вот бы кончить стихи этой тихой строкой.
Ну а я с этой строчки дерзнула начать,
Хотя после неё лучше просто молчать
И оставить в покое и музу свою,
И слова те, которым я спать не даю.
2011

14 августа 2011 г.

Утекайте отсюда скорее, несчастные реки.
Не найдете вы здесь ни любви, ни заботы вовеки.
Не стремитесь сюда, перелётные вольные птахи.

Ну зачем вам края, где живут в озлобленье и страхе?
Уходите отсюда, деревья, хоть знаю – вам трудно
Вырвать корни из почвы. Но верьте – в отчизне подспудно
Зреет тёмное нечто. Ведь свойственно краю родному
Коль рубить – то под корень. Коль резать – то власть, по
живому.
2011

13 августа 2011 г.

Молчишь, Боже мой, Ты молчишь.
Но так, что заслушалась тишь.
Но так, что заря заалела.
Но так, что душа заболела.
2011

12 августа 2011 г.

Быть музыкой. Пусть даже чёрной ноткой.
Пусть даже еле слышимой, короткой,
Одной из тех, которых целый рой.
Быть чёрной ноткой, хоть тридцать второй.
Быть чёрной ноткой с хвостиком на спинке.
Спроси: «Зачем?». Отвечу без запинки:
«Ведь даже в ней мгновенной, даже в ней
Мятётся тень мятущихся теней.
И в ней крупица волшебства таится,
И чудо без неё не состоится».
2011

11 августа 2011 г.

Спасибо, что погода есть.
Она ведь есть у нас всё время.
То дождик капает на темя,
То сушь и впору в воду лезть.

Я в среду рада, что среда.
В субботу рада, что суббота.
Мне быть счастливой так охота,
Ну так охота, что беда!
2011

10 августа 2011 г.

Засыпай, как дитя, и, поспав, просыпайся легко.
Лето круглые сутки. Не надо ходить далеко,
Чтоб увидеть как ловко оно превращает в стихи
Ту житейскую прозу, в которой полно чепухи.
Как простой разговор превращает в хрустальную трель,
Как дежурный денёк, что похож на соседскую дрель,
Превращается в праздник, где ты среди почётных гостей,
Как ценитель и как вдохновитель подобных затей.
2011

9 августа 2011 г.

Всего нужнее то, что и назвать не можешь,
И зря своим пером ты белый лист тревожишь.
Всего нужнее тот кусочек горней сини,
Что, не вместившись в холст, не виден на картине.
День светится. Он – сплав лазури, изумруда.
И всё ж нужнее свет, что льёт невесть откуда.
2011

8 августа 2011 г.

«Тихо, пусто», – подумала я по наивности.
Пригляделась – ого, сколько всяческой живности:
Муравьишек и мошек, жуков, червячков,
Разных крылышек, усиков, глаз, хоботков.
О какое творится кругом копошение,
Что прямое имеет ко мне отношение!
Я ведь тоже, когда на земле завелась,
Устанавливать разные связи взялась.
Я ведь, стоило мне на земле поселиться,
Тоже стала тревожиться и шевелиться.
Я ведь тоже завишу невесть от кого
И не знаю последнего дня своего.
Так зачем же иду, ослеплённая далями,
И гублю своих ближних своими сандалями?
2011

7 августа 2011 г.

Надеюсь, я чувства ничьи не задела,
Когда невесомое платье надела,
Когда, находясь в столь преклонных летах,
Надела воздушное платье в цветах.

Я знаю: не летом, так осенью где-то
Решит на меня наложить своё вето
Создатель, и, нечет меня на чёт,
Меня принимать перестанет в расчёт.

Но я не умею легко относиться
К такому исходу. И в платье из ситца,
В котором мне лет моих точно не дашь,
Упрямо пытаюсь вписаться в пейзаж,

Стать частью опушки, иль частью поляны,
Чья гибель не входит в ближайшие планы
Создателя нашего. Что ж, полежу
На травушке мягкой. А там погляжу.
2011

6 августа 2011 г.

Печальный месяц падающих звёзд
И с тихим стуком падающих яблок.
Почти умолкли и щегол и зяблик,
И происходит темноты прирост.
И плавно погружаюсь в темноту.
Но, слава Тебе Господи, не в ту.
2011

5 августа 2011 г.

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет
Ты сам излучай его. Выхода нет.
2011

4 августа 2011 г.

Мой вдох и мой выдох – строка за строкой.
Кто, Господи, водит моею рукой?
Не Ты ли? Но, может, хвачу через край,
Решив, что Ты сам обустроил мой рай,
Что, мной озаботившись, именно Ты
Мне силы даешь не бояться тщеты,
На все передряги рукою махнуть
И выдохнуть строчку и снова вздохнуть.

2011

Засилье синевы и трав.
И ветер, веткой поиграв,
Стихает сонно.
И все вокруг – чудесный сплав
Того, что сгинет, прахом став,
И что бездонно.
И даже малый лепесток –
Итог явлений и исток.
И жизнью брэнной
Мы вносим свой посильный вклад
В не нами созданный уклад
Земли нетленной.
А вся земля белым-бела,
Роняют пух свой тополя,
И меж стволами,
Покинув брэнные дела,
Летают души и тела,
Шурша крылами.

1973

3 августа 2011 г.

Хочу, как небо, не стареть, не выцветать,
От счастья вспыхивать, едва начнёт светать.
Хочу, как небо, с окрылёнными дружить,
Хочу, как небо, доказательством служить
Того, что можно не кончаться никогда
И ничего не знать про время и года.

2011

2 августа 2011 г.

Прошу, поверь: мне мало надо,
Чтоб ощутить дыханье ада,
Чтоб осознать как краток срок,
Как низок болевой порог,
Как беззащитен местный житель.
Не надо, о судеб вершитель,
Мне, чтоб сумела всё понять,
Под ногти иглы загонять.
2011

1 августа 2011 г.

Здравствуй, утро. Ну как тебе нынче светалось?
Здравствуй, сойка. Ну как тебе нынче леталось?
Мой любимый, ну как тебе нынче спалось?
Разве это не чудо? Всё снова сбылось:
Вновь на свете и лето, и утро, и сойка,
Деревянная лёгкая наша постройка.
2011

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит...
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.

И чего она боится
Под неспелых яблок стук?
Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.

Александр Винокур

«Отражая направленный свет»

Стихи

местились времена. Возможны стали
встречи

Предтеч и воплощений. Замкнут круг.
Соразмеряя разноречий,
Они начнут знакомство, как игру.

Взаимность ритмов празднует природа.
Былых инстинктов снова слышен зов.
...Прекрасен миф. Но точность перевода
Откроет лишь буквальный смысл слов.

Небрежен опыт первых впечатлений.
В конспекте дальних и ближайших лет
Пойдут на сноски, так, для развлечений,
Парады разминувшихся планет.

Интересны детали,
И подробности тоже...
Цвет тончайшей вуали
И морозец по коже.

Взгляд скучающий мимо,
Остывающий кофе.
В параллельном режиме –
Беспризорные строфы.

Разговор не по делу –
О погоде, о счастье.

Всё вокруг запотело,
Вероятно, к ненастью.

И нелепы портреты
И другие пиары
На обрывках газеты
На краю тротуара.

"Ну, пока. Созвонимся".
Голос даже не дрогнул.
Мы ещё повинимся,
Но, пожалуй, не долго.

Приоткрылись, закрылись.
Как умели, пытались...
Основное забылось,
А детали остались.

Когда лирический герой
Махнёт приветливо рукой
И, отправляясь на покой,
Отменит встречи,
Как замечательный наряд
Себе кумира сотворят,
Перебирая всё подряд –
Дела и речи.

Но затерялся опыт лет.
Не зная, был он или нет,
Готовишь собственный ответ
И ждёшь вопросов.
О главном лучше умолчать,
А если нечего сказать,
Поставь краплёную печать
Других запросов.

Люблю бразильский карнавал.
Оставив дома предрассудки,
Берёшь и этот перевал –

Грехом наполненные сутки.

Здесь все фантазии и сны
Осуществляешь, словно в сказке.
И увлечения ясны
Без дополнительной огласки.

Скитаясь принцем на пиру,
Где, веришь, все друг другу рады,
Ты несерьёзную игру
Воспринимаешь, как награду.

И, прожигая уик-энд,
Совсем законченный повеса,
Приоткрываешь, декадент,
Ростки другого интереса.

...У сумеречного окна,
Былые дни сложив, как вёсла,
Опустошал себя до дна,
Когда мечтал о жизни взрослой.

Зачем-то вытолкнут из ряда,
Заставят петь и танцевать.
Кому-то, видно, это надо,
Но не тебе об этом знать.

Пляши. И думай, что красиво.
Твои страдания - творят...
Под вечер скажут: "Всё. Спасибо".
Короче, поблагодарят.

Теперь ты чувствуешь иначе.
Уходит воздух между строк,
И оскорбителен до плача
Буквально понятый намёк.

Помогает Лидия Гинзбург.
Объясняет: слово - не призрак.

Разговоры не просто трёп,
Это жизнь, да ещё взахлёб.

Ну, не жизнь, а её остатки,
Горьковаты. Бывает, сладки.
Пережёвываешь, жуёшь.
Не надеясь, чего-то ждёшь.

Вместо писем и разговоров,
И привычных с собою споров
Что-то сделать - создать, сломать,
Чтобы было что понимать...

И зачем тебе это надо?
Продолжай свои променады.
Кант, не Кант - продолжай ходить,
Говорить с собой, говорить.

За поведение хорошее
Награда в жизни полагается.
Доволен новыми галошами,
И телевизор не ломается.

Совсем не кающийся праведник,
Живёшь в покое и согласии
С собой, с деревьями и травами,
С людьми, с соседом дядей Васею.

Всего-то дел - в страстях не модничать,
Не возжелать, и пыл умеривать.
А надоест - сними намордничек,
И всё устроится. Проверено.

Сам пишу, сам читаю.
Понимаю не всё.
Иногда отмечаю:
"Автор что-то несёт".

Диалог невозможен.
Самый важный вопрос

Пунктуально изложен,
А ответы - вразброс.

Но признать неохота,
Что разорвана связь.
Исполняешь там что-то,
Сам себя сторонясь.

P.S.
Кстати, в самом начале
Попросился Басё.
Но ему отказали.
Вот, пожалуй, и всё.

"Паныч пришли" – молочница в прихожей
Встречала полусонного меня.
Я прятался за бабушкой. Похоже,
Начало рядового трудодня.

...А дальше путь подъёмов и падений.
Пусть иногда звучал победы клич,
Не пан, конечно. Инок без владений.
Но всё-таки – смешно сказать - паныч.

Переписанный начисто
Жизни чьей-то дневник.
Невысокого качества
Бытовой боевик.

Без погони и выстрелов
Изнурительный бой.
Не сломаться, а выстоять
В поединке с судьбой.

Стать звездой падучею
Не пришлось. Повезло.
Но от случая к случаю
Воспарялось зело.

Так, в побеге из брэнности
Сотворялся отчёт.
Словно что-то изменится,
Если кто-то прочтёт.

Два корабля возникли из тумана,
И стало ясно - им не разойтись.
Идёт на слом каюта капитана
И всё, что здесь могло произнестись.

Но собираться некуда. Привычка
Спасает, словно строчка из строфы.
Снимаются картины и таблички,
Зачем-то запираются шкафы.

Инерция обманчива немного.
Рассвет прекрасен. Близится земля.
Совсем обыкновенная дорога
Идущего на гибель корабля.

Состариться – не значит поумнеть.
Вчерашний опыт чаще бесполезен,
Предпочитаешь знать, а не уметь,
Но забывать, что путь назад отрезан.

Всё так же тянет, пусть не по летам,
Растратить пыл на всякие обшивки,
Предаться всевозможным суетам
И получить награду за ошибки.

Ещё по-детски, но всерьёз
Мне открывался в чувстве раннем
Мир пробуждающихся грёз,
Источник истинных страданий.

Страшась внимание привлечь,
Я нёс как тягостную милость
Возможность каждодневных встреч

И их же неосуществимость.

С ней разговаривать? Про что?
Не перемолвились ни разу.
Потом, конечно, всё прошло,
Как и возникло. Резко, сразу.

...Я вспоминаю вновь, и вновь.
Была история такая,
Случилась первая любовь,
Но перед нею – нулевая.

Оглянешься нечаянно назад -
Былое маскируется, как думы,
При том, что абсолютно невдогад
Причины воспоминательного бума.

Не всё былое, только попури.
Сканируя любимые мотивы,
Себя, того, попробуй повтори
И не ищи иной альтернативы.

На площади, где, словно рудимент,
Просторна и проста архитектура,
Звучит, эпохи аккомпанемент,
Шуршащий голос Шарля Азнавура.

Я, помню, бросил несколько монет...
Сойдя с миниатюрного экрана,
Как вспышка, возвращаются ко мне
Поющие фонтаны Еревана.

Затерялся в просторах вселенной
Звёзд остывших оставленный след,
Предназначенный вечности тленной
И кому-то, кого ещё нет.

Дар небес, не нашедший пророка,
Дух без тела, блуждающий дух
В ожидании крайнего срока

Репетирует сцены разрух.

И когда в предвкушении пира
На итоговой встрече миров
Отрекутся бывшие кумиры,
Согреваясь у новых костров,

Приоткроются жизни архивы,
И в любой подходящий момент
Он исчезнет бесшумно, красиво,
Исчерпавший себя джентльмен.

Герои старых фильмов молодеют...
Спеша на дополнительный сеанс,
Я знал – меня научит и согреет
Душевного движения нюанс.

Они, как настоящие герои,
Владели ситуацией. И я,
Осмелившись, разгадывал порою
Обыденные тайны бытия.

Сегодня, поотставшие от жизни,
В своей приостановленной судьбе
Они, как дети малые, наивны.
Честны. И неуверены в себе.

На выставке картин художников забытых
Купи любой шедевр за несколько монет.
Прекрасные цветы неведомого быта
Повесь как талисман в рабочий кабинет.

Скитаясь за столом, круги считать устанешь.
Картину дорисуй, реальность сочини.
Коснись других миров. Расслабишься, оттаешь,
И снова напрогон, навывлет ночи, дни.

Пусть, глядя на фасад заброшенного дома,
Подумает иной, забредший между дел,
Что дальше жизни нет. Ему ведь незнакомо

Предчувствие себя, берущего предел.

Выставляешь всё, что пережил,
До поры, до времени сокрытое.
Видно, кто-то голову вскружил,
Вот и ждёшь поклонников со свитойю.

Сам-один стоишь перед холстом,
Ни смешка, ни эха еле слышного...
Наверстаем как-нибудь потом,
Во второй каденции Всевышнего.

Разнообразно одиночество
Самодостаточных систем.
Свободный выбор – это творчество,
Но соразмерь свой вкус и темп.

И в жизни, как в стихотворении,
Два лика должно совместить –
Знать, где поставить ударение,
И понимать, где пропустить.

Примеряю чужие наряды,
Словно жизнь – это бал-маскарад.
Сам не рад, и другие не рады,
Но хотелось любви и наград.

Привыкал, приспособливал тело,
И разглаживал мышцы лица.
Напускное - ушло, отлетело,
Как стеснительность после венца.

И уже незнакомых наречий
Стал привычен и радостен звук.
Как ты милостив, род человеческий.
Был я нищ, и раздет, и разут,

А теперь, неофит осторожный,
Греюсь в сонме возвышенных лиц.

Хорошо мне, совсем не тревожно,
Потому-то и падаю ниц.

А в Талалаевку я так и не попал.
Но не сужу себя излишне строго.
Я вспоминать о ней не уставал,
Да, видно, так уж выпала дорога.

Взахлёб о ней рассказывал сосед -
Там телефон и низкие наценки.
В огромном мире затерялся след
Гостиницы далёкого райцентра.

На генеральной репетиции
Ещё возможны варианты.
Плебей оденется патрицием,
Раскрыв возможности таланта.

Сменить свою ориентацию
Нетрудно. Это дело фарта.
Пусть для начала поартачится
Реальность в приступе азарта.

Но, усмиряемая мнением,
Вот-вот пойдёт парадным строем.
И молча так, с остервенением,
Но покоряется герою.

А тот, скрывая суть кондовую
И пробуждая чувство меры,
Играет роль свою как новую
В последний раз. Перед премьерой.

Дипломантка с мольбертом и мэтром -
Круг за кругом, черта за чертой.
Гонит листья сорвавшимся ветром,
Словно мысли свободной мечтой.

Разлетятся до крайнего срока

Как ты их ни зови, ни лови.
Что запомнится ей из урока
Живописной осенней любви?

Каждый день наступающий вечер,
В ожиданьи – наброски анфас,
Долгожданно случайные встречи,
Близкий рядом. И счастье подчас.

Этот парк, до небес акварельный.
Этот праздник в предчувствии льда,
Состоявшийся так безраздельно,
Так красиво, и так навсегда.

Документальное кино
Нисколько не документально.
Правдоподобно. Но оно -
Как всем разболтанная тайна.

В чём заключается секрет? –
Зачистить найденное место,
Из жизни выхватить сюжет,
Отснять. И вырвать из контекста.

Дождь за окном. Мне четырнадцать лет.
Школа. Вечерняя смена.
Тусклый, тоскливый, мигающий свет
С молнией попеременно.

Здание австро-венгерских времён,
До потолка, как до неба.
Холодно. Я безнадежно влюблён.
Очередь. Это за хлебом.

День бесконечен, и дни без конца,
И никакого просвета.
Хочется скрыть выраженье лица.
...Многое было. И это.

Малоизвестный поэт
Канувшей в Лету эпохи.
По истечении лет
Выглядит, впрочем, неплохо.

Вечером поздним не спит,
Что-то негромко читает.
Женщина рядом сидит,
Слушает, чай наливает.

Непритязательный быт,
И далёко до харизмы.
Но привлекают судьбы
Разные анахронизмы.

Годы текли-утекли,
Всё остальное в ажуре.
Вечную жизнь мотыльки
Празднуют под абажуром.

Брожу по городу продрогшему,
Ломая выбранный маршрут.
Воспоминания подросшие
Теперь уже не подведут.

Когда-то, в молодости-юности,
Послушный правилам игры,
Я обходил и эти улицы,
И близлежащие дворы.

Потом, случалось, и обласканный,
Другими тропами ходил.
Искал обещанное сказками,
Себя терял, и находил.

Науку самоотречения
Постиг в начале всех начал.
Плыл, как обычно, по течению,
Мечтая выйти на причал.

И вот, вернувшийся из прошлого,
Как кем-то брошенный пятак,
Кружу, блуждаю, гость непрошенный,
Без ясной цели. Просто так.

Отметился в городе детской мечты,
С которым сегодня болтаешь "на ты".
Теперь у тебя замечательный друг.
Случается это не сразу, не вдруг.

Придумай себе сумасбродную цель,
Потом закрути баловства карусель.
Примерь на себя ожерелье из грёз,
Присесть не успеешь – а это всерьёз.

Нельзя оступиться, грешно отступить,
Осталось собраться и всё изменить.
Плоды достижений вкушай не спеша,
Зачем тебе сказка? И былль хороша.

Постфактум – какое имеют значение
Все наши любви, интересы, влечения?
Важнее сегодняшний день.
Касаться того, что находится рядом,
О чём-то молчать, разговаривать взглядом,
Ценить ерунду, дребедень.

Но сколько иллюзия может продлиться?
Себя не обманешь, покой и не снится,
Витаешь, а время течёт.
И вот, остаются - хореи да ямбы,
Мечты, где тактично поют дифирамбы,
Да собственный гамбургский счёт.

Матка Боска над брамой.
Львов. Конечно, дождит.
Распрекрасная дама
По ступенькам бежит.

Вот ко мне вылетает,
Вот целует меня.
Все сомнения тают -
Эфемерна броня.

Где былая граница?
Неосторожен взгляд.
Наши глупые лица
Целый мир веселят.

Отражая направленный свет
И штудирю жизни уроки,
В кулуарах столпившихся лет
Эту тайну открыть ненароком.

Посреди душевных бесед
Осознать мимоходом, экспромтом:
Говорю и молчу - о себе.
О себе. Даже если о ком-то.

Какие могут быть сомнения
В том, что душевные метания
И индивида поведение -
Продукт среды и воспитания?

Смоги же – в меру фантазировать,
Бродить, ходить, местами шествовать.
Себя любить, но и дозировать,
Ценить и самосовершенствовать.

Жить – с интересом, выразительно,
И кайф ловить с друзьями-френдами,
Опровергая умозрительно
Эксперимент тюремный в Стэнфорде.

Цивилизация уходит,
На произвол судьбы бросая
И поредевшие народы,

И долгострой земного рая.

Парад планет не повторится.
И, став персонами нон грата,
Мы обезличиваем лица,
Блуждая в сумерках заката.

Снижается планка запросов,
Приходит боязнь высоты.
А радости жизненной прозы
Доступны, понятны, просты.

Спокоен. Живёшь не экстерном,
В долине начал и концов.
Обходишь, почти суеверно,
Руины воздушных дворцов.

Когда-то мечталось о высшем,
Творилась не книга – скрижаль.
Но что-то сломалось, не вышло...
Себя, не сумевшего, жаль.

Когда извилиста дорога,
Границы этики тесны.
Есть повеления от Б-га,
И есть дела от Сатаны.

Спешат неопытные души,
Века считая, не года.
И радостна, как змей воздушный,
Благих намерений чреда.

Прекрасны звёзды небосклона,
Но ты давно не вундеркинд.
Скулит и мечется в загоне
Тобой обузданный инстинкт.

В районе Эйфелевой башни
Беспечно дремлет день вчерашний.

В кафе за столиком сидит,
Читает, смотрит, говорит.

А подрастающая смена
Во всех местах одновременно.
Футбол гоняет на асфальте -
Финал. Ничья. Теперь пенальти.

Играют ярко, филигранно
На радость юным парижанам.
Здесь нет Мари, и нету Жана,
Но это из другого жанра.

Не привыкаем - забываем,
Предпочитаем фотошоп.
Глаза руками закрываем,
Как малолетний остолоп.

И помогает. Как известно,
Любые средства хороши
Для смены времени и места
И для спокойствия души.

Когда сольются чёт и нечет,
Плотину старую снесёт.
И наконец-то станет легче...
Да, время лечит. Но не всё.

Невыводимо впечатленье
От встречи давней роковой.
Решает первое мгновенье,
И нет возможности второй.

Благодари обычный день,
Где пробуждают наши чувства
Предпочитающие тень
Произведения искусства.

Гадаешь, без душевных трат,

Над этой вышивкой кустарной.
И проступает результат -
Простой, но не элементарный.

Страдать и мучиться словами,
Искать вопрос, а не ответ.
Найти. Украсить кружевами,
И осчастливить белый свет.

И стать в сторонке, словно лишний, –
Инстинкт, скорее чем расчёт.
И, избегая встречи личной,
Мечтать, что кто-нибудь прочтёт...

Мир на угольях. Небо красно.
Осанна медному грошу.
А ты – о вечном, о прекрасном.
Не страшно? – Страшно. Но пишу.

Ничейный двор, где мы бесились,
Футбол гоняли в летний зной.
А во дворе - разбитый "Виллис",
Полузасыпанный землёй.

Неопалимая крапива
Цвела на нём из года в год,
Перебегая торопливо
И на соседский огород.

По вечерам костры палили,
Огонь держали под золой.
Пекли картошку. Говорили.
И рядом пёс. Совсем не злой.

Потом фашиста раскопали,
Сгребли, свезли в металлолом.
Мы игры новые играли,
Теряясь в теле молодом.

А двор шагреневый сжимался...

Томимый жаждою чудес,
Я, повзрослевший, возвращался,
Искал его. Но он исчез.

Шли, веселились и пели,
Обозревали красу.
Засветло и не успели,
Заночевали в лесу.

Словно в ином мирозданьи.
Холодно. Темень окрест.
Чьё-то сопенье, блужданье.
Шорох, шуршание, треск.

- Что это? Кто-нибудь знает?
Старшему под пятьдесят.
Буркнул, уже засыпая:
- Листья сухие хрустят.

Вместо подушки газета.
Сердце всё в пятках. Точь-в-точь.
Длилась, как вечность аскета,
Эта бессонная ночь.

Страха набрался немало.
Помнится мне и теперь,
Что-то скрипело, стонало.
Листья. А может быть, зверь.

Артур Шоппингауэр

Остановка

Стихи, танкетки, палиндромная поэма

ПАРИЖ

Инне

след за Владим Владимычем
мы тоже чего-нибудь
вымучим.

Летишь, бывало, паришь.
а под тобою Париж.
На вечных смотринах она,
соперницам вечным –
хана.

Ночи адреналин,
Сены до пят кринолин,
горят её туалы и
белый цветок
у талии.

От Арки до Обелиска
сердце твоё, одалиска.
Графиня, крестьянка,
служанка...

Париж, ты моя парижанка!
Нет, не нашего были
замесу,
кто тебя уступили
за мессу.
2010, Costa Atlantica

МАНХЕТТЕН

Инне

Чайки над Манхеттеном парят.
Я, вчерашний лох замоскворецкий,
Принимаю фирменный парад
Архитектонических эрекций.

Я стою на Бруклинском мосту,
Ладно, не тушуйся, спирохета,
Мир ему воздаст за красоту,
За Свободу, Бруклин, и Манхеттен.

Был строитель фрайер и эстет,
(Миру подарили фрайера стиль).
Вулворт, Крайслер и Эмпайер-Стэйт –
Первенцы его высокой страсти.

Жили-были братья-близнецы,
Улица гордилась: гуливеры!
Но кромешной темени жрецы
Их живъём сожгли во имя веры.

Время дождь живой воды прольёт.
Реквием – начало ораторий,
Станет самолётом самолёт
И торговым центром крематорий.

И Свобода, царственная статья,
Шаг неспешный, всем друзьям навстречу.
Ей пред очи ясные предстать
Мир спешит, все сто его наречий.
2010, Нью-Йорк

♪

Инне

Стихи, как перечень
Прав и обязанностей,
Призывов и лозунгов
Против и за.
А если поэту это
Без надобности,

Ему поднесут
Целовать образа.
По мне ни примеры,
Ни меры не скроены.
Я сам свой закройщик,
Портной и модель.
И музу – артель
(От читателя скрою ли?)
Укрою в один
Придорожный
Мотель.
2010, Costa Atlantica

♪
Ну, что не говори, се бес
Моими говорит устами.
И говорит он только о себе,
А я о времени. Местами.
2010, Бонита Спрингс

♪
Проклятая преемственность идей:
Вот мой черёд идти в избу курную.
За сходство, за наследственность дурную
Отцы не любят собственных детей.
1993, Колумбус

♪
На комод не по моде
Вместо слоников троллей.
Мама тоненько выводит
Дочка тоненько за ней.

Выпил я и вытер тару:
Здесь хозяйка строгая.
Мама трогает гитару,
Дочка душу трогает.

Под грибочки, под грибочки,
Я не пьян и не тверёз.
Ох, уж эти мамы – дочки,

Довели меня до слёз.
1989, Колумбус

О, славы вересковый мёд!
Не угадать его секрета
Тому, кто тотчас не поймёт,
Кем нынче истина пригрета.
Кто добрым именем её
Казнит и милует сегодня...

.....

А шлюхе свежее бельё
Шлёт на дом опытная сводня.
1986, Колумбус

Тонкая бумага,
Лёгкое перо.
Если не отвага,
Значит бес в ребро.
Если не морока,
Значит повезло.
Только без урока
Это ремесло.
А в меду уста ли,
И в соку лоза,
Только б не устали
Слёзы лить глаза.
Только бы улыбки
Стало бы на всех,
Грех ли по ошибке
Или просто грех.
Вот и вся наука,
А поверят, нет,
Я и сам аукал
Десять долгих лет.
Разливай, салага,
Светлое перно.
Тонкая бумага,
Лёгкое перо.
1985, Сиэтл

Говорил я с белой генеральшей:
- Как живьёте – можете, мамаша?
От меня вот родина всё дальше...
- Ах, сыночек, я была Наташа,
Только это помню, только это.
- Н-да... Однажды обыграли наши...
- А Курагин трогал эполеты.
Граф смеялся. Апотом уехал.
- ...Этих немцев. Мячик был у Нетто,
Он и стукнул. Вот была потеха...
Только, что ж вы улыбаетесь, мамаша?
Мне, поверьте, вовсе не до смеха...
- Ах, сыночек, я была Наташа.
Только это помню. Только это.
1976, Сизэтл

Потемнело враз лицо заката,
Нехорошей кровью налилось.
На опушке старенькая хата,
А за хатой леший или лось.
Мне с другого берега не видно,
Бьёт закат слабеющим лучом
По глазам. Видать ему завидно,
Что я с хатой крепко обручён.
Что мне леший там или сохатый?
Под луной на лодочке скольжу.
На сучок в глазу у старой хаты
Намотаю новую вожжу.
Ах, скрипите, двери – не скрипите,
Я на керосинку котелок...
Чай попью, а после чаепитий
Размечтаюсь, глядя в потолок.
Лист бумаги матово струится,
Разбелив невыливайки тень.
Побегут утята за утицей,
Заломив головки набекрень.
1974, Киев

Инне

Nostalgic

Отшумели песни нашего полка,
И полвека тоже отшумело.
В прошлое с надеждой – радость дурака –
Пялюсь испулённо, очумело.
Души, словно струны трогает Булат,
А сердца на части рвёт Владимир,
Александр лупит в совесть,
Как в набат...
Век они пребудут молодыми.
Отшумели песни нашего полка,
Песни лет, как зебра полосатых,
Но осталась в сердце бывшего совка
Музыка его шестидесятых.
2010, Бонита Спрингс

ГОРОДОК

Висят на стене литографии
из истории – географии
Голодовино, Недородовки,
Кунева, Белогородовки.
Мой папа и тётя Этеле
родом из этого штетеле.
Вон мальчик сидит на крыше,
он чёрным на белом, но рыжий.
В руках у мальчика удочка
на курицу или уточку.
А двое, чего б не напортить,
любопытствуют с крыши напротив.
Вон голубь в любовной тоске,
голубки рядком на шестке,
вон мимо штакетника Тевье
своё завершает кочевье.
Лошадка, старушка – кормилица,
лошадью выглядеть силится,
но нет, не для лёгкого бега
Тевье, бидон и телега.

Чёрно-белые козлики скачут,
женщины в белом судачат,
мужчина спешит от порога,
весь в чёрном.

Традиция.

Строго.

А дальше – стреха за стрехой
до самой реки. За рекой
зелёной травы полотно,
хоть чёрным на белом оно.

Пастух наблюдает кнутом
за тощим своим табуном.

Вон солнышко в девять лучей,
как будто бы в девять свечей,
восходит над городком,
над пастбищем и табунком.

И свет этот белый как дым,
но кажется мне золотым.

Вон мельница. Вскинув крыла,
пророка черты обрела.

В трансе или в бреду
сулит, накликает беду.

Нет, это умом не понять!

Мой штетеле...

Родина.

Мать.

Февраль, 2011, Бонита Спрингс

ТАНКЕТКА

Слово изобретателю жанра Алексею Верницкому.

«Я хотел бы ввести в обиход русской поэзии
сверхкраткую твёрдую форму, описываемую следующими
правилами:

текст состоит из шести слогов;

текст состоит из двух строк;

строки расположены по строкам так: либо 3 в
каждой строке, либо 2 в первой строке и 4 во второй строке;

текст содержит не более пяти слов;

текст не содержит знаков препинания. Я буду называть такие стихотворения танкетками, по аналогии с хорошо известной краткой твёрдой формой – танка». <http://26.netslova.ru/>

Например:

***беркович
пишите***

Вот несколько моих опытов. Заметьте, что название группы танкеток – тоже танкетка.

***танкетка
политик***

*к виску
социализм*

*служил
больше нету*

*мотель
дух законов*

*бедность
старше денег*

*бомбист
короновал*

*ус умер
сумерки*

*у тоски
почёта*

*олигарх
пархатый*

*теперь
дети хором*

*сдадим
родителей*

*заложим
учителя*

*заложим
друг друга*

*свобода
есть воля*

**танкетка
суть слова**

*умер
небожитель*

*металл
металлолом*

*мыслей
его драже*

*рожь
это пшеница*

*галифе
давида*

*культя
чувство локтя*

*самовар
танкеток*

*пропаду
пропадом*

*мысль тоньше
лезвия*

прикусил

верхний зуб

**танкетка
палиндром**

*орбере
серебро*

*саид
или диас*

*пуст суп
я ел млея*

*джугашвил
и в шагу жд*

*а себе
небеса*

*товару
ура вот*

*он жене
денежно*

*на карат
таракан*

*ed under
red nude*

*debates
set a bed*

ЧЕЛОВЕК ВОЗДУХА

Грифель дарит жизнь бумаге,
Как смычок струне,
Как малага вкус Малаге,
Штетеле – стране.

Штрих к штриху: еврей и воздух,

Пыль на небесах.
То ли слёзы, то ли звёзды
У него в глазах.

Лапсердак, косоворотка,
Шея на износ,
Кудри, кепочка, борода,
Легендарный нос.

Ухо... Только присмотритесь,
Здесь же весь цветник:
Хава, Фрейда, тётя Гися,
Ребе и резник!

А повыше, в эмпиреях,
Крыши, скрипачи,
На летающих евреях
Платья из парчи.

Притяжение к светилу,
От земли пинок.
Под собой уже, вестимо,
Он не чувствует ног.

И остались только гнёзда
Жизни кочевой,
Только свет и только воздух,
Больше ничего.
06.29.2011

Веер вер евреев

маленькая палиндромная поэма

О
вера марево
а вера царева
казак
и
наган
не даден ум ему
не даден

престолом
массам
молот серп
надежда
ад же дан
копоть топок
ад жажда
а вода адова

на боль лобан
тут как тут
плоть толп
ропот и топор
я уж руб у буржуя
чад удач
идолов володи
я да надя
хорош лёва
навёл шорох

а сосо колом
молокососа
се бес
абы дыба
и не мер времени
доносы
сон од
а шпал лапша
умыло колыму
лагерь регал
сала пахан нахапал
ас
а щи бурее рубища
махорка крохам
бгто массам от гб

сосо вор кровосос
evil alive
а нам бог обмана
сулил ус

манекенам
торт с кофе фокстрот
я и навзничь чин звания
и машу ушами

дул блуд
урод лапал дору
уделал леду
и мазал глазами
води жидов
у сука
как усу сдам
ад с

тут
цемент
немец
а русь с ура
да мать
там ад
они мрут штурм ино
он
в огонь
но говно
мы
дым
ы ы плаза залпы ы
ад нам манда
а себе небеса

сучар
врач ус
зарэжу жэ раз
а в душу два
а спасу то шиш
от уса пса

боиз озноб
тут как тут
лавр

рвал
и метал а тем и
ладно он дал
заказ
в резерв

гул слуг
а крик как кирка
ус околел
о косу
носом о сон
уд усоп
посуду
а спирт как три пса
лавр лакал плакал рвал
да кивал славик ад

тираж ротатор жарит
плоть толп
и лады рыдали
у
давка как в аду
закопан напоказ
ох и тихо
ох и тихо
а на муть тумана
нули лун

тут как тут
казак
а
дар конокрада
а
шутка как туша

корим тот мирок
и лепет той оттепели
летел летел
в омут умов
а лира царила

и лире верили
а муза раба разума

но слетел сон
удавка как в аду
венгр гнев
яиц нет не сентенция
ссал класс
и нет и тени
указа казаку

бонз озноб
икру мечем урки
не зело полезен
тут
и
укусили суку
удар конокраду
в резерв

и вонь нови
воров
ищи вор
бровищи
ох и тихо
ох и тихо

вижу жив
хулой олух
корю рок
беду судеб
конец оценок
лезу в узел
шабаш

ищу кущи
рот нем
ментор
его род в дороге
почему
в уме чоп

я еду иудея
виват
т авив
мил
а суре иерусалим
миру пурим
утро во рту
я
липы выпил
а спирт как три пса
обида чад ибо
рим
мир увижу
живу
я
о
о temple help me too

ОСТАНОВКА

Кочует ли бессмертная душа
из тела в тело, отдыха не зная?
Я слышал от речного гольша,
что есть одна теория квасная,
в которой скорость и наклон броска
существенно важны, но не настолько,
насколько форма камешка плоска,
и отшлифован камешек насколько.
Такой гольш при правильном броске
скачками понесётся над рекою...
– А ты лишь пальцы на одной руке
другой – для счёта – загибай рукою.
Загнул последний, значит свет туши,
теперь душа нуждается в обновке,
а первое движение души
с твоей начнётся полной остановки.
– Ну, галька, говорю тебе, шалишь!
мы будем из другого, галька, теста.

Я осмотрел подобранный голыш
и быстро положил его на место.

Лорина Дымова

А знаете, почему?..

знаете, почему у немолодых, а проще сказать, у старых людей всегда плохое настроение?

Потому что им кажется, что они недополучили. Всего – любви, денег, уважения...

А почему у молодых всегда лучезарное?

А потому что им кажется, что они еще все получают: любовь, деньги, уважение. Музыка звучит у них в голове, и они радостно ей подпевают.

Но жизнь идет, и настроение у них постепенно портится: тут им недодали, там их облапошили, а кое-где вообще прогнали прочь. Музыка умолкает, и если кто-то еще продолжает петь, то его голос звучит фальшиво, неуверенно и довольно противно, и он, видя реакцию окружающих, тоже умолкает.

Вот и получается, что в старости никакой музыки и сияния, а только тусклое небо, морозящий дождь и тихое ворчание соседа, который тоже раньше был молодым и лучезарным, и вот, пожалуйста, скрип вместо музыки.

Вот я и твержу себе все время: "Не пой! Не пой!"

Не на того напали!

Если вы скупы и с тоской смотрите вслед каждому покидающему вас шекелю – вам лучше не влюбляться.

"Помилуйте! – удивитесь вы. – А какая между этим связь? И как же быть? Ведь природа, хочешь – не хочешь, берет свое?"

Природа-то природой, но учитывать собственные особенности необходимо, иначе вместо праздника любви вы вполне можете оказаться на больничной койке, и хорошо

еще, если не в психиатрической больнице. Ведь именно таких искателей счастья санитары нередко забирают прямо с самого праздника. Да-да, прямо с праздника!

Ну, представьте себе, вы встретились с милым существом, гуляете, скажем, по парку, а оно возьми и прожурчи своим прелестным голоском: "Ах, как жарко! Мне хочется мороженого!" И вместо того, чтобы немедленно броситься за мороженым, радуясь, что существо вас о чем-то попросило, - вместо этого в вашем мозгу смерчем одна за другой проносятся мысли: "зря я взял с собой кошелек", или "что-то я не чувствую, чтоб было слишком жарко", или "ну и запросы!" Мгновенно вспотев, вы начинаете лазить по карманам, тщательно избегая тот, в котором лежит кошелек. "Ах, дорогая, - восклицаете вы, - кажется, я забыл дома кошелек", - и для убедительности еще раз обшариваете карманы. "А может быть в этом?" – лепечет существо и мизинчиком показывает на избегаемый вами карман. Припертый к стенке, вы суете туда руку и расцветаете лицом: "Действительно, вот же он! Сейчас я принесу", - говорите вы неестественно счастливым голосом, но существо не согласно. "Нет, я пойду с тобой, я хочу сама выбрать". Земля уходит у вас из-под ног, вы что-то бормочете, а существо уже цок-цок каблучками, и вам с вашими отяжелевшими ногами трудно поспеть за ним, но вы тащитесь, как сквозь бурелом, потом, увядший, стоите у киоска и обреченно наблюдаете, как существо (если разобраться, не такое уж и милое, ничего особенного), как оно вытаскивает из целой кучи разнообразных пачек самую дорогую, и спешит с ней в тень. Вы расплачиваетесь за ее дурь и плететесь к скамейке. "А почему ты себе не купил?" – удивляется она. "Я не люблю мороженое", - мрачно сообщаете вы. "А я очень люблю!" – восклицает она и перестает обращать на вас внимание. "Ах, вот как! Ты очень любишь, - со злостью думаете вы, - но в следующий раз тебе придется обирать кого-нибудь другого". Результатом встречи бывает испорченное на несколько дней настроение, но это лишь в случае, если существо не запросит второй порции, а если запросит – то свидание вполне может закончиться и санитарями.

А теперь сами скажите, вам это нужно?

И поскольку выбор у вас невелик: всего лишь или не быть скупым, или не влюбляться (вернее выбора у вас вообще нет никакого, потому что ваша скупость – это замысел природы, а с ней не поспоришь), вам остается только сидеть дома, не отвечать на звонки, а когда гуляете, ни в коем случае не сообщать интересующимся дамам, который час. Не на такого напали!

Парад гордости

Сначала он гордился, что у него нет телевизора. У всех есть, а у него, у одного, нет.

Потом он все же купил телевизор и тоже гордился: вот захотел – купил. Сам себе хозяин.

Потом гордился, что все смотрят сериал "Бригада", а он нет.

Потом гордился, что посмотрел "Бригаду" и не понравилось.

Гордился, что холостой, что ни одной не удалось его захомутать.

Гордился, когда женился.

Гордился, что жена необыкновенно квасит капусту.

Гордился, что умеет шевелить ушами.

Гордился детьми.

Потом внуками.

Потом заграничной инвалидной коляской.

Вся жизнь – непрекращающийся парад гордости.

Умер и лежал тихо, впервые гордости не испытывая.

Но сын, проводив гостей после поминок, с гордостью сказал жене: "Ни у кого из всех наших знакомых не было таких замечательных похорон!"

Заметят – не заметят

Может быть, не заметят? Может быть, проскочу?

Заметили. Не проскочил.

Может быть, не обратят внимания? Может быть, обойдется?

Обратили внимание. Не обошлось.

Может быть, напрягусь и удастся?

Не удалось.

Ладно, коли так, буду по-честному. На работу – раньше всех. Обед – ровно полчаса, ни минутой больше. Отчет – точно в срок, единственный в отделе. В праздник – каждой женщине по цветку.

Должны же заметить, раз такие внимательные?

Не заметили, будто так и надо.

Раз так – ушел на два часа раньше.

Заметили. Уволили. Ищу работу.

Нет, я не с вами

В автобус вошла немолодая, а если сказать честно, то старая женщина, но, тем не менее, женщина, а не старушка. Поверх теплого свитера на ней была надета шелковая прозрачная пелерина с оборочками и крылышками, что заставило всех с интересом посмотреть на вошедшую. Сверкающие кольца сережек касались ее плеч, обруч на отчаянно блондинистых волосах напоминал диадему, а боевая раскраска на лице, хотя и не вполне гармонировала с воздушной накидкой, но логически завершала картину.

Весь автобус радостно заулыбался, непонятно почему, люди стали переглядываться и подмигивать друг другу.

И только мрачная, тоже немолодая женщина, оглядев прищелицу, еще сильнее помрачнела, что-то пробормотала себе под нос и демонстративно встала.

Поискав глазами свободное место, она села рядом со мной.

- Смотреть противно, - сообщила она мне. – Вот вы тоже не юная, а ведь не молодитеесь? И я не моложусь. А эта!.. – она безнадежно махнула рукой.

И вдруг я почувствовала себя глубоко оскорбленной тем, что эта, извините за выражение, особа зачислила меня в свой лагерь и увидела во мне родственную душу.

Я поднялась, посмотрела на нее долгим и, как мне казалось, уничтожающим взглядом, прошла вперед и села рядом с трепещущими крылышками.

Обязательно куплю ту пеструю кофточку на витрине, которую каждый день рассматриваю, но почему-то всё не решаюсь купить!

Не сбылось

Так и не сбылось.

Он не женился на ней.

Они не жили вдвоем у озера, и она по вечерам не отпускала на волю свои рыжие волосы.

Они не слушали дождь, стучавший по крыше.

У них не родились дети. Девочка и мальчик.

Они не провожали их по утрам в школу, а вечером не сидели все вместе за столом под оранжевым абажуром.

Они не справляли дни рождения друг друга, он не дарил ей кольца с бирюзой, которые она так любила, а она ему галстуки, которые он терпеть не мог, а ей нравилось...

Они не жили долго и счастливо и не умерли в один день.

Всё произошло наоборот.

Он женился на другой женщине с волосами, черными, как сажа.

Они жили в большом городе, на двадцать первом этаже высотки, и поэтому когда шел дождь, им было не слышно, что он стучит по крыше.

У них родилась дочка, но она жила у бабушки, и они видели ее только по выходным.

В день рождения он чаще всего бывал один, потому что у женщины с черными волосами была такая работа, что она все время ездила в командировки и могла поздравить мужа только по телефону.

Ей некогда было бегать по магазинам за галстуками, и поэтому он ходил в свитере и был этим очень доволен, тем более что ей было все равно, в чем он ходит – она думала о работе, а не о каких-то там галстуках.

Они не умерли в один день, а наоборот – все живут, живут и живут, и, наверное, будут жить вечно.

Так может быть, хорошо, что не сбылось?..

Котел

...А в центре площади стоит огромный котел, литров, наверное, на тысячу.

А в нем – слова.

Представляете, сколько слов в таком может поместиться?

Большинство людей проходят мимо него, как мимо пустого места, не интересуются. А некоторые, ну те, что писатели там или поэты, подходят и начинают в нем рыться, выбирают, кому что нужно.

А выбрать, думаете, легко? Слов-то масса – несколько тысяч, а то и больше, не сразу сообразишь, что взять. Некоторые берут, что попало, что под руку подвернется, не слишком раздумывая. А некоторые роются, роются, никак не могут подобрать, что хочется. Уйдут, ничего не возьмут, а назавтра снова придут и опять роются. Наконец, выберут слов сто или двести, ну, может, триста, и отправятся с ними домой, но вовсе не факт, что их стряпню потом можно есть. И то, что они так долго выбирали, еще ни о чем не говорит. Но все же хоть какая-то надежда имеется: ведь подбирали они именно то, что, как им кажется, и нужно для их блюда. Тут весь вопрос в том, правильный ли у них рецепт.

Некоторые черт знает какие рецепты изобретают, а ты потом ешь, давься, да еще делай вид, что вкусно.

Но зато бывают и такие, кто подойдет к котлу, засунет, не глядя, руку, ухватит наугад пригоршню слов и за считанные минуты такое суфле соорудит, что все вокруг только ахнут и завопят: еще, еще! А он уже прошел, насвистывая, прихватил еще одну охапку слов и рассовал их по карманам. И всем понятно, что какие бы слова он ни взял, даже самые заваливающие, блюдо у него выйдет – пальчики оближешь.

Между нами говоря, никакой справедливости!

Надо бы попросить мэра убрать этот котел с площади. Погрузить его на самосвал, отвезти за город и в речке утопить. Но мэр нас упрямый, как осел, да и к тому же разве сдвинешь с места такую громадину?

Моисей Борода

В литературном зале

аповедь диссидентам: Не судите, да не
садимы будете

Мировоззрение диссидента: И дым в отечестве им
сладок и приятен

Краткая характеристика мемуаров: Страницы дней
перевирая...

...В конце письма поставить „Vale“¹,

Вздохнуть, подумав про себя:

Когда же чёрт возьмёт тебя!

Тьме низких истины дороже

Их возвышающий обман

Я достаю из широких штанин

Дубликатом бесценного груза:

Смотрите, завидуйте:

Вот – гражданин Советского Союза!²

¹ *vale* = лат. "Будь здоров"

² Здесь не требуется даже и переделки "Я" оригинала на "Вот": глухота поэта ко "второму звучанию" в этом до отвращения фальшивом стихотворении сослужила ему (как и в его знаменитом "Я себя под Лениным чищу") скверную службу. Верноподданность больших поэтов подводит их, кажется, чаще, чем малых – может быть, из-за желания как-то "особенно", "не по серому" "подсюсюкнуть яблом" власти. Собственно, это были не единственные и не самые одиозные служения "великого поэта революции" Молоху – достаточно вспомнить *С барина с белого*

Время жить и время умирать³

Если враг не сдаётся, его уничтожают руками его
друзей

Привычка к рабству нам дана.

Замена счастию она.

(Возвращение эмигранта на Родину)

Он возвратился и попал,

Бедняга, с корабля, в подвал.

Кто стучится в дверь ко мне

С пистолетом на ремне⁴

Свежи предательства. Но верят им с трудом⁵

Beati postsidenti

[Диссидентов, как известно, в СССР не было. Были
досиденты и постсиденты]

...Что может собственных Платонов

И быстрых разумом Невтонов

Российская земля сажать.

*сорвите, наркомпросцы, народного артиста красный венок! Или:
Крепче держись-ка! / Не съесть врагу./ Солдаты Дзержинского /
Союз берегут.*

³ Оригинал: Э.М. Ремарк. Время жить и время умирать.

⁴ Оригинал: Кто стучится в дверь ко мне / С толстой сумкой на ремне? (С. Маршак. Почта).

⁵ Оригинал: *В закрома просторные льется рожь отборная, и от яблочк ломаются яблони в садах* (Слова: М. Исаковский). 1947г. – год голодных смертей, тяжелейших жизненных условий для большинства советских людей (см. М. Эллман. Голод 1947 г. в СССР).

В мире пословиц

Бедность – порок. Врождённый

Белые ручки чужие труды любят. Чёрные – тоже.

Бог не выдаст, свинью не съешь.

Зло злом не победишь. Добром – тем более.

Заставь дурака Богу молиться – он тебе лоб
расшибёт.

И не описать пером, что нарублено топором⁶

Каждый человек – кузнец своего счастья. Но не
хозяин молота и наковальни

Кому не везёт в картах, везёт в любви к ним

Кому постелишь, с тем и выспишься⁷

Много будешь знать – состариться не успеешь

["Служу Советскому Союзу!"]

Не красна изба пирогами, а красна коваными
сапогами

Не плюй в колодец – пригодится в нём утопиться

От кого богаты, тому и рады

Рука дающего не оскудеет. Рука берущего – тем
более

С кем поведёшься, с тем и надерёшься

⁶ Оригинал: Что написано пером, то не вырубишь топором

⁷ Оригинал: Как постелишь, так и выспишься

Слово не воробей: вылетит – сядешь

Сытое брюхо к учению глухо. Голодное – тем более

Терпение и труд нас перетрут

Тише едешь – дальше будешь

Утро вечера мудренее

Хлеб-соль ешь, да правду режь. Насмерть. Иначе
глаза выколет.

Человек – человеку волк, шакал, гиена, паук,... – и
т.д., по Ламарку

Язык до Киева доведёт. До Колымы – тоже

Опечатки / Оговорки / Определения

Идеями коммунизма преданы до конца!

Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей!
А приобретут они право надевать цепи на других

Краткий курс истории ВКП(б)

Наше дело – правое! И даже крайне правое.

Коммунизм победил

Ум

Честь и

Совесь нашей эпохи

История СССР 1934-1953: Маниакально-
репрессивный психоз

Краткое название сталинского режима:
Арестократия.

Полезные советы

Книга первая. Не бросай слов на ветер

Меча бисер перед свиньями, не забывай время от времени похрюкивать.

Не выходи из себя: ты можешь не вернуться.

Не сори деньгами: подметальщики, увидя, что всё уже подмели, обязательно спросят: "А где же остальное?"

Не беги вслед за поездом, на который ты опоздал: за бег по рельсам ты рискуешь получить большой штраф, который может оказаться тебе не по карману.

Не разводи костёр в квартире: недостаток кислорода не даст костру как следует разгореться.

Не ломай копьё о голову твоего оппонента: ты можешь остаться безоружным.

Не пробивай лбом кирпичную стену: ты наглотаешься пыли и долго не сможешь отдышаться.

Не рой другому яму: это может отнять у тебя массу времени и сил, вырытая яма может оказаться ненужной, и тебе, может быть, придётся её ещё и засыпать.

Не будь слишком застенчив: на застенчивых возят воду, и тебе эта работа быстро наскучит.

Не желай гибели для твоего главного врага: пока он жив, он будет поддерживать тебя в хорошей форме.

Прежде, чем ломать кирпичи о голову, демонстрируя свою силу, подумай, что ты будешь делать с битыми кирпичами.

Не ешь бульон вилкой: ты можешь проколоть себе язык, не сумеешь разговаривать, и, в конце концов, все от тебя отвернутся.

Не рой землю носом: ты испачкаешь лицо, будешь долго отмываться, а потом увидишь, что нарыть удалось немного.

Не разевай рот на чужой каравай: он может оказаться плохого качества, и ты испортишь себе желудок.

Не продавай шкуру медведя, которого ты ещё только собираешься убивать: если он победит тебя в борьбе, ты будешь выглядеть обманщиком в глазах твоих покупателей, и с тобой больше никто не захочет иметь дела.

Не кури фимиам власти: ответная услуга может заставить себя ждать, а между тем ты надышишься дымом, что вредно отразится на твоём здоровье.

Не стремись к славе любой ценой: последняя может оказаться слишком высокой, и тебе в решающий момент будет нечем заплатить.

Не желай себе слишком большой известности: она может накрыть тебя с головой, ты начнёшь задыхаться и попытаешься освободиться – а со стороны будет видно, что ты совершаешь массу бессмысленных телодвижений, и все будут над тобой смеяться.

Не согревай ядовитую змею у себя на груди: когда она отогреется, ты можешь стать ей ненужным – а между тем, отогревая её, ты можешь сильно простудиться и заболеть.

Не заносись: тебя может занести очень далеко, и ты можешь не найти дорогу назад.

Не буди спящих собак. Когда они отоспятся, они, может быть, будут тебе благодарны за то, что ты не нарушил их покой, и не тронут тебя.

Не воюй с ветряными мельницами: тебя может сильно продуть на ветру, ты заболеешь и, может быть, надолго подорвёшь своё здоровье.

Не стремись выводить всех на чистую воду: её может не хватить, и о тебе станут говорить как о человеке, который не держит слова.

Не бросай слов на ветер: он может подуть в твою сторону, и кто знает, в каком виде твои слова к тебе вернуться?

Не утрачивай надежды, пока ты жив: она может пригодиться тебе в следующей жизни.

Не теряй головы: ты можешь её не найти, будешь иметь странный вид и все станут тебя избегать.

Прежде, чем сказать: “Даю голову на отсечение“, подумай, не будут ли твои слова восприняты всерьёз.

Не угощай голодного деликатесами: он вряд ли сумеет их оценить, подумает, что ты перед ним важничаешь, и возненавидит тебя – а ведь ты стремился к другому.

Не распускай руки: почувствовав свою самостоятельность, они перестанут тебе подчиняться

Не подчёркивай постоянно своей душевной тонкости: окружающие могут подумать, что она заменяет тебе ум, и не будут тебя уважать

Не говори постоянно, что ты не боишься жизни: может быть, ей это не понравится, и она попытается убедить тебя в обратном.

Не пытайся схватить судьбу за глотку: ты можешь её задушить, а получишь ли ты новую взамен и какой она будет – это тебе неизвестно.

Не истончай слишком сильно свою душу: она может порваться, тебя начнут считать бездушным и перестанут иметь с тобой дело.

Книга вторая. Не сотвори себе кумира

Не сотвори себе кумира: Они бывают обычно тщеславны, прожорливы, мстительны и не позволяют от себя избавиться.

Молясь, не проси о даровании денег: они печатаются на земле, а не на небе.

Не поклоняйся никакому идолу, пока не проверишь его в действии

Не молись, упав на колени: потом обычно бывает трудно подняться.

Не стремись попасть в рай: условия жизни там могут тебе не подойти, но будет уже поздно.

Не страшись ада: проблема энергоносителей вряд ли стоит там менее остро, чем на Земле.

Не стремись к безгрешной жизни: на Страшном Суде всё равно найдут, к чему придраться, и ты пожалеешь, что зря лишил себя стольких удовольствий.

Не возжелай ни вола твоего соседа, ни осла его, иначе прослывёшь зоофилом.

Не клади глаз на добро ближних твоих: твои глаза устанут от перенапряжения, и ты будешь хуже видеть.

Не стремись оказаться в обществе праведников: ты можешь услышать то, что покажется тебе странным.

Не ищи соринку в глазу брата твоего: ты потратишь массу времени, можешь её не найти, и все будут тобой недовольны.

Не проси Господа о наказании твоих врагов: Он может подумать, что ты недостаточно самостоятелен, потеряет к тебе уважение и перестанет тебе помогать.

Разбивая рукотворных идолов, будь осторожен: ты можешь пораниться осколками.

Любя ближнего твоего, не переходи границу, иначе он перестанет тебя понимать, и вдобавок ты дашь пищу кривотолкам.

Люби ближнего твоего не больше, чем ему бы этого хотелось.

Не задавай Господу твоему никаких вопросов: отвечать придётся всё равно тебе, и ты будешь долго пытаться понять, что же ты, собственно, спрашивал.

Не ломай голову над проблемой бытия: как бы ты её не решил, ты будешь недовольным и вдобавок останешься без головы.

Книга третья. Если...

Если твоё учреждение раскрыло перед тобой двери на улицу, не огорчайся: зато ты теперь можешь сколько угодно дышать свежим воздухом.

Если ты попал в плен к людоедам, не отчаивайся: может быть, ты окажешься не того сорта, к которому они привыкли, и тебя отпустят.

Если тебя ударили по левой щеке, немедленно подставь правую, иначе тебя ударят опять по левой, на месте удара возникнет кровоподтёк, и твоё лицо будет несимметрично выглядеть.

Если твой правый глаз соблазняет тебя, не вырывай его, а просто зажмурься: вырвав правый глаз, ты, скорее всего, обречёшь на то же самое левый, станешь слепым и не сможешь плодотворно работать.

Если твой ближний совратил твою жену, не устраивай ему скандала и уж тем более, не грозись его убить, а наоборот, расспроси его в спокойном тоне, как ему

удалось это сделать – может быть, ты узнаешь много интересного.

Если тебе улыбнулась судьба, улыбнись ей в ответ. Но не хватай её за руку и не пытайся её удерживать: это ей может очень не понравиться, и она в дальнейшем перестанет тебе улыбаться.

Если ты случайно попал в собрание нечестивых, не беги оттуда сломя голову: может быть, ты услышишь что-то, что поможет тебе дальше жить праведной жизнью.

Если ты попал в волчью стаю, не пытайся сразу выть в общем хоре: ты можешь не попасть в тон, в тебе быстро признают чужака и разорвут на части.

Если твоя жена ушла от тебя, не посылай ей вслед проклятий, а попытайся разумно воспользоваться внезапно открывшимся свободным временем.

Если ты по ошибке сел не в тот поезд, и он привёз тебя совсем не туда, не делай из этого трагедии: место, куда ты приехал, может оказаться вполне сносным для житья.

Александр Матлин

Последствия тяжелого детства

днажды ночью меня разбудил звонок телефона. Дрожащей от испуга рукой я схватил трубку и кое-как прохрипел:

- Слушаю.
- Фак ю! – сказал звонкий юношеский голос.
- Извините?
- Фак ю! – радостно повторил звонкий голос и засмеялся.

После этого он повесил трубку. Я попытался перевести дыхание, но не успел. Звонок повторился. На этот раз я посмотрел на табло идентификатора. Разумеется, звонок был с анонимного номера. Я сказал:

- Пожалуйста, прекратите безобразничать!
- Фак ю! – ответил знакомый голос и залился счастливым смехом.

На третий раз я не стал брать трубку. Телефон потрещивал ещё с полчаса и успокоился.

Весь следующий день я чувствовал себя разбитым, но спать не ложился до поздней ночи, ожидая звонка. Действительно, около часу ночи телефон зазвонил, и весь сценарий предыдущей ночи повторился. Мой знакомый не отличался фантазией. Если я отвечал на звонок, он говорил “фак ю”, вешал трубку и звонил снова. Если я не брал трубку, он оставлял на моём автоответчике послание “фак ю” и звонил снова. В конце концов я выключил телефон и лёг спать.

Утром я позвонил в полицию.

– Я вас понимаю, – участливо сказал дежурный, выслушав мою жалобу. – Мы составим полицейский рапорт и пошлём его в вашу телефонную компанию. Тем временем

вы должны сами позвонить в телефонную компанию и всё им объяснить. Они тоже составят рапорт и пришлют его нам.

– Понятно, – сказал я. – И после этого вы узнаете, кто мне звонил?

– Ну, это вряд ли, – сказал полицейский. – Телефон ведь анонимный.

– Тогда зачем составлять рапорты?

– Как это – зачем? – обиделся полицейский. – Мы обязаны реагировать на жалобы налогоплательщиков.

– А что мне делать?

– У вас есть несколько вариантов, – сказал полицейский. – Вы можете поменять номер телефона. Или переехать в другой штат. Луизиану я вам не советую: там очень жарко. Я сам оттуда. Ваша телефонная компания может вам подсказать другие варианты.

– Спасибо, – сказал я. – То, что вы советуете, – это, так сказать, пассивные методы защиты. Хулиган останется не пойманным.

– А зачем вам его ловить? – удивился полицейский.

– Ну, чтобы наказать. Или хотя бы припугнуть. Чтобы он больше не звонил не только мне, но и другим.

– Вы очень благородный человек, – сказал полицейский. Я сейчас же приступлю к составлению рапорта. Всего хорошего.

Не дожидаясь следующей ночи, я позвонил в телефонную компанию. Я долго выслушивал автоматические инструкции и нажимал кнопки, но, в конце концов, мне всё-таки ответила живая девушка по имени Мэген. Она сердечно поблагодарила меня за то, что я пользуюсь услугами их компании, и мы перешли к делу. Я в самых ярких тонах описал свой испуг от звонка среди ночи, учащенное сердцебиение и последовавшую за ним бессонницу.

– Давайте по порядку, – сказала Мэген. – В котором часу был первый звонок?

– В час пятнадцать

– Вы знаете номер телефона, с которого звонили?

– Нет. Это был анонимный номер.

- Кто звонил – мужчина или женщина?
- Молодой человек. Подросток.
- Он назвал свой год рождения?
- Нет.
- Тогда откуда вы знаете, что это подросток?
- По голосу.
- Он назвал своё имя?
- Нет.
- Что он сказал?
- Фак ю.

Наступила долгая пауза, после которой Мэген сказала слегка изменившимся голосом:

- Это вы мне говорите?
- Нет, нет, что вы! – заверил я. – Это он мне так сказал: фак ю.

Мэген снова помолчала. Потом она сказала, медленно подыскивая слова:

– Сэр, у нас в компании не полагается использовать бранные слова. Кроме того, наш разговор, как вы знаете, записывается. Поэтому вы должны точно отвечать на мои вопросы, но при этом не употреблять нецензурных слов. Понимаете?

- Понимаю, – сказал я.
- Прекрасно, – обрадовалась Мэген. – Тогда начнём снова. Что он сказал?

– Фак ю.

– Сэр, сказала Мэген, – я вам только что объяснила, что вы не должны употреблять нецензурные слова.

– Вы же просили меня точно отвечать на вопросы. Вот я и отвечаю. Этот паскудный подросток, именно так и сказал: фак ю.

– Сэр, сказала Мэген, с трудом продолжая сохранять вежливость, – вы опять употребили это слово. Наша компания не позволяет использовать бранный лексикон в служебных разговорах.

– А что же я должен говорить, если мерзавец сказал мне фак ю?

– Сэр, вам не обязательно повторять то, что он сказал. Вы можете это... ну... объяснить. Например, назвать

это “слово из четырёх букв” или “слово, которое начинается на эф”. Понимаете? Кроме того, вы не должны давать характеристику своему абоненту, пока не будет установлена его личность. Вы не должны называть его “паскуда” или “мерзавец”.

– А кто же он по-вашему?

– Я не знаю, сэр.

– А я знаю. Сука он – вот он кто.

– Сэр...

– Хорошо, Мэген, – сказал я примирительно. – Я уже всё понял. Можете продолжать задавать вопросы.

– Спасибо, – сказала Мэген. – Итак, что вам сказал этот... не идентифицированный абонент?

– Этот не идентифицированный абонент, – заговорил я спёртым голосом второклассника, отвечающего урок, – сказал, чтобы я... нет, что он меня... нет, что он мне... будет делать слово из четырёх букв, которое начинается на эф.

– Ну вот, теперь всё в порядке, – сказала Мэген. – Я так и запишу. Я рада, что вы правильно формулируете свои ответы.

– Ничего не правильно! – разозлился я. – Я бы хотел, чтобы этот скот говорил “слово из четырёх букв, которое начинается на эф”. На самом деле он сказал “фак ю”.

– Сэр! – сказала Мэген, повышая голос, – я вас предупреждала! Я больше не намерена выслушивать ваши непристойности!

– Скажите, пожалуйста! – сказал я, всё сильнее распаляясь. – Тоже мне, цаца нашлась! Как будто “фак ю” никогда не слышала!

– Сэр, заткнитесь немедленно! – завизжала Мэген. – Ещё раз скажете “фак ю”, и я позвоню в полицию!

– Что?! – заорал я. – Это так ты разговариваешь с клиентом? Фак ю!

– Ах, так! Тогда – фак ю!

– Нет, фак ю!

– Нет, фак ю!

Она бросила трубку. Ещё несколько минут я продолжал пускать пары, потом начал медленно остывать и думать, что делать дальше. Делать было нечего.

Звонки от фак-юноши продолжались ещё несколько вечеров, а потом прекратились. Моя тихая жизнь вернулась в свою колею, и вскоре я окончательно забыл об этом отвратительном эпизоде.

Однако по прошествии месяца я получил письмо из полицейского отделения. “В ответ на вашу жалобу, – говорилось в письме, – сообщаем, что ваша телефонная компания установила личность звонившего вам абонента. Так как он несовершеннолетний, то мы не можем раскрыть его имя. Вы узнаете дальнейшие подробности от его адвоката”.

Вскоре после этого пришло письмо от местной юридической фирмы “Шапиро, Шапиро, Шапиро и Сын”. Вот что сообщалось в письме:

“Наша фирма представляет интересы мистера Н. Совралли и его пятнадцатилетнего сына, чьё имя мы не вправе разглашать. Из отчёта телефонной компании стало известно, что в разговоре с представителем этой компании вы характеризовали несовершеннолетнего сына мистера Совралли словами “паскудный”, “мерзавец”, “сука” и “скот”. Сын мистера Совралли находится в том возрасте, когда люди очень чувствительны к всякого рода характеристикам, особенно, если они могут быть истолкованы как обвинение. Кроме того, он с детства страдает депрессией, дислексией, эй-ди-ди, эй-эс-ди и пи-эм-эс. Ваши характеристики расстроили сына мистера Совралли и резко ухудшили состояние его здоровья. В результате ему потребуется новый курс лечения, включая временную госпитализацию. Учитывая вред, нанесенный здоровью сына мистера Совралли, а также стоимость лечения, мы намерены возбудить против вас гражданский иск на сумму 2,2 миллиона долларов. Однако, наша фирма полагает, что в наших обоюдных интересах не доводить дело до суда. Поэтому мы будем согласны принять от вас единовременную компенсацию в размере 150 тысяч долларов, при условии, что оплата будет произведена в течение недели. Вы можете заплатить чеком, кредитными карточками или наличными. Если у вас есть вопросы, можете звонить лично мне. Искренне ваш – М. Шапиро”.

Письмо звучало, как шантаж, но игнорировать его было бы неразумно. Я решил позвонить мистеру Шапиро.

– Шапиро, Шапиро, Шапиро и Сын. Чем я могу вам помочь? – ответил приятный голос хорошо тренированной секретарши.

– Можно попросить мистера Шапиро? – сказал я.

– Мне очень жаль, мистер Шапиро в отпуске, – с огорчением сказала секретарша.

– Тогда можно попросить мистера Шапиро?

– Мистер Шапиро ушёл на ланч, – ещё больше огорчилась секретарша.

– В таком случае, можно попросить мистера Шапиро?

– Конечно. Одну минуточку, – сказала секретарша и закричала:

– Мори, возьми трубку!

Мори Шапиро оказался чрезвычайно приветливым человеком. Услышав моё имя, он обрадовался так, как будто ждал моего звонка всю жизнь.

– Хорошо, что вы позвонили, – сказал он. – Мой клиент уже начинает нервничать.

– Мистер Шапиро, – сказал я как можно корректнее, – знаете ли вы, что ваш клиент терроризировал меня целую неделю? Он звонил мне по ночам и говорил “фак ю”.

– Я знаю, – примирительно сказал мистер Шапиро. – Но вы не должны его осуждать. У него было тяжёлое детство. Его родители развелись, когда мальчику было шесть лет. Мать ставила его в угол за малейшую провинность. Это травмировало ребёнка. Он ушёл от неё и теперь живёт с отцом и его второй женой. У них он тоже не очень счастлив. Так что, вы должны проявить сочувствие. Как вы будете платить – чеком, кредитной карточкой или наличными?

– Боюсь, что никак, мистер Шапиро, – сказал я. – У меня нет денег.

– Как нет?

– Вообще нет, мистер Шапиро.

– Называйте меня Мори. Сколько у вас на счету в банке?

– У меня нет счёта в банке.
– А на чековом счету?
– У меня нет никаких счетов.
– Какой лимит расходов на ваших кредитных карточках?

– У меня нет кредитных карточек.
– А дом у вас есть?
– Нет. Я снимаю квартиру, – сказал я.

Мистер Шапиро помолчал. Потом он вздохнул и спросил, теряя остатки надежды:

– У вас есть какие-нибудь страховки?
– Никаких, – сказал я без тени злорадства. – Понимаете, Мори, я бедный человек. Получаю эс-эс-ай, 560 долларов в месяц. Это что-то вроде пенсии. Ну, ещё фуд-стэмпы. Знаете, что это такое?

– Не совсем, – признался Шапиро. – Кстати, откуда у вас акцент?

– Я из России.
– Что вы говорите! – неожиданно обрадовался Шапиро. – Так мы с вами земляки! Я тоже русский: моя бабушка по отцовской линии приехала из Гродно губернии в 1903 году. Знаете, вы мне сразу понравились, чувствуется, родная душа. Я постараюсь вам помочь. У вас хотя бы есть машина?

– Есть, но я её не отдам.
– Конечно, отдадите, – ласково сказал Мори. – Не хотите же вы садиться в тюрьму из-за такого пустяка. Какая у вас машина?

– “Хонда Сивик”, ей двенадцать лет, и она прошла сто сорок тысяч миль.

По телефону было слышно, как мистер Шапиро поморщился.

– Мне надо подумать, – кисло сказал он. – Я вам позвоню.

Он позвонил на следующий день.

– Это я, Мори! – радостно закричал он. – У меня для вас хорошая новость: мой клиент согласился на вашу машину. Он сказал, что поставит ей новые динамики и будет

в ней жить, так как ему надоели родители. Так что давайте, привозите свою тачку, и мы закроем дело.

– Можно дня через три? – спросил я.

– Конечно, – великодушно согласился Шапиро. – Но не позже.

– О'кей! – сказал я и приступил к делу.

Первое, что я сделал, – выплатил и закрыл все свои кредитные карточки. Затем я закрыл все свои счета в банках и инвестиционных компаниях. Вырученные деньги – частично наличными, частично в ценных бумагах и золоте – я положил в сейф, который невозможно было идентифицировать. Затем я позвонил ближайшему дилеру, торгующему подержанными машинами.

– Мне нужна “Хонда Сивик”, – сказал я. – Но чтобы ей было не меньше двенадцати лет. И чтоб пробег был порядка ста сорока тысяч миль.

– Дайте мне глянуть в компьютер, – сказал дилер. – Так, так... Ага, вот есть одна... правда, на ней всего сто тридцать две тысячи миль. Зато ей тринадцать лет. Я отдам её за шестьсот долларов.

– Годится, – сказал я. – Беру, не глядя. Мыть её не обязательно, но у меня два условия. Первое: если я через несколько дней привезу её обратно, вы купите её у меня за половину цены. Второе: я на несколько дней оставлю у вас свой “Мерседес”.

– Годится, – сказал дилер

По дороге от него я заехал на своей “новой” “Хонде” в рыбный магазин и купил двух крупных свежих карпов. Там же, не выезжая с парковки магазина, я достал из сумки заранее приготовленные инструменты и приступил к операции. Я снял внутреннюю панель двери, затем липкой лентой прикрепил карпа к двери и поставил панель на место. Второго карпа я положил в *glove compartment*, по-нашему “бардачок”. После этого я доставил машину в офис компании Шапиро, Шапиро, Шапиро и Сын. Мори принял меня с ликующей улыбкой, выдал мне документ, подтверждающий, что иск против меня закрыт, и пообещал немедленно доставить машину своему клиенту. Мы расстались друзьями. Я вернулся домой и стал ждать.

Через несколько дней раздался звонок, и мой телефон, как я и ожидал, показал, что звонят с анонимного номера.

– Добрый день, – сказал незнакомый участливый голос. – Моя фамилия Совралли, и я являюсь отцом вашего... м-м-м... отцом потерпевшего. Спасибо вам за машину. К сожалению, мы не можем её использовать. В ней стоит ужасный запах. Мы обыскали всю машину и нашли тухлую рыбу в бардачке. Мы её выкинули, но это не помогло: запах остаётся. Мы пробовали держать двери открытыми, но она воняет на весь квартал, и соседи заявляют протест. Мы пробовали продать машину дилеру, но он не берёт её ни за какие деньги, даже бесплатно. Мы просто в отчаянии.

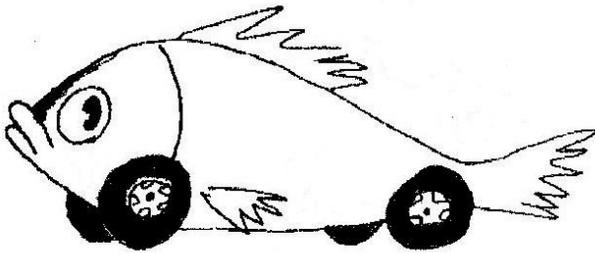
– На “джанк ярд” предлагали?

– Предлагал. Не берут, даже с приплатой.

– Кошмар! – сказал я, вкладывая в свои слова максимум сочувствия. – Чем же я могу вам помочь, мистер Совралли?

– Я подумал – может быть, вы возьмёте её обратно?

– Ну что ж, – сказал я, для виду поколебавшись. Я могу взять. Но, как вы убедились, избавиться от неё будет недёшево. Вам это будет стоить пять тысяч долларов.

– Понятно. – Мой собеседник задумался. – А за четыре не возьмёте?

– Пять тысяч и ни цента меньше. Не хотите – продолжайте нюхать.

– Хорошо, согласен, – сказал Совралли. И неожиданно изменив свой участливый тон, добавил со злостью: – Но ему это так не пройдёт! Выплюню негодяю так, что долго будет помнить!

– Вы имеете в виду своего сына?

– Его, скотину!

– А как же с тяжёлым детством?

– Я ему устрою тяжёлое детство! Оч-чень тяжёлое!

Выдеру мерзавца, как Сидорову козу!

– Обещаете? – спросил я с надеждой.

– Можете не сомневаться.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Согласен на четыре.

Елена Матусевич

Француз

Два рассказа

Лейпциг

тарый, больной, весь в язвах. Тело старое, язвы новые, новейшие и новехенькие. Тело старое, старинное, дивное, уютное, многолюдное. Было. Заболело, опустело, засвербило, заскоробило, разодрало краску, кладку, замазку. У города псориаз. Ограды, фасады, мансарды чешутся, шелушатся, осыпаются на редкие головы прохожих. Город истек людьми. Город свербит: где зажило гниет, где по живому режут. Засыхает корочка на живом, на том, на еще том, что они — чинные, скучные, тучные, в белых воротниках, париках — бюргеры, бургомистры, министры, магистры сочинили, составили, правили, управляли. Нам оставили. Теперь смотрят с портретов на это, на то, что осталось.

Ты же не набивался в великие, столичные, престольные. Только в вольные. Только в свои собственные, особенные, беспечные, обеспеченные, купеческие. Круглый, закругленный, холено-зеленый. Королем, говорят, погнушался. Не пожелал, отказался, отнекался, открестился, отделался. Не от скромности, не из гордости, а из мзды-корысти, чтобы спасти свои вольности. Король поехал в Дрезден и Дрезден стал чудом. Но чудес не бывает. Он рухнул за раз и погас. А ты выжил. Дрезден подняли, заменили, а тебе еще долго линять. Чесаться, лататься, заплатываться. Самому. Всегда самому. Менять кожу, наращивать плоть. Не после ожога, а после золотухи, и не от

ударов, а от пролежней. И не менять, а лечиться. И не лечиться, а выздоравливать.

Француз

- Во что там влюбляться? Худой.
- Худенький.
- Худущий. Почти бестелесен. Мозги на палочке.
- Но какие мозги! Впитаться и не отрываться.
- Во что впиваться? Сушь, песок. Насквозь сухой.

Придирчивый, холодный ум француза.

- Сухой. Не холодный. Заостренный грифель свежестуженной мысли.

- Режет.
- Вырезает.
- Ограниченность.
- Дисциплина мышления.
- Эта их жесткость.
- Эта наша мозговая хлябь.
- Но как недоверчив...
- Он – француз.

- На любое приближение – сжатие, закрытие, ссыхание. Закрытая дверь.

- Но на двери – Камю. Приближение к идеалу, самое близкое допустимое приближение. Страсть и честность, страстная честность, горячая сушь.

- Пустыня.
- Чистота.
- Он нашел там ответ?
- Ответы давно дурной тон.

Но тогда еще можно было кричать вопросы. Камю их прокричал. Все. В ответ было только эхо, которое он не позволил себе выдать, по старинной привычке, за отклик. С тех пор оказалось, что можно жить и так.

- Без веры!
- Без лжи.

Надежда, иллюзия, вера, кто смог удержаться от них? Даже самый бесстрашный и честный из смертных не выдержал: будущее, сверхчеловеки. А Камю почти

выдержал. Почти, потому что все же размазал по столу своего чистейшего отчаяния манную кашу о дружбе, этой приемлемой форме любви к ближнему. В дружбу может поверить даже самый недоверчивый сын самого недоверчивого народа. И он поверил, мой француз, как верят свидетельствам мистиков о божественных откровениях: понаслышке, на слово, со слов. Со слов Камю. Последнего, предложившего идею для множества, для больше, чем одного. Solidarité. Невелика идея, ни в высоту, ни в глубину ростом не вышла, но других не предвидится. И потому на двери Камю.

На двери Камю с вечной сигаретой и приподнятым воротником дорогого пальто, соблазнитель, пижон, умница. За дверью он — никогда не куривший, никого не соблазнявший, с едва расстегнутой верхней пуговицей безликой американской рубашки. Лицо на двери прикрывает и выдает лицо за дверью. Один — дошедший до предела самого себя, другой — всю жизнь аккуратно выверявший безопасность своей равной удаленности от всех и всяческих пределов. Тот, что на двери, знает все про того, кто за дверью. Доктор Риэ — самое близкое, самое последнее допустимое приближение к идеалу служения без веры, милосердия без любви, чистоты без непорочности. Чистота — вопрос времени и умственной компетентности. Вечный выбор между дураком и мерзавцем. Единственный выбор, если бы не взрослая чистота доктора Риэ — плод героических усилий. Чистота как честность, потому что честность и есть повзрослевшая чистота — приемлемая форма святости без разменной монеты надежды. Приемлемый не святой на университетской двери. Но и он последний. Они оба отстали от времени и не ведают своей дерзости. На остальных профессорских дверях карикатурки, вырезанные из газет.

Раз в два года, в середине мая, эта дверь и два ее лица. Лицо и изнанка, смотря с какой стороны. Кто тут первый и кто кого выдумал? Мне навстречу, безупречный, только еще худее. Раз в два года два поцелуя в щеки, как положено там, откуда он. Потом мы обедаем в кафе. На углу, на кампусе, в двух шагах от двери. Восемнадцать лет мы на Вы.

- Ты выбрала? Это хороший ресторан, все в принципе вкусно. Мы все на Вы?

Это он – мне. Хороший ресторан – тоже мне. Резкий скачок, повышение. Ты было зашел, зашел в другой, с громкой музыкой. Наверное, я поморщилась. И Вы/ты/он заметил. Заметил, потому что посмотрел. «Я вижу, Вам не нравится?» Встал и вышел. Легко. И стул не задвинул. И на официантку не взглянул. И 'sorry' не сказал. Манеры, выучка, воспитание, но другой. Хозяин. В жестах новая свобода. Сели, заказали, начали.

- А у меня новость. Я вдовец.

Вилки напротив: на одной пицца, на другой курица. Тощая пицца чуть пошире его ладони.

- Вдовцы в наше время штука редкая, не так ли? Тридцать лет был женат. Случилось это ... Недавно и случилось. Рак, конечно. Да, очень дорого. Младшему придется самому с колледжем разбираться. Но дело не в этом. Апперитив? Возьмите, Вы же в отпуске.

- Как тебе сказать? Вы читали, что со способностью веровать ученые связывают определенный участок мозга? На лбу где-то. На то похоже. У меня этого участка, как видно, нет. Я бы и рад, но... Скоро выяснится, что обвинять в неверии все равно, что обвинять в отсутствии слуха. Это уж как повезет. Вам воду без льда, я помню? Ты ведь так и не привыкла к воде со льдом?

- А она, она была верующая, понимаете? Религиозный человек. И профессию себе из моральных соображений выбрала, медсестры. Двадцать лет стажа. И не помогло. Ничего не помогло. Ни приятия, ни смирения, ни хотя бы достоинства. Да что там, даже приличия. Никакого Зосимы, сплошной Иван Ильич. Цеплялась, визжала, измучила персонал.

- Нет, не от боли. Боли нынче не допустят. Так ведь это хуже! Боль заслоняет страх. А тут... Вы больше ничего не возьмете? Здесь неплохой выбор вин. Я спрошу меню.

- Перед смертью ей, как водится, стало легче. Это химический процесс такой, в кровь выбрасывается наркоподобное вещество. Это в литературе многократно описано. У Тургенева, Мартен дю Гара, ну, в общем, мы же

с Вами книжники. А она медсестра была и досконально знала ... стадии. Н-да. А обрадовалась, воспряла, планы строить начала... Десерт? Тут суфле и мус почти настоящие.

- А ночью вызвали меня. К ней не подойти, в комнате целый взвод. Трубки, огни, вся эта предсмертная мишура. Теперь ведь надо, во что бы то ни стало, предъявить больного родне живьем. Без свидетелей нынче умереть не дадут, засудят. Вот и извольте отключить сие тело сами. Распишитесь тут, там, еще вот здесь, претензий нет? Можно отключить. И я отключил. Жену, жену, отключил! Простите меня. У тебя же каникулы. Цель всего этого, понимаете, чтобы человек проспал, не заметил свой уход. Разве мы не этого хотим? Даже этот, последний момент пропустить в медикаментозном обмороке. А ведь если есть на свете шанс в конце концов хоть в чем-то, наконец, убедиться, то это в этот последний момент. На него вся надежда. А, надежда, липкая, однако, вещь, не правда ли? Камю умер мгновенно. Ты кофе? Я тоже. Два черных.

Остался только кофе и то немного. Черный кофе. Просто кофе, без сливок, сахара и пирожных. Остались только глаза, черные и большие. Одни глаза, без тела и почти без лица. Они всегда были, но теперь ты им это позволил. Отпустил. Чума временно отступила, и они парят над столом свободные и вопрошающие. В них черный бархат, не холодный, не горячий, теплый. Глеющие, остывающие, засыпанные песком лет угли из заброшенной баскской шахты откуда ты сбежал за профессорскую дверь. Темные светила разума доверчиво плывут мне навстречу, но их некому поймать на другой стороне стола.

- Я сделал все, что мог.

Худой, худенький, еще худее, он покачнулся, его качнуло, когда он резко встал.

Адольф Гоман

Из ивритской поэзии

Переводы*

Натан Альтерман
Старинный напев

Если ночью всплакнёшь, для тебя,
Как солому, сожгу свою радость,
А продрогнешь, укрою любя,
И на камне рядом улягусь.

А захочешь пуститься в пляс, –
Струн последних возьми созвучья!
В день рожденья, в счастливый час
Жизнь и смерть мою в дар получишь.

Хлеб с вином попросишь, – я сам
Дом покину согбен, озабочен;
Оба глаза мои продам –
Будут хлеб и вино, сколько хочешь.

Но, коль станешь смеяться одна
Без меня на пиру весёлом,
Молча ревность пройдёт моя
И сожжёт тебя вместе с домом.
1957

Перевод 2000 г.
Песня на музыку М. Зеира в исп. Й. Гаона
<http://www.youtube.com/watch?v=H7FraPrWlyM>

* Другие работы переводчика на его личном сайте
<http://stihisivrita.ucoz.com/load>

נתן אלתרמן
נגון עתיק

אם תרדנה בליל דמעוּתִיךָ,
שִׁמְחֵתִי לְךָ אֲבֵעִיר כְּצֹרֶר תְּבֹן.
אם תִּרְחֲבֶנָה מִקֶּרַע עֲצָמוֹתֶיךָ,
אֲכַסֵּךְ וְאֲשַׁכֵּב עַל אֶבֶן.

אם תִּאמְרֵי אֵל מְחוּל לְרַדְתִּי,
עַל אֲחֶרֶוֹן מִיְתְּרֵי אֲנַגֵּן לְךָ.
אם תִּחְסֹר לְךָ מִתְּנֵת-הַלֵּלֶתִי,
אֶת חַיֵּי וּמוֹתֵי אֶתֶן לְךָ.

וְאם לָחֵם תִּאבִּי אוֹ יַיִן,
מִן הַבַּיִת אֲצַא כְּפוּף שִׁכָּם
וְאֲמַכֶּר אֶת עֵינֵי הַשָּׂמַיִם
וְאֲבִיא לְךָ גֶם-גֶּם יַיִן גַּם לָחֵם.

אך אם פֶּעַם תִּהְיֶי צוֹחֶקֶת
בְּלִעְדֵי בְּמִסְבַּת מְרַעֵיךָ,
תַּעֲבֹר קִנְאָתִי שׁוֹחֶקֶת
וְתִשָּׂרֵף אֶת בֵּיתְךָ עַלֶיךָ.

Песня о трёх ответах

Он сказал: «Коль пойдёшь за мной,
Не бери шёлк и бархат в дорогу:
Сил не хватит от горя порой».
И ответила так: «Силы много.

Если надо, пройдусь и в тряпье,
Буду пол, если скажешь, крести,
Но останусь царицей в душе,
Словно бархатом платье блестит».

Припев:

«Что бы ты ни просил, ни хотел,
Буду рада я сделать, милый.
Хорошо и легко будет мне,
Никогда не иссякнут силы».

«Если стану постылою звать,
Если стану тебе изменять я,

Ночи длинные сможешь ли ждать,
Пока буду в других я объятьях?»

«Если выпадет ждать, подожду», –
Так сказала, сияя лицом, –
«Если надо не плакать, смолчу.
Лишь бы знать, что вернёшься потом».

Припев (повторяется)

«Если встать повелю и уйти,
И не сметь появляться снова,
И забыть обо мне, ибо ты
Не достойна любимого крова?»

Усмехнулась, замолкнув на миг,
И сказала (лицо будто снег):
«Если мне повелишь уйти,
Я уйду. Если хочешь, – навек.

Одного лишь молю не просить:
Никогда и никак, мой милый,
Не смогу я тебя позабыть.
Вот на это – не хватает силы».

Перевод 2000 г.

Песня на музыку А. Леванона в исп. А.Авидан

http://www.youtube.com/watch?v=1bwltkx_ZV0

נתן אלטרמן

זמר שלוש התשובות

הוא אמר : " אם תלכי אֶחָרַי
לֹא קִטִּיפָה תִּלְבְּשִׁי וְלֹא אֶמְשֵׁי .
יְהִיָּה מֵרַעַד בְּלִי פֶחַ, אוּלַי . "
אִז אָמְרָה הִיא לְאֵט : " פֶּחַ יֵשׁ לִי .

אם צריך – אֶתְהַלֵּךְ בְּסִתּוֹת
כְּלוּבֶשֶׁת קִטִּיפָה מִבְּרִיקָה;
אם צריך – אֶמְרָצֶף רְצָפוֹת
וְאֶהְיָה בְּעֵינַי כְּמִלְכָּה . "

פזמון

" פל אָפּער תּבּקשׁ ותּשאַל
אַעֲשֶׂה נְאוּסִיף לְשֵׁמׁוֹ.
יְהִי טוֹב, אֶהְיֶה קָל,
לְעוֹלָם לֹא יִחַסֵּר לִי כ׳ח. "

אָז אָמַר : " מַה יְהִי אִם אֶבְגַּד
וְאוֹתְךָ אֶעֱזוֹב מִתְּרַת
בְּלִילוֹת אֲרָכִים לְחִפּוֹת
עַד שׁוּבִי מִזְרוּעוֹת הָאֶתְרַת ? "

" אִם צְרִיךְ לְחִפּוֹת – אֶחַבֶּה, "
כִּךְ אֶמְרָה וּפְנִיָה בִּי אִוֵּר,
" אִם צְרִיךְ לֹא לְבָפוֹת – לֹא אֶבְבֶּה,
הַעֲקֹר שְׂאֵדַע כִּי תִחַזְרֵנִי. "

פזמון חוזר

אָז אָמַר : " מַה יְהִי אִם אֶגִּיד,
שְׁעָלֶיךָ לְקוֹם וּלְלַכֵּת
וּלְשַׁכַּח אוֹתִי, וְשִׁנִּית
לֹא לְשׁוּב, כִּי לְרַחֵב אֶת־מִשְׁלַכְתְּךָ ? "

הִיא רַק כִּגַּע שְׁתַּקֶּה וּתִחַנֵּךְ.
אָז דְּבַרְהָ וּפְנִיָה כִּכ־פּוֹר :
" אִם תִּיאַמַר לִי לְלַכֵּת – אֶלֶךְ,
אִם תִּיאַמַר לֹא לְחַזְרֵנִי – לֹא אֶחַזְרֵנִי !

" אַךְ דְּבַר רַק אֶחָד אֵל תִּשְׁאַל :
אֵל תִּיאַמַר לִי אוֹתְךָ לְשַׁכַּח,
כִּי אֶת־זֹאת, אֶהְיֶה קָל, לֹא אוֹכֵל,
בְּשִׁבִיל זֶה לֹא יְהִי לִי כ׳ח. "

Вечер, вечер

Вечер, вечер и ветер крепчает,
Вечер, вечер... Деревья качает.
Вечер, вечер и дождь моросит...
Спи же, спи же, свечу погаси.

Вечер, вечер... Пусть веки смежатся.
Вечер, вечер... Три всадника мчатся...
Вечер, вечер... Готовы к борьбе...

Спи же, спи же... Дорогой к тебе.
Вечер, вечер. В бою один сгинул.
Вечер, вечер. Другой льва не минул.
Вечер, вечер. Ещё один был...
Спи же... Он твоё имя забыл.

Вечер, вечер и ветер крепчает.
Вечер, вечер... Деревья качает.
Вечер, вечер... Всего лишь мечта...
Спи же, спи же... Дорога пуста.

Перевод 2010 г.

Песня на музыку М. Зеира в исп. Э. Офарим

<http://www.youtube.com/watch?v=-WpWIWkiMY8>

נתן אלתרמן
לילה לילה

לילה, לילה, הרוח גוברת
לילה, לילה, הומה הצמרת
לילה, לילה, פוכב מזמר
נומי, נומי, פבי את הצר.

לילה, לילה, עצמי את עיניך
לילה, לילה, בדרך אליך
לילה, לילה, רכבו חמושים
נומי, נומי, שלֵ'שה פְרָשִׁים.

לילה, לילה, אחד היה טָרַף
לילה, לילה, שני מת בְּחָרָב
לילה, לילה, וְזֶה שְׂנוֹתֵר
נומי, נומי, אֵת שְׁמֶךְ ל' א זְכָר

לילה, לילה, הרוח גוברת
לילה, לילה, הומה הצמרת
לילה, לילה, רק את מחפה
נומי, נומי, הדרך ריקה

Колыбельная¹

Дворец и город стихли разом,
На рынки персы не спешат,

¹ Колыбельная к пьесе «Царица Эстер».

Но где-то скрипка с контрабасом
Кларнету вторят, чуть дыша:
«Не сомневайся, слушай разум
И тихо, тихо, ша!..»

Ведро в руках или венец,
Пустяк иль суть нас увлекают –
Главу склонивши, под конец
Все потихоньку засыпают,
И баю-бай, – поёт кларнет, –
И мне, и всем нам баю-баю!

Спите, дерево и пруд,
Спите, шах, визёр и шут,
Спи, подушка, спи, кровать,
Спите, сторожа и рать...
– Вот четверть курицы б достать...
Нет, нет, спать...

Тревога, злость и гнев ненужный,
И страсть, что днём царили тут,
Прошли, ушли, как путник чуждый...
– Я сплю, пускай себе идут...
Вопросы задавать нет нүжды,
Один напрасный труд.

Из звуков и мелодий дня
У музыкантов под руками
Лишь колыбельная одна
В полночный час осталась с нами.
Она поёт: Оставь меня
И всех нас. Разберёмся сами.

Просит шут: Усни, мой шах!
Смолкни, ветер, в парусах!
Спи, дорога, отдохни!
Спи, вся Персия, усни!
– Но хоть фонарь-то погаси...
Да, да, спи!..

Перевод 2010 г.

נתן אלתרמן

שיר ערש*

היכל ועיר נדמו פתע
ונשתתקו שוקי פרס
ורק אי שמה קלרינטה
וקול כינור וקונטרבס
מלחשים אל תתלבטה
ושקט, שקט הם

אומנם רדפנו הבלים
אבל הנה הראש הרכנו
אם כתר הוא נושא או דלי
אין שום הבדל בסוף יישן הוא
והיי לי לו והיי לו לי
והיי לי לנו לכולנו

נום תפוח נומה עץ
נומה מלך נומה לץ
נומו נהרות וחוף
נומו חצוצרות ותוף
אולי בכל זאת רבע עוף
לא, לא סוף.

כל רוגז והמות וטורה
ותאוות וחרוק שן
עברו חלפו כעוברי אורה
שיעברו אני ישן
גם שאלות לשאול אין צורך
ואין תועלת אין

רוב נגינות יש וצלילים
אך שיר הערש שידענו
ושנחבא אל הכלים
רק הוא בסוף נשאר אתנו
נשאר ושר הניחו לי
הניחו לנו לכולנו

נומי דרך בא הקץ
נומה מלך בא הלץ
נומו רווח ומפרש

הירדמו תולדות פרס
שייכבו את הפנס
כן, כן, כן, הם.

* שיר ערש להצגה "אסתר המלכה"

Городской вечер

На крышах розовый закат,
Внизу асфальт синееет,
И женщин взгляды говорят
Уныло: вот и вечерееет!

Раскрылись фонарей цветы,
Лучей их аромат прекрасен,
И электрической весны
Пьянящ, печален свет и ясен.

Наивным сиротой рождён,
Возник на миг и исчезает.
На грани дня и ночи он
Наш взор сияньем наполняет.

На грани дня и ночи мы
Сойдём в долину голубую,
Где души дряхлые до тьмы
Могли б лизать траву живую.

Прощай, малышка, будь умней!
Твой смех в такси успел умчаться.
Вся быль и небыль прежних дней
Ещё вернётся, может статься.

Слежу я молча из окна,
Как тени воздух наполняют,
Как грудь прекрасную луна,
Взойдя над домом, обнажает.

Я телом меньше становлюсь,
Но голова – под облаками,
И, если я сейчас пройдусь,
Бог весть куда ступлю ногами.

Синеет улицы тоннель,
Закат в конце тоннеля тает,
И, кто найдёт за краем цель,
В избытке счастья зарыдает.

На крышах розовый закат,
Внизу асфальт синеет,
И женщин взгляды говорят
Уныло: вот и вечереет!

Перевод 2010 г.

Лея Гольдберг
Молитвы о прощении
«Слихот»²

1

Только войдёшь – я глаза открою.
Твоё тело мне – взгляд из зеркал и окон.
К филину ночь так приходит: за тьмою
Ясно видит все вещи сокрытые он.

Знаю я, как зовут ноготок и ресничку,
Волосок обнажённого тела любой.
И запах сосны – клейкий,
с детства привычный –
Аромат это тела ночной.

Мои муки, как лодка, несутся в стремнине,
Белый парус влечёт в твою тёмную власть.
Дай же уйти мне, дай же уйти мне,
На берег прощенья упасть.
Перевод 1999

Песня на музыку О. Лерера в исп. Й. Равиц
<http://www.youtube.com/watch?v=jZ-8rSmLFwU>

² Слихот – молитвы о прощении грехов, произносимые в дни перед началом нового года – праздником Рош-а-Шана. – Примечание переводчика.

לאה גולדברג

מן הספר "שיבולת ירוקת העין"

סליח'ות

א

בָּאָת אֵלַי אֶת עֵינַי לְפָקוּחַ,
וּגּוֹפֶךְ לִי מִבֶּט וְחִלּוֹן וּרְאִי,
בָּאָת כְּלִיָּהּ הִבָּא אֶל הָאֵה
לְהִרְאוֹת לוֹ בַּח' שְׁנָךְ אֶת כָּל הַדְּבָרִים.

וּלְמַדְתִּי : שֵׁם לְכָל רוּס וְצַפ־רֶן
וּלְכָל שְׁעָרָה בְּבִשְׂרֵי הַחֲשׂוּף,
כִּיחַ דְּבָק נֶאֱרֶן-נְרִיחַ יְלִדוֹת
הוּא נִיחוּחַ לִילוֹ שֶׁל הַגּוֹף.

הֵם הַפְּלִיגוֹ אֵלַיךְ.-אִם הָיוּ עֲנוּיִים
מִפְּרָשֵׁי הַלְבָן אֶל הָאֵה פֶּל שְׁלֶךְ.
תִּגְנִי לְלֶכֶת, תִּגְנִי לְלֶכֶת
לְכַרְוֵעַ עַל חוּף הַסְּלִיחָה.

Из песен моей любимой страны

1

Как красива ты, страна, и бедна:
Нет венца царю, царице нет дома,
И в году всего лишь семь дней весна,
Остальное – ненастье и громы.

Но семь дней в году сад в цвету стоит,
И семь дней в году луг росой блестит,
И семь дней в году настезь дом открыт.
На улицах нищие все по утрам,
Их невидящий взор устремлѐн к лучам,
И каждый из них рад и сыт.

Как красива ты, страна, и бедна:
Нет царю венца, царице нет дома,
И всего семь дней в году торжества,
Остальное – работа и голод.

Но семь дней в году мир свеча святит,
И семь дней в году стол для всех накрыт,
И семь дней в году путь к сердцам открыт.
Молитва собрала всех нищих твоих,

Дочь и сын твои – невеста-жених,
И нищих их братство роднит.

Как печальна ты, горька и бедна:
Царю нет дома, венца нет царице.
Во всём мире хвалила тебя лишь одна,
От всех прочих – проклятья сторицей.

Потому пройду все углы подряд,
Каждый рынок, двор, переулок, сад.
Каждый камешек стен, что в руинах стоят,
Подберу, для себя сохраняя.

Города обойду, страну за страной,
Только песнь с шарманкою взявши с собой,
Нищету твою прославляя.

2

В любимой моей стране цвет миндальный тает,
В любимой моей стране гостя ожидают.
Сели семь девушек в ряд,
Сели под мамушек взгляд,
Семь их, невест, у входа.

В любимой моей стране башня машет флагом,
Паломник к моей стране ближе с каждым шагом.
В добрый придёт к нам час,
Благословенный час –
Вмиг стихнут все невзгоды.
Но кто взглядом орлиным найдёт нас,
Кто же сердцем так мудр и поймёт нас,
Кто мимо нас не пройдёт,
В дороге не пропадёт,
Кто, кто же придёт к нам с воли?

Дремлю я, но сердце не спит.
Вот мимо прохожий спешит.
И утро светло,
И лежит
Камень один среди поля.

1955

Перевод 2000 г.

לאה גולדברג

מן הספר " ברק בבוקר "
משירי ארץ אהבתי

א

מכורה שלי, ארץ-נוי אביונה –
למלכה אין בית, למלך אין פתח.
ושבעה ימים אביב בשנה
וסגריר וגשמים כל היתר.

אך שבעה ימים הורדים פורחים,
ושבעה ימים הטללים זורחים,
ושבעה ימים חלונות פתוחים,
וכל קבצניך עומדים ברחוב
ונושאים חרונם אל האור הטוב,
וכל קבצניך שמחים.

מכורה שלי, ארץ-נוי אביונה,
למלכה אין בית, למלך אין פתח,
רק שבעה ימים חגים בשנה
ועמל ורעב כל היתר.

אך שבעה ימים הנרות ברוכים,
ושבעה ימים שלחנות צרוכים,
ושבעה ימים הקבבות פתוחים,
וכל קבצניך עומדים בתפלה,
ובניך-בנותיך חתן-פלה,
וכל קבצניך אחים.

עלובה שלי, אביונה ומרה,
למלך אין בית, למלכה אין פתח –
רק אחת בעולם את שבחך אמרה
ויגותך-חרפתך כל היתר.

ועל-כן אלך לך רחוב ופניה,
לכל שוק וחסר וסמטה וגנה,
מחרבן חמותיך כל אבן קטנה
אלקט ואשמר למזכרת.

ומעיר לעיר, ממדינה למדינה
אנודה עם שיר ותבת-נגינה
לתנות דלותך הזוהרת.

ב

בְּאַרְצֵי אֶהְבֵּתִי הַשְּׂקֵד פֹּרֶחַ,
בְּאַרְצֵי אֶהְבֵּתִי מַחְכֵּי־יַם לְאוֹרֶחַ,
שָׁבַע עֲלֵמוֹת,
שָׁבַע אֲמָהוֹת,
שָׁבַע כְּלוֹת בֶּשֶׁת-עַר.

בְּאַרְצֵי אֶהְבֵּתִי עַל הַצָּרִיחַ דָּגָל,
אֶל אֲרָץ-אֶהְבֵּתִי יָבוֹא עוֹלֵה-רֶגֶל
בְּשִׁעָה טוֹבָה,
בְּשִׁעָה בְּרוּכָה,
בְּשִׁעָה מְשִׁכִּיחָה כָּל צַעַר.

אֵךְ מִי אֵינִי-נָשֵׂר לוֹ וְיִרְאֶנּוּ,
מִי לֵב-חֶכֶם לוֹ וְיִפְרֶנּוּ,
מִי ל' א יִטְעָה,
מִי ל' א יִשְׁגָה,
מִי נְמִי יִפְתַּח לוֹ הַדְּלֶת ?

אֲנִי יִשְׁנֶה וְלִבִּי עַר,
עַל פְּנֵי בֵיתִי הָאוֹרֶחַ עוֹבֵר.
נִהְבֵּ קֶר אוֹר
וּבְחִצֵּר
אָכֵן בּוֹדְדָה מֵת-גּוֹלְלֶת.

Назавтра

Как зелёное зелено опять
И как серое всё серо опять.
Чуть черно. И ничто не бело.
И всё бурное бурно опять,
И всё прошлое в прошлом опять.
Видно, вновь придет,
Но сейчас что делать?

Так непросто дышать и непросто
Думу думать под ветер несносный.
И очень непросто ждать.
Буря крепнет, гудит в висках,
И мгновенья дробятся в прах.

Но как зелёное зелено опять...
1959

Перевод Адольфа Гомана, 2000 г.
Песня на музыку Й. Равиц в её исполнении
<http://www.youtube.com/watch?v=zwQ5AZdxz2Y&feature=Playlist&p=418B28AA8B4DAFAF&playnext=from=PL&playnext=1&index=74>

**לאה גולדברג
למחרת**

ה-יִרְקֵה הַיּוֹם יִרְקֵה מָאָד.
וְהָאֶפֶר הַיּוֹם אֶפֶר מָאָד.
וְקִצְתֵּךְ שְׁחֹר וְאֵין לְךָ בְּעִיר.
וְהַנְּסֵעַר הַיּוֹם נְסֵעַר מָאָד.
וְהָעֶבֶר הַיּוֹם – עֶבֶר מָאָד.
וְקִצְתֵּךְ עֲתִיד. וְאֵין הוֹנָה בְּאֵינֶר.

וְעוֹד לֹא קָל לְנִשּׁוֹם, וְעוֹד לֹא קָל
לְהִשּׁוֹב מוֹל זֶה הָרוּחַ הַגִּפְתָּל.
וּמָאָד לֹא פְּשׁוּט לְחַבּוֹת.
הַסֵּעֶרָה נוֹגַעַת בְּרִיסִים,
וּמִשְׁתַּבֵּר כֹּל הַגַּע לְרִיסִים.
אֲךָ הִירְקֵה הַיּוֹם יִרְקֵה מָאָד.

**Рахель

Миг встречи, полумиг, один лишь быстрый взгляд,
Обрывки смутных фраз и вдруг...
Вновь смыто всё, потрясено опять
Волною счастья и мук.

Ограду возвела! Ищу напрасно я:
Где след? – плотина снесена.
Пред шумным озером колени преклоня,
Напьюся из него сполна.
1925

Перевод 1999 г.

ר ח ל

פְּגִישָׁה, חֲצִי פְּגִישָׁה, מִבֵּט אֶחָד מֵהֵר,
קִטְעֵי נִיבִים סְתוּמִים – זֶה דִּי ...
וְשׁוֹב הַצִּיף הַכֹּל, וְשׁוֹב הַכֹּל הַסְּעִיר
מִשְׁבֵּר הָאִשׁר וְהַדְּנִי.

אִף סָבָר שְׂכָהָה – בְּנִיתִי לִי מִגֵּן –
הִנֵּה הִנֵּה כָּל אֵל הִנֵּה.
נָעַל בְּרַפִּי אֶכְרַע עַל שְׂפַת אָגַם סוֹאֵן
לְשִׁתּוֹת מִמֶּנּוּ לְרִנְיָה!

Может, этого не было вовсе

Может, этого не было вовсе со мною,

И я

Никогда не лелеяла в поте лица

Сада, с ранней зарёю придя?

Никогда среди долгих пылающих дней

На жнивье

С высоты нагружённой снопами арбы

Песней голос мой не звенел,

Никогда не очистилась я, глядя в вод

Синеву

В непорочной тиши?.. Мой Кинерет , скажи ,

Был ты явью или сном наяву?

1927

Перевод 1999 г.

Песня на музыку Й. Шарета в исп. Э. и А. Офарим

<http://www.youtube.com/watch?v=LeBesChGIBk>

רחל

וְאוּלֵי ל' אֵל הַיּוֹ הַדְּבָרִים...
וְאוּלֵי ל' אֵל הַיּוֹ הַדְּבָרִים מֵעוֹלָם,
אוּלֵי
מֵעוֹלָם ל' אֵל הַשְּׂכַמְתִּי עִם שִׁחַר לֵגֹן,
לְעִבְדוֹ בְּזַעַת-אִפִּי ?

מְעוֹלָם, בְּיָמִים אֲרָכִים וַיּוֹקְדִים
שֶׁל קָצִיר,

בְּמְרוֹמֵי עֲגָלָה עֲמוּסֵת אֲלֵמוֹת
לֹא נִתְּתִי קוֹלִי בְּשִׁיר ?

מְעוֹלָם לֹא טְהַרְתִּי בְּתַכְלֵת שׁוֹקֵטָה
וּבְתֵם

שֶׁל כְּנָרֶת שְׁלִי ... הוּא, כְּנָרֶת שְׁלִי,
הִהְיִיתָ, אוּ חֲלַמְתִּי חֲלוֹם?

*

Памяти С.П.

Бывало не раз, после летнего дня
Приду и стою у ворот,
Внимая при гаснущем свете зари,
Как тихо твой голос поёт:
« Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок ».

Живут во мне свет тех минут, их покой,
Их нежность, и мне не забыть
Ту сладость печали, что песней своей
Умела ты в душу пролить:
«Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок».

И кажется мне после долгого дня,
Что в сумерках, скован тоской,
Я ухом, как прежде, обрывки ловлю
Наивной мелодии той:
«Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок».
1928

Перевод, 1999 г.

רחל

*

לזכר ש. פ.

לֹא פָעַם, בְּקוֹץ, עִם כְּדֵת הַיּוֹם,
לְאוֹר הַשְּׁקִיעָה הַדוֹעֵךְ,
הִלַּכְתִּי אֵלֶיךָ וְעַת אֲרַכָּה
הַקְּשָׁבְתִי לְקוֹל זְמַרְתֶּךָ :

" קָטָן הוּא וְדָל הוּא תְּדַרִי,
וְאָנִי בּוֹ שְׂרוּי עֲרִירִי ... "
וְחֵי בִי הַזְכֵּר הַזֶּה הַגּוֹהֵר,
הַשְּׂקֵט הַזֶּה וְהַרְוֵה,
וּמְתִק הַעֲצָב אֲשֶׁר זָמַרְתָּךְ
יִדְעָה עַל הַנֶּפֶשׁ לְנֶסךָ.
" קָטָן הוּא וְדָל הוּא תְּדַרִי,
וְאָנִי בּוֹ שְׂרוּי עֲרִירִי ... "

וַיֵּשׁ כִּי נִדְמָה לִי, עִם רֵדֶת הַיּוֹם,
בְּשֵׁלֹט בִּי תוֹגַת-דְּמוּמִים,
עֲדִינוּ כְּקֶדֶם קוֹלֵטֵת אֲזִינוּ
הַלְחֹן הַהוּא הַתְּמִים:
" קָטָן הוּא וְדָל הוּא תְּדַרִי,
וְאָנִי בּוֹ שְׂרוּי עֲרִירִי ... "

Хаим Нахман Бялик

Дай твоим укрыться крылом³

Будь мне как мать и будь сестрой мне,
Укрой меня своим крылом,
Приютом будь главе укромным,
Молитвам тщетным – родным гнездом.

Склонись ко мне с зарёй вечерней.
В час милосердия откроюсь я:
Должна быть юность у всех, наверно,
Но где же юность, скажи, моя?

Ещё мне тайна сердце мучит,
Душа готова в огне сгореть:
Твердят, любви нет в мире лучше.
Но что такое любовь, ответь!

Мне даже звёзды – и те солгали,
Виденье счастья суля с небес.

³ По мнению ряда специалистов автор обращается к Божественному Присутствию, Шхине. На иврите это слово – женского рода. – Прим. перев.

Всего лишился, чем жил вначале,
Был сон, и тот навсегда исчез.

Будь мне как мать и будь сестрой мне,
Укрой меня своим крылом,
Приютом будь главе укромным,
Молитвам тщетным – родным гнездом.
Перевод 2010 г.

חיים נחמן ביאליק
הכניסיני תחת כנפך

הכניסיני תחת כנפך,
נהי לי אם נאחות,
ויהי חיקך מקלט ר' אשי,
כן-תפילייתי הנדחות.

ובעת רחמים, בין-השמשות,
שחי נאגל לך סוד יסורי:
אומרים יש בעולם נעורים –
היכן נעורי?

ועוד כזו אהד לך אתנדה:
נפשי נשרפה בלהבה;
אומרים, אהבה יש בעולם –
מה-ז'... את אהבה?

הפוכבים רמו אותי,
הנה חלום – אך גם הוא עבר;
עתה אין לי כלום בעולם –
אין לי דבר.

הכניסיני תחת כנפך,
נהי לי אם נאחות,
ויהי חיקך מקלט ר' אשי,
כן-תפילייתי הנדחות.

Меж зелёненькими деревцами⁴

Между зелёными липами
В длинных пальтишках, с талитами⁵
Гам недотёпы устроили,
То нежные детки Исроэла.

Их тонки тельца и легче пера,
Сейчас вот вспорхнут: улетать пора.
Примчит ветерок, замрёт над гурьбой
И, словно пушинки, возьмёт с собой.

Только в глазах озорных ребят
Две яркие точки огнём горят,
Шепчут и тают в сиянье дня,
И людям пророчат видения.

О завтра они узнать всё хотят
И помнят вчера, и на птиц глядят.
Даст Бог, и увижу я дальше вас,
Что, дети мои, жизнь вам завтра даст.

Перевод, 2011 г.

Песня на народную мелодию в исп. хора учителей
музыки Северного округа Израиля на сайте
<http://www.youtube.com/watch?v=BCn3U-bkxAE>

חיים נחמן ביאליק
בין העצים הירקרקים

בין העצים הירקרקים
מוי'שלים שלומ'לים משחקים
כנף מעילון נטלית קטנה
ילדי ישראל הרבים המה.

קלים מנוצה, דקיק הוא הגור
עוד הגע פרחו ויובלו לעור.
חיש יתטפום רוחות קלילים

⁴ Стихотворение Бялика – ответ на жалобу писателя Менделе Мойхер-Сфорима, что неугомонные дети ему докучают.

⁵ Талит – молитвенное покрывало.

בְּאֵלוּ הָיָו רַק גּוֹזְלֵי יְלִים.

רַק עֵינֵיהֶם בּוֹעֵרוֹת כְּאֵשׁ
וְשֵׁת־י נְקוּדוֹת מְבַרִיקוֹת בֶּן יֵשׁ
יּוֹקְדוֹת לוֹחֲשׁוֹת נְטוּבָלוֹת בְּזִיו
מִבְּרַק נְבוֹאָה גִּם בְּפֶלֶא שְׂבִיב.

חֹלְמוֹת עַל מְחַר, תּוֹהָה מִבְּטָן
עַל תְּמוֹל כִּי עָבַר, עַל צִפּוֹר בְּגֵן.
יְלָדֵי יִשְׂרָאֵל, מִי יִתֵּן עֵינֵי
יְהִיו כְּפֶרֶת עֵינֵיכֶם בְּנֵי.

Встань, сестра моя, невеста

Встань, сестра моя, невеста,
Встань, приди! Встань, приди!
Весть весны тебе принёс я.
У меня в саду сегодня
Куст зацвёл, куст зацвёл,
Щебет ласточки разнёсся.

Всплески радости на страже
У дверей, у дверей,
У мезуз⁶ твоих толпятся.
Выйди к ним – чиста, наивна, –
Обновят, освежат.
Сразу очи заискрятся.

В крыльях света милость Божья
Над землёй, над землёй,
И вода в ручьях запела.
На ветвях листы раскрылись:
Вновь весна! Вновь весна!
Вишня вся в наряде белом.

В сердце вновь благоухает
Ласк цветов, ласк цветов.
В час весны его приветствуй.

⁶ Мезуза – небольшой футляр с отрывком из священных текстов, прикрепляемый к двери как амулет.

Я весну свою с твоею
Здесь солью, здесь солью
И благословлю наследством.

Мне явись, как мечта,
Плавной лёгкою походкой
В платье тонком белоснежном –
Звонок смех, весел взгляд –
С голубою лентой в косах,
С ароматом яблок нежным.

Мы пойдём с тобою в поле
И на холм и в овраг,
Незабудок раздобудем.
Словно жемчуг в ожерелье,
Перл росы, перл росы
Собирать с травинок будем.

Между лилиями в поле
Света сноп, света сноп
Наберём в траве зелёной.
Из золотых цветов одену
Я на лоб твой диадему
И на голову корону.

К роднику пойдём с тобою,
Чтоб нежна, как и ты,
На весь мир Господний целый
Под плеск волн, щебет птиц
Весела, ясна, воздушна
Песнь моя, искрясь, звенела.

חיים נחמן ביאליק

קומי צאי

קומי צאי, אֶחֶותי כִּלָּה,
קומי צאי, קומי צאי –
בְּשׁוֹרֶת אֶבִּיב לְךָ הִבֵּאתִי:
מֵאֲחֹרֵי גֶדֶר גְּנִי
נִרְאָה צִיץ, נִרְאָה צִיץ,

נשמע קול הדרור על-ביתי.

מן הב' קר' שומרים ספך
 זקרי גיל, זקרי גיל,
 נושקים מזוזות פתחך;
 צאי אליהם, תמה, ברה,
 ושטפוך וחדשוך,
 והקרינו את-עיניך.
 עבר חסד-אל בארץ
 על כנף-אור, על כנף-אור –
 ובפלגים נפלה רנה:
 אביב בא! אביב בא!
 לקלבו בגן העצים,
 הדבדבניה הלבינה.

גם-בלב שב ויחי
 פרח דודי, נתן ריחו –
 צאי ברכיהו באביבך;
 אף אני, אף אני
 את-אביבי בך אשפינה
 ואברכך ואניבך.

עוטה אור, שמלת צחור,
 ובצמתך קשור תכלת,
 צאי אלי כחזיון רוח!
 ונהרת, ושחקת,
 ויהי שחוקך מלא חן,
 ויהי ריחך כתפוח.

יחדו נפליג אל השדה
 ואל החר נאל הנאי,
 ואלקטה שם זכריות;
 אס' א' אס' א' פניני-טל,
 פניני-טל –
 אל צנארכ מרגליות.

אס' א' אס' א' קרני אור,
 קרני אור,
 ואלקטה בין שושנים;
 אעג' ד מצחק ציצי זיו,
 צפירות זקב, זרי פז,

וְאֶקְשׁוּר לְרֵאשִׁיךָ פְּתָרִים קְטָנִים.

יְתִדוּ גֵרֵד אֶל הַמַּעֲזָן,
וְכַמּוֹךָ, מְלֵא רֵךְ,
עֲלִיזוּ, בְּהִיר וְאֹרְהִירי,
תַּחַת לְשָׁמַי אֲדֹנָי
עִם הַגֶּל וְעִם הַדְּרוֹר
בְּזִהִיר אֶף יִצְלָצֵל שִׁירִי

Авигдор Амейри

Смотрю с вершины Ар-ацофим⁷

Смотрю с вершины Ар-ацофим,
В земном поклоне склоняясь,
Шепчу с вершины Ар-ацофим:
Привет, о Йерушалаим!
Века веков мечтал о тебе,
О счастье видеть свет на челе.

Йерушалаим, Йерушалаим,
Взгляни же на сына любя!
Йерушалаим, Йерушалаим,
Из праха отстрою тебя!

Прими с вершины Ар-ацофим
Привет, о Йерушалаим.
В изгнание в дальних странах скорбим,
К тебе свой взор обращая.
Благословен будь тысячекрат,
Храм Владыки, царский град!

Йерушалаим, Йерушалаим,
Не двинусь я с этих высот.
Йерушалаим, Йерушалаим,

⁷ Ар-ацофим – гора в Иерусалиме.

Придѣт к нам Машиах, придѣт!
1928

Перевод 1991
В исполнении Йорама Гаона народную песню на слова А. Амейри
можно прослушать на сайте
<http://www.youtube.com/watch?v=183UY-Qmzic/>

אביגדור המאירי
מעל פסגת הר הצופים
מעל פסגת הר הצופים
אשתחווה לך אפיים
מעל פסגת הר הצופים
שלום לך ירושלים!
אלפי דורות חלמתי עלייך,
לראות, לזכות, באור פנייך!

ירושלים, ירושלים,
האירי פנייך לבנך!
ירושלים, ירושלים,
מחרבותייך אבנך!

מעל פסגת הר הצופים
אשתחווה לך אפיים
מעל פסגת הר הצופים
שלום לך ירושלים!
באלפי ברכות היי ברוכה!
מקדש, מלך, עיר מלוכה!

ירושלים, ירושלים,
אני לא אזוז מפה!
ירושלים, ירושלים,
יבוא המשיח, יבוא!

Шломо Йидов / Меир Ариэль (иврит)⁸

Вечер сгустился синий

Вечер сгустился синий,
Серьгой украсился красноватой.
Дышит он фимиамом
Нежных цветов жасмина
И шепчет еле слышно:
А вдруг – сегодня?
А вдруг – сегодня?

Как его синь глубока,
Бог лишь один в целом свете знает.
Может быть, ты внезапно
Явишься мне у входа,
Чтоб насладиться снова
Своей добычей,
Своей добычей.

Сколько печали синей,
Сколько тоски бездонной!
Рад бы на меч упасть я
За то, чтоб снова тебя увидеть.
Всю жизнь, всю жизнь отдал бы
За этот вечер, что не вернуть.

Вечер сгустился синий,
И, как серьга, на нём блещет месяц.
Ты появишься внезапно,
Даже без всякой вести,
Чтоб насладиться снова
Своей добычей,
Своей добычей.

⁸ Оригинальные слова на испанском и музыка написаны Шломо Йидовом (р. 1951 г.) в 13 (15?) лет, вскоре после его репатриации из Аргентины в Израиль. Меир Ариэль по просьбе автора перевёл текст на иврит, но затем написал приведенный выше свой вариант, который и получил широкое распространение.

Сколько печали синей...

Перевод 2010

שלמה יידוב / מאיר אריאל (עברית)

ערב כחול עמוק
ערב כחול עמוק
תולה עגיל אדמדם לרושם
ומעשן תפרחת
קטורת של אָזדרכת
ומרחש בלחש
אולי הפעם,
אולי הפעם.

כמה כחול הערב,
כמה עמוק – אלוקים יודע.
למה שלא תפתיעי
חד וחלק בפתח
כמשחרת טרף
לרוות עוד פעם,
לרוות עוד פעם.
כל הכחול העצב,
כל העמוק אין קצה...
בא לי בזאת הפעם
ליפול על חרב, למות עלייך,
למות, למות עלייך
לזכר ערב שלא יחזור.

ערב כחול עמוק
תולה עגיל בצורת ירח.
את תעמדי בפתח
בלי הודעה מוקדמת
כמשחרת טרף
לרוות עוד פעם,
לרוות עוד פעם.

כל הכחול העצב...

Шломо Йидов

Мне снятся сны на испанском

По утрам я встаю с ивритом
И с ивритом я кофе пью,
И на нём оплачу с рибитом⁹
Любую вещь, если захочу.

Я, подобно царю Давиду,
На иврите петь лишь могу
И читаю рассказы сыну,
Всегда справа начав строку.

Слов в иврите есть много очень –
Для компьютера, для планет.
Можно выразить всё, что хочешь...
Но вот для такта в нём слова нет.

Я цветком на нём восхищаюсь
И молитву ввысь возношу,
На иврите я вмиг взрываюсь
И обидчика поношу.

Мне на иврите писать и думать совсем не трудно,
И, к тому же, любить тебя – лучше нет языка.
Нет иврита чудесней для беседы и песни,
Но ночами, ночами сны на испанском снятся пока.

Шторы я на нём открываю,
Клянусь в верности вечной днём,
Доброй ночи тебе желаю
И считаю овец на нём.

Со Скрижалей начав Завета,
Изменяется без конца.
С ним живу и, по всем приметам,
С ним отправлюсь я к праотцам.

⁹ Рибит – проценты.

Мне на иврите писать и думать...

Перевод 2010

В исполнении Шломо Йидова песню на его музыку можно прослушать на сайте

<http://www.youtube.com/watch?v=VhJLYijI2Cc&NR=1>

שלמה יידוב

ש. יידוב עלה ארצה מארגנטינה בגיל 13

חולם בספרדית

אני קם בעברית בבוקר
ושותה בעברית קפה,
משלם בעברית ביוקר
על כל דבר שאני קונה.

בשפתו של דוד המלך
אני חי ומשמיע קול
וקורא סיפורים לילד -
כן, תמיד מימין לשמאל.

בעברית יש מילים בשפע
להגיד את הכל, כמעט -
יש בה תקע ויש בה שקע
אך אין מילה בעברית לטאקט.

מתרגש בעברית מפרח
ונושא בעברית תפילה,
מתרגז בעברית בן-רגע
ומרביץ בעברית קללה.

אני חושב ואני כותב בעברית בלי קושי
ואוהב לאהוב אותך בעברית בלעדית.
זאת שפה נהדרת, לא תהיה לי אחרת
אך בלילה, בלילה אני חולם עוד בספרדית.

אמונים בעברית שומר לך
וסוגר בעברית תריסים.
"לילה טוב" בעברית אומר לך

וגם סופר בעברית כבשים.

העברית משתנית בלי הרף -
זה התחיל בלוחות הברית.
אני חי בשפה דוהרת
ואמות, כנראה, בעברית.

אני חושב...

Наоми Шемер

Иерусалим златой

Здесь воздух с гор перед закатом
Прозрачен, как вино.
Слилися в ветре сосен запах
И звон колоколов.

В дремоте камень и олива,
И, весь во власти сна,
Как будто замер город дивный,
А посреди – стена.

Йерушала́им, город мой,
В тебе всё золото, свет и медь.
Твои все песни я, как лира,
Готов пропеть...

Колодцы сухи, площадь в пыли,
Базар шумевший стих.
На Храмовой горе забыли
Слова молитв святых.

В пещерах скал осиротелых
Звучал лишь ветра стон,
И не спускались к Ям а-Мелах¹⁰
Дорогой в Йерихон.

Йерушала́им, город мой,

¹⁰ Ям а-Мелах – Мёртвое море.

В тебе всё злато, свет и медь.
Твои все песни я, как лира,
Готов пропеть...

Я прихожу из песен этих
Сплести тебе венок –
Слабейший из твоих поэтов
И самый меньший из твоих сынов.

Святое имя жжёт мне губы,
Как поцелуя зной.
О, если я тебя забуду,
Йерусалим златой!

Йерушала́им, город мой,
В тебе всё злато, свет и медь.
Твои все песни я, как лира,
Готов пропеть...

Но видим вновь колодец старый
И площадь, и базар.
И на горе в руинах Храма
Опять трубит шофар.

В скале, как сотни солнц, пещеры
Горят со всех сторон,
И мы нисходим к Ям а-Мелах
Дорóгой в Йерихон.

Йерушала́им, город мой,
В тебе всё злато, свет и медь.
Твои все песни я, как лира,
Готов пропеть...

Перевод 1991

В исполнении Офры Хаза песню (музыка Номи Шемер)
можно прослушать на сайте
<http://www.youtube.com/watch?v=L8Co7IzOyhw&feature=fvsvr>

נועמי שמר

ירושלים של זהב

אזרחים צלול כיין
ורוח אורנים
נישא ברוח הערביים
עם קול פעמונים.

ובתרדמת אילן ואבן
שבוייה בחלומה
העיר אשר בדד יושבת
ובליבה חומה

ירושלים של זהב
ושל נחושת ושל אור
הלא לכל שיריך
אני כינור...

איכה יבשו בורות המים
כיכר השוק ריקה
ואין פוקד את הר הבית
בעיר העתיקה.

ובמערות אשר בסלע
מייללות רוחות
ואין יורד אל ים המלח
בדרך יריחו.

ירושלים של זהב
ושל נחושת ושל אור
הלא לכל שיריך
אני כינור...

אך בבואי היום לשיר לך
ולך לקשור כתרים
קטונתי מצעיר בניך
ומאחרון המשוררים.

כי שמך צורב את השפתיים

כנשיקת שרף
אם אשכחך ירושלים
אשר כולה זהב

ירושלים של זהב
ושל נחושת ושל אור
הלא לכל שירייד
אני כינור...

חזרנו אל בורות המים
לשוק ולכיכר
שופר קורא בהר הבית
בעיר העתיקה.

ובמערות אשר בסלע
אלפי שמשות זורחות
נשוב נרד אל ים המלח
בדרך יריחו.

ירושלים של זהב
ושל נחושת ושל אור
הלא לכל שירייד
אני כינור...

Владимир Слуцкий

Круглый стол воспоминаний

(виртуальный)

Ведущий (*открывает встречу*):

В виртуальном вечере за круглым столом воспоминаний и рассказов о Ренате Мухе принимают участие журналисты, поэты, писатели, друзья и родные, а также обыкновенные люди, выступавшие на форумах Интернета,

«Стенограмма» вечера содержит только **фрагменты** выступлений, в которых, прежде всего, отражены жизнь и характер **живой** Ренаты.

Уважаемые авторы, не гневайтесь за мое «хирургическое» вмешательство в тексты, это компенсируется подробными ссылками на оригиналы.

Все воспоминания, написанные после ухода Ренаты, выражают невосполнимую боль утраты. Солидарен, но все же я исходил из того, что пусть скорбь, горечь и боль останется в наших сердцах... Последуем призыву В.А. Жуковского:

**О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были**

Почти 60 лет жизни Ренаты связаны с **Харьковом**: школа, университет – студент, аспирант, преподаватель. Здесь прошла ее юность молодость, хотя, по мнению поэта Александра Верника она была **вечная гимназистка**. Каким был тот Харьков по личным воспоминаниям участников Круглого стола?

Юрий Константинович Штейн

Это было время, когда признанным лидером харьковских поэтов был Борис Чичибабин, признанным лидером фотохудожников документалистов Борис Михайлов, а вождем харьковской интеллигенции физик-академик Борис Веркин. Рождалась новая эпоха и новая страна любимая нами Украина. Тогда там жили **Рената Муха** и Нина Воронель.

Ф. Рахлин:

В Харькове, за громадой Госпрома, в конце 20-х – начале 30-х годов вырос целый городок. Сразу за этим стеклянно-железобетонным зданием – проспект «Правды», вторым порядком – улица Восьмого Съезда Советов, далее – Четырнадцатого... Огромные многоквартирные дома, и у каждого – своё имя: Дом Специалистов, Красный Промышленник, Военвед, Табачник, Профработник... И даже «Пять – за три!» (то есть: «Пятилетку – за три года»). Вот на такой-то урбанистической советской «клумбе» и суждено было вырасти и расцвести нежному, тонкому и яркому цветку с именем контрастным, как оксюморон: Рената Муха.

И. Слуцкая:

«Харьков 60-х годов был одним из духовных центров страны, в культурной жизни происходило много неожиданных событий. Центральный Лекторий стал островком вольномыслия. Там бывали такие вечера и встречи, что порой становилось страшновато – не прикроют ли... Впервые в этом небольшом переполненном зале мы услышали вернувшегося после заключения поэта Бориса Чичибабина, его тихий глуховатый голос заставил зал замереть, и это было потрясением. Здесь нашел свою понимающую аудиторию в то время гонимый в столице Булат Окуджава, о чем он никогда не забывал. Тогда же, затаив дыхание, мы слушали молодого Евгения Евтушенко, а когда читал свои не прошедшие цензуру монологи Михаил Жванецкий, и мы от смеха сползали со стульев, потом оглядывались с удивлением – он все еще там, на сцене, еще «не забрали?»»

Евгений Иевлев:

...Поздняя осень, предзимье, 1971 год. Полуподвальное помещение во Дворце пионеров и школьников на углу Сумской и площади Дзержинского. Литстудия Вадима Александровича Левина. Прекрасный детский поэт и великий литературный педагог уже тогда был седоват, мудр и кротко-ироничен. «Идеи Левина – живут и побеждают!» – острили мы тогда, не догадываясь даже, насколько близки к истине... Из «детей подземелья», тех самых «юных левинцев», выросла и Рената Муха, и много, очень много, достойных людей с прекрасным литературным вкусом, разбросанных ныне – по всему миру...

Вероника Долина:

Прошло много времени, можно разные страницы истории быстренько перелистать. Вот про Евтушенко вспомнили, когда в городе Харькове, родном городе Ренаты Мухи, Евтушенко Евгений Александрович возник тогда, когда он немного баллотировался в большое депутатство, и туда уйма народа нашего ездила. Я помню, как ездили туда Серёжа с Таней Никитины, и тоже правовестники прогресса, чего-то такое пели на стихи Евтушенко, и все знакомились, все дружились. Ещё был немножечко большой союз, практически советский.

Ведуший. Посмотрите иллюстрации. Так сейчас выглядит из космоса один из районов Харькова. Дом, в котором жила Рената, расположен по ул. Чичибабина 7 (бывшая VIII съезда Советов).

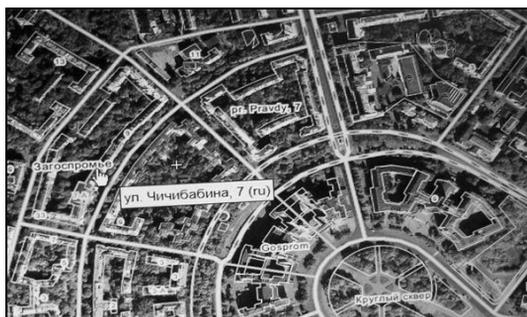

Фото Павел Перцюг, ученик 9Б класса Харьковской гимназии №116

Улица VIII съезда Советов 30-е годы. Ул. Чичибабина. 2008 г.
Фото Nikolsky G.S. <http://streets-kharkiv.info/chichibabina-borisa>

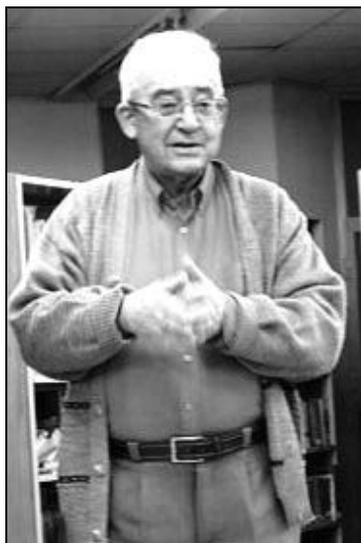

Харьков. Дом, в котором жила Рената. Фото Е. Надточий

Первое слово харьковчанам.

Я жил в «Красном промышленнике», где помещалась её 116-я женская школа, занимавшая весь цокольный этаж корпуса, и по дороге в свою, 131-ю мужскую часто Рену

встречал. Потому что их Дом Учителей стоял на упомянутой улице Восьмого съезда Советов рядом с нашей школой. Было невозможно не обратить внимание на эту миниатюрную девчущку в темно-синем пальтеце с воротником из серенькой смушки и в такой же шапочке, из-под которой с отважным и весёлым любопытством смотрели на мир и на прохожих огромные, лучистые, чёрные очи. Кто-то рассказал, что учится она в классе на год младше моего. А ещё через какое-то время мы познакомились в драмкружке, работавшем у нас в школе.

Феликс Рахлин (писатель)

Нам было по 16-17 лет, а Рене и вовсе 15. Ясное дело, возникли пары и треугольники. Она уже тогда (даром, что на вид совсем девчонка) была в центре внимания, в неё одновременно были влюблены ребята из нашей и «не нашей» компании. Никогда не мог понять, что за таинственный магнит скрыт в этой малышке: казалось бы, и сутулится, и худышка, и чертами лица далека от «идеала», а глянул – и глаз не оторвёшь! Весела, остра на язычок, а, вместе с тем, дружелюбна!

В течение нескольких лет нашего позднего детства и юности целая вереница моих друзей и знакомых пылала к ней нежным чувством: Толя Н., Лёня С., Алик Р., Виташа П. Наверняка было и много других, но она, кажется, никому не отдала предпочтение.

Школьные друзья

Встреча Нового 1949 года. 2-я слева сидит Рена Муха.
Фото архива Ф. Рахлина

1949 г. Рената Муха 4-я слева. Девятиклассницы 116 женской и десятиклассники мужской школы около театра русской драмы.
Ул. Чернышевского

Харьковская гимназия 116. Здание построено в 1956 г.
Фото Victor Vizu.

Ведущий. Неожиданно факт обворожительности Ренаты и в студенческие годы я обнаружил в очерке Г.Ходорковского об Аркадии Беседине (философ, поэт, переводчик):

Единственной женщиной, которую он, по-моему, любил, судя по тому немногому, что он мне сказал, и некоторым стихотворениям без посвящения и имени предмета, была Рената Муха, возможно сокурсница по инязу. Теперь она детская писательница, живёт в Израиле.

Ф. Рахлин (продолжает):

В 1995 году, примерно через полгода после кончины в Харькове Бориса Чичибабина, мы, в итоге долгой разлуки, встретились с нею в Иерусалиме на вечере его памяти. В своём выступлении Рената рассказала, как впервые, ещё школьницей, познакомилась со стихами этого поэта: он в то время «тянул срок» в Вятлаге... «А стихи его мне читал Феликс Рахлин», – вспоминала она. И тут же (более чем через полвека!) прочла наизусть грудным своим, нежным голосом ранние стихи его, запомнившиеся ей с моих слов:

*Ну, расскажи, ну, каково тебе,
Что с камнем шепчется капель?
Не о тебе ль вздыхает оттепель,
И дождь шумит – не о тебе ль?*

*Ну каково тебе, что в лепете
Тумана, влаги и тепла
Сугробы плещутся, как лебеди,
И в ночь оттаивает мгла? (и т.д.)*

Конечно же, и я помню, как читал ей и эти стихи, написанные им до ареста, и новые, привозимые сестрой моей, Марленой, со свиданий с ним из лагеря... Мы гуляли с Реной вдоль по улице, на которой она тогда жила, где стояла и стоит моя 131-я школа и где жили его мать и усыновивший пасынка отчим, к которым Борис вернётся из лагеря ещё через долгие два с половиной года, – но, конечно, не предвидели, что лет через 15 она с ним подружится. А он в неё пламенно, хотя и ненадолго, влюбится! (Я и сейчас полагаю, что «чёрная пчёлка печали» – это о ней...). Но с ещё меньшей вероятностью могло взбрести нам обоим в головы, что эта улица будет носить имя автора тех стихов – поэта Бориса Чичибабина!

Сама Рена стихов долго не писала. Может, и были какие-то пробы пера, но ничего заметного не припоминаю. Вопреки пушкинскому утверждению, будто «лета шалунью рифму гонят», она всерьёз (но и в шутку, да какую блистательную! Одну блистательнее другой!) начала «рифмовать», каламбурить, сверкать изысканными и неожиданными, непревзойдёнными по меткости метафорами уже в свои зрелые годы, – по-моему, не ранее чем на четвёртом десятке лет. Минимум два фактора определили такую нестандартную творческую судьбу: во-первых, постепенное знакомство с литературным богатством прошлого и настоящего и со многими его творцами или «пропагандистами». Не забудем, что среди школьных её учителей были и такие, как Александр Ильич Мосенжник, перед тем преподававший русскую литературу в одном из педагогических вузов Украины, но попавший там под дикую расправу как «безродный космополит»... Его

гонители и не предполагали, что, выкурив его из школы высшей, они тем самым буквально осчастливят целые поколения юных харьковчан, невольно обеспечив их чудесным наставником, умным, знающим и темпераментным.

Реплика Елены Надточий (*преподаватель русского языка и литературы гимназии №116 г. Харькова – бывшая школа, в которой училась Рената*).

Александр Ильич Мосенжник. Яркая личность, девочки его просто обожали. Участник боевых действий в Великой отечественной войне. Он работал в Театральном институте (преподавал зарубежную литературу), в 1948 году его уволили, и он перешел в школу №116 (работал там и раньше, но совмещал работу в школе и в вузе). Какое-то время он работал в двух школах: в 116 женской и 131 мужской (школа, где учился Ф. Рахлин). Так было до 1953 года. А.И. Мосенжник – автор книги «Семейная история в оправе времени». Светлана Наумовна (одноклассница жены Ф. Рахлина) мне эту книгу показала, но это самиздатовский вариант. Увидела ли эта книга свет, я так и не узнала. Умер Александр Ильич летом 2010 года, хоронили его бывшие ученики.

Ф. Рахлин (*продолжает*):

Огромное влияние имела на учениц работавшая в той же школе Катерина Михайловна Доценко (в девичестве Губенко) – родная сестра великого украинского сатирика Остапа Вишни. Слушать речь Катерины Михайловны (и не только на её уроках украинской литературы!) было истинным удовольствием: «вишневі усмішки» народного и, безусловно, фамильного юмора так и сыпались из её уст (**Елена Надточий**: девочки называли ее между собой просто по имени – Катя).

Что же касается Реночкиных друзей, то не забудем, что, наряду с Чичибабиным, среди них были и супруги Воронель (оба – «физики и лирики») и Юлий Даниэль (в одном из своих «Писем из заключения» он сообщил, что она первая приснилась ему после ареста! В другом – с восторгом отозвался о доставленной ему в мордовский «Дубравлаг»,

написанной совместно Ренатой Мухой и Нелей (Ниной) Воронель книжке «детских» стихов «Переполах»).

Мне остаётся лишь рассказать, как закончилась наша встреча в Афуле с читателями, организованной местным литературно-творческим клубом-студией, куда прибыла из Беэр-Шевы вместе с Феликсом Кривиным.

Прочитав по памяти в зале здешнего матнаса Бейт-Познак (матнас – ивритская аббревиатура, означающая: «общественный и культурно-спортивный центр») строчки из моего полудетского «Первого послания к Мухе», в том числе и те, где содержалось такое «пророчество»: «Ты станешь старою калошей, я стану старым сапогом», – она в итоге вечера подарила мне свою книжку «Гиппопоэма» с такой надписью: «Дорогому старому сапогу от старой калоши. Р. Муха, 5. 10. 2001 г.»

Я ответил ей мадригалом: **«Третье послание Мухе»:**

*Как сладко на сердце стало
от антитезы такой:
сапог я хотя и старьёй,
а всё-таки – дорогой!
Но вот что всего дороже:
хоть нынче не та пора –
не дешева и калоша,
а главное – не стара!
Пусть в обуви и одежде
иная мода теперь –
Калошенька! Ты, как прежде,
хорошенькая, поверь!
Не смяли нас годы, не сплющили,
– пусть не в гладь и не в тишь, –
но я, Бог даст, поскриплю ещё,
а ты ещё поблестнешь!*

Живут и блистают её смешные и оригинальные стихи, в которых жизнь её души продолжается для новых поколений. Имя Рената в переводе с латыни означает «Возрождающаяся». Да сбудется вновь и вновь!..

Ведущий. Очерк Ф. Рахлина «Лучистая и вечная девочка», опубликованный на портале «Литературный альманах Тредиаковский» прочитали 1717 человек.

Изабелла Слуцкая (журналист):

Про «Муху» мне довелось услышать в студенческие годы в веселой компании молодых ученых, среди которых были, как тогда говорили, и физики, и лирики. Но однажды образ «Мухи» для меня обрел реальные черты: на нашем телевидении программу «Уроки английского языка» вела очаровательная романтичная девушка в платьице с белым воротничком, тогда она мне показалась похожей... на Одри Хэпберн. Ею и оказалась Рената Муха, преподаватель кафедры английской филологии нашего университета. Так произошло наше виртуальное знакомство...

В 70-е, во Дворце пионеров в городской литературной студии проходили уроки поэзии, вел занятия кандидат психологических наук, поэт Вадим Левин. Мы, родители, тоже там присутствовали и с не меньшим удовольствием, чем ученики, реагировали на все происходящее. Это было очень заразительно: предлагались первые строчки стихов, а придумать нужно было окончание, и чем парадоксальней получалось, тем выше они ценились. Рената была частым гостем на этих занятиях, ее искрометные строки служили зачастую «исходником» для продолжения. Там мы впервые встретились с Ренатой Мухой. Рената ездила с нами на природу, и там

продолжались живые беседы и игры с ребятами, и все находились под ее обаянием.

Я помню вечер в одном из харьковских клубов, где выступала Рената Муха после своего возвращения из Великобритании, куда ее приглашали для проведения показательных уроков по преподаванию иностранных языков. Пребывая долгое время за «железным занавесом», мы тогда мало представляли себе реалии зарубежной жизни, и по окончании официальной части я подошла к Рене с наивным вопросом: «Хотела бы ты там жить?». На что она мне ответила: «Жить я хотела бы здесь, **но жить...**»..

Рената Муха, и я жили на улице **23 августа**, на которой стоит памятник солдату-освободителю, мы его называли – «Алеша». Для всех харьковчан **23 августа** – праздник, День освобождения города от фашистских оккупантов. И где бы мы ни находились, всегда собирались и отмечали это событие. День ухода Ренаты Мухи, горький день, – **23 августа** 2009 года...

*

Владимир Бондарев из Бостона (*под впечатлением рассказа И. Слуцкой*) вспоминает:

С Реной Мухой я был знаком с 7 класса школы. Мы жили в одном доме (Рена жила с мамой, Александрой Соломоновной, к сожалению, рано умершей); были в одной школьной компании. Много гуляли, говорили обо всем, собирались у кого-нибудь дома (иногда у **Инны Шмеркиной** – она играла и пела), ходили на вечера в школы - тогда было раздельное обучение.

Нина Воронель вспомнила такой эпизод.

Иногда Реночка приводила с собой школьную подружку Инну, обладавшей абсолютным слухом и божественной красоты голосом. Впоследствии она стала выдающейся певицей Инной Шмеркиной, но тогда мы этого не предполагали. Реночка врвалась ко мне и уже от порога кричала:

«Нелка, открой рояль!» – так она называла подобранной на свалке мебели слегка обшарпанное, но вполне пригодное пианино фабрики «Красный Октябрь». Я послушно открывала лакированную крышку, и Инна

начинала играть и петь. Но Реночка на этом не успокаивалась:

«Принеси полотенце и положи на клавиатуру!» – командовала она.

Я застилала клавиатуру полотенцем, но Инна продолжала играть вслепую и петь так же прекрасно, как и до того.

«Ты видишь, как она играет сквозь полотенце!» – восхищалась Реночка, словно это она сама так прекрасно пела, сопровождая себя сквозь полотенце. Эту редкую способность восхищаться чужими талантами она пронесла через всю свою жизнь, и может быть, в этом состоял ее главный талант.

Владимир Бондарев *(продолжает):*

Рена была девушкой яркой, живой, остроумной (уже тогда замечания ее бывали иногда парадоксальны, но очень точны), очень привлекательной; естественно, у нее было много поклонников. В 2001 году мы очень тепло встретились в Бостоне. После ее выступления она написала на подаренной мне книге «Первому мальчику, который за мной не ухаживал и, конечно, его жене. Ваша Муха». После школы жизнь разбросала нас по разным вузам, а потом и по разным странам, встречались редко и всегда с большой теплотой вспоминали школьные годы и наших общих друзей. Большое спасибо Элле (Изабелле Слуцкой. - В.С.) за теплые воспоминания.

Очень важная реплика Стэллы *(отклик на рассказ И. Слуцкой):*

Рена называла меня "Сороженница", мы познакомились в родильном отделении ЦПНБ в конце февраля 1964 года, полюбились с первого взгляда. Была солнечная, снежная чудесная весна, мы часами бродили по Харькову, по улицам и паркам обе сильно беременные в запахнутых шубах, без шапок, всё смеялись и бесконечно спорили. В мае я родила Сашу, а Рена Митю. Вторые мальчики у нас тоже случились в одном 1969 году. Я приходила к ней домой... Общение с Реной – это была прекрасная страничка в жизни.

Ведущий. Подчеркну, что во всей сети – это единственный источник информации о возрасте сыновей Ренаты Мухи.

Нина Воронель (*писатель, драматург, переводчик*).

Мы познакомились в детстве, в знаменательную ночь на 9 мая 1945 года, когда все население нашего города высыпало на улицы, чтобы отпраздновать конец Великой Отечественной войны.

С тех пор наша дружба прошла долгий сложный путь, жизнь то сводила, то разводила нас, но это не меняло и не отменяло нашей взаимной любви. Я подружилась когда-то с хорошенькой востроглазой девочкой, которая с годами превратилась в очаровательную неотразимую женщину и в замечательную поэтессу. Главной ее чертой было необычайно обостренное чувство юмора – в любой, самой мрачной, ситуации она была способна увидеть смешную светлую сторону.

Ведущий. Из интервью Ренаты Мухи:

«Да это просто замедленная реакция. Сначала вижу светлое, потом потемнее, еще темнее, а к тому времени, как дохожу до совсем темного, светлое, накопленное раньше, побеждает».

Нина Воронель продолжает:

Мне повезло: когда-то, на заре туманной юности, мне посчастливилось в соавторстве с Реночкой создать нашу первую детскую книжку. Она с юности была гением мгновенных экспромтов. Так однажды, отделяясь от группы соучеников, с наслаждением злословивших обо всех, кто ушел раньше, она потребовала, чтобы они "закрыли за ней рот". Она так и сказала: "Закройте за мной рот!"

А жизнь ее не баловала – вскоре после смерти бабушки безвременно умерла ее молодая красивая мама, Шура Шехтман, и Реночка осталась одна, как перст.

Самоирония была ее фирменным знаком: она всегда рассказывала о себе со смехом, даже в самые трагические минуты. А уж в комические или просто драматические минуты она просто не знала удержу.

Голос из Екатеринбурга (*программист, журналист, автор блога*):

Все мы родом из детства, и то, какие книжки нам читали и мы читали, во многом определяет нашу дальнейшую жизнь, взгляды, умение строить отношения в обществе, да и само общество, в котором мы живём.

В 1933 году в Одессе родилась девочка, которая стала потом поэтом.

Взрослым? Детским? Никто не знает.

Язык – общая Родина поэтов, как сказал кто-то из великих. Стихи писались на русском, но всё многоязычие Одессы, весь юмор Сорочинцев, всё тепло Украины слышится в ее строчках.

Аркадий Коган (*прозаик*)

Впервые мне довелось услышать ее выступление еще, когда я был студентом мехмата ХГУ, а она – доцентом иняза. Уже тогда она очаровала меня своим волшебным даром рассказчика. Это было страшно и завораживающе. Именно так: страшно и завораживающе. Она владела аудиторией абсолютно. Ее голос гипнотизировал. Стоило ей захотеть, и все в зале замирали, сопереживая героям ее рассказа, стоило захотеть, и на лицах играли улыбки. Она умела говорить перед большой аудиторией. Мне тогда она казалась существом небесным, которое столь далеко не

только от меня, но и вообще от существ, питающихся чем-либо кроме амброзии и нектара.

Через много лет я оказался в Беэр-Шеве. Начал преподавать в одном из учебных заведений. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что там же преподают Рената Муха! Более того, оказалось, что мы живем рядом – наши дома расположены в соседних кварталах. Пользуясь случаем, я подрядился к Ренате «работать шофером», то есть после работы я подвозил ее домой. Должен сказать, что, наверное, это была самая высокооплачиваемая работа в моей жизни – всю дорогу Рената рассказывала, рассказывала, рассказывала.... Надо ли говорить, что я в этот период своей «шоферской службы» никогда не превышал дозволенной скорости, ни разу не проехал не то что на красный – даже на желтый. Пешеходов пропускал просто, к вящему их изумлению. Иногда мне особенно везло – мы попадали в дождь, а потому Рената продолжала рассказ, даже когда я останавливался возле ее подъезда.

У Ренаты было много талантов. Наиболее известна она как поэт, пишущий для детей. Но мне кажется, что она не совсем обычный детский поэт. Я много раз видел, как слушают ее стихи дети и как слушают ее стихи взрослые. И странное дело: дети будто выросли на глазах, а взрослые – возвращались в детство. Для ребенка осознание, что слово обладает сразу несколькими смыслами, что словом можно

играть, что оно может быть и вкусным, и нежным, и дрожать как осенний лист и быть холодным как льдинка и. и... - для ребенка – это потрясение, это открытие вселенной. Взрослые же неожиданно для себя видят в строчках вроде бы безобидного детского стишка глубокий, иногда совсем не детский смысл. Именно она является продолжателем традиции детской поэзии на русском языке. Естественным продолжателем магистральной линии Чуковского, Маршака, Барто, Заходера.

Рената писала трудно. Она была невероятно требовательна к каждому слову. Некоторые свои миниатюры она вынашивала долго, как ребенка. Может быть поэтому среди ее вещей нельзя найти ни одной слабой.

Но все же мне представляется, что как рассказчик она еще более талантлива. Хотя очень обидно, что в этом качестве ее знают меньше. Много раз издатели предлагали ей записать ее рассказы. И она очень хотела этого, но каждый раз натывалась на собственную требовательность. Уж кто-кто, а Рената понимала всю сложность перенесения интонации, выражения лица, жеста рассказчика на лист бумаги. Надо сказать, что английским она владела не по-учительски, а в совершенстве, как родным. Я упоминаю об этом потому, что она является обладателем уникального титула Победителя конкурса устного рассказа, который она получила в Америке. К сожалению, на российском экране ее рассказы не звучали... А ведь она является естественным преемником Ираклия Андроникова в очень нелегком жанре устного рассказа. И это не только мое мнение, но и практически всех, кому довелось ее слышать со сцены.

А человек она была солнечный. От нее исходила удивительно теплая, добрая энергия. Да, она была добрая, но не добренькая. Когда вопрос казался ей принципиальным, сам Громыко мог бы позавидовать ее «нет». А уж припечатать тонко и иронично – никогда не грубо! – она могла как мало кто. И, тем не менее, я не могу вспомнить ни одной встречи с ней, которая бы прошла в миноре. Потому и называл ее человеком в соль-мажоре.

И еще. Она была необычайно мужественным и стойким человеком. Все четырнадцать лет, которые мне

посчастливилось общаться с Ренатой, она тяжело болела. И никогда не показывала слабости. Она всегда говорила о своей болезни с иронией. Она умела бороться и делала это красиво. Она вообще была удивительно красивой женщиной и человеком.

Родятся еще, обязательно родятся на Земле интересные люди. Но они будут другие. Ренаты же уже не будет. Хотя.... Может быть в том, что новые люди станут интересными, сыграет роль то, что они прочтут стихи Ренаты Мухи.

*Потомки бывают умнее, чем предки,
Но случаи эти сравнительно редки.*

Реплика Э. Долгопольской

Уважаемый Аркадий! Мне очень не нравились стихи Ренаты и ее голос, который я слышала часто по радио, но я чувствовала, что что-то я неправильно делаю... И вот Вы со своим чудесным материалом...Безусловно: необходимо самому слышать, самому видеть и только тогда сделать окончательные выводы...Вы мне очень помогли и , если удастся, послушаю ещё раз ее стихи и почитаю...Но даже фамилия вызывает недоумение: разве она не слышала, как это неблагозвучно?.. Однако, вспоминая Елизавету Ауэрбах, я догадываюсь, что что-то я неправильно чувствую... Спасибо за замечательный рассказ, заставивший поколебаться ...

Отклик Наны:

Как хорошо, когда жива Память. Пока она жива, жив человек. Теперь и мы будем знать и помнить. Спасибо. כרונה לברכה (Да будет ее память благословенна)

Наталья Рапопорт (доктор наук, живет в США).

Мне выпало счастье дружить с Ренатой Мухой. Мягкий тёплый свет, который излучала Рената, согревал друзей и пронизывал её поэзию.

Мы познакомились в середине девяностых. Я стала свидетельницей её феноменального успеха как рассказчицы: на огромном, битком набитом стадионе в американском городке Прово штат Юта. Рената держала аудиторию минут двадцать разнообразными байками на английском языке –

никто не шелохнулся, разве что иногда стадион взрывался хохотом, пугая окрестных птиц.

За всю, уже 20-летнюю, историю этого, одного из самых популярных в США, ежегодного фестиваля рассказчиков она остаётся единственной иностранкой, для которой английский язык – неродной. А ведь все свои рассказы излагала, естественно, по-английски: таковы условия фестиваля. В последний день Рената сумела настолько овладеть вниманием семи тысяч зрителей, что они вслед за ней спели колыбельную, – но уже на русском языке!

После успеха на стадионе она была в Юте нарасхват. С утра приезжали какие-то молодые люди – Рената утверждала, что все как на подбор голубые, что для Юты, вообще говоря, не характерно – и увозили её на очередное выступление, или мастер класс, или урок, или всё вместе взятое.

Возвращалась Рената вечером, как говорится, усталая, но довольная. И тут наступал наш час – иногда до рассвета. Сказать, что мы беседовали, было бы преувеличением – беседовала в основном Рената, я слушала и наслаждалась. Кое-что из того, что она мне тогда рассказывала, вошло потом в программу, с которой она выступала публично, это были замечательные рассказы, свежие, сочные и ароматные. Очень смешно рассказывала о первом визите к Борису Заходеру. Ещё – о Чичибабине и,

что было мне особенно дорого, – о совсем молодом Даниэле, о Даниэле “тех” лет...

Последняя книжка, которую она мне подарила, называется «Однажды, а может быть – дважды». Я отправила ей в ответ:

Бывает, что в масть попадает кликуха.
Примером тому – гениальная Муха,
В которой играет Божественный дух,
Однако – с усиьем считает до двух.
Которую, как без сомнения каждый,
Мы любим однажды,
А может быть – дважды...

Поздней осенью 2001-го мы с моим мужем Володей оказались в Израиле – я приехала поработать в Иерусалимский университет. В один из первых моих выходных поехали в Беэр-Шеву. В честь гостей Рената зажарила огромную баранью ногу, мы почувствовали её аромат, ещё только подходя к подъезду, метров за пятьдесят – по-моему, он витал по всему городу. Когда мы вошли, Рената священнодействовала над ногой – это был гвоздь программы, освоить который в тот вечер удалось разве что на треть общими усилиями. Нога прошагала в следующий день.

А на завтра выяснилось, что во всём этом действе был серьёзный умысел, а в *ноге* был двойной смысл. Потому что, проснувшись утром, мы не застали дома папу Вадика – он куда-то исчез, но вскоре появился с огромным букетом замечательных цветов – этот декабрьский день оказался годовщиной их с Ренатой свадьбы! И потекли воспоминания о тех днях и годах. Коллеги папы Вадика – физики-математики – устроили из свадьбы настоящий театр: декорировали её как защиту диссертации. Диссертацией была, конечно, сама Рената. На диссертацию поступило несколько отзывов. Все они были положительными.

В. Долина (тоже вспомнила гостеприимный дом): Я когда-то приехала в Беэр-Шеву, что-то я там делала, возможно, песни свои разнесчастные пела. А Рената говорит: «Ко мне ужинать, чтобы были у меня». В общем,

пришли, по-моему, мы с кем-то из детей были, и у неё на столе стояла здоровеннейшая кастрюля с супом-солянкой, такой у нас был ужин.

Ведущий. Наталия Рапопорт с восторгом замечает: «У меня сохранился чудесный видеоклип – память об этом визите». А мне грустно, какой эгоизм думаю я, этот видеодокумент может увидеть только ограниченное число лиц.... Для будущих биографов Ренаты Мухи – надо сделать так, чтобы подобные видео и аудио записи стали общим достоянием почитателей творчества Р. Мухи.

*

Лилия Карась-Чичибабина

В 2007 г. Рената выступала в Чичибабинском центре, и в зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Лица друзей Ренаты становились добрыми, веселыми, озорными – словно сами они были соавторами ее остроумных стихов. Она была замечательным рассказчиком: артистичным, темпераментным, передающим жестиком то, что невозможно выразить словами – немного отрываясь от земли, превращалась в сказочную фею.

Рената участвовала в телешоу Андрея Малахова: «Жизнь на два дома», проводимого им в Израиле. В Америке, куда она ездила в гости к младшему сыну

Алексею, её приглашал на свою программу Виктор Топаллер.

Ведущий. Встреча «В Нью-Йорке с Виктором Топаллером» была в августе 2007 г. вот один из откликов на передачу: Сегодня смотрела его встречу с поэтессой Мухой. Прелесть что за человек. И умна и остроумна. А ее детские стихи с не детским смыслом, помните на ее стихи поют Никитины. Мне очень понравилось все что она читала, вспоминала и вообще ее меткий слог и стиль стиха.

Лилия Карась-Чичибабина продолжает:

Бывшие студенты-«англоязычники» помнят невысокую, очень привлекательную, доброжелательную преподавательницу, которая увлекала их своим знанием языка, литературы.

Студенческое воспоминание (2004 г):

Рената Григорьевна преподавала у нас на кафедре, к сожалению, не у меня. На первом курсе нам часто задавали переводить ее стихи на английский язык. Очень всем нам это дело нравилось, но я помню только какое-то коротенькое стихотворение, вызвавшее бурю восторга (шел 90 год...) там что-то: «...шел человек по городу и ел бутерброд без сыра». Потом он ел бутерброд без масла, а потом – без хлеба.

В. Долина (*реплика*): Какое время, такие и бутерброды.

Лилия Карась-Чичибабина продолжает:

Рената всегда стремилась в свой родной Харьков, который давал ей новые жизненные силы и в котором сейчас живет ее старший сын Дмитрий. Достойной памятью для нас, харьковчан, явилось бы издание книги стихов нашей землячки, поскольку у многих желание иметь ее огромно, и мы стали бы чуть-чуть лучше, приобщившись к ее доброте и таланту. Уверена, что её творчество, несомненно, когда-нибудь включат в школьную программу

Александр Верник (поэт).

Она была очень восторженная. Несмотря на то, что она была уже немолода, она была **вечная гимназистка**. С ней было всегда очень весело и хорошо.

Никипелова Нина (филолог, доктор наук, профессор, живет и работает в Харькове):

Говорят, что человека, собственно, описать нельзя, но можно написать, как он на тебя подействовал. На меня Реночка всегда действовала прекрасно – и в юности, и в молодые годы, и потом. Была великолепной собеседницей по умению слушать, а слушать ее всегда было наслаждением. Никогда не жаловалась, не злословила, никого не осуждала, не сплетничала. Была стойкой в своих немалых бедах, доброй, щедрой, любила делать подарки. Удивлялась и радовалась своим стихам. Было счастьем и радостью жить с нею рядом.

Галина Заходер (Кенга)

Последние годы, бывая в Израиле, я неизменно навещала Беэр-Шеву, где меня в пятничный полдень

встречал на вокзале муж Реночки, Вадим Ткаченко или Папа Вадик, как называют его близкие. А потом, в их доме, бесконечный смех: новые стихи Ренаты и те, что от повторения становятся еще смешнее; стихи Бориса Заходера, невольно приходящие к месту по ассоциации с разными историями, выплывающими из воспоминаний.

Великая женщина, природным юмором, внутренним светом преодолевшая на многие годы внезапно напавший на нее опасный недуг, когда американский врач в середине 90-х годов, установив страшный диагноз, спросил напрямик, кому из близких она должна сейчас же сообщить о грозящей беде.

Однако, вместо естественного в таких случаях проявления растерянности, отчаяния, которых ожидал профессор, пациентка прореагировала с неожиданным юмором и логикой, да еще на прекрасном английском языке, которым она владеет в совершенстве, занявшись выяснением у него каких-то лингвистических подробностей диагноза. Профессор, покоренный ее удивительным обаянием, понимая, что перед ним не рядовая пациентка, а уникальная личность и подойти к лечению ее болезни надо тоже с уникальными мерками, решил на невозможное. И сделал ЭТО НЕВОЗМОЖНОЕ! Они – она и врач – победили.

Ведущий. Важная вставка:

28.09.10. Звонок из Пенсильвании:

– Я Виктор Гринберг очень хорошо знаю Ренату Муху, прочитал Сборник устных рассказов, опубликованных в сетевом журнале «7 искусств» и хочу рассказать Вам историю, которую слышал из уст Рены.

– А Вы ее давно знаете?

– Если коротко, то всю жизнь...

(Справка. Виктор Гринберг в 1964 г. окончил Харьковский государственный университет, в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по физико-математическим наукам. В 1990 г. эмигрировал в США – статус беженец).

Ведущий. Извините, еще одна предварительная реплика.

Наталии Рапопорт:

Рената улетала от нас к друзьям в Бостон. Накануне отъезда решила ей сказать: «Рената, что-то мне не нравится твой живот. В Бостоне полно русских врачей. Может, тебя там посмотрит кто-нибудь за стишок-другой?» Рената проворчала, что *до сих пор на её живот никто не жаловался*. А через два дня мне по ее просьбе позвонили из Бостона, сказали, что она в больнице – отвезли на “скорой”.

Рассказ Виктора Гринберга:

Когда Рена приезжала по приглашению в Америку и, конечно, была в гостях в семье сына. В этот период у нее обострилась болезнь. Опухоль в животе выросла до размеров футбольного мяча. Ее поместили в госпиталь. С ней все время была сестра, которая даже за очень короткое время прониклась к Рене большим уважением.

Далее следует пересказ со слов Рены:

После долгих обследований, меня, наконец, положили в палату. Через некоторое время в палату вошли 5 крепких мужчин, стали в шеренгу, затем один из них сделал шаг вперед и произнес:

У вас неправильная опухоль, операцию делать нет смысла, жить осталось недолго. И вернулся в исходное положение, сделав шаг назад.

Шаг вперед делает второй мужчина со словами:

Мы полностью вас снабдим обезболивающими средствами.

И, наконец, третий мужчина:

Мы обязательно разошлем телеграммы всем родственникам и знакомым, по которым они смогут беспрепятственно и своевременно приехать на похороны...

(К сожалению, что говорили 4-й и 5-й мужчина, Виктор не запомнил. – В.С.)

Узнав об этом приговоре и что Рену не хотят оперировать, медицинская сестра подняла шум с призывом принять все меры для спасения, запахло серьезным скандалом.

В результате, в палату вошел **хмурый** человек в белом халате и сказал, что он хирург и готов прооперировать Рену. Она сразу же согласилась.

Доктор: Есть у Вас вопросы?

Рената: Есть. Почему Вы не улыбаетесь?

Доктор: На это я отвечу после операции.

После успешной операции доктор пришел к Рене и сказал:

– Теперь я улыбнусь, Ваша опухоль была инкапсулирована, с чем Вас и поздравляю.

Кенга продолжает:

И победив, замечательный врач спросил, где Рената намерена продолжить лечение. Узнав, что его пациентка возвращается в город Харьков, где она живет, профессор пал духом, не скрыв от нее своих огорчений. Он заявил, что не для того вернул ее почти с того света, чтобы их взаимный успех загубила медицина, проглядевшая ее недуг, и что необходимо срочно найти такую страну для дальнейшей жизни, именно «ЖИЗНИ!», где она сможет получать квалифицированное лечение. И тогда она его утешила, сказав, что ее муж, профессор математики по приглашению университета Бен-Гурион в данный момент уже работает в Израиле и она, не заезжая на родину, может тотчас присоединиться к мужу и там продолжить лечение.

Так они – Вадим Ткаченко и Рената Муха-Ткаченко – навсегда поселились в Беэр-Шеве.

Реплика Вадима Ткаченко:

Однажды, будучи в гостях у Бориса Владимировича Заходера, в самом начале их знакомства, Рена разразилась смехом, услышав его строчки:

*Никакого нет резона
На дому держать бизона,
Ибо это жвачное –
Грубое и мрачное*

Борис Владимирович, по-видимому, заподозрив желание просто ему понравиться, спросил Реночку: «А чем это вы так восторгаетесь?» И услышал в ответ скорее всего неожиданное для него: «Я просто представила себе, как

должен был обрадоваться человек, когда он придумал такие строчки». Б.В. немедленно нашёлся: «Галя! – закричал он жене, – скорей иди сюда и послушай, что она говорит! И налей ей ещё одну тарелку супа!».

Галина и Борис Заходеры

Евтушенко Евгений (поэт, прозаик, драматург).

Я несколько раз был в Израиле и не только не встретил ее лично, но даже имени ее ни от кого не слышал, а узнал я о ней лишь года четыре назад в Москве.

К сожалению, у не «раскрученных» исполнителей и авторов сейчас мало шансов засветиться. Но, чтобы «раскрутиться», самому надо без усталости крутиться на

бесчисленных тусовках. Рената Муха к категории «раскрученных» не принадлежит.

Реплика из Кишинева:

Nota bene! “А где продается такая кровать?..”

Что мы читаем своим детям? Из поэзии - в основном, то же, что читали когда-то нам: Маршака, Чуковского, Барто... Плюс - Григория Остера, еще нескольких достаточно известных детских поэтов.

А вот имя Ренаты МУХИ у нас, к сожалению, мало кому известно. И это очень обидно. Во-первых, потому, что она просто замечательный детский поэт! Во-вторых, потому, что она – наша бывшая соседка, если можно так сказать: родилась в Одессе, которую кишиневцы всегда считали городом-родственником.

Евгений Евтушенко продолжает:

У нее легкое, но все-таки «мысле». Она ведь одесситка, а своеобразное одесское омархьямство не увядает даже вдалеке от этого легендарного города.

Вчера Крокодил улыбнулся так злобно,

Что мне за него до сих пор неудобно.

Развожу руками. Говоря по-дерibasовски, это же шедеврально. Стихи Ренаты Мухи, захлебываясь от восторга, на память начитывал один наш кинематографист, а некоторые из них и записал по моей просьбе. Его восторг перешел ко мне, в нем я и пребываю до сих пор.

Ведущий. Это действительно так, сужу по разговору с Александром Ратнером (член Национального Союза писателей Украины) в Днепропетровском ресторане «Август»:

Вы не знаете Ренату Муху? – спросил он (Е. Евтушенко. В.С.) меня.

Нет – ответил я.

Она начала писать в шестьдесят два года, пишет замечательные двустушия. Евгений Александрович тут же прочитал несколько впечатляющих строк-тандемов.

Кто бы мог подумать, что почти 50 лет назад Рената восхищалась молодым Е.Евтушенко, а теперь тот самый Евтушенко в восторге от стихов Ренаты Мухи.

Евгений Евтушенко продолжает:

А вот это:

Когда вам гадит Троглодит,
Ведь что-то им руководит?

Тут сплетаются лучшие традиции детско-взрослых или взросло-детских стихов – это уж как вам больше понравится.

В ее стихах есть «...Особенный, еврейско-русский воздух... Блажен, кто им когда-либо дышал», как написал Довид Кнут. Ну и, конечно, здесь ошутима прелестная украининка, которая вплелась и в стихи Корнея Чуковского и Эдуарда Багрицкого, и в прозу Юрия Олеши и Валентина Катаева. А почему любимым киногероем советских зрителей был Марк Бернес? Да потому, что всё одесское – русское, еврейское, украинское – так гармонично и обаятельно сплелось в его образах. Именно эта многоцветность и спасена в стихах Ренаты Мухи.

Наталия Рапопорт дополняет: Рената была человеком небывалой скромности. Она трогательно изумлялась, когда её замечали. Спасибо Евгению Евтушенко – Рената при жизни успела увидеть свои стихи включёнными в Антологию Русской Поэзии двадцатого века и осознать себя составной частью великой русской литературы. Радости её не было предела.

Ведуций. Часто знакомство с Ренатой Мухой начиналось с телефонных разговоров....

Лиора Ганн (журналист).

Началось с телефонного разговора. Так получилось, что несколько бывших харьковчан, не сговариваясь, очень советовали мне побеседовать с их землячкой Ренатой Мухой. Я поняла, что имя это мне знакомо: ассоциируется с песнями Никитина. Впрочем, об этом потом. А пока я звоню Ренате - и буквально после первых фраз восклицаю:

– Я вас уже люблю!

Реакция моментальная:

– Любите – женитесь. Во всяком случае, давай на «ТЫ».

Мы сговариваемся, что Рената приедет из Беэр-Шевы ко мне в Раанану, прямо с автобусной остановки позвонит – я выйду навстречу. Жду звонка примерно к десяти утра, но раздаётся он только в половине двенадцатого.

– Рената, где ты? Я ужасно волнуюсь...

– Совершенно напрасно. Я полтора часа гуляю по Раанане. Дело в том, что утром меня неудачно постригли, и я ждала, пока волосы отрастут. Знаешь, отросли.

– Я выбегаю. Умоляю: стой на месте, никуда не девайся!

– "Как получится..."

*

Наталья Рапопорт:

А состоялось наше знакомство примерно так. Телефонный звонок:

– Наташа? С вами говорит Рената Муха. У меня для вас письмо от Толи Вишневого и подарок от Серёжи Никитина. Как мне их вам передать?

– Рената, где вы?

– Я в Прово, на фестивале чтецов, это недалеко от вас.

– Сорок пять миль. Я сейчас подъеду, объясните только, как вас найти.

– Нет, подъезжать не надо, меня сейчас к вам привезут, у меня есть ваш адрес.

– Чудесно!

– Но тогда мне придётся у вас переночевать.

– Нет проблем!

– Недели две.

– Нет проблем!

– То есть, как это нет проблем?! Проблемы у вас, конечно, будут, но только с обедом и ужином – за завтраком я ем сравнительно мало.

*

Майя Пешкова (журналист «Эхо Москвы»).

Вообще Рената писать не любила, она звонила по телефону, когда были Бесланские события, была книжная ярмарка, и так получилось, что Рената увидела мою зарёванную фотографию на обложке одной из израильских газет. И вдруг неожиданно, нежданно поздно вечером раздался в моей квартире телефонный звонок. Я не поняла даже, кто звонит. Она мне говорит: «Рената», я стала судорожно думать, я же знаю только одну Ренату Муху. И вот Рената мне говорит: «Майя, я тебя видела». И вот тут до меня дошло, как Рената узнала о том, что случилось тогда на ярмарке, вообще в мире.

Я познакомилась с Ренатой Мухой по телефону – то есть была лишена основной зрелищной компоненты: не видела ее жестикуляции. Ее рук, взлетающих и поправляющих на затылке невидимую кепку, очерчивающих в воздухе арбуз, то и дело отсылающих слушателей куда-то поверх их собственных голов, а иногда и пихающих (если понадобится по ходу рассказа) соседа локтем под ребро.

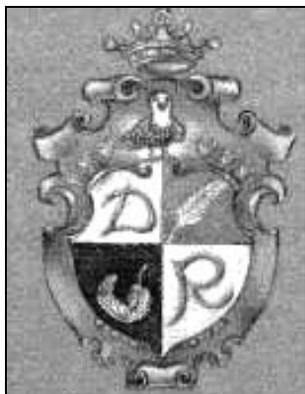

Дина Рубина (писатель)

У каждого уважающего себя рассказчика есть такой коронный номер, который срабатывает безотказно в аудитории любого возраста, национального состава и интеллектуального уровня. У Ренаты – рассказчицы бесподобной, профессиональной, дипломированной – есть номер об Иде Абрамовне. Такой себе монолог еврейской тети. Опять же, у каждого эстрадного номера есть эмоциональная вершина. Эмоциональная вершина в монологе Иды Абрамовны совпадает со звуковым, и даже сверхзвуковым пиком рассказа.

«...И он видит меня идти, и говорит: „Ах, Ида Абрамовна-а-а-а-а-а!!!!!“» Представьте себе самолет, разбегающийся на взлетной полосе, быстрее, сильнее, и – колеса отрываются от земли – взлет!!! Так голос Ренаты

работы над повестью «Высокая вода венецианцев» я знала, кому эта вещь должна быть посвящена. Сначала мне было немножко зябко, все-таки речь идет о женщине, которая знает свой смертельный диагноз и уезжает спрятаться от семьи, собраться с духом, уберечь семью хотя бы на 3-5 дней от этой весты. И я знала, что я это посвящу Ренате, но мне было очень страшно. И я позвонила и спросила: «Реночка, я хочу посвятить «Высокую воду венецианцев» вам. Вы не против?» Она сказала: Дина, да ну что вы? Я буду только рада. За что мне такое?» Ну, и целый каскад, конечно, совершенно очаровательного юмора, прекрасного, клоунадного, беспощадного к себе. И потом с этой книжкой они поехали в Венецию и привезли мне фотографию – они на площади Святого Марка, развернув мою книжку, сидят за столиком кафе, и тут же голуби... И Рената и Вадик совершенно счастливые. А на обороте фотографии она написала стихотворение, посвященное уже мне:

Дворцы и Дожи

Когда человечество было моложе,
Дворцы на каналах построили дожи.
Века пронеслись и их славу умножили.
Дворцы устояли,
а Дожи не дожили.

Ведущий. Ефим Хайтман посвятил Ренате песню «Муха-Цокотуха» по мотивам Корнея Чуковского.

*

Анна Эпштейн (журналист)

Я знаю о ней чуть больше, чем интернет: мы четыре месяца писали друг другу письма. В Москву приезжала редко, так что сама стала сказочным персонажем: какая она – почти никто из читателей толком не знал, пока Рената Григорьевна не приехала на сентябрьскую книжную ярмарку.

Ведущий. Описание одного из приездов в Москву (по материалам СМИ):

В Дом детской книги прилетели Муха и Левин

В Московском Доме детской книги 21 мая состоялось внеочередное заседание клуба детских писателей. Изменив своему обыкновению встречаться по средам, члены клуба собрались в понедельник, чтобы послушать поэта из Харькова Вадима Левина и поэтессу из Беэр-Шевы Ренату Муху.

Стихи Левина и Мухи широко известны детям и их родителям. По признанию самих поэтов, они сотрудничают и просто дружат уже добрых четыре десятка лет.

На заседании клуба Вадим Левин, в основном, читал стихи, а Рената Муха выступала в излюбленном ею жанре – "рассказывание историй" (к такому жанру можно отнести, например, рассказы Ираклия Андроникова). Оба выступления вызвали искренний восторг аудитории, состоящей из писателей, издателей, литературоведов, журналистов, и были удостоены бурных аплодисментов.

Анна Эпштейн продолжает:

Переписывались мы приблизительно так:

– Здравствуйте, Рената Григорьевна! В Москве сегодня пасмурно и +12. У меня на окне растёт мандариновое дерево, маленькое, но иногда плодоносит. За окном зеленая трава и изгиб Москвы-реки. По утрам я люблю пить кофе с молоком и без сахара, но обязательно с кусочком сыра. Напишите, пожалуйста, что вас окружает и что вы любите. Мне странно брать интервью по электронной почте, но, благодаря нашему вчерашнему телефонному разговору, я немного вас представляю.

– Доброе утро, Анечка! – говорит она мне в телефонную трубку через несколько дней. – У нас сегодня прохладно, +29. Тепло – это когда +35. У меня за балконом растет дерево, похожее на иву, но не такое плаксивое. И оно так близко к балкону, что мне иногда кажется, что я тоже живу на дереве. Причем интересно, что и птицы так считают. Иначе бы они не выводили птенцов в моих домашних тапочках.

Утром я просыпаюсь раньше дерева и выхожу на балкон, как на митинг. Разглядываю листья и ветки. Когда они волнуются, читаю им старые стихи. А когда ветки неподвижны – новую дразнилку:

*Ветер спит и в ус не дует,
Ни на что не претендует.*

Я люблю пить чай, но обязательно из самой большой чашки, чтобы на дольше хватило – потому что, пока человек пьет чай, он вроде как при деле. А какой сыр вы любите?

Тогда я звоню из редакции ей в Беэр-Шеву и спрашиваю:

– Почему вы всего этого не пишете мне по мэйлу?

– Потому что вы задаете правильные вопросы, но неправильно человеку – устному рассказчику.

...Помимо кошачьего, попугайного, дождевого и ветреного Рената Муха, напомним, переводит еще и с английского. Лет семь назад ей попалась сказка начинающего автора. И понравилась: там черному дракончику «ко дню вылупления из яйца» дарили плюшевого мишку (и он ведь дите!), а старый волшебник в память о подвигах юности носил шрам в виде точной схемы лондонской подземки. Что-то в этом было очень классово близкое...

У Ренаты Мухи возникла мечта-идея: эту сказку перевести. Она попросила давнюю подругу Дину Рубину поговорить с весьма серьезным на тот момент издателем. Издатель брюзгливо пожал плечами: стихи Мухи он не знал. И в незнакомой английской детской книжке «не видел бренда».

Теперь английскую сказку переводят на русский вшестером. Квадратно-гнездовым способом. На скорость. Хорошие детские писатели от этих «бригад быстрого реагирования на новый том «Гарри Поттера» (а это был именно он) откашиваются, как студент от стройбата.

Издатель, который семь лет назад отмел Муху с неизвестной ему сказкой, упустил свой шанс (говоря русским языком).

Марк Галесник (писатель, издатель, редактор).

Гениальный русский поэт, свои последние годы она провела в Беэр-Шеве – городе библейского праотца Авраама. Ее стихи в тысячах семей России и диаспоры читают сегодня детям, чтобы сохранить у них представление о настоящем русском языке.

Беэр-Шева. Дом в котором жила Рената с сентября 1996 г. до сентября 2008 г. (окна выходят во двор). Фото Ш. Лейбмана.

Кажется, что Рената Муха была в литературе всегда, просто литература об этом еще не знала. Первая авторская книга вышла, когда поэту *было* далеко за 60.

«Другие в этом возрасте уже избранное издают, а я только начинаю», – застенчиво улыбалась Рената. «Да потому что вы пишете сразу избранное», – заметила моя жена Елена, участвовавшая в разговоре. Мне

посчастливилось стать издателем ее первой книги.

В 1998 году мы проводили тогда всенародный конкурс четверостиший имени Губермана, разумеется, который и председательствовал в жюри, поэтому всевозможные вариации знаменитых гариков шли в редакцию потоком – юрики толики, сашики, яники. И вдруг пришло вот такое:

Толпа у причала
Спортсмена встречала
И долго качала
Но не откачала.

Потом выяснилось, что кто-то из друзей тайком от Ренаты послал на конкурс ее стихотворение. Ей самой такое в голову не пришло бы – человек необыкновенно скромный, до последних дней она считала свой абсолютный и беспрекословный успех каким-то удивительным происшествием.

Рената Муха умела находить такие слова, созвучия, интонации, которые передавали самые тонкие, едва уловимые состояния души.

Ее стихи уже в момент рождения начинали жить своей собственной жизнью, нимало не считаясь с тем, что о них думает автор. Они тут же вступали с читателем в какие-то собственные отношения, посмеивались над ним, вызывали на неожиданные реакции.

По Борнео и Ямайке
Ходит Слон
В трусах и майке.
Ходит в розовой панаме.

Прочитав это стихотворение известный детский, воспитанный в традициях соцреализма, укоризненно заметил: «Рената, но на Борнео и Ямайке не водятся слоны!». Присутствие трусов на слоне классик готов допустить.

Из комментариев на публикацию «Устные рассказы Ренаты Мухи»

Борис Тененбаум (историк).

Первый раз книжку Ренаты Мухи я увидел в руках у ребенка. У наших друзей невестка - израильтянка, но в семье говорили по-русски, так что и она говорила тоже, и вполне свободно. Вот ее дочка книжку эту и читала, и была в таком восторге, что и я попросил ее дать и мне посмотреть. И прочел всю книжку, не отрываясь, и подумал две вещи: 1) фамилию себе авторша придумала сама, чтобы быть поближе к своим текстам 2) написано это на грани гениальности. Я был неправ в обоих случаях. Ну, в первом это неважно, а во втором - важно. Не на грани гениальности, а уже за ней.

Ведущий: Улыбнемся... Ниже дружеский шарж из книги В. Романова

*

Дина Крупская (переводчик и поэт, *литературный редактор*).

Познакомилась я с Ренатой Мухой давно, когда собирала материалы для журнала «Кукумбер», который делаю десять лет. Встретились в Москве, она на меня поглядела и дала разрешение публиковать ее стихи.

Недавно прочитала все, что собрано под одной обложкой сборника «Устные рассказы», конечно, многое для меня знакомо, и нескольким рассказам я была живым свидетелем, но было это – всего один вечер.

В октябре 2005 г. поехали мы с мамой в Израиль – позвонили ей, она пригласила в гости. Она с полотенцем на голове в постели. Попросив пять минут, поднялась – и отчебучивала весь вечер невероятно смешные номера. Кормила она нас чем-то невозможно вкусным, котлетами, что ли, и шутила, мол, ешьте третью, и четвертую, кто же тут считает.

Рената была уже очень худая, слабая. Но фонтанировала и искрилась. Мы так хохотали, что охрипли. Я убедилась, что все ее устные рассказы – правда, и каждое слово – правда. Герой, бесстрашно высмеивающий свои человеческие страхи и слабости. Несравненный по таланту скоморох, для которого посмеяться над собой, веселя других – цель жизни. Учитель – не только языка. Для меня Рената – учитель жизнелюбия, стойкости духа, и главное, учитель

того, что человек – существо безумно смешное, и самое смешное в нем то, что он воспринимает себя всерьез.

Нет, слишком простые и бледные для Ренаты слова, красок обычного языка не хватает, чтобы ее описать. Буднично – о чуде! Все как-то просто, даже интересно не расскажешь. Я ее почти не знала, к сожалению. Но очень люблю.

Только к ночи ближе обмолвилась, что у нее страшно болит голова, так что она пойдет, пожалуй, спать. Ночевать нас уложили на большой кровати с огромным лосем посередине, который вместо меча должен был разделить наше ложе. В квартире у нее целое собрание лосей: надарили почитатели творчества.

Ведущий. В программе «Писатели о себе», отвечая на вопросы, Дина Крупская сказала, что училась бы у Ренаты Мухи **жизнелюбию и силе духа**, а для дружеской беседы под зелёной лампой пригласила бы **Непревзойдённую рассказчицу Ренату Муху!**

*

Вероника Долина (поэт, бард)

Были такие годы, самое начало 80-х, и было такое место ЦДРИ, центральный дом работников искусств. В 80-м году умер Высоцкий, где-то в конце 80-го, в 81-м почти подпольно, но очень задорно и весело мы стали делать вечера его памяти в ЦДРИ с тамошними сотрудниками, ясное дело. Партизанщина в этом была, всё это было

довольно запретно. Публики была масса, на наши билетники люди там охотились по всему Кузнецкому мосту, и там детские вечера тоже делались.

И там мы познакомились с Ренатой и Вадимом Левиным. Они с детьми проводили вечера, может и утренники, а никакие не вечера, что там вечера, зачем. Приводили деток, вот эти неслыханные рифмы на английский лад детям чуть-чуть рассказывали, чуть-чуть вдалбливали, чуть интерактива с детьми проводили, как это теперь называется, ты им строчку, они тебе вторую, было очень здорово. Очень раскрепощённый стиль для того начала 80-х годов, ведь вообще это всё было невиданно и неслыханно. Рената блистала, как кусок хрустала, собственно, она всегда так блистала. Рената хрусталь абсолютный со своим английским безукоризненным, со своей методикой английского, с тем, что она не на швейной штопальной фабрике в довольно скромном городе, но в университете Беэршевском на английской кафедре сделала сразу полным молодцом и достаточно давно, когда ещё многие наши люди с расчудесным образованием и воспитанием искали место в жизни, а Рената Муха его уже нашла в Израиле, и была полнейшим молодцом. Это был кусок света в нашей жизни, и вот и его не стало. Тут со многими так. Будем жить без них, видимо, но хотя бы с их книжками. Мой ребёнок в прошлом году, такой взрослый театральный ребёнок (Олег Долин. В.С.) вышел на сценку своего театра, школы современной пьесы, на вечере стихов и говорит:

*Как-то раз в одной стране
Все решили больше не.*

Это тоже такое недлинное стихотворение Ренаты Мухи. Бедный зал замер. Ну, ничего, отмер же потом, мы же всегда чуть-чуть замираем, а потом надолго отмираем.

*

Татьяна и Сергей Никитины

Сколько ей было лет? Оказывается, мы и не думали об этом, хотя поздравляли ее 31 января много лет подряд. Она была для нас вне возраста, это было просто явление

жизни, с которым нам посчастливилось столкнуться и даже сильно сблизиться. Но бывают же в жизни у каждого удачи, вот она и выпала нам тоже!

Поэт, кандидат филологических наук, педагог – автор многих книг, первая красавица Харькова в давние года, прелесть и умница, веселая, неунывающая Реночка Муха. Она по праву была звездой города в те времена, когда Харьков был духовной и интеллектуальной столицей Украины. Многочисленные таланты Ренаты трудно перечислить. Но они не помешали ей сохранять женственность, обаяние и изысканную простоту всю ее жизнь. Гордое имя Рената и смешная короткая фамилия Муха, как ни странно, ей очень пригодились, хотя в детстве она страдала от такого несоответствия. Кроме одаренности, глубокого понимания поэзии, литературы, блестящего знания английского языка Рената была совершенно уникальным человеком. Ее юмор преображал трагическую повседневность, не позволял погрузиться в тоску. Звонкий голос, веселая изобретательность, неожиданный юмор и мягкая самоирония! Она любовно и пристрастно разбирала наши песни. От того, что Реночка была необыкновенно эмоциональным и глубоко образованным человеком, ее оценки песен и стихов были очень важными и нужными. Не так много людей на свете, чье мнение может влиять на творчество. Но Рената обладала даром такого сострадания и

сопереживания, что она проживала каждый концерт вместе с нами от первой до последней песни. Мы каждый раз ждали встречи с ней, чтобы показать что-то новое. Дорого то, что все песни на стихи Мухи, которые мы пели, ей очень нравились.

Человеческая мощь Мухи настолько огромна, что ее хватило бы на десятерых. Остается устыдиться собственной слабости, суетности и постараться научиться у Реночки жить по-настоящему, а не вчерне.

Татьяна Никитина

Кажется лишь вчера мы сидели на их кухне в замечательной новой квартире в Беэр-Шеве, наполненной светом и воздухом, только вчера звенел ее звонкий голос, а Вадик тихо и ласково глядел на нее. О грустном не говорили, но когда остались вдвоем она вдруг сказала – *Я должна была умереть много лет назад. Не умерла. А теперь просто обязана жить ради моих близких. Я не могу их оставить одних на свете.*

Реплика Наталии Рапопорт:

Кстати, о трагических моментах: Рената и семья лечились в Москве. Когда распался Советский Союз и отношения с Украиной осложнились, возникли большие сложности с продолжением лечения – пациентов с Украины перестали принимать. Для Ренаты и её семьи было жизненно важно продолжать лечиться у знакомых с ними опытных московских врачей, но это было под явной угрозой. Рената рассказывала мне, что помог Никитин, давший благотворительный концерт, и её с семьёй взяли обратно в пациенты. Это дорогого стоит...

Вадим Левин (поэт, научный руководитель методического центра Ассоциации русских молодёжных

культурно-образовательных объединений в странах Европы "Eurolog").

Ведущий:

Прежде всего, о том, как они познакомились. Есть две точки зрения.

Версия Р. Мухи:

И вот однажды я пришла на работу и мне сказали: «А к тебе приходил поэт». У меня проснулось жуткое чувство юмора, и я механически спросила: «Пушкин или Лермонтов». А мне сказали: «Хуже, Вадим Левин». Тут я испугалась: «А что хотел Вадим Левин». Они сказали: «Ему очень понравились строчки про калоши, и он хочет познакомиться с автором».

Версия В. Левина:

В первой половине 60-х в Харькове поэзией увлекались, кажется, все. Я руководил детской городской литературной студией, писал для детей, печатался в местных газетах и московских журналах и искал новых «детских» авторов. Однажды кто-то принёс мне забавные стихи об Осе, которые бродили по городу:

*Бывают в мире чудеса –
Ужа ужалила Оса.*

и т.д.

Вскоре выяснилось, что автор стихов об Осе носит фамилию Муха Рената Григорьевна и работает в университете на кафедре английской филологии

преподавателем. С третьей или четвертой попытки я застал Р.Г. на кафедре и попросил почитать другие стихи. И тут эта молодая симпатичная интеллигентная женщина повела себя странно: она наотрез отказалась читать что-либо своё. Отказалась под предлогом, будто кроме “Осы” ничего не написала. «Боится, что опубликую её стихи под своим именем», – решил я и собрался уходить. Я попрощался. И вдруг вдогонку мне Рената произнесла:

– Ну, вот есть ещё две строчки, но они с ошибкой:

Стояли в одном коридоре галоши –
правый дырявый, а левый хороший.

...Итак, нас познакомили стихи и калоши. Познакомили, а потом и подружили. И навсегда переплели наши судьбы – да так, что даже тень чёрной кошки не смела пробежать между нами. И ни разу не пробежала. И никогда не пробежит...

*В моей судьбе она за каждой датой –
Мой, верный друг соавтор мой крылатый,
Сам не пойму, да как же я когда-то
Жил без "Калош", подаренных Ренатой!"*

Наталья Рапопорт (реплика):

Рената рассказывала мне о Вадиме Левине и её первых опытах в детской поэзии, которые он с такой нежностью, теплотой, и осторожностью взращивал, как какую-нибудь орхидею, готовую каждую секунду увянуть. И как она гордилась и смущалась, когда впервые на опубликованных стихах увидела две фамилии: Вадим Левин, Рената Муха.

Ведущий. В дискуссию о калошах включался читатель воспоминаний В. Левина:

meskhi wrote: Feb. 6th, 2004 12:01 am (UTC) спасибо за замечательную Муху:)

*когда-то, покинув родные пенаты,
оставила дома калоши Рената.
правый дырявый, а левый хороший,
дорог ей левый, но правый дороже.
ведь не напрасно сердечная боль*

*прекрасно рифмуется с словом "мозоль".
где же сейчас ты Рената живёшь?
как ты гуляешь, совсем без калош?*

В. Левин продолжает:

Все последние годы, когда мы жили в разных странах, в этот день я посылал Рене email'ом и читал по телефону стихотворные поздравления и пожелания. Сегодня вспоминаю замечательные часы, когда мы сочиняли вместе и вместе радовались, если стихи и переводы удавались. Вспоминаю, как бывали друг у друга на открытых уроках, работали вместе на сборах педагогической «Эврики» (помните, эвриканцы?), выступали вместе в разных городах и странах.

Наши стихи соседствовали во многих книгах. Рядом они и в этих двух, которые оказались последними прижизненными изданиями моего друга и соавтора:

В.Живов. Уики-Вэки-Воки (сборник детских песен на стихи Ренаты Мухи и Вадима Левина. 2008). и «Между нами» 2009.

На Книжном фестивале детишки, пели песенки Владимира Леонидовича Живова на стихи Рены, мои и наши с Реной. Вл.Л. подарил Ренате (послал по почте) диск с записью очень приятного концерта, где московские детские хоры поют песни на наши стихи. И книга с песнями и В.Л.Ж., и концерт очень порадовали Рену. Она сказала мне это по телефону.

Однажды Рена произнесла фразу – размеренно, таинственно и уютно, своим неповторимым голосом – в самом начале нашей дружбы и даже немного раньше, когда мы только познакомились, и нам ещё предстояло подружиться.

«Это было давным-давно и даже немного раньше...»

Ведущий.

Рената с присущей ей скромностью этот эпизод рассказывала так:

Я сейчас вспомнила, как когда-то с моим постоянным соавтором детских стихов Вадимом Левиным мы решили перевести на русский сказку Киплинга "Краб,

который играл с морем". Улучшив и отшлифовав Киплинга, **мы** придумали такую фразу: "**Это было давным-давно, и даже – немного раньше...**".

В. Левин продолжает:

Этот сказочный зачин окончательно и навсегда открыл мне Ренату, потому что был он – как сама Рена, как лучшие её стихи-миниатюры и устные рассказы ("storytelling") – завершённым произведением, с внезапными и весёлыми поворотами и естественной, безукоризненно точной и уникальной интонацией. Такого абсолютного поэтического слуха и совершенного чувства стиля в сочетании с жизнелюбием и самоиронией я не встречал больше ни у кого.

Мы переводили Киплинга (а потом и сочиняли стихи) и в кабинете у Рены, и на её кухне, и в московских кафе, когда оказывались в столице одновременно, и даже в вагоне поезда. Но праздником это было не метафорически: каждого радовали находки соавтора. Как только мы встречались, у кого-нибудь из нас возникали ритмические строчки, другой подхватывал, и мы начинали сочинять. К обоюдному удовольствию мы открыли для себя, что и стихи нам хорошо сочинять вместе.

Ведущий. Официально (по публикациям), совместно с В. Левиным написано 12 стихотворений. Кроме того, одно стихотворение и сказка подписаны тремя авторами – «Про Белую лошадь и про Черную лошадь» с Н. Воронель и сказка с Поли Камерон). Соавторами Ренаты также были кинодокументалист Самарий Зеликин («Воспитание трудом») и ректор Института образовательной политики "Эврика" Александр Адамский («Собаку обидели»).

Одно стихотворение подписано четырьмя авторами (А. Вишневым, В. Левин и В. Рублинецкий). Из личного письма Вадима Ткаченко:

Пользуясь случаем, посылаю Вам полный текст "Печальной истории про одного Пингвина, который в санатории переболел ангиной". Впервые она была напечатана в альманахе "Ветер с Юга", который вышел в 2010 году в Беэр-Шеве под редакцией Аркадия Когана. Не

забудьте, пожалуйста, упомянуть всех трёх соавторов – Реночка была очень щепетильна в таких делах.

Замечу, что это стихотворение опубликовано и в сети, причем с замечанием В.Левина, который конкретизирует свой вклад, ему принадлежат в рефрене две строки:

И стоит он один среди льдин.

У него тридцать семь и один.

*

В. Левин продолжает:

Нашему сотрудничеству не мешали ни полёты Мухи по Англиям и Америкам, ни её отъезд в Израиль. В это время мы чаще перезванивались, чем встречались. И обычно после каждой встречи или телефонного разговора появлялись новые стихи – и у Рены, и у меня, и у нас вместе. Правда, иногда Рената надолго исчезала и месяцами не отвечала на письма. Даже когда я укорял её зарифмовано:

Опять я страдаю, опять мне непруха,

Опять я не знаю, где носится Муха.

Заели издатели: “Дайте нам Муху!!!”

Но только от Мухи ни слуху, ни духу.

Возникни, явись, пожужжи мне над ухом

с Твоим замечательным Вадиком Мухом!

У меня с ней связь как у шпиона с резидентом: когда ей нужно, она меня находит, но на мои письма не отвечает. А выловить ее по телефону почти невозможно. Когда-то я послал ей письмо в стихах:

Дни за днями летят, проплывают года.

Вы не пишете мне

Ничего

Никогда.

Нет ни строчки от Вас, нет ни слова, ни вдоха.

Мне без Вашего голоса грустно и плохо.

А услышал бы Вас, я бы крикнул: «Спасибо!!!!!»

Но чего от Вас ждать:

Вы не Муха,

А Рыба.

К написанным текстам Реночка обычно возвращалась неохотно, зато увлечённо редактировала Жизнь в своих блестящих “storytelling”. Можно сказать, что у нас с Мухой было разделение редакторских функций: я правил наши стихи и сказки, а Рена – саму жизнь. Актриса не только на сцене, но и в педагогической аудитории, и в дружеской компании, и даже в общении с незнакомыми людьми, она всех: и себя, и мужа (“Папу Вадика”), и друзей, и знакомых, и незнакомых, – превращала в персонажей своих неповторимых полуфантастических былей. Я тоже бывал персонажем её историй и, в конце концов, написал ей:

*Мы вместе провели
не много дней,
но ты, – назло коварной географии, –
соавтор биографии моей
и автор нашей автобиографии.*

Однажды меня спросили: – Какое книжное детище стало для вас самым родным-любимым-значимым?

Мой ответ: Я благодарен своим первым стихам для детей за то, что они познакомили меня с замечательным детским поэтом Владимиром Орловым (его, к сожалению, уже нет в живых) и **Ренатой Мухой**, в которой я угадал яркую поэтессу, хотя тогда она была автором всего трех стихотворений. Володя и Рена стали моими близкими и навсегда друзьями.

В последний год жизни Реночки мы переговаривались довольно часто. Московское издательство “Октопус” предложило Ренате Мухе подготовить большой сборник её стихов. Рукопись книги “Между нами” нужно было сдать в считанные месяцы. Рена позвонила мне и сказала, что сама за эту работу не возьмётся. Тем более, что Вадим Ткаченко, муж и верный друг Ренаты, вообще против того, чтобы Реночка сейчас чем-либо себя нагружала. Я пообещал ему, что основную нагрузку при подготовке книги возьму на себя, а соавтору оставлю только то, что будет ей не в тягость. Вадим согласился, и мы с Ренатой взялись за работу. Каждый новый вариант рукописи я посылал Вадиму электронной почтой, он распечатывал, Рената читала и

соглашалась или отвергала мои предложения. Она помогала мне писать педагогическую часть нашей книги: переводила с английского материалы о детском чтении и присылала мне рефераты переводов. Эта работа, как говорила мне Реночка, поддерживала её. На звонки всегда отвечал Вадим. Я спрашивал, как Рена. Он был лаконичен. Когда Рената была в состоянии разговаривать, Вадим отдавал ей трубку. Часто Реночка начинала разговор с трудом, но остроумна была всегда, а к концу разговора её голос обычно становился бодрее. Очень хочется верить, что наша работа и последние книги и песни продлили её жизнь.

Я приехал в Израиль в ноябре 2009 г. Предполагалось, что мы встретимся с Ренатой и поработаем над новыми книгами...

*Наше содружество свято,
нет безусловней оплота,
верный соавтор – Рената,
Муха большого полёта.*

Вадим Ткаченко (профессор математики)

Во время своего первого визита в Париж после избрания президентом США Джон Кеннеди представился участникам одного из банкетов в его честь словами: “Я – муж Джеки”. Моя профессия чистая математика, и точно так же, как математики используют формулы, носящие имена Пифагора, Эйлера, Фурье и других знаменитых людей, я вполне законно могу, следуя “формуле Кеннеди”, представиться: “Я – муж Ренаты Мухи”.

В действительности она стала известной и быстро, и широко. Это произошло, конечно, благодаря её стихам, её блестящему умению преподавать, рассказывать, шутить, импровизировать.

Будучи автором Ужаленного Ужа и ещё непочиненных Калош, Реночка оказалась в редакции 16-й страницы “Литературной газеты” с готовым стихотворением «Одинокая свинка»:

Реплики журналистов радио «Эхо Москвы»:

Ксения Ларина: А вот у неё тема почёсывания о всякие предметы красной нитью проходит через всё творчество (корова, свинка).

Майя Пешкова: Не случайно проходит, потому что Рената Муха свою диссертацию писала в главной библиотеке страны, в библиотеке Ленина. У неё в профессорском зале страшно зачесалась спина. И вот она сочинила в тот день «Разрешите о ваш почесаться забор» именно сидя в библиотеке.

Вадим Ткаченко продолжает:

Выслушав и одоблив Свинку, оба присутствовавших сотрудника редакции спросили, нет ли у неё ещё чего-нибудь. Ответив утвердительно, Реночка прочитала:

*Раз у Льва – царя зверей
Появился зять-еврей.
Плохо дело у царя,
Откровенно говоря.*

Оба юмориста опять одобрили произведение, но принять его отказались со словами: «Не наш профиль». Рассказывая эту историю, Реночка всегда добавляла: «Профиль как раз был их. Наверное, потому и не взяли».

В ней никогда не было зависти к успехам других, мелочных расчётов. В отношениях с окружающими, будь то люди, животные или предметы, она прежде всего была доброжелательна, стараясь понять, что она сама чувствовала бы, находясь на чужом месте.

У Реночки было совершенно необыкновенное, чтобы не сказать патологическое, чувство справедливости. От неё я узнал, что во время судебного процесса над Даниэлем и Синявским некоторые её друзья, весьма авторитетные представители точных наук, с помощью хитроумных построений, сопоставлений и умозаключений “вычислили” осведомителя, который выдал обоим гэбистам. Они решительно потребовали от Реночки, возвращавшейся из Москвы в Харьков, немедленно по приезде домой обнаружить и заклеить имя доносчика. Аргументы обвинителей Реночке так же решительно показались неубедительными, давлению авторитетов она не поддавалась и оказалась абсолютно права. Реночка была истинно добрым, душевным человеком, но не добреньким и всепрощающим. С очень немногочисленными знакомыми, которые незаслуженно и серьёзно обидели её или её друзей, она умела расставаться навсегда, а случайным обидчикам умела давать отпор на месте.

Ведуций. Отношение Ренаты Мухи к Вадиму Ткаченко ярко выражено в посвящениях.

Первое первой книги: **Посвящается мужу Вадиму**

Последнее – последней книги: **Соавторам моей жизни – моим детям, моему мужу, моим друзьям.**

В будущей книге о Ренате Вадим Ткаченко по своей исключительной скромности вряд ли приведет слова друзей и близких о **его роли в жизни Ренаты.**

Слуцкая Изабелла.

В рассказах Рены почти всегда были ссылки на Вадика, ее мужа, При этом Вадик непременно находился где-то рядом. То, как Вадик говорил о Реночке,

подтверждает его слова: «Мы дышали одним воздухом – ее творчества». Видимо, он наделен талантом любить, дарить любовь, сделать Женщину счастливой. Это редкий Божий дар, как и любой другой. Он берег ее и продлил годы жизни.

Татьяна и Сергей Никитины. Спасибо мужу Ренаты Вадиму Ткаченко, который буквально спасал написанное, заставлял ее публиковать то, что ей казалось несовершенным, а потом отмечалось маститыми поэтами.

Ведущий. После ухода Ренаты Мухи десятки сайтов сообщили эту печальную весть. Вечера памяти состоялись во многих городах мира: Украине (Харьков), США (Бостон, New Palo), Германии (Мюнхен, Франкфурте, Марбурге), России (Москва), Израиле (Хайфа, Иерусалим).

Владимир Зайдельсон

Снегопад

Посвящается моей жене Аиде

действующие лица:

Ольга

Игорь - её сын

Евгений

Николай Павлович

Лиза - его внучка

Пассажиры

Небольшой отсек международного аэропорта... Где-то в Европе... Две, три скамейки, стоящие в некотором отдалении друг от друга. Перед нами сплошное стеклянное окно. За окном огромными хлопьями валит снег. На одной из скамеек, спиной к нам, сидит мужчина. Он, то ли дремлет, то ли занят своим портативным компьютером.

Голос диктора: Внимание пассажиров, ожидающих самолетов в Москву, Санкт-Петербург и другие места назначения в России. Передаем специальное объявление на русском языке. Ваши рейсы откладываются из-за неблагоприятной метеорологической обстановки по всем этим маршрутам. На всей территории России сильный снегопад. Ждите следующих объявлений. Относительно остальных маршрутов могут быть тоже изменения из-за погодных условий. Заранее просим извинения.

Человек, сидящий на скамейке, встает. Подходит к окну. Смотрит на хлопья снега, летящие как будто на него. Потом снова садится на свою скамейку. Снова спиной к нам. Входит молодой человек. Красивый. Со вкусом и небрежно одетый. Оглядывается. Оценивает обстановку. Достает мобильный телефон. Набирает номер.

Игорь: Мать! Ты слышала, что сейчас пробормотали по их радио? *(Передразнивает)*. На всей территории России сильный снегопад. Мы серьезно здесь подвисли! Ты еще не врубилась, что ли? Слушай! Никто не знает, сколько это продлится. Я тут нашел неплохое ожидало. Тихий такой закуток. Вали сюда. Да не хамлю я тебе. Просто, ты не в теме. И поторопись. А то займут, блин, клёвое местечко. Да нет тут никого... Один лох, какой-то упертый сидит. Да он спит, по-моему. Ты сейчас где? Ага... Понял. Иди до бара, поверни направо и прямо до упора, и наткнешься на меня.

(Молодой человек кладет свой рюкзак на сиденье, сам садится на соседнее кресло. Встает, ходит туда и сюда, снова садится. Входит Ольга, женщина лет 40. Красивая. Хорошо одетая. Моложавая.)

Ольга: Игорь!..

Игорь: Ну, наконец-то! Могла бы и поторопиться. Я тут маячу, чтоб никто не набежал...

Ольга: Игорь! Сколько раз я тебя просила, чтобы ты разговаривал со мной нормально. И ведь ты можешь. Когда бабуля была жива, как ты красиво с ней разговаривал! С ней ты не посмел бы так хамить — «не врубаешься, не в теме»...

Игорь: Да не хамлю я тебе, мам. Просто я разговариваю как все. Ты просто туго догоняешь. Реально, клёвое местечко, правда? Располагайся. Пока народ не набежал и нас не оттеснил.

Ольга: И еще... *(оглядывается на человека, сидящего на скамейке)* А вдруг он по-русски понимает? А ты его лохом упертым?..

Игорь: Да не тормози ты, мама. Ты же за границей, не дома. У тебя, как у всех наших, другого языка нет? Весь мир по-русски говорит? Ну хорошо... Ты устраивайся... Давай раскидаем вещички посвободнее. *(Устраиваются)*. А я прошвырнусь, посмотрю - где, что, как... Прикину на сколько зависли... Я буду... Если что - звони.

(Игорь уходит. Ольга походит к окну. Смотрит на снег... Евгений встает со своего места, тоже подходит к окну. Также смотрит на пелену снега, застилающую всё.)

Голос диктора *(на нескольких языках, в том числе, по-русски):* Уважаемые пассажиры! Из- за сложных

погодных условий наш аэропорт временно закрыт. Все рейсы откладываются на неопределенное время. Ждите дополнительных объявлений.

(Во время объявлений диктора Ольга и Евгений поворачиваются, сталкиваются лицом к лицу, долго всматриваются друг в друга).

Евгений: Ольга! Не могу поверить...

Ольга: Евгений!

Евгений: Почему Евгений? Ты никогда не обращалась так ко мне в ту, единственную нашу ночь...

Ольга: Не продолжай!

Евгений: Я был уверен, что мы еще встретимся...

Ольга: А я надеялась, что не увижу тебя никогда.

Евгений *(с обидой):* Вот так? Надеялась? Мне уйти? Удалиться? Сгинуть? *(Идет к своей скамейке, собирает свои вещи).*

Ольга: Можешь оставаться. Это место не моя собственность. А что ты ждал? Это наша единственная встреча, о которой ты так светло вспоминаешь, исковеркала мне многое в жизни...

Евгений: Но ведь не только я сошел с ума. Тебя ведь тоже потянуло ко мне...

Ольга: Да, но я- то была наивная, ничего не понимающая дура. И поверила, что ты - единственный ... А ты, как сказал бы мой сын, оказался козлом. И, оглядываясь назад, мог бы и воздержаться. Ведь опыта было не занимать, а? Тем более, как я узнала очень скоро... Мне с удовольствием позаботились сообщить, буквально на следующий день... Что ты благополучно удалился за бугор.

Евгений: Не мог я воздержаться. Ты это прекрасно знаешь. Мы с тобой вместе потеряли голову тогда... И когда я понял ,что ты наивна и неопытна... Было уже поздно... И было так прекрасно... Что я все забыл: что мне надо уезжать, что уже все оформлено, что меня ждет мать, что вещи уже упакованы. В самолете я был в бессознательном состоянии, поглощен нашей ночью. А наутро все закрутилось, завертелось. Чужая страна, чужие люди, чужой язык, беспомощная, растерянная мать... А потом я начал искать тебя... Пойми, я ведь ничего не знал о тебе... Только

имя. Твой телефон, который ты дала мне, не отвечал. Познакомил нас Павел когда-то. За месяц до нашей встречи, кажется. Его телефон я узнал. И с ним-то у нас были далеко не приятельские отношения. Он мне сказал, что понятия не имеет, где ты.

Ольга: Так он тебе сказал?..

Евгений: Да, так он мне сказал. А потом, сколько бы я не звонил - он не отвечал тоже. А с тобой в тот день мы встретились на набережной... Ходили ... Ну а потом... Ну и не понял я сразу, что все это для меня значит...

Ольга: А что все это для тебя значило? Впрочем, какое сейчас это имеет значение? Ведь прошло столько лет...

Евгений: Да, прошло столько лет. *(Подсаживается к ней, берет ее за руку).* Слушай, Ольга, давай прекратим высекать искры. Уж если нам суждено было, вот так, наткнуться друг на друга и снег нас свел, может, посидим, как люди, поговорим? Мне так о многом хочется тебя спросить.

Ольга *(убирает руку):* Только ты, пожалуйста, отсыдь от меня. А то сейчас вернется сын и мне будет трудно объяснить, почему какой-то упертый лох, который, даже, по-русски не понимает, нежно держит его маму за ручку.

Евгений *(отодвигается. Смеется):* Кстати, о сыне. Мне очень понравились его сочные выражения. Просто заслушался. По-моему, очень на тебя похож. Сколько ему? Кто его отец? То есть, твой муж? Его зовут Игорь, кажется? Не мужа, а сына. А мужа как? А Игорь твой, учится? Или уже работает. И что ты делала все эти годы? И когда ты вышла замуж?..

Ольга: Сколько вопросов?! И сразу на все ответить? Под пытками?

Евгений: И с воздействием физических методов. *(Смеется).*

Ольга *(сердито):* Да кто ты такой, чтобы я тебе всю свою жизнь выкладывала? Может быть, начнем с тебя?

Евгений: С меня? ... Можно начать с меня... *(Задумчиво).* Но для начала, я должен рассказать, как я

пережил первое время после того, как мы расстались тем утром. Помнишь?

Ольга: Не надо...

Евгений: Или, как я тебя искал?..

Ольга: Нет. Как ты живешь? Было тяжело первое время?

Евгений: Как говорят на моей новой родине, как я сожрал это дерьмо - эмиграцию? Правда, в Израиле, это называется восхождение.

Ольга: А мне все говорили, что ты хорошо устроился.

Евгений: Интересовалась, все-таки. Интересовалась и скрывалась.

Ольга: Скрылся ты. Мы уже это выяснили, и хватит об этом.

Евгений: Да-да. У нас ведь вечер воспоминаний. Так вот...Эмиграция напоминает состояние космонавта, когда он отрывается от земли и летит ...к черту... в неизведанное, хотя казалось бы известное. И если у космонавта есть надежда, что он вернется на твердую землю, да еще с почестями...

Ольга: Но возвращаются ведь...

Евгений: Да, некоторые возвращаются. Но почести их не ждут. А привыкать снова к здешним порядкам еще сложнее, чем отрываться от них. Знаешь, я заметил странную вещь. В эмиграции везде, и не только в Израиле, а я поколесил по миру, все тоскуют по России. Особенно, первое время. Но, как бы ни было тяжело, возвращаться не торопятся. А, казалось бы, чего проще?... Сел на самолет и вернулся... Но я не об этом. Я о том, как двадцать лет тому назад я приземлился в стране, о которой много знал, куда стремился и, как выяснилось, ничего не понимал. И тут начался процесс, когда надо было привыкать жить другой жизнью, разговаривать на другом языке, шутить другими словами, общаться с другими людьми... Сдирать с себя прежнюю шкуру и наращивать новую. И тут есть два пути. Первый - плюнуть на все. Общаться только со своими, ни к чему не приспособливаться. Жить по течению.

Ольга: Ну, ты по этому пути не пошел?

Евгений: Нет. Хотя... Пришлось идти на компромиссы. Я, вообще, химик, специалист по мембранам. Но в этой области работу не нашел. Сменил несколько фирм. И сейчас работаю в фирме, которая выпускает пластмассовую мебель. Ну не только мебель... Работаю, как у вас бы сказали, главным технологом. Изобретаю, контролирую составы, добавки, температуру, цвет - всё. Работа интересная, но не мое. В фирме 16 заводов в Турции, Германии, Америке. Ругаюсь с хозяином. Он мне платит меньше, чем если бы я родился по соседству с ним. Хотя относится неплохо.

Ольга: А если честно, по стране, по городу скучаешь?

Евгений: Зачем спрашиваешь?

Ольга: Сама не знаю. Наверное, что-то хочу понять.

Евгений: Но больно уже сделала. Скучаю. По своему двору на Васильевском... По дождю, стучащему по брусчатке, по французской булке, которую дожевывал, выбегая из подворотни, когда опаздывал в институт. Уже несколько раз бывал, после того, как уехал.

Ольга: И не жалеешь? Что-то не так решил? Не туда повернул?.. Я не о нас, а вообще...

Евгений: Бывает такое чувство, но только дома, после того как возвращаюсь - а может я что-то упустил, может свое бы дело открыл, миллион бы заработал. Некоторые из моих ребят очень даже преуспели. Может, кучу статей про мембраны опубликовал. А когда у вас - не мог бы уже дышать. Все время снится, что перед отлетом в аэропорту задерживают и отводят куда-то. Вот в таком раздразе и существую. Хотя, грех жаловаться. Вот, например, сейчас я выдумал делать гробы из пластмассы. Экономит древесину, экологично и довольно простой процесс. Ирония судьбы - немцы купили у нас у израильян процесс изготовления гробов с восторгом. Сейчас вот еду домой недели на две. А потом, в Москву, демонстрировать вашим.

Ольга (осторожно): А дети?

Евгений: Я живу с мамой. Вот она приспособилась прекрасно. Сидит на лавочке около дома. Болтает с

соседями. Как на Васильевском. А у меня женщины... (Зло).
И не думай, что я не женился из-за нашей ночи...

Ольга (*берет его за руку*): Ну не надо...

Евгений: Я тут недавно читал биографию Руссо и наткнулся у него, вдруг, на такую фразу: «Я наказан естественными последствиями своего поступка». Это про меня...

Ольга: Наказан... Ты так чувствуешь?

(*Сидят, держатся за руки, смотрят друг на друга.*
Входит Игорь).

Игорь: Мать! Почему этот чел сидит рядом с тобой и гладит твои руки.

Ольга (*встает*): Познакомься с упертым лохом и моим старинным другом, Евгением.

Игорь: Извиняюсь. Реально ошибка произошла. Определил навскидку. Ваша поза подвела.

Евгений: А чем моя поза не понравилась?

Игорь: Так наши не сидят. Наши сидят, сгорбившись. И ноги далеко не вытягивают.

Евгений: Наблюдательный юноша.

Ольга: Так он же в Мухинском училище такие надежды подавал и вдруг взбрыкнулся и бросил.

Игорь: Да чмо там все... А вы, между прочим, наш, но у нас не живете. Давно?

Евгений: Да лет 20 уже.

Игорь: И где, позвольте спросить.

Ольга: Игорь! Это некрасиво - сразу приставать с такими вопросами к незнакомому человеку.

Игорь: Так ведь это твой знакомый и, даже, старинный друг. Да и что я такого спросил?

Евгений: А живу я в Израиле, но часто езжу и побывал уже во многих странах. Можешь звать меня просто Женей и спрашивать всё, что хочешь.

Ольга: Ещё чего не хватало...

Игорь: Женя! Вместе с позой много времени у вас взяло выдавить из себя все остальное?

Евгений (*задумчиво*): Всё выдавить никому и никогда не удастся. Хорошо хоть научился ноги вытягивать. Да и то, это только ты заметил. А я сам не замечал.

Игорь: А язык? А общение?

Евгений: Общение... Языка хватает. Но каждый раз оказывается, что ты владеешь каким-то определенным языковым пластом и надо опять взбираться на следующую вершину. А общение. Настоящих друзей среди местных я так и не завел. И общаюсь только со своими. А с ними мне языковой барьер преодолевать не надо.

Игорь: Но все таки, Женя, вы в своей стране. Это же не эмиграция?

Евгений: Да, это возвращение, или, как любят, выражаться - восхождение. Но все процессы похожи. Для многих, как будто, ты взбираешься на вершину, не будучи альпинистом. Тебя к этому не готовили. А можно мне тебя спросить?

Игорь: Ну, конечно. У нас же с вами завязывается клевая беседа, и она должна быть равноправной. Вопрос - ответ. Ответ - вопрос.

Ольга: Ишь, как заговорил. С родителями ты равноправия не допускаешь.

Игорь: Женя! Вы меня простите. У меня родители дремучие люди. Особенно, отец. Со своей грёбаной политикой. Вы не знаете? Он же партийный деятель. Верная Россия, Святая Россия или Единая Россия? Я все никак запомнить не могу

Евгений: А как, кстати, его зовут?

Игорь: Павел Дмитриевич.

Евгений: Паша, что ли?

Игорь: Вы что, с ним знакомы?

Евгений: Да нет. Ну а мама? Чем же она дремучая?

Ольга: Евгений! Ваш разговор завернул не туда. Я не хотела бы...

Игорь: Нет, ну это я сгоряча. Мама у меня одна. И единственная... Просто она хочет, чтобы все было как у людей. Чтобы я учился, а потом женился.

Ольга: Я абсолютно не хочу, чтобы ты женился. И меньше всего об этом думаю.

Игорь: Думаешь. Просто, у тебя это в подсознании.

Евгений: Но мы ушли от темы. Ты разрешил мне задать тебе вопрос. Почему ты бросил учебу, когда тебе осталось совсем немного?

Игорь: Понимаете, Женя, это не так просто объяснить людям вашего поколения, для которых высшее образование - это свет в окошке. Этап большого пути, как выразился мой предок. И пришлось нам с матерью удирать за границу от его праведного, державного гнева. Хорошо, у нее подвернулась конференция в Германии. А то кончилось бы это, не знаю чем...

Евгений: Ну, а всё-таки. Попробуй, объясни. Может быть, и пойдем.

Игорь: Понимаете, мне было интересно первые два года, когда меня учили навыкам и мастерству. Было иногда утомительно, но я чувствовал, что без учебы, натаскивания - сам я этого не приобрету. Или у меня это займет гораздо больше времени. А потом мне стало неинтересно. Но я терпел. А потом стало скучно. И невтерпеж. Мне стали навязывать... Какие-то линии... Какие краски класть.... Виденье чего-то... А зачем мне диплом?... Да еще художника? Я, что? С дипломом по полотну кистью водить лучше буду? И так мне все обрыдло, что я встал прямо во время лекции самого скучного идиота и ушел. Был скандал...

Евгений: И правильно сделал!

Ольга: Женя! Ты считаешь, что ты сейчас тоже правильно делаешь?

Евгений: Да Оля! Да! Ох, как я его понимаю!

Игорь: Женя... Оля... Евгений, а как и когда вы с моей мамой познакомились и подружились?

Евгений (*растерянно*): На набережной, возле Литейного моста, за день до моего отъезда. Мне было 25 лет. А ей и 20, наверное, не было еще... Да, Оля?

Игорь: И сразу подружились? И стали старинными друзьями? Но я о вас никогда ничего не слышал.

Ольга: Евгений! Ты ничего никому не должен объяснять. А ты, Игорь, ведешь себя, просто, безобразно. Что это за допросы взрослого человека? Что за подозрения?

Игорь: Мать! Какие подозрения? Да мне Женя, очень даже, созвучен. Он меня понимает лучше отца родного. У вас что, роман был? Да ради бога! У тебя какая-то нестыковка. Это ж когда было? Наверное, ты за папу замуж еще не выходила? Кстати, меня тоже девушка ждет... Женя! Последите здесь за мамой. Хорошо? Пока меня не будет. Оставляю на вашу ответственность. Чтобы никто, кроме вас, ее за руки не хватал.

Евгений: Можешь быть спокоен.

(Игорь уходит).

Голос диктора: *(на всех языках)* Уважаемые пассажиры! Погодные условия не изменились. Аэропорт остается закрытым для всех рейсов. Ждите дополнительных объявлений.

Евгений: Погодные условия не изменились...

Ольга: Аэропорт остается закрытым...

Евгений: Паша, всё-таки?

Ольга: Паша, всё-таки.

Евгений *(задумчиво):* В институте про него говорили: кому-то Бог дает, а Паше только подает. И уже курсе на третьем он, практически, больше политикой занимался.. Профкомы, парткомы... И сегодня нашел себя?

Ольга: А ты злой.

Евгений: Значит, он знал, где ты, когда я звонил?

Ольга: Знал. Но мне он никогда не говорил, что ты искал меня...

Евгений: Еще бы! С чего бы он стал тебе открывать, что я тебя разыскиваю... Не в его интересах это было, как я теперь понимаю. А я, дурак, нашел к кому обратиться!..

Ольга: И правильно сделал, что не рассказал мне про твои звонки. Ты благополучно удалился в свое далеко... А я ждала... День... Ночь... Еще день...Еще ночь ... И еще... И еще... Ну, рассказал бы он мне... И к чему бы это привело?... Где ты и где я?... Опухшая от слез, глухая... Не понимающая ничего - кто звонит, что говорят... Паша два дня у меня под дверью провел. Сломал дверь... Увез меня в деревню, к своей матери. Они меня отпаивали парным молоком, и он не приставал ко мне с разговорами. О тебе я

ему, конечно, рассказала. И он меня посвятил - где ты, и когда воспарил в места столь отдаленные...

Евгений: И когда ты вышла за него замуж?

Ольга: Через год. И год пришлось в институте пропустить.

Евгений: Что? Так уговаривал, что и на учебу времени не было?

Ольга: Я же говорила, что стал злой в своих заграничах... А может и был... Ведь я ж тебя совсем не знаю.

Евгений: Ладно, ты права. Ты во многом права... Он, наверное, оказался в нужное время в нужном месте. Где должен был быть я. Я хочу спросить только вот что... Ну только... это... А если бы я после нашей ночи... Если бы я сразу понял, кто ты для меня. И попросил уехать вместе со мной? Ты бы уехала?..

Ольга (решиительно): Ни за что! Да как можно! Я вообще себе не представляю, как это люди решаются... Покидают все... Собираются... Чемоданы ...Как будто на юг едут. Как это?.. Расстаться со всем, где росла, жила, дышала. Вот я от мамы из Чистополя в Ленинград перебралась и то до сих пор болит...

Евгений: Так что, все должны в Чистополе жить, если они там родились?

Ольга: Человек, вообще-то, предназначен жить в той пещере, в которой на свет появился. Меня при слове «эмиграция» дрожь пробирает, температура начинается. *(Улыбается)* А знаешь что? Давай сыграем в игру моего сыночка, «ответ-вопрос», а?

Евгений: Спрашивай. Только вот никак не могу понять, как это у Паши и такой сын? Умница, с чувством юмора и, наверняка, талантливый.

Ольга: Ну, знаешь, гены играют сами по себе, как хотят. А если бы я тогда, когда ты уже понял, что я дорога тебе, попросила бы тебя остаться? Остался бы?

Евгений (долго думает, смотрит на неё): Ты знаешь, мне тяжело... очень тяжело ответить на твой вопрос. Ты даже себе не представляешь, кто ты для меня. Я не сразу это понял... Из- за тебя у меня не складывались отношения

ни с одной женщиной. А я ведь пробовал. И не один раз... Пока не понял. И прекратил пытаться. И тем не менее, даже ради тебя, я бы ни за что не остался. И всё равно бы уехал. Я задыхался там... Я в этой пещере уже давно жить не мог. Скучаю иногда по ней, но никогда не сожалел, что вышел из нее на свежий воздух...

Ольга: Вот видишь... Паша был прав, что не сказал мне... Значит, не судьба нам была быть вместе...

Евгений: Нет! Он был не прав! Я не знаю как, но все могло быть иначе... *(берет ее за руки)*

(Они снова смотрят друг на друга, поглощенные воспоминаниями. Входят Игорь, Николай Петрович, пожилой, элегантный мужчина и Лиза, его дочь, высокая, изящная девушка с наивным выражением лица).

Игорь: Женья! Вы что, буквально восприняли мою просьбу?

Евгений *(он уже забыл все):* Какую?

Игорь: Все время удерживать мою мать за руки?

(Евгений и Ольга в растерянности отпрянули друг от друга).

Игорь: Да ладно, вот я привел вам двух приятных попутчиков, тоже летящих в Санкт-Петербург и страждущих общения. Мать, ты довольна, как я стал выражаться?

Ольга: Что с тобой?

Игорь: С кем поведешься... Позвольте вам представить. Николай Петрович, господин приятный и обаятельный во всех отношениях, как я успел убедиться, и его прелестная дочь, Лиза. *(Шёпотом, матери).* Супер, клевая, правда? Я от нее тащусь.

Николай Петрович: Какой тихий закуток. Весь аэропорт, как штормовое море... А здесь покой отдохновенный... Вы, наверное, Ольга, мама Игоря. Как он похож на вас... У вас красивый и удивительный сын.

Ольга *(смущенно):* Спасибо.

Николай Петрович: А вы, как Игорь нам рассказал, Евгений? Старинный и преданный друг его матушки?

Евгений: Истинная правда!

Ольга *(шепотом Игорю):* Болтун несчастный!

Николай Петрович: Вот, везу внучку на родину....

Лиза: Здравствуйте.

Ольга: Да вы располагайтесь поудобнее. Кладите ваши вещи. Тут места всем хватит.

(Все устраиваются).

Николай Павлович: Вы не представляете, как мне приятно пообщаться с людьми, возвращающимися в Россию, на родину. Вот и я, как бы возвращаюсь, вместе с внучкой Лизанькой. Хоть ни разу мы на родине с ней не были.

Евгений: Ну, насчет меня, вы ошибаетесь. Я живу в Израиле...

Николай Павлович: Ну так вы живете у себя на родине... Я эмигрантов не понимаю, хоть и сам из их потомства. Но моя семья покинула Россию сразу после революции. Можно сказать, сбежала под давлением обстоятельств. И вас я хорошо понимаю, вы уехали к себе на родину... А вот ваши соотечественники в Америке... Между прочим, мы из Сан-Франциско. Я там многих повидал...

Евгений: Ну и в Израиле не все так просто...

Игорь: Да, Николай Павлович! И с Женей, старым другом моей мамы, не всё так просто. Он живет на одной родине и навещает другую родину...

Николай Павлович: Так это же замечательно! Зачем же отрывать от корней?

Евгений: Я просто хотел уточнить, что и в Израиле есть много людей, которые не столько искали свою настоящую родину, сколько хотели покинуть ту, где им суждено было родиться и жить.

Николай Павлович: Вот этого, дорогой мой, я сегодня не понимаю! Раньше понимал, а сегодня отказываюсь!

Игорь: Я вижу у вас завязывается интереснейшая дискуссия. И поэтому, рискну умыкнуть у вас, Николай Павлович, вашу очаровательную внучку. Мы с ней прошвырнемся по аэропорту, попьем кофе, заглянем в информейшн и, вообще, весело проведем время. Не возражаете?

Николай Павлович: Это надо спрашивать у дамы, молодой человек.

Игорь: У дамы я уже спросил. Молча.

Лиза: Дедушка! Да! Я согласна.

Николай Павлович: Отвечаете мне за нее головой.

Лиза - это все, что у меня осталось. Ее родители погибли в автокатастрофе три года тому назад.

Лиза: Дедушка! Не обязательно всем знать!

Игорь: Отвечаю не только головой. Честью!

Ольга: Лиза! Ты учишься?

Лиза: О, да! Я учусь на факультете славистики в Беркли. И всё равно, на русском говорить стесняюсь. Я не всегда могу подобрать нужное слово. Мне нужно думать. И мне кажется, у меня есть «э литл» акцент. Поэтому, мне так интересно с Игорем. Он говорит такие слова... Я никогда таких не слышала. Ни в университете, ни у своих друзей.

Игорь: Блин!

Лиза: Вот-вот! Блин! ...Нет, блин слышала. У родителей, на масленицу...

Ольга: А как он с тобой познакомился?

Лиза: А он подошел ко мне в дьюти-фри и сказал, почему-то, по-русски: «Ты очень красивая» и мне было «вери найс».

Ольга: Я так и подумала.

Игорь: А что? Уже нельзя сказать девушке, что она красивая?

Евгений: Обязан сказать.

Ольга: Что-то вы подозрительно быстро спелись. *(Игорю)* Чтобы через полчаса привел девушку обратно.

Игорь: Через полчаса?! Мать! Это уж беспредел какой-то...

Ольга: Во всяком случае, чтоб показались.

Игорь *(Лизе):* Делаем ноги, пока еще какие-нибудь санкции не ввели.

(Лиза и Игорь уходят)

Ольга: Николай Павлович! Вы не волнуйтесь. Он у меня хороший и ответственный.

Николай Павлович: Я не волнуюсь Ольга. Простите, не знаю, как вас по батюшке?

Ольга: Георгиевна. Да ни к чему. Зовите меня просто по имени.

Николай Павлович: Не знаю почему, но ваш сын вызывает у меня доверие. Моя Лизанька еще ни с кем так хорошо не разговаривала... После того, что случилось с родителями... Она замкнулась, знаете ли. И я очень рад, что он сумел, как-то...

Ольга: И я очень рада за нее. Она очень, какая-то светлая у вас...

Николай Павлович: Вот везу ее на родину, в Россию. Я в первый и последний раз, а она в первый и, надеюсь, не в последний... Знаете, нас ведь родители и деды воспитывали в любви к родине, берегли традиции, всегда надеялись вернуться, когда кончится этот богопротивный октябрьский обвал... Была большая дворянская семья Немировских. Был свой особняк возле Александро-Невской лавры. Было имение в Орловской губернии. Там было кладбище нескольких поколений предков. Не знаю, сохранилось ли что-нибудь... Очень уж хочется припасть, прикоснуться...

Евгений: А чего ж раньше-то не собрались? Ведь обвал-то, богопротивный, давно бьлем порос?

Николай Павлович: Вы знаете, затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Собирался... Давно собирался. У меня ведь, знаете, двоюродная сестра живет на Старом Невском. Она давно зовет... Мы с ней, уже несколько лет, как нашли друг друга... Сонечка... И еще одна сестра, Людочка, во Франции. У нее в Провансе свой дом. Мы сейчас ее навещали. И это все, что осталось от нашей семьи.

Евгений: И все же?

Ольга: Женя! Чего ты хочешь от Николая Павловича? Исповеди? Сейчас? Сию минуту?

Евгений: Это не простое любопытство, Николай Павлович. Мне, может быть, важно что-то и для себя понять... Каждый раз, когда я возвращаюсь, что я чувствую. Хоть мы с вами и разные. Из двух эпох...

Ольга: Вот я чувствую радость. Я возвращаюсь домой...

Николай Павлович: Почему я так долго тянул?.. Ну, во-первых, был водоворот повседневной жизни, из которого трудно вырваться, оторваться, отбросить все, что

тебя связывает и подготовить себя, не побоюсь этого слова, к сакральному путешествию. Выполнению завета предков. Так я это чувствовал. И это меня останавливало. Потом я потерял Лизонькиных родителей. Это была трагедия для нас с ней... Мне нужно было ей помочь, и себе тоже... И знаете что... Если уж быть до конца откровенным, меня пугали новые эмигранты, которых я встречал...

Ольга: Чем же они вас так напугали?

Евгений: И именно новые? Можно сказать моей волны?

Николай Павлович: Именно вашей, и даже, еще более поздние. Они меня смущают, я не могу их понять. Знаете, Сан-Франциско - это сколок русской эмиграции. Туда схлынули все ее волны. Одна за другой. И все были понятны: их истоки, их чувства к оставленной отчизне, их отношение к Америке. Нашу волну было понять легче всего. Нас выбросили вон. Мы долго ждали, когда можно вернуться. Вернее, ждали наши отцы и деды. Хранили корни. Но и к Америке мы относились лояльно. А наше поколение - и с любовью. Она нам много дала, и мы вернули ей сторицей. Потом появилась послевоенная волна. Они так ненавидели советский режим, что перенесли эту ненависть и на Россию. И, частично, и на новую родину, на Америку. У меня с ними мало общего, но понять их я могу, кроме их оголтелых крайностей. А потом стали накатывать волны израильского прилива... Эти, особенно первые, поразили меня абсолютной неадекватностью своего образа мышления. Скорей всего это было следствием советского воспитания.

Ольга: И чем, это наше воспитание, вам так уж не понравилось? Я тут тоже поехала и насмотрелась.

Николай Павлович: И я вас, Ольга, прекрасно понимаю. И все же... Они, почему-то, решили с самого начала, что Америка всем им что-то должна, что она должна взять их на иждивение. А некоторые, так вообще, утверждали, что их приезд сюда был частью чьего-то зловещего плана, что их выманили из России обманом, а они сами, вообще, не хотели уезжать. По отношению к России у них была какая-то любовь-ненависть. И скучали по ней, и

радовались всем ее провалам, вплоть до распада... Я не знаю, как они приживались в Израиле...

Евгений: Вы знаете, очень похоже... Советским людям вообще были свойственны иждивенческие наклонности. Но сейчас-то это не так.

Николай Павлович: Ну теперешних то я вообще не понимаю. И едут... Едут... Не так, как прежде... лучшая часть нации... Элита... И вот, когда с ними разговариваешь, единственное их желание - чтобы их оставили в покое. Чтобы дали им осуществиться лично, профессионально. Никаких устремлений - отечественных, моральных, духовных, глобальных... И вы знаете, я еду потому, что хочу понять одну глубинную вещь и очень боюсь убедиться в своей правоте. Когда-то один из вождей этой богопротивной власти, которая, к счастью, закончилась, предрек, что «Россия беременна революцией». Революциями Россия насытилась надолго. Сегодня мне кажется, что она «беременна эмиграцией».

(Во время его монолога входит пассажир с чемоданом, пожилой человек. Хочет пройти. Но заинтересован и внимательно слушает).

Пассажир: Очень интересная мысль. Насчет беременности революцией - это, по-моему, Троцкий сказал. Но тогда он имел в виду совсем другое. Что Россия родит что-то светлое, оптимистическое. Для всех: для мира, для себя. Он выбрал образ беременной женщины, как что-то здоровое, обещающее. Он оказался плохим, даже преступным пророком. Но сегодня я бы сказал, что Россия не беременна, а больна эмиграцией. И, конечно, эта болезнь очень тихая... Она не гроыхает революционными всполохами. Она ползет... Но вы меня извините. Я вам помешал. Хотя с удовольствием бы поговорил. Но меня мои попутчики ждут.

(Уходит).

Ольга: Слушайте! Кто это был?

Евгений: А ведь он прав.

Николай Павлович: Он тысячу раз прав. Я смотрю на вас уважаемый Женя и думаю... Наша с вами родина больна, если отпускает таких, как вы. Ну что вас

сподвигнуло?.. Я не знаю вас. Мы только познакомились. Но вы мне симпатичны. Вы думаете, мыслите... Такие, как вы, нужны... А вы покидаете... А ведь вы же корнями там, в России... Куда мы никак не можем долететь.

Евгений (*улыбается*): Вы, Николай Павлович, мне тоже симпатичны. Даже уже тем, что похожи на Ольгу. Она считает, что люди вообще не созданы и не приспособлены к перемене мест. Эмиграция вредна климатически, физиологически, морально... Человек должен быть в пещере, где родился.

Ольга: Это я, как врач, утверждаю. Я, Николай Павлович, миколог по специальности. Микология - это наука о грибах. И человек, меняющий среду обитания, подвергается атаке организмов, к которым он не приспособлен. Это только маленький пример.

Евгений: А если я хочу выбрать пещеру не там, где я родился, а где появились на свет предки моих предков? Где мои истинные корни? Твои теории там тоже действуют?

И потом, в каком веке мы живем? Сегодня наша среда обитания - весь мир!

Николай Павлович: Что-то я утомился, дорогие мои. Наверное, возраст сказывается. Вот возбудил вас, а сам... Вы не будете возражать, если я вздремну чуток тут в сторонке, а?..

Ольга: Ну конечно, Николай Павлович. Вот, возьмите плед. Вам будет теплее.

Евгений: О чем речь?.. Никто не знает, сколько нам еще ждать.

Николай Павлович: Благодарю. Тем более, мне кажется, вам есть о чем поговорить. Вы так подходите друг другу... Что кажется, мой друг, приводя все мыслимые и немыслимые аргументы, вы забыли где-то в углу, покинутой вами пещеры, еще одну очень важную вещь... (*Засыпает*).

Евгений: Врач? Да еще с такой редкой специальностью! Миколог... Я не слышал о такой...

Ольга: Если точнее, я защитила диссертацию по микологии. А вообще, я гинеколог и занимаюсь исследованием грибковых болезней в женском организме, и поэтому меня часто приглашают на конференции или на

консультации. И, в силу специфики моей профессии, ты моим пациентом быть не сможешь.

Евгений: Все успела. Во всем преуспела. И еще сына какого родила! Молодец, Паша! Вот что значит быть в нужное время, в нужном месте.

Ольга: Да! Без его помощи и без его поддержки я не справилась бы.

Евгений: И без любви!

Ольга (зло): И без любви.

Евгений: Хорошо, когда царит в семье такая гармония!

Ольга (Кричит): Да, прекрасно! Великолепно! Когда в семье царит такая гармония!

Евгений: Не кричи. Человека разбудишь.

Ольга: Вот ты тут распинался. Рассказывал о своих разнообразных опытах со многими женщинами, чтобы найти... Чтобы понять... И со многими искал?

Евгений: Не считал

Ольга: И что понял?

Евгений: Я тебе уже сказал... Я негодай?

Ольга: Да нет!

Евгений: Подлец?

Ольга: Да нет же!.. Просто ты не представляешь, что такое каждую ночь ложиться в постель с человеком, которого ты не любишь, но уважаешь. И каждый день вспоминать тебя, подлеца! Мне и понимать ничего не надо было... *(Плачет)*.

Евгений: Бедная, ты моя!

Ольга: Он давно уже и не спит со мной.

Евгений: И он бедный. И я бедный. *(Обнимает ее)*.
(Входит Игорь).

Игорь: Ребята! Вы прогрессируете. Но это для меня уже не сюрприз. Зато я пришел с сюрпризом.

Ольга: Тише! Николая Павловича разбудишь!

Игорь: Придется его высокоблагородию проснуться.

Николай Павлович: Я уже не сплю. Ваше поколение так любит громко появляться... В отличие от ваших родителей.

Игорь: Простите. Не просек, что вы вздремнули.

Николай Павлович: А в чем дело? И где Лиза?

Игорь: Она в баре. Пьет чай. И ждет вас.

Николай Павлович: А почему она не с вами? Ведь я ее вам доверил.

Игорь: А она меня послала сказать, что хочет поговорить с вами наедине, без меня, без мамы, без Жени. Вот вы сейчас пойдете прямо до упора, и повернете направо, и сразу ее увидите. Запутаться совершенно невозможно.

Николай Павлович: Ну что ж... Дорогие мои...

Голос диктора: Уважаемые пассажиры! Метеорологические условия остаются без изменений. Ждите наших следующих сообщений.

Николай Павлович: Дорогие, мне было очень приятно с вами познакомиться...

Ольга: Николай Павлович! Вы слышали, что только что объявили по радио? Возвращайтесь с Лизой сюда. Давайте ваши вещи. Давайте, давайте. Мы их постережем.

Евгений: Конечно. Жаль прерывать такое приятное знакомство.

Николай Павлович: Да мне и самому не хочется. Но мы же не знаем, что произошло между ними (*кивает на Игоря*).

Ольга: Игорь!

Игорь: Мам! Между нами полный кайф. Просто Лизонька хочет поговорить с бабушкой наедине. Это бывает между близкими людьми. И это все.

Николай Павлович: Ну, тогда я не прощаюсь... (*уходит*).

Ольга (Игорю): Ну а теперь колись. И быстро.

Игорь (смеется): Ты что, на моем языке начала разговаривать?

Ольга: С тобой только так. Ты человеческого языка не понимаешь. Я же чувствую... Что ты сделал с бедной девочкой?

Евгений: Он же тебе сказал, что пришел с каким-то сюрпризом.

Игорь: Ну и память... Цепкий же вы человек, Женя! Чувствуется, что умеете играть по любым правилам. И даже без правил...

Ольга: Не переводи разговор. И не тяни. Я - твоя мать. И хорошо тебя знаю.

Игорь: Женя! Вы готовы мне помочь?

Евгений: Чем могу...

Игорь: Обнимите мою маму. И покрепче. Тем более что это у вас хорошо получается. Сам видел.

Евгений (*обнимает Ольгу*): С удовольствием.

Игорь: Вот так.

Ольга: Вы что?! Оба с ума сошли?

Евгений: А зачем?

Игорь: Чтобы она не упала, после того, как я ей что-то скажу.

Евгений: Говори! Я держу ее крепко. И упасть не дам.

Игорь: Мам! Сейчас Лиза объявляет Николаю Павловичу, что она не намерена продолжать с ним путь в Санкт-Петербург к его сестре Сонечке, в ее коммунальную квартиру, что возле Александро-Невской Лавры. Кстати, я ей популярно объяснил, что это такое, коммунальная квартира. Она и понятия об этом не имела.

Ольга: Ну и зачем же огорчать старика? Ты ведь уже понял, как ему важно вернуться на родину своих предков вместе со своей внучкой?

Игорь: Ему важно. Я это понимаю и солидарен с ним. А ей совсем не важно. Так я понял. И вполне ей сочувствую.

Ольга: Ну и что она будет делать? Вернется в Сан-Франциско?

Игорь: Нет. Поедет к своей тетке, Людочке. Во Францию.

Ольга: Ну и хорошо. А ты-то тут при чём?

Игорь: А там мы с ней поживем. У тети. Я хочу порисовать на природе в Провансе. А потом поедем в Америку. Лизе нужно будет закончить своё Беркли. Потом, если все будет хорошо между нами, мы, наверное, поженимся. Потом приедем навестить вас с папой. Ну а дальше, мы наши планы не обсуждали. Уф... даже не ожидал, что будет так тяжело сказать. Бедная Лиза... Женя! Вы её ещё держите?

Ольга: Нет, он меня уже давно не держит. Тебе было тяжело сказать. Но еще тяжелее тебе будет это осуществить.

Игорь: Почему?

Ольга: Помнишь, я еще в детстве приучала тебя сверять все твои поступки со своей совестью? И как ты думаешь, у тебя в этом смысле все в порядке?

Игорь: Ну о совести мы с тобой попозже поговорим. Я, кстати, уже давно хотел об этом с тобой и отцом об этом потолковать. А о каких моих поступках ты, собственно, говоришь?

Ольга: Ну, например, почему ты с этой молодой и, как мне кажется, совсем наивной девочкой хочешь сначала поехать во Францию. Там пожить за счет ее тети. Потом поехать в Америку. Там тоже пожить, непонятно за чей счет. Потом, может быть, соизволишь жениться на ней. Если между вами все будет хорошо. Как ты выразился...

Игорь: Насчет за чей-то счет... Ты за меня не волнуйся... Заработаю на себя... Или картинками, или еще как-нибудь... А если будет совсем тяжело, одолжу у тебя. Знаю, что не откажешь.

Ольга: Не откажу.

Игорь: Неужели ты подумала, что я буду сидеть паразитом на шее у какой-то тети?

Ольга: Извини. Подумала. Услышав твои планы. Ну а как насчет бедной, наивной девочки? Почему она должна кидаться в омут и ждать, когда ты осуществишь своё благородное намерение и, может быть, женишься на ней, «потом, если между вами всё будет хорошо». Твоя идея, верно?

Игорь: Моя. Не скрою. А почему это я должен кидаться в омут? А если все будет плохо? И Лиза согласилась. И всё поняла. И почему ты все время называешь её бедной и наивной. Она не такая уж наивная. Если бы она это слышала, она бы обиделась. Мы все решали вместе. Хотя ты права. Она готова выйти за меня замуж даже сегодня.

Ольга: А ты - нет.

Игорь: А я - нет.

Ольга: Просто поразительно, как ты мне кого-то напоминаешь!

Игорь: Кого же это?

Ольга: Неважно. Просто вспомнила. Дела давно минувших дней.

Евгений: Ольга! Может быть мне уйти? Оставить вас наедине? Может быть, я вам мешаю?

Ольга: Нет уж, останься. Может быть, ты мне годишься. В качестве примера. И что тебе не нравится? Что тебе-то помешало в нашем разговоре?

Евгений: Ну, я себя почувствовал третьим лишним. Он приобрел очень уж интимный характер. Между матерью и сыном. И, честно, мне не нравится, как ты на него давишь. Ну что случилось? Дети решили пожить вместе, проверить себя... Нормально... Извини... В чём-то ты сохранилась...

Ольга: И ты тоже - каким был, таким и остался. Без изменений, к сожалению. Но в данном случае, я на стороне женщины, а не на стороне сына. И уж, конечно, не на твоей стороне. Можно мне еще подавить?

Евгений: Дави, если тебе так уж хочется, чтобы я всё это видел и слышал.

Игорь: Дави, мать!

Ольга: Подумай! В какое положение ты её ставишь по отношению к её бабушке. Что она сейчас ему говорит. И как он это все воспринимает. Ведь ты, по сути, оставляешь его, старого, и, скорее всего, не совсем здорового человека одного на его пути в Россию... Неизвестно, что его ждет там...

Игорь: Мы думали об этом... Его ждет и встретит сестра. И знаешь... Если честно... Лиза не хотела и не рвалась туда... Это дед настоял. Эта поездка ему нужнее и важнее. И потом... Что ты хочешь от меня. Это их личное дело. Им решать. Вот сейчас они и решают.

Евгений: Ну, если бы не ты...

Игорь: Женья! Вы определитесь. Вы за маму или за меня?

Евгений: Я за вас обоих.

Ольга: А я за Лизу. И за себя... Мы, женщины, так устроены, что для нас самое главное - свить гнездо, создать

семью. А ты поставил ей такие условия, что она вынуждена согласиться на туманное, какое-то дырявое существование с таким, как ты. А ты внезапно покидаешь, между прочим, твою мать... И отца.

Игорь (*раздраженно*): Никого я не покидаю. Ты, как всегда, всё излишне драматизируешь. Я же сказал, что мы вас навестим. И потом, мне кажется, что речь снова зашла о совести?

Ольга: Да, о совести! И я не устану тебе о ней напоминать.

Игорь: Любимая тема в русской литературе и у моей мамы. О чем на этот раз? О совести по отношению к самому себе или по отношению к окружающим? В прошлый раз это было по отношению к самому себе. Потому, что бросил учебу. Так?

Ольга: А теперь по отношению к окружающим.

Игорь: Ты знаешь, мать! Мне бы жить в ладу с самим собой и не задевать, по возможности, окружающих. А уж жить по совести я и не мечтаю. Да и кто сейчас живет по совести? Это только в романах из прошлого века, да и то не во всех.

(Опять появляется пассажир, который недавно проходил мимо).

Пассажир: Браво, молодой человек! Вы сейчас, сами того не сознавая, поставили жирную кляксу на некоторые незабываемые иллюзии нашего воспитания, основанные на нашей великой литературе.

Игорь: Извиняюсь. А вы откуда?

Пассажир: А я тут недавно проходил и приятно поговорил с одним пожилым господином.

Игорь: Он сейчас кофе пьет. Если вы пройдете прямо и налево, вы его там застанете.

Пассажир: Спасибо. Извиняюсь. Извиняюсь, если помешал.

Игорь: Да ничего.

(Пассажир уходит).

Ольга: Зачем ты послал его не туда, где сидят Лиза с Николай Павловичем?

Игорь: Затем, что им есть о чем сейчас поговорить и без нежелательных свидетелей.

Ольга: И всё равно некрасиво. Можно было как-то иначе...

Игорь: Опять эти угрызения совести... Сделал, как вышло... Знаешь, мне кажется, что если бы я не встретил Лизу, то всё равно пришло время мне расстаться с тобой и отцом. И особенно с отцом.

Ольга: Это почему?

Игорь: Ну ты же не зря увезла меня от него, после того, как я ушел из училища. Ведь назревал скандал. Потому, что ему очень важна внешняя сторона жизни. Что у него сын - студент в престижном учебном заведении, жена тоже на месте. У меня уже давно с ним не смыкается. Да по сути, никогда... То он мне про ту партию нудил. А теперь про эту долдонит... И ведь что интересно... Все приличные люди и, даже неприличные, хотя бы дома, дают себе расслабуху и не говорят, чем они вынуждены заниматься ради куска хлеба с жирным маслом. А он что? И дома врет самому себе и нам по привычке? Или не врет? Ну это уж вообще беспредел какой-то!

Ольга: И всё-таки ты к нему несправедлив и многим обязан.

Игорь: Обязан. Не спорю. И он мне напоминает об этом нередко. И ты знаешь, за что я его уважаю? По-настоящему?

Ольга: Интересно, за что? Никогда не слышала.

Игорь: За то, что всегда он тебя любил и продолжает любить. Глубоко и искренне. Больше меня, больше всех на свете.

Ольга: А что? Я этого не заслужила?

Игорь: Не заслужила. Потому что ты-то его не любишь. Хотя любят разве за заслуги?

Евгений: Ольга! Да Пашин ли это сын?

Игорь: Я с самого детства чувствовал, что в нашей семье не совсем все в порядке. А теперь, когда я вырос и со мной продолжают играть по детским правилам... Только расходятся по своим спальням. Женя! Когда я посмотрел, как вы смотрите друг на друга, я не узнал свою мать... Я не

знаю, что было между вами. Да и не хочу знать! Я только хочу спросить. Мать! Ты в ладу со своей совестью? И с самой собой? Все время, что живешь с моим отцом?

(Ольга отворачивается и плачет).

Игорь: Мама! Ты что? Прости меня. Я просто хотел подготовить тебя к тому, что я не возвращаюсь с тобой. Ну, и немного перегнул. Успокойся, пожалуйста. Я больше не буду. Меня просто злит, что вы со мной, как с ребенком...

Ольга: Мы решили, что после нашего приезда, мы тебе все скажем. Разведёмся и разъедемся, потому что уже невозможно... Мы давно уже живем вместе только ради тебя.

Игорь: А вот это уже совсем зря. Вот видишь, теперь я освобожу вас от своего присутствия.

Ольга: Но учти. Я очень люблю и уважаю твоего отца. Он достоин всяческого уважения. Без него я пропала бы и не состоялась ни как личность, ни как врач, ни как мать. Я обязана ему всем. И ты тоже. И мне очень больно, что ты... *(Плачет).*

Игорь: Я знаю, знаю... С детства слышал. Все будет хорошо. И у тебя. И у него. И у нас.

Евгений: Оля! Давай ему о нас с тобой расскажем. Про нашу встречу.

Ольга *(зло):* Какую? Сегодняшнюю?

Евгений: Нет. Двадцать один год тому назад. В белую ночь. В ночь с 21 на 22 мая. Я, как сейчас, помню. Мы с тобой встретились около Литейного моста и пошли к Летнему саду. А там все цело...

Игорь: Так вы были уже знакомы?

Евгений: Виделись один раз. Нас случайно познакомил твой отец. Как-то, на улице. А в этот раз мы гуляли и не могли расстаться. А потом пошли к тебе, Оля...

Ольга: Слушай! Зачем ты вдруг ударился во все эти подробности? Да еще посвящаешь в них моего сына. Ему это совсем неинтересно. Да и мне тоже.

Евгений: Совсем?

Ольга: Представь себе. Проклятый снегопад... Не было бы его, не было бы нашей сегодняшней встречи.

Евгений: А я о ней мечтал каждый день и каждую ночь...

Ольга: Да, особенно по ночам... Про это я уже слышала...

Игорь: Да, снегопад... А мне, между прочим, в прошлом месяце, в феврале, исполнился двадцать один год.

Евгений: Поздравляю. С запозданием, правда. Так двадцать один, говоришь? Когда, говоришь, ты родился?

Игорь: Двадцать третьего февраля. В день Красной Армии. Всегда была особая гордость для отца. А что?

Евгений: Да просто хотелось знать, когда подарок готовить в следующем году.

Ольга: Не надо. Надеюсь, снегопада не будет.

Игорь: А почему не будет? И почему не надо?

Евгений: В феврале, значит?

Ольга: Женья! А ты не хочешь отдохнуть? Что ты мне жилы тянешь? Что ты, вдруг, заикнулся на дне рождения Игоря?

Игорь: Да что ты, мама, так нервно реагируешь? Может быть, я на следующий год в феврале навещу Женю в Израиле. Летом, говорят, у вас жарко. А в феврале какая погода?

Евгений: Прекрасная. Да я, Ольга, просто сопоставляю некоторые даты. С мая по февраль обычно проходят девять месяцев.

Ольга (вызывающе): Да! Обычно протекают девять месяцев. Девять месяцев мук, слез, и разочарований. И мыслей о самоубийстве. И о том, как растить одной ребенка. И о помощи очень благородного человека. И о счастье быть матерью, несмотря ни на что.

Евгений: Я нисколько не умаляю его заслуг... Но...

Игорь (растерянно): Вы, вообще, о чем?

(Входит Николай Павлович).

Николай Павлович: Ольга, дорогая! Извиняюсь, конечно. Мне срочно нужна ваша помощь. У меня был очень тяжелый разговор с Лизой. Наверное, я переборщил. Она там плачет... Вернее рыдает. Я не могу ее успокоить. Вы, всё-таки, мать, и по-женски сможете с ней поговорить.

Пожалуйста... Нет, молодой человек, вы сейчас ей не поможете. С вами мы потом еще поговорим...

Ольга: С удовольствием, Николай Павлович, помогу. Тем более что это и меня тоже касается. Вы идите. Я только скажу этим молодым людям пару слов и уже догоняю вас.

Николай Павлович: Благодарю вас.

(Уходит).

Ольга: Игорь! Ты прав. Я больше не могу так жить в разладе с самой собой. И скрывать. И ты прав, Женя. Раз уж повалил такой снег... Ты прав в своей догадливости. И вы оба меня достали. Игорек! Только не суди меня строго. Познакомься. Это твой отец. Он тебе всё расскажет.

(Уходит. Евгений и Игорь долго смотрят друг на друга в замешательстве).

Игорь: Ух ты! Что это было?

Евгений: Не понял.

Игорь: Она сказала, что вы должны мне что-то рассказать.

Евгений: Не знаю.

Игорь: Женя! Колитесь! А откуда вы вообще ее знаете? Как вы с ней познакомились?

Евгений: Меня как-то познакомил с ней Паша. Случайное, шапочное знакомство... Я встретил их на улице. С Пашей я учился вместе в институте. Но друзьями мы не были.

Игорь: Представляю...

Евгений: А потом... За день до отъезда... Все помню, как вчера... Перешел я Литейный мост... И она мне идет навстречу. Улыбается и говорит: «Вы Женя? Помните меня?»

Я говорю: «Помню. Конечно. Вы - девушка Паши. Только не помню, как вас зовут». А она говорит: «Ольга. Только я сама по себе». И мы пошли... Был день такой в дымке, в сиреновой... всюду сирень цвела. А потом была белая ночь... Мы провели её у неё дома... А через день я уехал. И только потом, уже в Израиле, понял, что я потерял... Пробовал искать. Звонил Паше. Да он скрыл ее от меня. Сказал, что она уехала из Питера к матери.

А сам увёз её в деревню, к своим. Молоком отпаивать... Это она мне только сейчас рассказала. Где мы здесь, случайно, лицом к лицу столкнулись.

Игорь: Молоком отпаивать...

Евгений: Ну не только... Как я сейчас понимаю... Я, как только тебя увидел, что-то меня толкнуло... Ну я, конечно, ничего не понял... Ты не подумай... Я и сейчас ничего не понимаю... Но подсчет... Что-то смыкается.

Игорь: Стыкуется... Но отцом я вас называть не могу.

Евгений: Что ты! Что ты!... Но на ты можно? Уж как-то само вышло... Сам не знаю...

Игорь: Это можно. Безотносительно к теме. От всего этого крыша может поехать. А?..

Евгений: У меня, как ты говоришь, уже поехала. Сначала встретил твою мать. Потом ты...

Игорь: А какая сейчас погода в Израиле? Жарко?

Евгений: Нет. Тепло. Жарко будет потом. Летом.

Игорь: А кто еще у вас в Израиле есть?

Евгений: Моя мать и, может быть, твоя бабушка, Софья Марковна. Между прочим, она всю жизнь делает куклы. Очень смешные. У нее уже было несколько выставок. И в Израиле, и в Европе. Может быть, твои способности ты унаследовал от нее.

Игорь: Ну и как она... просечёт эту ситуацию? Если, вдруг, приеду навестить?

Евгений: Умрет от счастья. Она уже и не надеется, что получит от меня внука. Устала сватать.

Игорь: А вы что? Так никого и не нашли? Всё мать искали?..

Евгений: Уже и не искал. Только надеялся. А знаешь, я тебе завидую.

Игорь: Чему же можно мне завидовать? Что у меня все зыбко и не устаканилось?

Евгений: Устаканится. И можешь на меня рассчитывать, на мою помощь. И материальную и моральную. А завидую я, как ты сразу... Как это, на твоём языке.... Я немножко тоже подучился, пока ездил в

Россию... Как ты круто разрулил ситуацию со своей Лизой...

Игорь: Ну, не я разрулил, а мы с ней вместе разрулили...

Евгений: Вот мне бы тогда... Ольгу в охапку и не дал бы ей опомниться... А так и сам не понял... И не смог сразу распознать, решить, поступить...

Игорь: Другие времена, другие нравы... И другие темпы. Наверное, мы ценим время иначе...

Евгений: Да, вы - другие...

Игорь: Материальную помощь я, конечно, от вас не приму. А морально вы уж меня поддержите. Тем более что ваша поддержка мне понадобится очень скоро. Потому что вы это учуяли. А вот моя мать и Лизин дедушка мыслят еще теми амплитудами. Для них наши решения суперстремительны. А потому будет шум. И не маленький. Поможете?

Евгений: Постараюсь.

(Входит Ольга).

Игорь: Что происходит? Почему вернулась одна?

Ольга: Оставила их разбираться между собой.

Игорь: В чем разбираться-то?

Ольга: Николай Павлович настаивает, чтобы Лиза сопровождала его в Россию.

Игорь: И ты, конечно, всячески ему помогала. Как могла, давила на её совесть, как ты умеешь. Тем самым, предавая меня.

Ольга: Я поступала так, как считала, что будет лучше для всех.

Игорь: И для тебя?

Ольга: И для тебя. Но ты мне хочешь что-то совсем другое сказать?

Игорь: Ты знаешь, кем я сейчас себя чувствую?

Ольга *(с опаской)*: Кем?

Игорь: Одним из персонажей какого-нибудь бразильского сериала. Из тех, что ты любишь смотреть, запершись у себя в спальне и плакать.

Евгений: Игорь! О чем? Какие сериалы?

Игорь: Ну так вот. Мы сидим на веранде в нашей прекрасной гасиенде и любуемся великолепным закатом. И вдруг... В ворота врывается прекрасный кабальеро в шляпе с гордо закрученными усами на арабском породистом коне. Ты ахаешь, срываешься с места. Подожди, не перебивай... Вскакиваешь к нему, на коня. Сдвигаешь ему усы в сторону... Вы страстно целуетесь. И ты обращаешься ко мне: «Сын мой!», с рыданием в голосе говоришь ты. «Этот гордый идалго - твой истинный отец. Я вынуждена была скрывать от тебя это все двадцать лет твоей жизни. Мой муж заставил меня. Мы не виделись с моей первой и единственной любовью все это время. Нас разлучили насильно. Но сейчас мы, наконец, соединились... Обними своего отца». Мы все обнимаемся. Гремит бравурная музыка. Пурпурный закат растекается по всему экрану... Ну как?..

Ольга: Получил удовольствие?

Игорь (*с горечью*): Представь себе, нет. Как ты могла с твоими представлениями о правде, совести и морали скрывать от меня такое... Хорошо еще, что не особенно внимал ни твоим, ни, особенно, отцовским проповедям... Потому что жизнь подсказывала мне каждый день совсем другое. Иначе, твоё сегодняшнее признание могло бы обернуться для меня...

Ольга: Прости... Боюсь, даже, думать... А когда мне было тебе признаться? Когда тебе исполнилось пять? Десять? Пятнадцать? Или учить тебя другой морали? Изворачиваться?.. И, действительно, ведь отец был против. И надо было идти с ним на конфликт. Вот и запиралась и смотрела бразильские сериалы...

Евгений: Да! Иногда, даже самые глупые сюжеты, повторяются в жизни.

Игорь: В общем, ты предпочла жить во лжи всё это время и если бы не снегопад...

Евгений: Я предлагаю сообща снизить тон. Ведь мы же, как никак, не чужие друг другу люди... И, может быть, вместе подумаем о будущем?..

Ольга: О каком будущем ты говоришь?

Евгений: Ну нам придётся как-то общаться... Вы не думаете?

Игорь: Хорошенькое общение. Мать живет в Санкт-Петербурге. Вы, Женя, в Израиле. А я, неизвестно где.

Евгений: И всё-таки, с сегодняшнего дня между нами существуют семейные связи. Мы, как бы, семейная ячейка. Может нам не хватает пурпурного заката и гасиенды, но всё же...

Ольга: Театр абсурда. Какой ты ему отец. Ты до сегодняшнего дня не знал о его существовании.

Евгений: А какая ты ему мать, если ты ему врала двадцать лет?

Игорь: Мы же договорились сбавить тон. Я с вами могу и отдельно общаться, не строя семейные отношения. А вы между собой сами разбирайтесь. Я лучше пойду свою девушку спасать от ее не в меру властного деда.

(Игорь уходит. Евгений продолжает спокойно сидеть и наблюдает за нервно мечущейся из угла в угол Ольгой. В конце концов, она садится около него).

Ольга: Женя! У меня сегодня один из самых тяжелых дней... Пойми... Игорь не возвращается со мной. Не представляю, что с ним будет... С Пашей мы договорились разъехаться, но он думал остаться ему отцом, а тут вы меня приперли к стенке... И тебя встретила... Это же потрясло. И всё из-за этого снегопада...

Евгений: Я понимаю...

Ольга: Прости. Я наговорила лишнего?..

Евгений: Что ты! Мне не за что тебя прощать. А снегопад я могу только благословить. Он помог мне встретить тебя. А ты подарила мне сына.

Ольга: Поздновато. Не думаешь?

Евгений: Я, вообще, сейчас не в состоянии ни о чем думать. Я только люблюсь им. Высокий, красивый, умный, тонко мыслящий. Недаром Лиза сразу пошла за ним.

Ольга: Она первая? Это-то меня и волнует.

Евгений: Но, может быть, последняя. Ты знаешь, они чем-то нас с тобой напоминают, молодых. Так они друг на друга смотрят... Только он - гораздо решительней меня.

Надо было мне тебя тогда в охапку... и не покидать. А он твердо знает, что он хочет делать. И делает.

Ольга: Он хочет мать покинуть и страну. А ведь мог бы поехать со своей Лизой и ее дедом в Петербург, и там уж как образуется. Не срывать, не портить Николаю Павловичу его судьбоносное путешествие, не обострять все. И, в конце концов, закончить свою учебу.

Евгений: Не знаю... Есть логика в том, что ты говоришь... Я ведь его знаю только несколько часов. Но чувствую какую-то глубинную причину его поступков... А ты знаешь, он пообещал приехать в Израиль и навестить мою мать. Познакомиться с бабушкой. Так он сказал. Значит, он не чужд сантиментов.

Ольга: Быстро же вы снюхались.

Евгений: Далеко еще не снюхались. Просто мать моя умрет от счастья. Она давно уже перестала и мечтать о внуках.

Ольга: А что? Давно не знакомил с потенциальными кандидатками?

Евгений: Перестань. Вот как познакомлю тебя с ней, она сразу все поймет. Она у меня умница.

Ольга: И где это знакомство произойдет, позволь тебя спросить?

Евгений: Как где? Ты приедешь к нам. В Израиль.

Ольга: Надолго?

Евгений: Ну...(с опаской) сначала, наверное, на время. А потом - навсегда.

Ольга: Забудь. И выброси это из головы.

Евгений: Почему же это? И это после того, как произошло чудо, и мы нашли друг друга?

Ольга: Потому что все твои фантазии насчет охапки, и тогда бы... Из них ничего бы не получилось. Я бы ни за что не согласилась. И теперь. Я из России никуда... Я эту землю люблю и ею дышу. А твою страну не знаю и боюсь. Слушай, а может, ты вернешься? А?..

Евгений: Ну уж нет! Я твою страну слишком хорошо знаю. И поэтому еще больше боюсь, чем ты мою. И поэтому, каждый раз, как приезжаю - перед отъездом, в последнюю ночь мне всегда снится один и тот же сон.

Ольга: Это какой же?

Евгений: Что меня не выпускают. И я навеки остаюсь в этой стране... А мой самолет улетает.

Ольга: Что ж тут плохого?

Евгений: И я стою один в поле, один-одинешенек... И рыдаю.

Ольга: Господи! А как было хорошо, когда не было этих отъездов, проводов, расставаний. Когда никто и не думал об этом. Все жили вместе. Родственники встречались по праздникам, друзья вместе ездили в отпуск. Всё было в одной семье, в одном городе, в одной стране...

Евгений: В одной тюрьме...

Ольга: Ох уж, сразу тюрьма... Просто, есть люди, которые все очень обостренно воспринимают. С повышенной чувствительностью. Вот у меня на работе есть коллега, прекрасный человек и специалист отменный. Все его ценят. И я с ним дружу. Но нет дня, чтобы он ко мне не прибежал, возбужденный. «Ольга! Нет, Вы только послушайте!.. Вы только представьте! Вы можете смириться с такой несправедливостью?» И мне приходится успокаивать, умирять этот неистовый темперамент, приводить в порядок его нервы. И уходя: «Ольга! Что бы я без Вас делал?»

Евгений *(смеется)*: Мать Тереза!

Ольга: Я не об этом. Ну вот, разрушили. Лучше стало?..

Евгений: Убедила. Ну а нам с тобой что делать? Зачем мы нашли друг друга? Мы разъедемся? И всё?

Ольга *(испуганно)*: Нет! Что ты! Я тебя теперь ни за что не потеряю! И никогда, никому не отдам. Мы будем вместе! *(Жалобно)*. Только я не знаю как.

Евгений: Иди сюда. Мы что-нибудь решим...

(Они стоят обнявшись. Входят Игорь, Павел Николаевич, Лиза).

Игорь: Вы знаете, меня уже ничто не удивляет. Но когда я вас покинул, вы, кажется, готовы были разорвать друг друга на части?

Евгений: Тебе показалось.

Игорь: Ну тогда, Николай Павлович, Лиза, позвольте познакомить вас с моими родителями. Маму вы уже знаете. А Женя оказался моим отцом. Но мы с ним этого не знали.

Николай Павлович: Батюшки светы! Когда же это выяснилось?

Игорь: Да вот мы тут с Женей кое-что прикинули - даты, обстоятельства... Она, конечно, сначала в несознанку... Ну мы немножко на нее наехали... Ну а потом, реально, у нас крыша поехала...

Николай Павлович: Ну я не все понимаю, как этот юноша изволит изъясняться...

Лиза: Дедушка! Какое это имеет значение? Самое главное, что Игорь нашел отца. Игорь! Какой ты счастливый! Женя! Ольга! Я вас поздравляю. Ведь мы теперь одна семья!

Евгений: Правильно. А мне и в голову не пришло. Действительно! Вот, что сделал снегопад. Эта непогода...встречи... Подумать только, несколько часов тому назад никто из нас не предполагал...Семья...

Ольга: Семья... Будьте поосторожнее в своих желаниях... Не торопитесь...

Игорь: Ну, конечно, лучше их откладывать всё время на потом...

Евгений: Семьи, конечно, нет. Но все мы, как бы, родственники. И связаны уже какими-то узами.

Ольга: Ты очень зол на меня, сынок?

Игорь: Нет. Но мне очень обидно, мать. Очень. Я ведь все время чувствовал, что в наших с ним отношениях... В его отношении ко мне...

Ольга: Я знаю, знаю... Не надо сейчас об этом... И мне было больно... Но я трусила... И его, и тебя боялась...

Николай Павлович: Вы знаете, у меня припасена бутылка вина. Коллекционная, из запасов отца, еще вывезенная из имения. За всё, что здесь произошло, надо выпить. Это надо отметить, отпраздновать. Я человек старого закала, суеверный. Выпьем, поднимем бокалы. Иначе, будет не к добру.

Игорь: Подождите. Я сбегаю за стаканами.
(Уходит).

Ольга: Николай Павлович! Ну как? Может быть, удалось вам убедить их, поколебать?..

Николай Павлович: К сожалению, нет. То, к чему я готовил Лизаньку всю свою жизнь, не состоялось. Она бросает меня и оставляет одного на последней переправе.

Лиза: Дед! Может быть, пришло время, хотя бы на последней переправе, как ты выразился, оставить этот тон. Эти ржавые скрижали. Эти химеры. Эти, уже никому не нужные заветы.

Николай Павлович: Лиза!

Лиза: Дед! *(В отчаянии)*. Неужели ты не понимаешь? Это все уже «дизапир»! Как это по-русски?

(Входит Игорь. Расставляет стаканы).

Игорь: Исчезает.

Лиза: Исчезло. И бедные папа с мамой... Ты навязывал им это всю их короткую жизнь. А это было им чуждо. По крайней мере, последние годы... Просто они не хотели тебя обижать. А хотели жить как все. Как живут в Америке. Как живут американцы. Ходят на «парти». Устраивают барбекю. Живут своей жизнью. Имеют своих друзей. А не кушают борщи в русской столовой, не тратят время на шествия с хоругвями, ни на походы в церковь. Ну по праздникам, ладно... По воскресеньям... Но не по каждому же поводу...

Николай Павлович: Но это же твоя вера, твоя родина... У каждого в Америке есть своя вера...

Лиза: И я тебе торжественно объявляю, достаточно. С сегодняшнего дня у меня одна вера - это Игорь. И родина там, где он. Но даже, если бы я его не встретила, твоё путешествие к истокам тебе придется совершить одному. Тётя Соня тебе поможет. Просто Игорь помог мне понять, что мне нечего делать в России. Я ей не принадлежу. Меня туда не тянет. Тебя - да. Тебя туда всегда тянуло. Ты воспринял это как «месседж». Как это по-русски? Хотя ты там никогда не был.

Игорь: Как послание... Как знак свыше...

(Появляется снова тот же пассажир, который проходил уже здесь).

Николай Павлович: Да, мой юный друг! Для меня родина всегда светлая, как яркая, далекая, и казалось, недостижимая звезда. А сейчас, вдруг, стала близкой... И я хотел войти в её ворота под руку с моей дорогой внучкой... Самой дорогой, что у меня осталось. А вы все нарушили...

Игорь: Хотели принести ее в жертву, что ли? Внести ее во ворота, как вы выразились, против ее желания? Ведь вы не могли этого не чувствовать?

Пассажир: Bravo! Молодой человек! Даже если вы правы по сути, проникнетесь красотой и ёмкостью речи. Ведь ваше поколение такого не слышало, да и не умеет так изъясняться.

Игорь: Да нам этого и не надо. А вы всегда умеете появляться в нужное время и в нужном месте. Ведь я вас послал в неверном направлении.

Пассажир: А я покрутился, догадался и вернулся. Уж очень хочется пообщаться с соотечественниками.

Ольга: И правильно сделали.

Голос диктора: Уважаемые пассажиры! Произошли некоторые изменения в метеорологической обстановке. Внимательно следите за нашими объявлениями.

Евгений: Действительно, нужное время и нужное место.

Ольга: Присоединяйтесь к нам. Мы сейчас будем выпивать.

Игорь: Правда закусывать нечем.

Пассажир: Почему нечем. Вношу свою лепту. *(Достаёт свёрток из чемодана).* Хлеб и икра из Москвы.

Николай Павлович: Типично русская закуска. Не совсем годится для вина. Но в походных условиях...

Пассажир: А за что пьем?

Игорь: За воссоединение семьи.

Пассажир: Серьезно?

Игорь: Шоб я так жил. Как говорят в Одессе. Мы все одна семья, хоть познакомились несколько часов тому назад. Не прошло и дня, как говорится.

Пассажир: Это как понимать, если не секрет?

Игорь: Во-первых, я узнал здесь, что у меня есть отец. Его, кстати, зовут Женя. Я, как вы понимаете, о существовании Жени понятия не имел. Так же, как и он о моем. А моя мама, зачав меня, вышла замуж за другого. Женя отбыл благополучно в Израиль, не подозревая о моём существовании. Также, как и я - о его. И вот сегодня, мы все счастливо воссоединились. Как? Стоит выпить за это?

(Все пьют).

Пассажир: Поздравляю. Стоит.

Ольга: Игорь! Может быть хватит? Это никому, а тем более, случайным знакомым, неинтересно и неудобно выслушивать.

Пассажир: Мда!...Как то...

Игорь: А мы добавим интересу и завершим картину еще одним мазком. Из-за снегопада вон там за окном я встречаю Лизу. Она мне нравится. А может быть, даже больше, чем нравится... Я нравлюсь ей. Рискну предположить, что, может быть, даже и больше... И мы понимаем, что расставаться не хотим, что она ни в какую Россию с дедом ехать не хочет. Я ни в какую Россию с матерью возвращаться не желаю. И вот, складывается наша большая и дружная семья. Я, моя любимая девушка Лиза, моя мама, мой папа и любимый дедушка Лизы, Николай Павлович.

Пассажир: Интересный пасьянс. И я, как человек не вовлеченный, со стороны, могу спросить, а что думают об этом все остальные члены такой неожиданной и симпатичной семьи?

Ольга: Да что тут думать? Это же настоящее предательство! Ну да, конечно, со смягчающими обстоятельствами. Не спорю. Но если вдуматься? Человек, в один момент, решил покинуть свою мать, какая бы она ни была. И неизвестно, когда она его увидит! Свой образ жизни. Свою учёбу. Свой город, который он так любит. Сам об этом мне все время говорил. Наконец, свою родину, какая бы она ни была. А родину надо любить, как свою мать. Родина - это всё. Она у нас одна и это не разменная монета. Во всяком случае, я так чувствую. И мне всё равно, кто про нее, что скажет и что осудит. Оставайтесь и отстаивайте

своё. Свои мысли. Свою правду. Только не покидайте. Не покидай ее, Игорек. Умоляю.

Игорь: Ты забыла отца, мама.

Ольга: Да! И отца... Не покидай! О, господи, где моя голова... Я еще не привыкла... Что настоящий твой отец - сам перекасти-поле.

Евгений: Почему это я перекасти-поле? Потому, что я, наконец-то, свою родину нашёл? И совсем не там, где родился. А там, где родился, эта родина всегда, с пелёнок была мне не матерью, а мачехой. И, неоднократно, мне об этом напоминала.

Ольга: Напоминала... Выростила в самые тяжелые времена, образование дала, работу, диссертацию ты уже почти написал. Мне Паша рассказывал... Всё давала...

Евгений: Да, давала... Одной рукой давала, а другой... Тебе рассказать, как я в институт поступал? Или, как я работу искал? Или, почему я решил диссертацию не завершать? Или, почему я планировал на лодке в Турцию отправляться? Мы с тобой, Ольга, жили в разных мирах, в разных измерениях. И тебе меня не понять. Но я тебя, все равно, люблю. Вот такую, как Игорь говорит, дремучую. Люблю, как ты любишь свою родину мать и мою мачеху.

Игорь: Между прочим, мам, у моего отца, как выяснилось, одна родина, у тебя другая. А я между вами. И как мне определиться?

Ольга: Неважно, какого происхождения у тебя отец и мать. Важно, кем ты сам себя чувствуешь. И как ты сам сформировался, как личность. Вот, Николай Павлович, родился и вырос в Америке, а ощущает себя русским патриотом. И Лизу попытался воспитать в таком же духе.

Николай Павлович: И, как выяснилось, потерпел поражение.

Евгений: Почему поражение? Просто не надо пытаться формировать личность по своему подобию. Дайте ей сформироваться самой. И вы, видимо, дали все-таки Лизе необходимую ей для этого свободу. У вас обаятельная и прелестная внучка, которая знает, что хочет. И они с Игорем - прекрасная пара.

Игорь: Женя! Ждите нас в Израиле. Мы вас обязательно навестим.

Ольга (Евгению): Подхалим!

Евгений: Я вспомнил, что в тот день, когда мы встретились, я полюбил тебя и за чувство юмора.

Пассажир: Меня, к сожалению, наверное, уже ищут мои попутчики. А я каждый раз застреваю с вами... Очень уж мне интересны ваши разговоры. *(Обращаясь к Жене)*. Если для вас Россия была мачехой, то меня можно назвать ее нелюбимым сыном. *(Ольге в ответ на её протестующий жест)*. Да, да. И никак иначе. Я живу в Лондоне и сейчас возвращаюсь из Москвы. Принадлежу к, так называемым, шестидесятникам. И меня Родина в семидесятых выбросила вон, как мусор. А что мы хотели? Чтобы наша страна была гуманней, чтобы все было по законам, властями же и писаным. И чтобы было свободней. Чтобы вы, *(обращаясь к Евгению)*, могли спокойно ездить и искать свою родину. И чтобы все могли уезжать и возвращаться. Боже упаси, мы не хотели революций и переворотов. И возвращения на родину триумфаторами в закрытом вагоне с готовыми тезисами.

Евгений: И чего же вы добились? Вы отдаёте себе отчет?

Пассажир: Конечно. Я понимаю ваш цинизм. Вам легко быть циником. Это ведь уже не ваше... Чего мы добились? Не знаю, мы ли? Мы-то оказались за бортом. А на Руси все оказалось как всегда. Всё в том же порядке - бунт, хаос, беспредел. А потом - желание сильной власти. И, конечно, появились совсем другие люди. А может быть те же самые?.. И их партии. По их требованию. И по требованию момента. Не из традиций, и не из необходимых настояний разных групп населения. И все оказалось очень просто. Гораздо проще, чем раньше. Ей богу, зря раньше прежняя власть содержала огромный аппарат Агитпропа, чтобы внушать населению то, что она желала. Оказывается, достаточно одной лихой блатной фразы и весь народ с тобой... И не тянет меня вернуться на родину... Хотя, некоторые вернулись. И даже с советами, как все обустроить... А все мы разбрелись... Кто спился, кто ушел в

себя, замкнулся... Кто пишет мемуары... Я вот не могу, иногда наезжаю...

Ольга: И всё-таки, наезжаете в эту страну?

Пассажир: Наезжаю. Тянет, знаете ли.

Ольга: Вот и я об этом же. Любимые или нелюбимые, мы все ей принадлежим. (*Игорю*). И даже твой отец в какой-то степени. Чтобы он ни говорил.

Игорь (пассажир): Уходите?

Пассажир: Да. Пора, к сожалению.

Игорь: Вдогонку. И постараюсь на вашем, как говорит моя мать, на вашем понятном, культурном языке. Вы все, действительно думаете, что нам с Лизой так важны все эти заросшие мхом понятия - патриотизм, родина, борьба с властями за светлое будущее? У нас с Лизой другие понятия и другие ценности. Тем более что вы сейчас сами только что так убедительно описали, к чему это приводит. Конечно, обязанности по отношению к родителям или деду - святы. Но и они должны быть обоюдны. А родина? Тут мы с вами расходимся. В эпоху интернета, социальных сетей и всеобщего глобального сближения для нас родина - это весь мир. И спасибо всем вам, что вы открыли его для нас. И нам не надо снаряжать лодку, чтобы удрать в Турцию. Да мы не так уж и привязаны к политическим реалиям. К счастью, можем себе это позволить. В другое время живем. И поэтому, Женя, не удивляйтесь, что мы с Лизой так быстро нашли общий язык. Мы просто говорим на другом языке. И мы, в отличие от вас всех, не эмигранты. Мы не эмигрируем, а просто, ищем свой путь в этом мире.

Евгений: Я не удивляюсь. Я завидую.

Николай Павлович: А я разочарован.

Ольга: А я надеюсь, что, всё-таки, ты вспомнишь те ценности, на которых ты воспитывался. Которые я пыталась тебе внушить всю жизнь...

Игорь: Вспомню, мам. Конечно вспомню. Я ведь начал их забывать...

Голос диктора: Уважаемые пассажиры! В связи со значительным улучшением метеорологической обстановки, все рейсы из нашего аэропорта возобновляются. Просим всех, как можно скорее, пройти к регистрационным стойкам.

(Все смотрят на прозрачное окно).

Пассажир: А, действительно, снегопад-то кончился. Молодой человек! В чем-то вы правы, а в чем-то - нет. Во всяком случае, есть о чем задуматься. А пока, всем приятного полета. *(Уходит).*

(Все быстро начинают собирать свои вещи. Один только Николай Павлович стоит, задумавшись).

Лиза: Дедушка! Собирайся. Я тебя провожу, и помогу зарегистрироваться, и со стюардессами поговорю, чтобы они тебе в самолете помогли.

Ольга: Да вы не волнуйтесь, Лиза, может быть, мы устроимся на одном самолете. Ведь я тоже в Петербург лечу.

Николай Павлович: А вы знаете, мои дорогие, я передумал. Никуда я не полечу. Я хочу домой.

Лиза: Дедушка! Это из-за меня? Игорь! Мне придется поехать с дедом.

Николай Павлович: Нет. Моя милая! Просто я понял, что все мои устремления мешали мне жить. Я слушал вас всех и думал. Вы - другие. А моя жизнь - другая. А то, чем жили мои родители, это все ушло безвозвратно. И ничего я там не найду. Даже могил. Помогите-ка мне, Лизанька, поменять билет на Сан-Франциско.

Игорь: Вы очень правильно поступаете, Николай Павлович. И не волнуйтесь. Я привезу вам вашу внучку.

Николай Павлович: Вы уж берегите ее.

Игорь: Николай Павлович! Она услада и отдохновение для моего сердца, и самая клевая из всех, кого я встречал.

Лиза (Ольге): Вы меня когда-нибудь простите?

Ольга: Мне не за что тебя прощать. *(Обнимаются).*

Лиза (спрашивает у Игоря): Как передать по-русски надежду - «СИ Ю ЛЕЙТЕР»?

Игорь: Скажи просто - до свидания.

Лиза: До свидания, мои родные. *(Снова обнимает Ольгу и Евгения.)*

Николай Павлович: До свиданья, мои дорогие. Не забывайте, что мы с вами родственники. Свидимся ли?

(Лиза и Николай Павлович уходят).

Игорь: Ну, плакать будем?

(Ольга начинает плакать).

Игорь: Мать! Я постараюсь все забыть. Твои наставления. А, самое главное, твои обманы. И мне очень нравится Женя. Ты правильно выбрала мне отца. Давайте, как-нибудь, соберемся все втроем, посидим, поговорим.

Ольга: Ты правда так думаешь? Ты, правда, этого хочешь?

Евгений: Конечно, он этого хочет.

Ольга: Нет, я хочу от него услышать.

Игорь: Я, правда, этого хочу. *(Обнимает и целует Ольгу. Обнимает Евгения).*

Как всегда, поручаю ее вам, Женя. Только, не дай бог, если в следующий раз застану вас в разгар страстного поцелуя. Ведь все предыдущие этапы я уже наблюдал. А впрочем, почему нет?

(Берет чемодан и уходит).

Евгений: Снегопад прошел... Он подарил мне тебя и сына. Спасибо тебе за Игоря.

Ольга: А я думала, что снегопад отобрал у меня сына. Но сейчас мне стало намного легче. Я заново приобрела и тебя и его.

Евгений *(обнимает её):* Пошли?.. Разлетимся в разные стороны?

Ольга: В разные страны.

Евгений: Чтобы встретиться на Литейном мосту?

Ольга: На Литейном мосту.

Они уходят. За окном крутятся одинокие снежинки.

Конец

Александр Кацура

TZAR, или история нагретого места

Трагикомедия в 12 сценах

Предисловие

Досье 1

знаменитый историк Василий Ключевский назвал коронацию Симеона Бекбулатовича «политическим маскарадом». Иван IV продолжал сохранять практически единоличную власть, хотя Симеон сидел в Кремле и важно подписывал указы и грамоты. Ни современники грозного царя и потешного Симеона, ни историки российские объяснить сей казус не сумели. Было много предположений – внешнеполитическая необходимость, усталость посадских людей и бояр от «лютого царя», необходимость «хитрых ходов» для дальнейшего усиления центральной власти, наконец, испуг Ивана Васильевича, когда некие ВОЛХВЫ напророчили на 75-й год «московскому царю смерть». Нет сомнения, что временному уходу московского царя из Кремля предшествовала извилистая цепь событий (начиная с гибели Малюты и борьбы Ивана с собственной опричниной).. Нетрудно догадаться, что самые драматические из этих событий разыгрались за кулисами. Карл Маркс любил подчёркивать, что исторические явления обычно повторяются: сначала они приходят как трагедия, а потом возвращаются уже в виде фарса. Но царствование Бекбулатовича на трагедию никак не тянет. Это был самый настоящий фарс. Ужели в данном случае история перепутала события местами и нам уготовила трагедию?

Поживём, увидим. Однако же не обязательно сие пассивно наблюдать. Можно вмешаться и худшее предотвратить. Не только методами политики, но и художественными средствами. Для нынешней России актуален лозунг, звучавший в Европе три четверти века назад: С кем вы, мастера культуры? В тогдашней Европе мастера культуры с надвигавшейся бедой не справились. Неужто нынешние российские – разобшённые, измельчавшие и на глазах теряющие глубину и стойкость – тоже провалят дело (на одной восьмой Земной суши)?

Впрочем, для России XXI века, пытающейся осознать себя цивилизованной страной, одна частная трагедия уже свершилась. Имею в виду последние машкерадные несколько лет. Из истории их уже не вырубить. Кучка авантюристов проделывает свои делишки у всех на глазах, а нация словно спит. Ну, и чего стоит такая дремлющая нация? Стыдоба! А виноваты в этом – мы все. Без исключения.

Досье 2

Рассказывают, что в одном из французских словарей середины XX века, чуть ли не в Larousse, про первого русского царя написано было так: Иван IV Грозный – русский царь, за свою жестокость прозванный Васильевичем. Умер этот жестокий Васильевич в 1584 году. Симеон пережил его на много лет, видел царство Федора Иоанновича, правление Бориса, пережил Смутное время, а умер уже при первом Романове. Жил он скромно, однако же тень политического влияния сохранил. Например, в 1598 году, целуя крест новому царю Борису Годунову, каждый боярин должен был обещать *«царя Симеона Бекбулатовича и его детей и иного никого на Московское царство не хотети видети...»*. Но Годунову этого было мало, он лишил бывшего царя удела и сослал в маленький город на окраине русского государства. После смерти Бориса от крещёного татарина не отстали. Лжедмитрий I, называвший себя императором русским и просидевший правителем в Кремле по странному совпадению те же 11 месяцев, помиловал и вернул в Москву сосланных при Борисе Шуйских, Романовых, всяких прочих, зато Симеона велел постричь в

Кирилло-Белозерском монастыре в иноки под именем старца Стефана. Скоропостижный царь Василий Шуйский тем же годом приказал сослать новоиспечённого инока на Соловки. Там и умер бывший Всея Руси Великий князь и царь в январе 1616 года (уже почти три года на троне сидел юный избранный царь Михаил Романов). Похоронен Симеон был рядом с супругой Анастасией в Симоновом монастыре в Москве. На надгробии выбита была надпись: «Лета 7124 году генваря в 5 день преставился раб божий царь Симеон Бекбулатович во иноцех схимник Стефан». Характерно, что на камне не забыли написать слово *царь*.

В советские времена о царе Бекбулатовиче говорили глухо. В школьной истории об этом не рассказывали. Энциклопедические словари, как правило, о Симеоне не упоминают. Большевикам был ненавистен этот эпизод. Ещё бы! Как это царь Иван добровольно отказался от власти?! Пусть и на время. От власти токмо вперёд ногами – вот кредо русско-советских держиморд. Лют был Иван Грозный, а всё ж царь. И тень на него наводить не дадим. Советские начальнички хотели вымарать потешного царя – простым умолчанием. И добились своего. Спросите людей, спросите образованных (увы, «образованных по-советски», других-то почти нет). Решительно никто ничего не знает о Симеоне Бекбулатовиче. Даже имени не слышали. А ведь он был законный русский царь почти целый год. А потом ещё сорок лет смущал московских правителей одним только фактом своего существования. Вот вам и знаменитое непредсказуемое прошлое Руси. Врали, врём и будем врать. То-то мы всё натываемся на те же оглобли, наступаем на те же грабли...

2 июня 2008, 2 – 22 июня 2011 года

Я угадать хотел, о чём он пишет?
О тёмном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском Вече?
О славе ли отечества? напрасно...
А.С. Пушкин

1

Москва, весна 1575 года. Кремль. Палаты царя.

Иван *трогает пальцем стёклышко на иноземной штуковине*). Наваждение. Тени. *(Крестит штуковину малым крестом)*. Творят невесть чего. Одно слово – иноземцы! Ох, и тяжко мне, грешному. *(Осеняет себя большим крестом)*. Тени вокруг. Столпились! Чего хотите? У-у-у! *(Пытается разорвать ворот рубахи, рвёт его)*. Упрел. *(Сбрасывает расшитую золотом шапку)*. Тяжела ты, шапка... Черти б тебя драли! *(Хлопает в ладоши)*.

Появляется дьяк.

Можешь завести завод сей хитрый?

Дьяк косо смотрит на штуковину и испуганно мотает головой.

Не можешь? То-то.

Дьяк. Неможно, царь-батюшка. Не моё это дело.

Иван *(отбрасывает штуковину)*. Ладно. Не про нас эти мудрости. Слушай сюда, смерд.

Дьяк склоняет голову.

Обрыдло всё.

Дьяк таращит глаза.

И царём быть – обрыдло.

Дьяк. Что ты, царь-батюшка, говоришь такое! Не пойму я.

Иван. Невмоготу.

Дьяк. Быть того не могёт, царь-государь!

Иван. Я ж, как раб на галерах, к веслу который год прикован. Тяжко мне стало.

Дьяк. Понять сие неможно. Отказываюсь.

Иван. Щас поймёшь. Живота не жалел ради поданных, ради холопи своих... Ты видел, как оне надо мною теперь смеются? А?

Дьяк *(испуганно)*. Кто, государь?

Иван. Все.

Дьяк. Все?

Иван. Знаю, знаю. По кабакам да трактирам крамолу несут. На площадях, на дорогах, по деревням – скоморохи, чёртово отродье... Рожи корчат! Меня изобразить норовят. Царя Всея Руси в грош не ставят. Опричным дорогу не уступают. Слыхал, небось, про ведёрки?

Дьяк. Баламуты.

Иван. Народ стал не тот. Про земских я не говорю. Про бояр тем паче. Но даже дворовые люди при встрече глаза тупят.

Дьяк. Не может такого быть.

Иван. Али кровь пустить?

Дьяк. Не ко времени оно, царь-государь. Все тебя и без того уважают, любят. Души не чают. Может, обойдётся? Пересидим?

Иван (*смотрит тяжёлым недобрым взглядом, но вдруг глаза его оттаивают*). Любят? Врешь ты, смерд. Ладно, можно пока и без крови, без казней лютых. Всё одно, власти мой царской срок подходит...

Дьяк. Это как?

Иван. Подай ящичек.

Дьяк протягивает футляр от немецкой диковины.

Ты, смерд, ституцию нашу читал?

Дьяк. Чего? Ась?

Иван. То-то же! Твоя правда. Никто её не читал. Да и чего её читать? (*Суёт ящик под трон*). Нет у нас, слава Богу, никакой ституции. Филькина грамота. Царь – он всяких ституций выше! Но оне там (*грозно машет куда-то в сторону свещающегося окошка*) считают, что будто б есть. Это оттого, что мы земскую реформу учредили. Самоуправление в деревнях да сёлах (*сближает большой и указательный пальцы до малого просвета*) допустили. Земский собор, боярская дума, выборы-швыборы, тять их в кубышку... Глупо, смерд, получилось. Сам понимаю. Конечно, могу не соблюдать никакие сроки. Я царь-государь милостью Божией. Я над народом и отец, и судия, и душ людских спаситель. Что мне эта бумага, из враждебных земель навязанная! Слово-то какое придумали противное. Ституция, прости Господи!

Дьяк. Очень противное, государь. Никудышнее словечко. Хужее нет.

Иван. Да, могу не соблюдать. Народ меня любит, понимает. Народ, он поддержит. Служивые люди в обиду не дадут. Опричные – все за меня. Так?

Дьяк испуганно икает.

А вот бояре...Воры великие. Знай, сундуки набивают. Хотят показать, что золото сильнее власти. У-у! (*Поднимает увесистый ? кулак*). Но обхождение у меня с ними простое. Кому по сопатке, кого в острог, кого на кол... Это у меня быстро.

Дьяк издаёт радостное горловое бульканье.

Да вот что в Литве скажут? В Датском королевстве. На острове на Аглицком.

Дьяк. Государь-батюшка! Что нам Литва! Что нам остров этот поганый!

Иван (*насмешливо*). Дурак ты, дьяк. Дурачина. Умный, а дурак.

Дьяк. Дык оно как обстоит?

Иван. О! Скажи, а куды мне пеньку да ворвань везти? Куды соболя сибирского? Откеда деньга в казне берётся, знаешь? В нашем бедном отечестве сколько ни копай, золота не найдёшь. Разве чёрное масло земляное. Горит оно хорошо, это правда. Хоть в лампаду, хоть куда. Да его ещё найти надо, в бочки налить. А золото... У бояр отнять, что ль? Вот ты, смерд, золото любишь?

Дьяк неопределённо крутит головой.

И я люблю. Впрочем, вру, не люблю я его, окаянного. Стыд на нём да кровь. Но без золота государством управлять ещё никто не умел. Меч в этом деле обоюдоостр. Да к тому ж без золотишка и меча доброго не достанешь.

Дьяк вздыхает.

Тут, смерд, мозгой крутить надо.

Дьяк. Вот это точно, государь.

Иван. То-о-чно! Без тебя токмо не знаю. Уже какую ночь не сплю. Душно мне, смерд. Тени... Тени бродят. Грозные тени, страшные...

Дьяк. Водочки надо выпить, государь. Полынной либо жа анисовой. Закусить огурчиком. Балалаечников позвать. Дев, взгляду приятных. Враз тоску сведут.

Иван. Такой совет завсегда хорош. Но не до водки мне сейчас, смерд, не до неё, родимой. И не до девок. Знаешь, чего я удумал?

Дьяк. Чего, государь?

Иван. От трона отойти я задумал.

Дьяк (*испуганно таращит глаза*). Это как, государь? Эта зачем жа? Да и мыслимое ли это дело? Да и как народ без царя? Вой и плач по Руси пойдёт. Это ж погибель. Всем нам погибель. Понеже бояре ненавистные в дугу согнут. Заводчики самовластные кровь народную пить зачнут. Токмо ты, царь, отрада. Токмо на тебя и надёжа.

Иван. Без царя народ не останется.

Дьяк. Чавой-то не пойму я, государь. Как же это не останется, ежели ты, отец родной, нас покинешь?

Иван. Ну, слишком далеко не покину. Этого не жди. Но от трона отойду.

Дьяк. Нет понятия во мне, государь. С утра у меня голова дурная была, а ноне и вовсе разум излетучился.

Иван. Разум? Твой? (*Смеётся*). Излетучиться может токмо то, что в наличие имелось. Так что погорячился ты, дьяк, царёв советник. Ладно, шутю я. Не слышал, что волхвы тем летом плели? Что на будущий год царю Московскому смерть придёт. Волхвов я на кол отправил, да бережёного Бог бережёт (*широко крестится*).

Дьяк. От оно как! Где ж выход, царь батюшка?

Иван. Всё просто, дьяк. Подыщем для трону какого-нибудь завалящего князька. Сделаем его царём-царишкой на годик-другой. И посмотрим, что с ним будет. Пусть правит в своё удовольствие (*усмехается недобро*).

Дьяк. Как правит? Грех! При живом-то государе...

Иван. То-то и оно, что при живом. При мёртвом оно ж рази нам интересно? Вот пусть при живом и покрутится. Понеже у нас на Руси театр ещё не в таком развитии. Скоморошья игрища с медведем да козами – рази театр? Вот пусть теперя будет настоящий театр! А в Литве и Польше пусть посмеются.

Дьяк. Да уж смех не лихом ли выйдет?

Иван. Не думаю. Оне там быстро смекнут, что к чему. А народ наш к театральному делу очень даже способный. Где сцена, где жизнь – легко путает. Творческий народ! Фантазийный.? И при этом смиренный, терпеливый. Хорошо с таким народом.

Дьяк (*широко улыбается*). Хорошо, царь-государь

Иван. Вот токмо скоморохи да умники, книжек начитавшиеся, смутить его хотят. Но у меня кнута для них хватит!

Дьяк. Преопаснейший народец эти книгочеи.

Иван. А лица какие у них поганые. Так и сочатся независимостью. От кого независимость? От чего? Стыда Божьего на них нет. (*Крестится*). От книг их вредных да от знания излишнего весь разврат. Писать всякую пакость наладились. Подпищики! Письма подлые, письма порочные так и норовят в свет пустить...

Дьяк (*презрительно*). Филосóфы.

Иван. Вот-вот! Короче, выживет новый царь – большим княжеством награжу. Ну а коли помрёт, так, значит, Всевышнему угодно, Да ты чего, дьяк? Али закручинился?

Дьяк. Робею, государь. Добром может не кончиться.

Иван. Это ещё почему?

Дьяк. А как новоиспечённому царьку место приглянется? Как он зачнёт везде своих людей расставлять? Меня-то первого турнёт.

Иван. Куда это он тебя турнёт? Ты как был, так при мне и останешься.

Дьяк. Где это? Интересно бы знать.

Иван. Да где-нибудь тут, неподалёку. В Петровской слободе али в Богородском. А может и на Пресне...

Дьяк. Я-то останусь, а другие?

Иван. Опричные начальники, что ли?

Дьяк. Ну не бояре ж.

Иван. Опричные при мне будут. Или я их кому отдам? Не быть такому.

Дьяк. Верное решение, государь. Люди это нужные, верные. Токмо не забывай, что словцо *опричнина* ты ещё за тем годом под страхом кнута запретил.

Иван. Это я протчим людишкам заповедал. А нам с тобой можно. Мы знаем, об ком речь. А те опричные, что на Москву Девлет-Гирея жечь её пропустили, за дело наказаны.

Дьяк. Понимаю, государь.

Иван. Впрочем, часть бывших опричных, самая надежда, в Кремле так и останутся. Сам понимаешь, нового царя беречь надо. Пушинки с него сдувать.

Дьяк (*улыбается*). Пушинки, государь? Ай, верно.

Иван. Ну, я ещё с ума не совсем соскорохотился. В охране сановных лиц кой-чего ещё смыслу.

Дьяк (*улыбается вовсю*). Ой, смыслишь, государь!

Иван (*раздумчиво*). Вот, может, и тебя в Кремле оставлю. За новым царём догляд сурьезный нужен. Помощь да совет ему нужны в делах государственных. (*Прищуривается*). Аль откажешься?

Дьяк. Отказать царю своему не могу. Вопрос в ином. Не боишься, что к новому царю переметнусь?

Иван (*грозно-весело*). Не боюсь, смерд. Ты своего царя знаешь. И другой тебе не надобен.

Дьяк. Пожалуй, что так. Не сумлевайся. А иные людишки к нему точно потянутся. Власть, она как девка манит. Даже призрачная власть, и у той ... словно мёдом мазана.

Иван. Спереди мёдом мазана, зато с тылу кнутом подрумянена. А людишки, тьфу!.. (*презрительно сплёвывает*).

Дьяк. А то гляди, как Курбский Андрейка... В Литву утёк.

Иван. Письмо моё к нему, тем месяцем писанное, отослано ли?

Дьяк. Отослано, государь.

Иван. А ответ?

Дьяк. Это который? Где он уговаривает тебя для правления Русью советников мудрых избрать?

Иван (*кисло морщится*). Да нет, следующий.

Дьяк. Следующего скоро не жди. Пока гонец свезёт, пока Курбский отпишет... А всё же его пример другим – как шило в интересном месте.

Иван (*мрачнеет, но тут же улыбается*). Ну да, в том месте, каким на кол сажают.

Дьяк (*ему тоже смешно*). На кол... Хе!

Иван (*подмигивает*). Колов да плах настругаем что птах!???

Дьяк. И всё же боязно, царь-надёжа.

Иван. Да не бойся ты, смерд. Всё под контролем.

Дьяк. А посмешищем Русь не станет?

Иван (*хмурит брови*). Пусть попробуют посмеяться.

Дьяк. Да не у нас, царь-государь. В иных землях. Иноземцам рта не замажешь.

Иван (*небрежно-весело*). А что нам, смерд, до чужих земель? Посмеются, посмеются, да и пуп надорвут.

Дьяк (*озабоченно*). Войско в порядке содержать надобно.

Иван. Об войске не забудем, похлопочем. Полковникам и полуполковникам жалованье повысим.

Дьяк. И воеводам бы не мешало...

Иван (*увесисто машет кулаком*). С воеводами у меня разговор простой. Иные не забыли. Ни топора, ни мёрзлой плахи.

Дьяк (*лицо смешливое*). Ой, не забыли, государь.

Иван. Впрочем, и монет дадим. Отчего не дать! И монетой, и соболями платить будем.

Дьяк. А вот на базарах да в кабаках об чём толковать станут? Почнут говорить, что царь не настоящий.

Иван. А разбойный приказ для чего?

Дьяк. А как царя незаконного свергнут, да и нас заодно на суд, на плаху потащат.

Иван. Плахи бояться, царём не бывать.

Дьяк. А люди злого умысла? А разбойники шалить наладятся?

Иван. Разбойных людей и злоумышленников я везде найду, в отхожем месте достану... Где застану, там и удавлю.

Дьяк. Вот это по- нашему сказано, это народу понравится...

Иван. Чего бы я ни делал, народу должно нравится. Потому как я царь.

Дьяк. А кого же ты, царь всея Руси, на трон посадить задумал? Кого из князей, из воевод? (*Испуганно*). А то может кого из бояр богатых?

Иван. Бояре! (*Тяжело смеётся*). Поначалу я думал князя Сергея Оболенского, Иванова сына. Муж он опытный, рука твёрдая.

Дьяк. То и опасно. Твёрдую руку лучше на запасной должности держать.

Иван. Верно думаешь, дьяк. К тому же, слава у него подмоченная. Да и сынок его...

Дьяк. Это который добрых людей на улице конём сшибает?

Иван. Людишки шастают, кто-то и под конём окажется. Да вот слава идет недобрая. Не повредило б делу. Пойдут слухи...

Дьяк. Слухи! Олова кипящего им в глотку. Али свинца.

Иван. Распустились.

Дьяк. Слава недобрая - Бог с ней. Да вот человек он с хитрецей. В душу ему не заглянешь. Темновато. Кажись, и властвовать любит крепко. И в Посольском приказе, и в Разбойном я это за ним видывал.

Иван. Стало быть, не годится князь Сергей?

Дьяк. Не годится, государь.

Иван. Князь Дмитрий мне показался...

Дьяк. Это какой жа?

Иван. Дмитрий Михайлович, Старицкого князя отпрыск...

Дьяк. Неужто? Человек вроде смирный, однако жа с загадкой.

Иван. Но остановился я на Семёне.

Дьяк. Это ж какой такой Семён, государь? Не припомню сразу.

Иван. Симеон Бекбулатович, Касимовский хан. Молодой ещё, не оперившийся. До крещения Саин-Булатом звали. Я его сам крестил, сам имя нашёл.

Дьяк. Нежданный выбор, государь. Обмозговать надобно.

Иван. Сын Бек-Булат султана, правнук Ахмата, хана Большой Орды. Вроде как царских кровей. Право на трон имеет.

Дьяк. Ой, стрёмно. Не гордец? А то один Симеон Гордый у нас уже был в тем веке. Нравом не горяч? Каков сам будет?

Иван. Человек он тихий, семейный. В жёны я ему отдал Анастасию Мстиславскую, дочь князя Ивана Фёдоровича Мстиславского. В службе отличился, в Ливонских походах участвовал. Кричать не любит. Требовать не обучен. За семью беспокоится. Лицом приятен. Нравом мягок. Росту невеликого, но статен-опрытен. Глаза добрые, доверчивые. Речи гладкие. Характера же мужеского... Сколь я не приглядывался, оно не углядел.

Дьяк (*радостно*). Вот такой человечек нам и нужен.

Иван. И он, как видишь, есть.

Дьяк. А он знает?

Иван. Я как-то ему сказал. Негромко так, вроде как в шутку. Он же, как девица, вспыхнул, задрожал даже. Как лист на осине. Испугался.

Дьяк. Во-во. Оно нам пользительно. Девицу в штанах и надобно сажать. Красиво выйдет.

Иван. Я так и подумал. Ты распорядись, чтоб за ним послали. Потолковать мне с ним надо. Как не крути, а дело сурьёзное. Русский трон делить будем.

Дьяк. Прости, государь. Не вели казнить, но слово твоё неправильное. Не делить трон, а отдать на сохранение. Чтоб сохранял надёжно, а опричь того не рыпался.

Иван (*весело*). Не велю казнить, дело говоришь. Так отдай приказ. Пусть везут хана в стольный город Москву.

2

Кремль. Палаты царя. Робко входит Касимовский хан Симеон.

Иван. Здорово, Семён.

Симеон. Здравствуй, великий царь-государь.

Иван. Ладно-то величать. Вели-икий! Успеется. Иди, иди сюда, к свету.

Симеон. Слушаюсь, государь. (*Приближается*).

Иван. Дай посмотреть на тебя.

Симеон (*смущен*). Чего смотреть на меня, государь? Чем заслужил я такую милость?

Иван. Ужо заслужил. Посмотреть на тебя изволили мы. Об сурьёзном деле потолковать нам надо.

Симеон. Чую, что не по пустяку вызвал.

Иван. Как ты там, в своём Касимовском ханстве. Не сильно проворовался?

Симеон. Как можно, царь-государь!

Иван. Знаю вас всех. Знаю.

Симеон. Обидно слышать, царь-государь.

Иван. Как жёнушка твоя, Настасья?

Симеон. Спасибо, государь. Жена славная, добрая.

Иван. Здорова ли, не хворает?

Симеон. Слава Богу, нет, государь.

Иван. Детишек нарожали?

Симеон. Не без этого, государь.

Иван. Славно.

Симеон. Всё по Божьей воле, царь-государь.

Иван. Конешно, конешно. К делу. Я, брат, отдохнуть задумал. Богу помолиться. Мысли в порядок собрать. Покаяние принести. Тело хоть немного очистить. Схиму на время принять. Короче, отъеду я то ли в Петровскую слободу, то ли на Пресню. Трон, стало быть, ослобоню. Кого же здесь, в Кремле, оставить? На троне мне нужен человек надёжный. Смекаешь?

Симеон (*с некоторой дрожью*). Нет, царь-государь. Нет, надежа-царь. Какой такой отдых? Не по-нашему это, не по- православному.

Иван. Ха! Татарин Касимовский. Давно ли сам православным стал?

Симеон. Давно, государь. Мне что два года, что два века. Всё едино. Христос да Пресвятая Богородица научили.

Иван. Ишь ты! Это хорошо, коли так.

Симеон. Ещё как славно, государь.

Иван. Но отдых и царям нужен. Хочу поставить тебя на Москве Великим князем-государем Всея Руси.

Симеон (*вспыхивает румянцем*). Как это? Как такое возможно, царь-государь?

Иван. Возможно, возможно. По моей царской воле всё возможно. Теперь ты царём-государём будешь, а я,

Ивашка?? Васильев со своими детишками, твои холопом стану. Как тебе?

Симеон. Трудно, царь-государь. Непонятно. Не снесу я.

Иван. Снесёшь, снесёшь. По моей царской воле снесёшь, сколь потребно будет.

Симеон. А для чего это, государь?

Иван. Словно не знаешь! Я ж толковал с тобой о прошлом годе. Вот, время настало.

Симеон (*голос дрогнул*). Настало?

Иван (*улыбнулся грустно*). Везде тебя ждут, Семён. Я им надоел. Кричат: убийства, кровь, воровство, шалости, мздоимство великое. Везде нового царя Руси хотят. Думают воровство остановить. Получат нового. Вот такого, как ты, хотят. Молодого, статного. Незлобивого. На троне в Кремле. В сношениях государственных. В Литве тебя ждут, в аглицких краях, во французской Паризии ждут... Пообвыкнешь, тебе понравится.... Польский король в глаза тебе заглядывать будет.

Симеон. Справлюсь ли?

Иван. Мы поможем. Речи громкие, речи славные говорить научим.

Симеон. А ты, государь? Чем займёшь голову свою буйную, разум свой великий?

Иван (*смеётся*). А тебе помогать в делах государственных? Аль не труд?

Симеон. Без твоей подмоги не обойдусь, государь.

Иван. Правильно говоришь. Стало быть, согласен?

Симеон. Повинуюсь, государь. Но почему меня? Столько князей у тебя знаменитых! Столько бояр знатных!

Иван. Князья-а! Бояре-е! Знамени-итые! Ты мне глянулся. Вот государем и станешь.

Симеон (*голос дрогнул*). Государем?

Иван Ну, пока ещё я государь. Это правда. Но скоро ты будешь. А я хозяйством займусь. Над приказными первым стану. Разорили мы землю русскую в прошлые года. Кто поднимать будет?

Симеон. Верные слова говоришь, государь.

Иван. Сам знаю, что верные. Трудны заботы наши грешные. Токмо вот что, царь-государь будущий. Ты на троне сиди, да меру знай.

Симеон. Меру?

Иван. А ты как думал? Не для того я тебя сажаю, что бы ты меня, царя твоего, в узилище запрятал. А то и на плаху потащил.

Симеон (*в испуге*). Что за слова! Как можно, государь?

Иван. Государева власть – штука трудная, брат. Опасная! Так душу шатает, так мотаает. Сам себя не узнаешь.

Симеон. Да и я про то ж говорю. Побаиваюсь я.

Иван. А ты не бойся. Но ни бояр, ни служивых людей без моего согласия никого не трогать. Воевод не перемещать. Это моя забота.

Симеон. Понятное дело, государь.

Иван. На казну государеву не зариться. Обойдешься жалованьем. Оклад положу тебе добрый, бедствовать не будешь.

Симеон. Верю, государь.

Иван. И вообще, не в свои деньги не лезь.

Симеон. Ни почто не полезу.

Иван. Бумаги государственные подписывай смело. Я тебе советом всегда подмогну. Да и люди мои из посольского приказу помогут, подскажут. Послов иноземских принимай весело, с улыбкой.

Симеон. Слушаюсь, государь.

Иван. Боярина Михайлу из тюрьмы не выпускать.

Симеон (*голос дрогнул*). Михайлу?

Иван. Да, да, ты не ослышался. Тут к тебе жалобщики да плакальщики цепью потянутся. Смилуйся, царь-батюшка... Ослобони безвинно посаженного... Всех гони. Я Михайлу сажал, мне его и освободить.

Симеон. Прости, государь, но за что ты на него так взъелся? Чего вы не поделили?

Иван. Это мои дела. Сам знаю, сам отвечу.

Симеон. Твои дела, государь. Я согласный.

Иван. Больно крут он стал. Сундуки у него разве токмо не лопались от монеты. На тронное кресло глядел косо. Словно оно и жалит его, и ндравится...

Симеон. Быть того не может, государь.

Иван. Может. Всё может быть.

Симеон. Надо жа...

Иван. Он хотел нам показать, что золото – сильней власти царской. А вот накося! (*Сует Симеону под нос кулак*).

Симеон (*заикаясь*). Зо-зо-зо... лото? Силь-силь-не?..

Иван. Да не бойсь ты. Не обеднеешь. Деревень тебе подарю царских знатное число, вотчиной пожалуй. немалой. Чай, не твой захудалый край. Где он, этот Касимов? Настоящим князем станешь.

Симеон. Благодарю, государь за щедроты.

Иван. Но это потом, после царства твоего. Войска своего чтоб не заводил и новых опричных тож.

Симеон. Да зачем мне это?

Иван. Ну, иной без этого и жить не сумел бы, но ты обойдешься. А коли лихо грозить будет, мы тебя в беде не оставим.

Симеон. Твоё слово надёжное, государь.

Иван. Советников я тебе дам добрых. А главным над ними посажу человека свойского, человека сметливого.

Симеон. Это кого ж, государь?

Иван. Сейчас познакомлю. (*Хлопает в ладоши*).

Появляется дьяк.

Это он мне тебя присоветовал. Смотри, говорит, какой красивый, да умный, да верный. Чистое дело, трон украсит. Стало быть, он тебя любит. Вот и ты его теперь люби.

Симеон. Всем сердцем.

Дьяк улыбается.

Иван. Да, ты человек с сердцем. Сразу видно. Мне говорили, Семён, что ты свою семью любишь.

Симеон. Ещё как, государь. Жена-душенька, дети – цветочки Божии

Иван. Во-во. И я твою семью люблю, малых сих. Об их безопасности вместе теперь заботиться будем.

Симеон. Вместе?

Иван. Разве тебя бывший царь своею милостью обделит? Плохо обо мне думаешь. Это теперь наша общая забота. Ты на троне занят будешь, в делах, в поездках. Кто кровиночку твою утешит, обогреет? Ты в поступках будешь успешен, твоя семья процветать будет. А ежели заартачишься, неверный шаг сделаешь, со мною посоветоваться забудешь, не обессудь. Я понятно сказал?

Симеон. Твоё слово глубокое, государь. В самое сердце проникает.

Иван. Я на это и надеялся. Мы друг друга поняли.

Симеон (*глухо*). Поняли, государь.

Иван (*весело*). Можно готовиться к коронации. Но сначала устроим земские выборы. Чтобы всё чин по чину. А земцы тебя выберут. Я скажу, оне выберут. Али не так?

Дьяк радостно кивает.

А бывшие опричные, те тож возражать не будут. Знаю, им новый царь по сердцу придётся. Али не так?

Дьяк почти задыхается от восторга.

Симеон. Прости, царь-государь, но выходит, ты меня на трон погреть его сажаешь? Дабы не остыл в твоём отсутствии?

Иван (*дьяку*). Смотри, враз сообразил. С умным человеком легко дело вести.

Симеон (*дрогнувшим голосом*). А скажи, царь-батюшка, долго ли мне на чужом-то месте мучиться-маяться? **Иван.** Дурачок! Да разве мучение сие? Маята ли? Дай малый срок, сам поймёшь, сколь сладостно место это. Ну да ладно, не журись. (*Хлопает в ладоши, пристукивает каблучком*). Ах, Сёмка, плут ты этакий! Умён, шельмец, не по годам. Где это видано – из захудалых князьков да в цари. При дворе все перед тобою забегают. Ну, а каблучком притопнуть, это ты освоишься. Я тебя этому научу, подскажу. Ты с ними строго держись. Не распускай! Не токмо по Руси, по всему миру звон пойдёт. И-йе-ха! (*Стучит каблучком, начинает плясовое движение, но тут же останавливается.*) Все глаза на тебя, Сёма, устремятся. А ты держись гордо, говори смело, аки правитель державный. Короли да герцоги, да князья великие, все

захотят поклон тебе отдать. Потому как ты – царь. Все знают, что такое Русь сильная! Король Польский взгляда твоего искать станет. Житуха пойдет – ты в своём Касимове такого век не видывал. Кушанья у тебя будут обильные, забавы вельми весёлые – псовая и соколиная охота, конские ристания, особливо занятна медвежья травля. Но последнее – дело опасное. Не шибко увлекайся. Короче, слушай своо царя, и дела твои пойдут славно. Кстати. Воровать захочется – воруй! Но не увлекайся. Помни – власть сильнее золота. (*Презрительным голосом, почти гнусавым*). Всё мое, сказало злато? Враньё это.

Дьяк с серьёзностью кивает. Симеон молчит.

А боярина Михайлу чтоб ни за что не выпускал (*Смотрит на Симеона тяжёлым, цепким взором*). Глади у меня!

3

Осень 1575 года. Успенский собор Кремля Коронация Симеона. Толпятся послы, гости...В первом ряду царь Иоанн, Рязанский архиепископ Феодорит, боярин Василий Петрович Морозов, келарь Авраамий Палицын и сам коронуемый Симеон... На краю сцены, за условной кремлёвской стеной обстановка обычного кабака - несколько столов, посетители...

Царь Иоанн бормочет скороговоркою.

Иван. Яви нам, Господи, в нынешние времена нового кормителя и промыслителя о нас, малых сих, доброго поборника Симеона Бекбулатовича, избранного нами и Богом наставляемого Ктитора святой обители сей, каков был некогда боговенчаный и равноапостольный Константин... Память твоя да пребудет у нас непрестанно не токмо на церковном правиле, но и на трапезах с древними, бывшими прежде Царями. Вручаем тебе жезл царский. (*Протягивает Симеону палку с набалдашником*).

Симеон. Смиренно, с Божиим страхом, принимаю...

Служки надевают на Симеона шапку. Из двух тазиков осыпают его золотыми монетами.

Архиепископ. Слава те, Господи!

Морозов. Свершилось.

Авраамий. Сему быть по смотрению Всевышнего Бога!

В толпе гостей шум одобрения

На краю сцены, в кабаке шумно. Слышны отдельные фразы, реплики...

– А наш-то, гляди, князька Симку Бекбулатыча откель-то из-за Волги привёз, посадил его царем на Москве и царским венцом его венчал.

– Откель, говоришь? Из города Касимова?

– Да на Оке это, за Рязанью. И не князь он, а хан. Потому как татарский край. Кум мой там бывал, минареты, говорит, стоят. С них попы ихние татарские песни поют.

– А чего это царь Иоанн татарчонка на трон посадил?

– Леший его знает. А сам назвался Иваном Московским и вышел из города. Живёт на Петровке, в слободе, весь свой чин царский отдал Симеону, царю новому, а сам ездит просто, как боярин не из шибко богатых, в оглоблях...

– Стало быть, на касимовского хана он шапку Мономаха водрузил?

– Получаетца.

– А шапка та откель пошла?

– Ха! Из греков. От императора Льва. В каком ещё веке передал он шапку, порфиру и скипетр великому князю киевскому Владимиру Мономаху: Был такой, вы, конечно, не помните. И донине та шапка Мономахова в Русском государстве, ноне – в богохранимом, в царствующем граде Москве.

– Да, дела!.. И что, все бояре согласные на нового царя?

– Все да не все. Боярин Разумовский супротив был. Но квасу выпил и помер. А думный дяк Бисковатый, так тот даже бороδοю тряс – не позволим царя татарского!

– И что жа?

– Днесь на Лобном месте башку ему оттяпали. Потому как в измене государственной уличён. А Иван собрал народ в боярской думе и вопрошает: кто ещё супротив Бекбулатыча? Все молчат.

– Да, дела.

– Хитро повернулось.

– А ты чё зенки-то вылупил? Разбойным сдать меня
хотишь? Щас я те покажу...

Всё заканчивается дракой и свалкой.

Свет снова выхватывает центр сцены.

Иван. Ну, царь-государь, великий князь всея, как
живёшь-здравствуешь?

Симеон. Молюсь.

Иван. Не обижают тебя?

Симеон. Как можно!

Иван. Да уж знаю этих.

Симеон. Нет, покудова всё в порядке

Иван. Ладно. Ты меня не забывай. Иной раз и
встретимся. Потолкуем.

Симеон. Непременно.

Иван. Есть о чем потолковать.

Симеон. Разумеется, государь. Вот и я хотел
спросити.

Иван (хмуро). Чего спросити?

Симеон. Когда мы назад... ну... обменяемся?

Иван (растягивает рот в улыбке). Наза-ад! Ко-огда!
Торопишься, брат. А энто нам с тобой решать. Никому
иному. Вот соберемся как-нибудь вдвоём да обкумекуем.

Симеон. А дума? А князья? А народ?

Иван. Кто? Князья? Бояре? Народ? То ж наши
холопы. Им незачем... Вот соберёмся с тобой и решим.
Тогда и сообчим холопам-то. А до того пуцай и не
рыпаются.

Симеон. А ежели меня об том спросят?

Иван. Кто? Холопы? Ты чё, Семён, аль не понял?

Симеон. Понял, Иван Васильевич.

Иван. Ладноть. Пошёл я. Утомился. Ты тоже
отдыхай.

Симеон. Один только вопрос. Чем же ноне
заниматься изволишь, Иван Васильевич?

Иван. Солеварение, поташное производство,
ямщиков гонять, медь плавить, пушки лить, конные
состязания да кулачные бои, иконописное дело опять жа –
всё знаний требует да управы разумной.

Симеон. Соль варить... Да разве ты разумеешь в этом?

Иван. Приходится. Аж взопрел.

Симеон. Стало быть, хозяйство в твёрдых руках?

Иван. На слабость руки пока не жалуясь.

Симеон. Молодец, государь.

Иван (*смеётся*). Это ты теперича, Семён, государь. Не забывай. А я – твой холоп? Ивашка Васильев. Соль да поташ – моя забота. Хомуты да оглобли.

Симеон (*пытается улыбнуться*). Ах да. Прости, Иван Васильевич. Прости великодушно.

Иван. Я-то прощу. А вот народ... Ты на народ оглядывайся. Он пустых словес-то не любит.

Симеон. Оглянусь. Всенепременно оглянусь, Иван Васильевич.

Иван. Ну, добре.

4

Царские палаты. Опочивальня царя. Раннее утро. Разбросанные простыни, подушки.

Анастасия. А не убьёт нас царь Иван опосля твоей службы?

Симеон. Царь мне обещал...

Анастасия. Да разве можно царю верить?

Симеон. Надобно верить, Настасьюшка. Надобно. Выбора у нас всё одно нету. Коли взор царя на нас упал, куды денешься. Не в Литву же бежать. Да и не убежёшь.

Анастасия. Страшно, мой ненаглядный! Ой, лихо!

Симеон. А за что ему меня убивать? Я человек кроткий, служу ему верно.

Анастасия. Царёв гнев вспыхивает внезапно. А ты не знаешь.

Симеон. Да уж видел. Приходилось.

Анастасия. Мстительный он.

Симеон. Опять жа... За что?

Анастасия. А вот велит яду подсыпать. Поздненько будет спрашивать, за что.

Симеон. На Бога надеяться будем, Настасьюшка. Да молиться беспрестанно. Убережёт Господь нас и детишек наших.

Анастасия. А как не отмолим?

Симеон. Стало быть, плохо молились. Худо.

Анастасия. Ой, худо! (*воет*).

Симеон. Худо, не худо, а мне на службу пора.

Симеон, уходя из опочивальни, заглядывает в мутное слюдяное окошко.

Гляди-ка, скоморох откуда-то. Я его уже где-та видал. И чего наладилась? Ладноть, пошёл я государством править. (*Уходит*).

Анастасия крестит его вослед.

Действительно, на площади появляется гуслияр. Он ударяет по струнам.

Гуслияр (поёт).

Ой ты гой еси!
Новый царь на Руси.
Новый царь на Руси
из Касимова.
Ой ты гой еси,
а в пруду караси,
на столе иваси.
А их есть рази ж мы
просили его?
Ой ты гой еси,
новый царь на Руси,
нравом тих
и видом пригожий.
Ой ты гой еси,
новый царь на Руси,
на царя
не слишком похожий.
Ежли добрый царь,
то недобрый псарь,
нас кнутом готов бить,
гоняючи
А царю чаво?
А царю ничаво,
он в Кремле сидит
припеваючи.
Ой ты гой еси,

поедай иваси,
запивай заморскою брагою.
А простой народ,
а худой народ
собирается токмо с отвагою.
Ой ты гой еси,
нас Господь упаси,
мы шалить-громить
неготовые.
Говорят не зря,
что мы все за царя,
потому как ребята
фартовые.

Заключительный удар по струнам.

5

Симеон идет коридорами, на одном из поворотов видит сидящего в полутьме человека в красном кафтане, который бросает на него угрюмый взгляд. Симеон даже слегка ёжится. Входит в свои палаты, проходит в кабинет. Там уже поджидает его дьяк, почти утонувший в ворохе бумаг.

Симеон. Ты здесь?

Дьяк. Здеся я, царь-государь. Где ж мне быть в энтот час?

Симеон. А скажи-ка мне дьяк, что это за мужик тёмный, страшный за тем поворотом сидит? Кафтан у него расшит аж ли не золотом.

Дьяк (*радостно округляет глаза*). Так то ж главный палач, царь-батюшка.

Симеон. Наследник Малюты, что ль?

Дьяк. Близительно?

Симеон. А чего он на меня, аки волк на ягницу, смотрит?

Дьяк (*всплескивает руками*). Так он приказа твоео ждёт, царь-государь.

Симеон. Приказа? Э как! А чегой-то он ноне столь мрачен?

Дьяк (*пригорюнившись*). Дык какой день без работы. Жизнья ему наскучила. Понять можно.

Симеон. Да, либо с волками выть, либо съедену быть.

Дьяк. Как посмотреть, царь-батюшка. И то бывает, что овца волка съедает.

Симеон. Хмы. Запомню. И всё же, палач без работы – худо дело.

Дьяк. Ой, худо, царь-государь.

Симеон. Ладноть, подумаем, чем его занять. Подумаем.

Дьяк радостно кивает.

А сей порой, любезный дьяк, начнём с челобитных.

Дьяк. Как прикажешь, царь-батюшка.

Симеон. Доставай ту, что на прошлой неделе не дочитали.

Дьяк (*беспомощно оглядывается на гору бумаг*). Да где ж её, тую, найти? Зачнём с любой, а та своим порядком выплывет.

Симеон. Твоя правда. Давай с любой.

Дьяк (*берет первый попавшийся лист, разворачивает, читает*). «Царь-государь, смилуйся. Бьёт челом тебе холоп твой Алёшка, казначея Богдана Дубровского сынишко. Жалоба, государь, мне на князь Лаврентья княж Михайлова сына Мещерского... В нонешнем, государь, году февраля в 8 день приехал я, холоп твой, ночевать в Переднюю и дожидался в Столовой. И князь Лаврентий Мещерский и Фёдор Безобразов взошли на Постельное Крыльцо наперёд, и как я взошёл, князь Лаврентий и Фёдор за мной бросились и хотели меня убить. И, гоняючись за мною, лаляли матерны и всякою неподобно лаею. А похвала князь Лаврентья давно на меня в убивстве. И всё, государь, из-за денег, что казна от их оборонила. И словеса их супротив меня с отцом моим – клеветников изветы на невинных. Милосердный государь, вели дать свой царский суд и управу, смилуйся».

Симеон. Да, в казне дела тёмные. Вели сыскать, что оне там не поделили. И читай дале.

Дьяк. «Бьют челом тебе окольный князь Прозоровский и приказной дьяк Бужанинов по делу стряпчего Ондreja Елецкого. Он, Ондрей, нашед в Денежном

приказе кражу по податям. Подати были собраны, а потом обратно исчезли на пять с половиною тысяч золотом, сумма великая. Для проверки недостачи был стряпчий Ондрей, открывший утруску денег, взят для допроса. Был он стрельцами сведён в тюрьму и наутро помре. Говорят, здоровьем был слаб, а лекарь не поспел... Дело понятное – усопшему мир, а лекарю пир. Теперича приказные говорят, что тыщи эти золотом он, Ондрей, и украл. А как с енго??? спросить, ежели он уже в Царствии Небесном. А приказные той порой понастроили домов себе богатых, терема да хоромы, да прикупили землицы в дальних краях. А погребцы у них с посудой серебряной, а ларцы с перстнями и серьгами. И в должности выше стали и носы задирают крепко. Вели, государь, про то сыскать. Да честное имя стряпчего Ондрея охоронити и вдовица его просит то ж...»

Симеон (*громко*). Ага, значит об этом Елецком народ в кабаках говорит? Что будто его в остроге прибили. (*Тихо*). Велю про то сыскать. (*Ещё тише*). Строго велю сыскать. Краже государственной бой дадим. Я не посмотрю на звания, чины и родных... (*Громко*). У меня дело круто пойдет...

Дьяк. Царь-батюшка, а вот ещё бумага...

Симеон. Читай.

Дьяк (*далеко отставив руку с бумагой, читает*). «Государь, бьёт челом тебе полковник Дубич, пришедший служить тебе военной службою из земли Черногорской. По выезду был мне обещан подарок 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Не знал я, государь, обычая, что прежде, чем получить сие в Приказе, надобно одарить приказного дьяка. А за что его одаривать, то понять мне не можно. Подал я жалобу боярину. Боярин велит дьяку выдать подарков жалования, но тот не выдаёт, отговаривается пустяками. Я снова к боярину, но дьяк опять не выдаёт. Не могу понять, кто имеет больше силы – он, боярин, или дьяк. Сызнова иду к боярину. Боярин рассердился, велел позвать дьяка, схватил его за бороду, потаскал добрым порядком и обещал кнут. Дьяк пришед ко мне и лял меня матерны. Государь, я военный человек, привык приобретать добычу честно, с оружием в руках, а

тут надобно задаривать людей, которые пером ловят соболей...»

Симеон. Постой, неужто так и было?

Дьяк (*пожимает плечами*). Похоже.

Симеон. Пером – ловить соболей. Отменно сказано.

Дьяк. Ещё и не тако напишут, государь-батюшка. Народишко порочный, зато язык сочный.

Симеон. Ну, ну у меня! Полковник пишет. Вели сыскать правду по моему государеву крестному целованию. Читай дальше.

Дьяк. «Милосердный царь-государь. Бьёт челом тебе князь Рубец-Мосальский...»

Симеон. Так, этого сразу в сторону. Помню его обиду. Читай дале.

Дьяк. «Государю великому князю Семиону Бекбулатовичу всяя Руси Иванец?:? Ивашка Васильев с своими детишками, с Иванцом??? Ивашкой да с Федорцом??? да Федькой, челом бьют... » (*Вытягивается по стойке смиренно. Симеон тоже невольно встаёт. Дьяк продолжает задушенным голосом*) «...А слыхали мы, государь, что ты у князь Атрашёва и тысяцкого Свечина должность их немалую торговую отписать хочешь. Якобы из интересов государевых. Оно правильно, конешно, да закавыка выходит. Оне не для себя ведь торговлишку налаживают, сами бедны, аки крысы церковные, оне за землю русскую стараются. А ты разве супротив её? Подумай сам...»

Симеон. Свечин этот, Свечин... О-хо-хо! Дьяк! Вели тотчас, чтобы князь Атрашёва и тысяцкого Свечина никто б не трогал. И с места не гнал.

Дьяк. Исполню, государь.

Симеон. А скажи мне, дьяк, советник мой верный, что это такое в земле русской происходит? Отчего столько безобразий? Пошто творятся одни пакости, а добра мало?

Дьяк. Народишко худой, царь-государь. С таким народишком токмо строгостию великой. Иначе нельзя.

Симеон. Неужто нельзя?

Дьяк. Дьявол над нами летает. Крыла простёр. А народ наш совратить – что дунуть-плюнуть.

Симеон (*шёпотом*). Дьявол? Страшный?

Дьяк. У-у-у! (*Достаёт следующее письмо*).

Симеон. А это что за бумага? Выглядит знатно.

Дьяк. Ччас глянем. Эгей! Понятно, что знатная. От бояр. «Милосердный царь! Пишут тебе бояре первых домов Артамон Матвеев и Григорий Ромодановский. Приклони своё ухо и послушай словес мудрых, понеже украсит тебя. В государстве нашем ноне беда, правление идёт весьма непорядочное, с обидами и с судейскими неправдами. Стоит мздоимство великое и кража государственная. Наладился неистовый грабёж казенного золота, в боярской думе бояре первых домов остались без всякого голосу и в консилие да в палате токмо быть могут спетакулями, то бишь могут наблюдать, но не делом и мудрым советом участвовать... Для государственной управы, для роста ремёсел и торговли то урон великий...»

Симеон. Ишь чего бояре захотели. Голоса властного.

Дьяк. Как же им не хотеть, царь-батюшка? На то и бояре.

Симеон. Навластвовались. Хватит с них. Читай дале.

Дьяк. «Бьёт челом князь Еуфимка Мышецкий. Добрый государь! Микифор Самарин да Федор Нащокин называл нас, холопей твоих, холопи боярские и конюховы дети на Постельном Крыльце передо всеми. А детишек моих подьячими, ворами и подпищиками, будто мы подписывали воровские грамоты. И про то, государь, что оне нас бечестили, вели именованным приказом сыскать окольникову князю Семёну Васильевичу Прозоровскому. И оне, государь, Микифор Самарин да Федор Нащокин, умысля ябеднически, чтоб им от родителей наших и от нашего безчестия бездушеством отойти и отцеловатца, и нас сверх того большими пошлинами в конец погубить, били челом тебе, государю, ложно, будто я, холоп твой, писал в сыскную роспись братью свою, и племянников, и друзей... И по их, государь, ложному челобитью сошли им подписные челобитные за пометою думнаго дьяка Ивана Гавренёва...»

Симеон (*машет рукой*). Стой, стой... Ничего не понимаю. Читай другое.

Дьяк. Как скажешь, царь-батюшка. (*Берёт другую бумагу*). «Бьёт челом тебе, великий государь, окольный Микифор Елчанинов по делу стряпчего Ондreja Елецкого. Дьячки Денежного приказа подати собирали и набогатели... Стряпчий Ондрей то открыл и нам показал... Стрельцы его на допрос взяли, в острог свезли... А на утро мёртвым нашли... Якобы телом слабый был, а лекаря найти вовремя не справились... Податные деньги будто ба у этого Ондreja в сундуках...а где те сундуки? ... А народ что? – который смеётся, а который негодует. А что народу скажешь? Царь, смилуйся, вели сыск учинить. Може правда и выплывет...»

Симеон. Ещё?? этот Ондрей! Надоели с этим стряпчим. Токмо про него и речь. Он украл, у него украли – поди, разберись. Оставьте! Голова у меня в тревоге, болит, шумит... Я с великой кражей государственной бороться решил, а не каких-то там стряпчих проследить... Тем паче, здоровьем слабых...Народ нарочно смущают... Паки же Иванец?? Васильев недоволен будет.

6

Покои царя Ковры, резные столики, на одном бутыл с квасом.

Анастасия. Симеонушка, царь-батюшка, уморился, небось. Дай-ка я тебе квасу начежу.

Симеон (*пьёт квас*). От этих челобитных голова пухнет. Пишут и пишут.

Анастасия. Да кто же пишет, Симеонушка?

Симеон. Шайтан их разберёт. Такое впечатление, что вся Русь ворует и вся Русь жалобы пишет.

Анастасия. И помногу воруют?

Симеон. Кто как. Иной топор украдёт, хомут или бочёнок настойки, а иной княжество сворует и не заметит. Золотишко сундуками увозят.

Анастасия. На Руси столько золота есть?

Симеон. Выходит, что есть. И откель токмо берётся?

Анастасия. Соболей, да песцов, да горноста сибирского за море везут. Вот тебе и денежка.

Симеон. Везут. Всё, что мать-земля даёт, всё и везут. Главню дело, в обход наших застав везут. Им прибыль, государевой казне пропада.

Анастасия. Ай, беда!

Симеон. Да в самой казне знаешь, какие бобры сидят? Такие грызуны. С них станется. Зову с отчетом, являются и врут. Уже по глазам вижу, что врут. Зову других, супротив этих. Тоже начинают врать. Да как складно.

Анастасия. И что, управы на них на всех нет?

Симеон. Да у меня в Кремле своих людей полгорсти не набрать. Иван не дал. На кого мне опереться? Я ж верёвками опутан, Настасьюшка. Аки в рубахе скорбного дома сижу. А все на царя кивают. На меня, то есть. Давай, царь, всех врагов да воров под микитки! Чтобы враз порядок настал. А ежели я и могу чего, так это глотку драть. А от ентого порядок рази настанет?

Анастасия. Ой, Симеонушка мой, да ты это разве умеешь? На глотку-то брать.

Симеон. Об чём и речь. Какая у меня глотка! Да и кто меня слушает?

Анастасия. Ай-яй!

Симеон. А енти всё вопят – слабый царь, слабый... Нерешительный... Знали б!

Анастасия. Ой, нелёгкое у тебя дело.

Симеон. Куды там!

Анастасия. А что Иван? Помогать обещался.

Симеон. Иван! С него возьмёшь. Сам мне челобитные подаёт. Да какие-то с изворотом.. Мол, бьет челом Иванец??? с детишками... А дале так хитро заворачивает, что аж мурашки по коже...

Анастасия. Недобрый он царь, опасный. Ты, Симеон, берегись его.

Симеон. Да как беречься-то?

Анастасия. А ты, Симеонушка, людей-то к себе приближай. Осторожненько, потихонечку. Без своих человечков в Кремле сидеть, что в лесу зимой без шубы праздновать.

Симеон. Дело говоришь, Настасья, дело. Да вот как выворотить-то сие! Как к ним подобраться?

Анастасия. Терпением, друг мой, терпением да умом скрытным. Оне тебя за дурачка считают, а ты не спорь. А так, меж разговором обронишь, что подарки давать горазд,

что кому-то деревню отпишешь, чьего-то сынишку на должность определишь... Так, постепенно. Улита ползёт, нитку вяжет...

Симеон. Где это видано, чтобы улита нитку вязала?

Анастасия. Да в народе говорят.

Симеон. В народе скажут...

Анастасия. И не жадничай. Раздавай деньги горстями.

Симеон. Деньги! А где оне у меня?

Анастасия. А на словах пока раздавай. А станет казна твоя, тогда и золотом слово поддержишь.

Симеон. На словах-то легко раздавать.

Анастасия. Народ увидит, что ты щедрый и незлобивый, сам к тебе потянется. Добрый царь царедворцам милей, нежели лютый.

Симеон. Ах, кабы все так же кумекали, доброту сердцем чуяли.

Анастасия. Учуют, дай срок.

Симеон. Да вот с разбойными беда. Так в Приказе расшались. Граблями гребут, народ изведут.

Анастасия. За Приказом-то, за разбойным, догляд нужён. Дьяки разбойные распоясались. Всяк знает. Княжна Апраксина давеча, вся в слезах, такое показывала... Ужас!

Симеон. Ентих надобно переименовать, что ль?

Анастасия. Как переименовать, батюшка? Разбойные, оне и есть разбойные.

Симеон. А мы их в сыскные перекрестим. Пусть сыск чинят.

Анастасия. Пожалуй что. С тебя народ сыску просит. Чини сыск!

Симеон. И ученю. (*Громко*). И ученю! Сыскной Приказ учредю. Я ещё и переряживание затею. И народу объясню, зачем сие и к чему.

Анастасия. Объяснить-то непросто будет.

Симеон. Ужо поищу слова.

Анастасия. А когда речь при народе держишь, не суетись, не забегай. Говори негромко, но чтоб в словах сила была.

Симеон. Сила! Эх.

Анастасия. Лишнего не говори. Пустого наобещаешь, народ смеяться будет.

Симеон. Ох, ты у меня советчица!

Анастасия. Я плохого не скажу.

7

Тронный зал. Толпятся придворные, торговые люди, иноземные гости.

Симеон. Итак, завершаю. Торговать со всеми будем справно. Пошлину понизим. Помогать всем будем изрядно. И соседним государствам тож. И деньгами, и привилегиями таможенными. Действовать будем по справедливости. Чиновачальников по всем краям государства нашего назначим честных. Детей малых всем любить накажем. Азбуце и наукам учиться предпишем. Чистоту и порядок соблюдать заставим. И свободы всем (*широко разводит руки*) – от края и до края.

Толпа одобрительно шумит.

Потому как свобода светлая да чистая лутче, нежели несвобода треклятая! (*Грозит кулаком неизвестно кому*)

В толпе хлопают в ладоши. Торговые люди пускаются в пляс.

Дьяк (*в ухо стоящей рядом даме*). Славный у нас царь. Понятливый. Говорит гладко, чисто вологодское кружево плетёт. И про слободу всё правильно понимает.

Придворная дама. О да, о да.

Дьяк. Токмо бы не заболтался. Слобода вещь хорошая, но и дело делать надобно. А с нашим народишком как дело делать? Пряник не плох, но на кнут надёжи боле.

Придворная дама. О да, о да.

Придворные и гости расходятся. Симеон проходит к дверям, выходит на ступени, где собрался народ. Завидев царя, все падают на колени. К Симеону приближается баба с ребёнком на руках

Баба. Помилуй, царь-батюшка! (*Преклоняет колено*).

Симеон. Что тебе?

Баба. Муж мой купец, торговый человек, безвинно в острог посажен.

Симеон. Безвинно? Где это видано?

Баба. Истинный крест, царь-батюшка. Лихие люди да воры оклеветали. Лавку нашу отнять хотели. Третьего дня заколотили. А то и сжечь грозилися. Денежки наши отписали-отняли. Остались мы без кормильца.

Симеон (*глядя сквозь бабу и поверх неё*). Безобразия я велю прекратить! Мошенникам да негодьям бой дадим! Земля у них будет гореть под ногами! (*Уходит*).

Народ крестится. Баба изумлённо смотрит царю. вослед.

Симеон проходит в свои палаты. Там его уже поджидает дьяк.

Симеон. Ну как?

Дьяк. Што как?

Симеон. Речь моя, говорю, как?

Дьяк. Ре-ечь? Славная речь. Отменно хорошо говорил, царь-государь. Просто, крепко, однако жа и в меру витиевато. Пушай думают, что всё так и обстоит.

Симеон. А рази оно не так обстоит?

Дьяк. Да хто ж его знает, царь-государь.

Симеон. Как это? И мы не знаем?

Дьяк. Мы-то первые и не знаем.

Симеон. Почто так?

Дьяк. Дак гонцам веры нет, надёжа-царь. И тем, кто грамоты нам отписывает, цифирь да сводки даёт из Приказов да из земель, тем вообще... Воли много дали, от оне и расшались. Говорят, по земле стон великий стоит да ропот, а поди, узнай – отчего да почему. В глаза-то всё больше врут.

Симеон. Нет гонцам веры, говоришь?

Дьяк. Окромя самых надёжных.

Симеон. Стало быть, к строгости меня зовёшь?

Дьяк. Зову, государь. Царю нельзя быть без грозы. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы

Симеон (*задумчиво*). Да, ты вот мне напомнил, любезный дьяк, советник мой драгоценный. Бери бумагу и перо.

Дьяк. Это зачем жа, царь-государь?

Симеон. Письмо писать будем. Грозное письмо.

Дьяк. Это кому жа?

Симеон. Злодею Бориске.

Дьяк. Кто ж таков будет?

Симеон. Казначей Савино-Сторожевского монастыря.

Дьяк. Что же он натворил? Аль украл опять?

Симеон. Хуже.

Дьяк. Что ж хуже-то? В разум не возьму.

Симеон. Давеча мне доложили. Отец Борис, выпивши, подрался со стрельцами, стоявшими в монастыре. Прибил Бориска их сотника и велел выбросить за монастырский двор их оружие и платье.

Дьяк. И стрельцы смолчали?

Симеон. Дык большой начальник, духовное лицо. А стрельцы те ко мне шли, под начало моего тысяцкого.

Дьяк. О как!

Симеон. Я как прознал, до слёз мне стало. Во мгле ходил.

Дьяк. Не горюй, царь-батюшка.

Симеон. Бери перо.

Дьяк (*расстилавает бумагу, поднимает перо*). Я всегда готовый.

Симеон. Пиши. «От царя и великого князя Симеона Бекбулатовича всея Руси – врагу Божию и богоненавистцу, и хриstopродавцу, и разорителю чудотворцева дому, и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею казначею Бориске...»

Дьяк (*ловко водит пером*). Лихо отписано, государь.

Симеон. Пиши дале. «Ты, Бориска, не на стрелецкую честь покушался, ты, свою акобы честь защищая, на мою царскую власть руку поднял. Да и то ведай, сатанин ангел, что одному тебе и отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здешняя честь и свобода воровская, и правда твоя несправедная... А мне, грешному, здешняя честь и правда – аки прах, и дороги ли перед Богом мы с тобою? И дороги ли наши высокосердечные мысли, доколе Бога не боимся? И правда твоя мелкая похожа рази на правду народную? Ты, Бориска, за свободу народную? Може ещё и партею создашь? Слыхали мы эти песни. Но тут

мы тебе не помошники. Страсти же горячие – прямой путь во ад. А что до плахи и виселицы, то здесь дорога короче, чем кажется...»

Дьяк. Крепко сказано, государь.

Симеон. Истинно ли, что крепко?

Дьяк. Их всех царь Иван хорошо гонял. Вот, настало время, ты учишься.

Симеон. Пусть знает.

Дьяк. Да уж теперь узнает. Все узнают.

8

Москва, весна 1576 года, довольно быстро переходящая в весну иных эпох. Часть сцены – городская площадь, часть – пространство кабака. Множество людей в разных одеждах, говорят почти все, перебивая друг друга, продолжая, подхватывая, возражая...

– Не всё идет гладко в царстве-государстве нашем. Денежки казенные – тью-тью. Куды пенька ушла? Куды лес строевой? Куды мёд, воск и дёготь? Отчего вельможи такие жирные? А лошади у них заморские – видал? Гривы – во! А скачут как! На улицу носу не кажи. Собьют, не повернутся, не поперхнутся.

– А дьячки приказные сколь обнаглели! Хоромы себе понастроили. Жёны у них – в соболях. А в хоромех тех – что ни день, пир горой.

– Крапивное семя!

– А ещё говорят, самозванец какой-то объявился, немчин, с тех краёв прибежавший. Говорит, что царя на троне пора менять. Политицкую партею выдвинуть норовит.

– Чаво, чаво?

– Дружину такую особую. Дела самозванца защищать. Где это видано?

– Дадут ему партею! Кукиш под нос – дадут!

– А нынешний царь всё речи говорит. Говорит складно, а толку не видать.

– А бывший царь, слыхали? – дворец себе строит на берегу тёплого моря, где прежде турци да черкесы жили. Нашёл время. Ба-альшой дворец, богатый.

– А деньги откель?

– Откель! Из казны черпает пригоршнями.

– То есть, ворует.

– Сам ли ворует. Или кто другой для него старается. Как водится. На то он и царь! Хоть и бывший. Ему воровать не запаadlo. Баб-тихонь вокруг себя развёл. На тройках с бубенцами катает. А какие лошади! Король аглицкий ему лошадей из-за моря поставляет. Но не за красивые глаза. Золотом за них платит. Аглицкой монетою. Где он токмо её берёт?

– Теперича с аглицкой землёй торговля налажена. Ихние купцы морем к нам идут, через Архангельск, через Новгород. Заодно и лошадей везут.

– Но при этом царь удумал наших коней хвалить-показывать. На конном заводе сам их объезжает. Говорят, ловко это проделывает, сукин сын. Народ вокруг восторженно кричит, шапки в небо бросает. Ну, тут он людишкам конюшненным и протчим нашими медными платит. Аглицкую монету экономит. А сундуки с золотом в Швейцарские горы увёз. Там, говорит, надёжней. Но эти швейцарцы те ещё людишки. Хранят, хранят, да как фортель выкинут. Допустим, его отседова попрут. Он за сундуками своими приедет, а оне ему скажут: а кто ты такой теперь есть? Тебя люди из разбойно-сысканого приказа по всем землям ищут. Катись, пока цел. Никакого тебе золотишка...

– А в России уже не то что рогожу и телеги, сметану да творог разучились делать. Из польской земли везут, из немецкой. Скоро и пеньку к нам отседова повезут. И всё мешают-перемешивают. Ты их сыр пробовал?

– Это какой? С зелёной плесенью?

– Не, то из французской земли. Там лягушек едят. А сыр до того долежит, что зеленеет.

– От лягушек?

– Да нет, сам по себе.

– Вот и наш царь – до того побледнел, что аж зелёным стал.

– Какой царь? У нас их нынче два.

– Да ты что? Как это может быть – два царя?

– На Руси, брат, всё может быть. Кто вниз, кто вверх.

– Хорошо. Вот ты, допустим, за какого царя? За старого али за нового?

– А ты чего спрашиваешь? Подослал тебя, что ли, кто? С опричными якшаешься?

– Да нет, просто интересуюсь.

– А кто ты, вообще, есть? Откуда?

– Так, птица перелётная.

– Врёшь! Летать, что ль, умеешь?

– А у нас все умеют.

– Да ну!

– Вот, скажем, дьячок Крякутный ещё когда воздушную подушку сделал, на колокольню поднялся и к звёздам улетел. Русский человек – летучий человек. Куда хочешь, улетит. За землю он не очень крепко держится.

– Ну, не скажи. Мужик у нас кряжистый, в почве угрыз. Он как на этой... как её? на Сицилии. Широко в плечах и землю пашет. Да.

– Не знаю, как на этой Сицилии, а наш пашет, пашет, а в перерыве сядет на край борозды, карандаш послонявит и стихи пишет. И складные стихи порой выходят. Будто бы землю родную босыми ногами Небесный Царь истоптал. Вот истинный крест...А она, земелюшка, слезами плачет. А мужик танцует. Заметался пожар голубой. Сапогами землю месит. А ещё он в математике соображает. Число на число ставит и числом погоняет. Блоху подковать – это полдела. А он ещё численное описание да линий измерение дал для всех блох, что не токмо здесь, где чешется, но и за тем краем небес существуют. А там блохи небесные – как плевки Млечного пути. А он исчислил, что далёкие небеса сами на себя свёрнуты и собою же обёрнуты. Такая вышла картина – закачаешься. За морем посмотрели на эту цифирь, изумились, там этакого никто не мог, тут же подкатились, примите за это описание бескрайнего неба, на себя свёрнутого, мешок золота. Такого открытия век не видывали, а у нас для него мешок давно приготовлен. А он мужик гордый, токмо плюнул, торбу взял и на угол за сбитнем пошёл. Он хотя и малопьющий мужик, но очень уж сбитень уважает. Для старой мамы и вообще...

– Сбитень. Ха! Соображает.

Не пей пива крушку,
А выпей сбитня на полушку.
От нашего сбитня голова не болит,
Ума-разума не вредит.

– Хорошо б на полушку, да нынче и сбитень дорожает. Да и где та полушка?

– За морем телушка – полушка.

– А эти, которые царей, ни того, ни другого, не любят, на площади у Тверской заставы по-прежнему собираются?

– Оне упрямые. Стрельцы уже гонять их устали.

– А нынешний царь решил особую мельницу построить, не хуже, чем за морем-окияном. Чтoб умная мельница вышла, с потряском специальным, к жернову привязанным – из-за того зерно никогда не застревает, твёрдое зерно медленно мелет, зато мягкое шустро в муку переводит. Такой хитрый потрясок...Бомс-бомс... Тряс-тряс... У нас мужик, он смекалистый...

– А сам ты какой? Потрясок придумал! Ща как врежу!

Всё заканчивается дракой и свалкой

9

Царские палаты. Симеон Бекбулатович в тяжёлом царском облачении идет в свои палаты. Всё на том же повороте сидит человек в красном кафтане, палач, и хмуро глядит на царя. Симеон на секунду съёживается, но тут же выпрямляет стан и ступает гордо, кося суровый глаз на палача. Тот, в свою очередь, опускает голову. Симеон входит в свой кабинет.

Симеон (*бормочет*). То-то же! Я вам покажу! Обнаглели! На шею сесть хотят. (*Рассматривает что-то среди бумаг*). Ах, вот как! Во-от как!!

Дьяк (*входит*). Озабочен чем, царь-государь?

Симеон (*гневно рассматривает лист бумаги, рвёт, бросает на пол*). Подмётное письмо написали.

Дьяк (*испуганно*). Кто?

Симеон. В виде грамот рассылают. По трактирам да площадям читать норовят. Кто написал? Смешно сказать. Летописцы, души чернильные, школьные наставники,

бывшие приказные, монастырские слушки, даже скоморохи уличные... Тьфу! Плясание их и сопели, песни бесовские, представления с ведмедем и козой... Все вкупе будут во аде, а зде прокляты.

Дьяк. И чего хотят, диаволы?

Симеон. Про воровство пишут. Про кражу великую. К честным выборам царя народ призывают. Партею воровскую образовать хотят. Да кто ж им разрешит! Ну не ересь ли? Скажи, дьяк, скажи, верный мой советник, разве меня нечестно выбрали? Рази не царь Иван меня призвал?

Дьяк. Народ сумлеваться начал. Он глупый, народишко-то. А баламуты его товось... Смущают.

Симеон. Обнаглели. Воровские грамоты сочиняют да подписывают. Подпищики!

Дьяк вздыхает.

И почто их народ слушаться должён? Кто оне такие? По монастырям, по кельям сидят, а туда же... На площадях рожки строят. Песенки зловредные выкрикивают. Народ смутить, с толку сбить хотят. Значит, по смутному времени заскучали. Когда корона на достойной голове не держится, когда власть в пыли валяется, тогда всякому горькая беда грозить станет. Дождётесь, голубчики. Загорятся ваши монастыри, запылают кельи...

Дьяк. Ой, не говори так, царь-батюшка. Беду накличешь.

Симеон. А как говорить?

Дьяк. Говорить никак не надо. Лутче молчать. Особливо, егда кругом подслушивают.

Симеон. Как же быть?

Дьяк. И отвечать им не надо. Ни в коем рази! Молчание – знак силы. Ежли токмо челобитную по форме пришлют. Так не пришлют.

Симеон. Как не отвечать, егда об этом Елецком звон какой пошёл.

Дьяк вздыхает.

Я простряпчего, которого в остроге уморили.

Дьяк. Да понимаю, царь-батюшка.

Симеон. Как тут не ответишь? А? Отвечай хоть ты мне, ты умный.

Дьяк. Разобраться с ентою смертью надобно. Тут молчаньем не открутишься. Это верно.

Симеон. Там говорили, лекарь не поспел.

Дьяк. Так.

Симеон. Вели лекарю на площади, прилюдно, десять ударов кнутом.

Дьяк. А как народ не утешится?

Симеон. Што мне прикажешь, подьячих разбойного Приказу на плаху тащить? Пусть они и виноваты. Холопы подлые расшумелись, а я своих людей под удар поставлю? А потом до больших дьяков ниточка дойдёт, домотается. А там и нас с тобой потянут. Куда, спросят, глядели и где деньга уворованная? В чьих сундуках? Аль ты этого ждёшь?

Дьяк вздыхает.

Ладноть. Уговорил ты меня. Лекарю – двадцать кнутом. Нет, тридцать. Пущай народ видит, что у меня строго! *(Грозит в сторону окошка кулаком.)*

Дьяк. Да хоть до смерти его забей... Ой, стрёмно!

Симеон. Ты токмо меня не пугай. А скажи, чего делать-то?

Дьяк. В Кремле-то? Дело делать.

Симеон. Это как?

Дьяк. Тут по-иному надобно. Тихо, спокойно.

Симеон. То есть?

Дьяк. Людей подбирать. Деньгой умело крутить. И так дале.

Симеон. Хм! А деньгу где брать?

Дьяк. А кто набогател, тот сам тебе принесёт.

Симеон. Хорошо бы!

Дьяк. Ты дай им слово крепкое, что остального не отымешь. И оне понесут тебе.

Симеон. Думаешь, понесут?

Дьяк. А куды оне денутся? В Литву сбегут?

Симеон. Да хотя бы!

Дьяк. Два-три убегут. Остальные понесут. Каждый такой положит мешочек на порог, а на тебя глянет умильно. Всё ж ты царь!

Симеон. Славно бы было. *(Садится в кресло и долго смотрит в окно.)*

Дьяк (*прерывает паузу*). Ну что, батюшка-царь, челобитные разбирать будем?

Симеон. Нет. Не хочу.

Дьяк. Как же так? А отвечать на их?

Симеон. Сам же говорил, отвечать не надо. Обрыдло. Надоело мелочами заниматься. Пользы не вижу. Я для крупных дел призван.

Дьяк. О как!

Симеон. Русь, он вон какая – вели-икая!

Дьяк. Это точно, государь.

Симеон. Вдруг война начнётся!

Дьяк. Ой!

Симеон. Аль земля затрясётся.

Дьяк. Эгей!

Симеон. Либо воды подземные хлынут.

Дьяк. Ох!

Симеон. Вот об чём я думать должен.

Дьяк. Тады пойду я, царь-батюшка. Вижу, тебе покой нужен..

Симеон. Иди, дружок. Опосля потолкуем.

Дьяк уходит. Появляется Анастасия.

Симеон. А вот и жёнушка моя добрая! (*слабо улыбается*).

Анастасия. Ненаглядный мой, здравствуй.

Симеон. Здравствуй, милая, здравствуй, светлая.

Анастасия. По двору сейчас бежала, да вдруг подумала...

Симеон (*улыбается веселее*). Об чём же ты подумала, жёнушка моя драгоценная?

Анастасия. Царь Иван в оглоблях ездит, так?

Симеон. Ну, так.

Анастасия. А ежели кони понесут? Сани перевернутся, Ивана зашибёт...

Симеон. Чего ты такое говоришь, не пойму я...

Анастасия. И ты тогда царём навсегда останешься. Как избранный законно. Никто и слова не скажет...

Симеон (*его слегка трясёт*). Об чём говоришь? Не пойму я. С чего это кони понесут?

Анастасия. Ну, кони не понесут, так ему зелье какое-нибудь не то сварят. Кравчие ошибутся. Всякое бывает. Церковное вино не из той чаши поднесут.

Симеон (*его трясёт сильно*). Ты! Ты...

Анастасия. Отдаст Иван Богу душу, и всё золото русское казённое наше с тобою станет. Каково?

Симеон (*встаёт*). Ты на что меня толкаешь, Настасья?

Анастасия. Я? Толкаю? Ни к чему я тебя не толкаю. Размечталась я просто. Ведь все под Богом ходють.

Симеон. Мечтательница! Пошла прочь!

Анастасия уходит. Симеон садится в кресло, и его ещё долго трясёт.

Затемнение. Свет.

Появляется гуслияр.

Гуслияр (*ударяет по струнам*). Гимн вора...
(*торжественно читает*)

Воры воруют, торжествуют,
вороны, вороны, воры,
кругом воруют, все воруют,
воры воруют до поры...
Как будто наше естество
впитало это воровство...
Пора придёт, пора настанет,
державный вор чудить устанет...
Простой народ – его ль винить? –
начнёт, учнёт веревки вить...
Начнёт трясти богаты дома,
и запылают те хоромы...

.....
Пишу, двуликий, как вельможа,
влекусь бездонный, как хорал.
Помилуй Боже, вдруг я тоже...
я тоже что-нибудь украл...

(*Вновь ударяет по струнам*)

Ну что это такое? Ворують в России и ворують. Не пора ль остановиться?

Не пора ль выборы честные устраивать. Эй, вы там!
Да, да, там! (*Выбрасывает руку вверх*) Народ собрали?
Права его ему, народу, объяснили? Вече созвали? Келаря
Авраамия пригласили? Бояр знатных? Партею новую
допустили? И й-ех! (*Пляшет*) Бояре, а мы к вам пришли,
молодые, а мы к вам пришли. Бояре, мы царишку выбирать,
молодые, мы царишку выбирать... (*Уходит, но его ещё
слышно, всё слабее*). Молодые, мы царишку выбирать,
молодые, мы царишку...

Затемнение

*Симеон спит в кресле. В темноте раздаётся
ласково-приторный женский голос.*

Голос. Симеонушка, царь мой Бекбулатович. Ангел
мой небесный. А не хочешь ли птицей обернуться?

Симеон (*не открывая глаз, потусторонним
шёпотом*). А ты кто?

Голос. А я Баюн-птица, летучая, певучая. Я помочь
те могу.

А поделаю крыльица дьявольски,

Улечу нунь я дьяволом коварны-им!

Симеон. И я дьяволом улечу-чу-чу? Коварны-им?

Голос. И ты тож. Коль окажу тебе помочи
кромешной. И коли ты от нея не откажешься, не
отпишешься. И будут тогда в народе протяжно и звучно
песню петь:

Не лютая змея возвевалася,
Возвевалось лукавство великое,
Затебалось дело коварное.
Упало лукавство царю Ивану на белу грудь.
Убили же царя Ивана в гуляньях, на игрищах,
Убили в закоулках кремлевских,
Поднесли царю Ивану вина вкусного до морока,
На мороз его болезного вытолкали,
Медвежьей полости ему не приготовили,
Убили царя Ивана на санках оглобелькой,
Закопали его тело в сыру-землю.
Убил же его Симка Бекбулатович,
Убимши его, сам на царство сел.

Симеон (*мотаёт головой*). Не будут петь. Не будут петь. Не будут. Совсем другое будут петь. (*Кричит*). Совсем другое!

Мужской голос. Что с тобою, царь-государь?

Симеон (*просыпается в кресле*). Кто здесь? Ты, дьяк?

Дьяк (*входит*). Кто ж ещё? Я, царь-батюшка. Я, грешный.

Симеон. Тени, брат. Тени! Душат. Призраки! Страшныя... У-у!

Дьяк. Откель тени-то, батюшка? (*испуганно оглядывается*).

Симеон. А тени здесь кругом. На то и Кремль. Тут завсегда так. Ещё кровь по подвалам не застыла.

Дьяк. Ой стрёмно, царь-батюшка.

Симеон. А скажи, дьяк, верный мой советник, не сдашь ты меня царю Ивану?

Дьяк (*крестится*). Как можно? Я же привык к тебе, царь-батюшка. Ты незлобивый, тихий. Как тебя не полюбить?

Симеон. Тихий? (*Выпрямляется в кресле, с наигранной бодростью*). Бери, дьяк, бумагу. Бери, советник мой верный, перо. Самое лучшее бери. Письмо писать будем.

Дьяк (*в волнении*). Кому письмо?

Симеон. Земцам, служилым людям, посадским людям и всему народу без изъятия.

Дьяк (*шёпотом*). Письмо? Народу? Эгей. (*Схватив бумагу и перо, проворно садится*).

Симеон. Письмо. Оно же – речь моя при народе. (*Откашливается*). В сей трудный день, народ православный, аще будущего хотящий. Аще Бог по нас, никто же на ны. И вы б, люди всех званий и сословий, попомнили бы православную христианскую истинную веру и крестное целование, на чем есте крест целовали князьям нашим, блаженные памяти государям нашим и нам, чадам их и наследникам, что хотели добра вам во всём. И вы ноне всяких изменников, и воров, и ложно трону присягающих отложите и гоните их, и впредь уже нам, государю своему

правильно избранному, служите, и прямите, и добра хотите, как царю и великому князю всея Руси; а аз начну вас жаловати по своему царскому милосердому обычаю, и наипаче свыше в чести держати, и всё православное христианство в тишине и в покое и во благоденственном житии учинити хотим.

Дьяк. Важно сказано, царь-государь.

Симеон. Думаешь? А поймут ли?

Дьяк. А чем меньше поймут, тем лучше. Потому как важно.

Симеон. Точно ли важно?

Дьяк. Истинно важно. Их оторопь возьмёт.

Симеон. Тогда пиши дале. Есть два способа царствовать – милосердием и щедростью или суровостью и казнями. Аз избрал первый способ; аз дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его. А всякого, желавшего подольститься ко мне, обрывать буду нещадно как вора и мошенника. А чтобы уменьшить злоупотребления при сборе податей, изгоню денежных дьячков-посредников, обяжу сами земли отправлять с выборными людьми собранные твёрдым счётом рубли в столицу. Взятчиков же прикажу водить по городу, повесив на шею денежную мошну, меха, серьги, жемчуг, а то даже и солёную рыбу – чем бралась взятка, то и вешать, и к тому ж бить палками..

Дьяк. Ай, здорово, государь. Это точно поймут.

Симеон. Может и поймут. Да вот кто выполнять станет? Сами себя они разве будут палками бить?

Дьяк. Сами? Себя? Князья да бояре? Хмы!

Симеон. Пиши третью часть. Самую важную. В сей суровый день, народ православный, аще будущего хотящий, заявляю о своём хотении уйти. Я желал добра и дел славных, старался речи держать разумные, но никто меня не понял и не поддержал. Да вижу, и не хотел. И Иван Васильевич, недавний царь московский, тоже сумлеваться во мне начал. А в чём сумление и к чему оно, когда не ясно, за кого народ. И не ясно даже, за самого ли он за себя? Не во вред ли себе ворует, пьёт и бесчинствует? Не во вред ли себе он вообще под небом существует? Нужен ли он сам себе?

Дьяк. Вот это воистину темно сказано, государь. Однако жа и мудро.

Симеон. Пиши далее. Ухожу в монастырь. Живите как знаете. Режьте друг друга, в острог сажайте, дома жгите. Я вам более не царь и не судья.

Дьяк. Ты всурьёз ли это, царь-батюшка?

Симеон. Почти.

Дьяк. Ай, хитро. Ты как скажешь про монастырь, да схиму, да власяницу – они завоюют и придут, на колени падут – просить тебя вновь на царствование.

Симеон. Придут ли?

Дьяк. Ай, придут.

Симеон. Падут ли?

Дьяк. Ой, падут.

Симеон. Ну что, дьяк, в таком разе – отправим сие послание народу русскому?

Дьяк. Ай, отправим, государь! *(Лихо засовывает перо за ухо и притоптывает).*

Симеон подходит к оконцу. На площади появляется гусяр.

Симеон. Смотри! Паки ентот скоморох.

Гусяр *(поёт).*

Над Москвою заря,
над рекою заря,
в небе тёмном заря подымается.
А в Москве два царя,
а в Москве два царя
возля трона сидят да толкаются.
Православный народ,
кем ты взят в оборот?
Али кто над тобой издевается?
Сам себе в эту ночь
ты не в силах помочь.
Только чу! С кистенём кто шатается?

10

Палаты в Кремле. Симеон сидит на троне, изучая какую-то бумагу. Появляется Иоанн. В отдалении его сопровождают несколько человек. Симеон делает вид, что не видит Иоанна.

Иван. Ну что, брат Семён, поцарствовал?

Симеон (*откладывает бумагу в сторону, взглядывается в вошедшего, как будто узнаёт не сразу*). А, это вы! Было дело, Иван Васильевич.

Иван. Пондравилось, гляжу?

Симеон. Как вам сказать!

Иван. Вижу, что пондравилось. Я говорил тебе, место сладкое. Уважением, почитанием, лизоблюдством тож. Весельями вельми богатое.

Симеон. Где уж там до веселий! Нелёгкий труд. С утра до вечера об государстве думаешь. Опосля ночь цельную. Как народ прокормить, как дороги улучшить, как приказных приструнить и прочее... Тяжко. Да что вам объяснять. Сами знаете.

Иван. Намаялся, бедолага?

Симеон (*грустно улыбается*). Есть немного.

Иван. А что холопы мои кремлёвские? Все перед тобой рассыпаются? Мелким бисером? Токмо ты им не верь Лицемеры почище меня, грешного.

Симеон. Понимаю, об чём вы, Иван Васильевич. Очень даже понимаю.

Иван. Стало быть, устал! Что ж, подмогну тебе в отдыхе-роздыхе. Не пора ли и честь знать?

Симеон. В смысле?

Иван. В смысле, брат, что мне корона назад нужна. А ты отдыхай от трудов тяжких.

Симеон. Не понял.

Иван. Ах, ты не понял! Чтой-то быстро непонятливым стал. Что такое шапка Мономаха не знаешь? Забыл? Али измену замыслил? Палач! (*Хлопает в ладоши*).

Симеон. Напрасно хлопочете, Иван Васильевич. Палач в командировке. Я отослал.

Иван. Што? Это ты кому говоришь?

Симеон. Тебе, Иванец???, Васильев сын.

Иван. Как? Не расслышал. Мы, царь русский, от Августа кесаря родством ведёмся. Наши знаки царского достоинства из Вавилона-града. А ты хто такой?

Симеон. А я теперь тож. От кесаря. Не забывай, что с царём говоришь. Правильно выбранным и коронованным.

Народ это твёрдо усвоил. И напоминаю – кругом мои люди. Шалить не позволю.

Иван. Ах ты, заморыш, морда хитрая! Ах ты, насельдина-деревенщина! Ты кому дерзить задумал? Царю православному? *(Приподнимает жезл).*

Симеон *(вздрагивает, но продолжает ровным голосом).* И не дерзю я вовсе. Я дело говорю.

Иван. Как же это? *(С силой вонзает жезл в пол.)* Ты ж мя на царство жаловать отказываешь.

Симеон. Причём здесь я? Если б токмо от меня зависело. Придворные люди не хотят. Спросите у челяди. Помните, как вы говорить в своё время изволили? Жалует царь, да не жалует псарь.

Иван. На псарей киваешь? На челядь! А другой мой прынцип не упомнишь? Дати волю царю, ино и псарю.

Симеон. И что бы это значило?

Иван. А то, что пожелаю – псарём у меня станешь. Не боле того.

Симеон. Боюсь, уже не получится, Иван Васильевич.

Иван. Этга почему ж?

Симеон. Да я уже много чего наговорил, начудил. Даже боярина Михайлу распорядился выпустить. Мою царской милостью. Намаялся человек. Хватит с него.

Иван. Кого? Михайла на воле? *(Открывает от изумления рот).* Да он же на твоё место теперь и влезет!

Симеон. Он публично заявил, что не имеет царских амбиций.

Иван. Влезет, влезет. Попомни моё слово.

Симеон. А хоть бы и так. Пускай попробует. Не боюсь я. А влезет, **так и пусть. Я на мельницу уеду работать.**

Иван. Куды?

Симеон. Молодых мельников учить. Чтоб по-новому мололи. Чем плохо? Дело уважительное. Жизнь – она длинная. Далеко вперед смотреть надо.

Иван. Умный стал! Пряма стратег.

Симеон. Да уж не дурней иных.

Иван *(глумливо пританцовывая).* Сёма! Чтой-то я с тебя не пойму! Мы ж с тобой – два в одном. Сапог к сапогу.

Обчая линия. У нас разладу быть не должно. Аль забыл царя Ивана? Аль забыл слово, ему данное. Слово крепкое, надёжное...

Симеон. Ой, Иван Васильевич, оставьте.... К чему эти словеса? Уже ж времена совсем другие. В цивилизованную эпоху живём. Ну, разве ж вы не видите? Кто кому слово давал? Какое слово? К чему? Егда это было? Да и кто нынче в словеса верит? По делам его узнаете! По разумению моему, это вы мне слово давали... Наказ, так сказать. Охраняй, дескать, трон крепко... Вот я и охраняю, как умею. И разве ж не сохранил? И народ православный сохранил. И он, народ то есть, со мною согласный. Спроси любого. Но если вы на своём настаивать будете, вот тогда всё действительно покатится... Ваши люди на моих попрут. Брат на брата пойдёт. Полетят клочки по закоулочкам. От Расеи-матушки мало что останется... Так что я просил бы вас... Уймитесь, пока пожарищем национальным не запахло... А мы вам местечко тёплое уж приищем. Хотите, в Петровской слободе. Хотите, в Паризии на лутчей должности промеж государств, скажем, конными состязаниями руководить. У вас получитца. Хотите, на острове на Аглицком. Там ноне совсем не плохо. Многие подтвердить могут.

Иван. Местечко? Тёплое? Да я тебя, шкура касимовская, тотчас палачу сдам, найду такого, что не в отъезде. Да я ж тебя четвертую... Зенки твои поганые велю выколоть...

Симеон. Убивца подошлётё? С вас станется. Но не прежний режим на дворе. Забыли, в каком веке живём? Нет, Иван Васильевич, я вас, конечно, уважаю, по гроб, как говорится, обязан карьерой и протчим... Но я честно, как говорится, служил вам, пока оно служилось, так сказать... А таперича по воле народной... Тут уж, сами знаете, никуда не деться.... Народ, он завсегда прав, он по-своему нонче хотит... Ему не прикажешь.

Иван. Народ! Я-то умею приказывать народу, гнида ты заморская... Я ж тебя сюды приволок. Аль забыл?

Появляется дьяк.

Симеон. Я всё помню. Потрудитесь, однако, повежливей выразаться. Мы с вами не на базаре...

Иван. Сёма, в Кремле остаться хочешь? А ты кто? Думаешь, царь? Соломенное чучело ты, а не царь. Она над тобой потешались, а теперя – съедят. (*Выразительно кивает на дьяка*). Им как раз такой слабак на троне и нужен. Шоб схрумкать его, как голодная коняга солому. Пропадёшь ты без меня, Сёма!

Симеон. Авось не схрумкают. Народ, он тоже немного соображает. Ноне он за меня.

Иван. За тебя?! (*дьяку*). Народ вот за этого прыща? Не верю. Ужель так?

Дьяк сокрушённо кивает.

Из чего следует?

Дьяк. Приказные дьячки с опросными листами народ обошли. Цифирь в итоге вышла – за царя Симеона.

Иван. Врёшь! Воровские это листки. А за кордоном как?

Дьяк. Да то ж самое.

Иван. Неужто ихние герцоги да министры этого огурца хочут видеть на русском престоле?

Дьяк. Хочут. И Литва. И Датское королевство. Им с ним дела вести спокойней. И заморские страны. И даже Аглицкий остров.

Иван. Как? И королева Лизавета, любовь моя несостоявшаяся? Нипочём не поверю.

Дьяк разводит руками

Симеон. Трудно верить. Понимаю. Но надо.

Иван. Почему ж людишки за этого пентюха? За этого болтуна! (*Язвительно-грозно смотрит на Симеона*). Как такое могло случиться? Это ведь я – народный вождь. Этта ж я национальный лидер. Или у нас так ещё не выражаются? Ерунда! Привыкнете. Я смел, прост и крут. Кого хошь где хошь замочу. Кого хошь где хошь озолочу. И уже скольких озолотил! А ты толкуешь, что народ за эту бабу в штанах?

Симеон. Попрошу без оскорблений.

Иван. Так это ж дьяк тебя так назвал. Сам помню. Говорил дьяк ещё в тем годе – нужна, мол, нам на троне девица в штанах. Говорил аль нет?

Дьяк. То былём поросло, Иван Васильевич.

Иван. Но ты мне объясни, я что – уже не народный лидер?

Дьяк. Понимаешь, Иван Васильевич, твоя метода не созвучна эпохе.

Иван. Чаво? Метода? Чего ты в ентом смыслишь, смерд?

Дьяк вздрагивает, но тут же берёт себя в руки и, задрав глаза к потолку, картинно разводит руками.

Я – как народ. *(Колотит себя в грудь).* Я и есть народ. Без етих ваших сю-сю... *(Кривит лицо на манер карикатурного умника).* Я строг, ясен и прост.

Дьяк. С лица ты простоват, это правда. Строг, говоришь? Грубоват ты отменно. Временами жесток. Это тоже правда. В отсталой стране это хиляло. Но мы же теперь современную страну строить будем. Без грубостей и хамства. Наш лозунг – современность. Улавливаешь? От Европы отставать не хотим. А ты со своей опричной бандой устарел... Знаешь, как её в народе зовут? То-то же. Сколь её не расширай, сколько земцев в неё не тяни, лучше она не станет. Сброд, он сброд и есть. А мы – за современнича-чаееее.... Ну, вроде как за современнизацию... Ох, всё слова такие, трудно вымолвить даже. К нам люди потянутся разумом тонкие, душою нежные. Но не столь воздушные облака нам нужны, сколь твёрдое ремесло. Мы людей учить хотим так, чтоб они к живой работе пригодны были, а не маялись от безделья. Вот, гляди, не случайно царь Симеон ратует за строительство новой мельницы. Самой новейшей среди новых. Это тебе уже не грубый ветряк, а хрупкий механизм с мельчайшими колёсиками. С наимельчайшими. *(Прищуривает глаз, выразительно соединяет большой и указательный пальцы).* Прямо здесь, под Москвой и поставим, С Аглицкого острова мастеров пригласим. Наших подучат, подмогнут. Глядишь, и мы в передовые выбьемся. А народу, Иван Васильевич, надоело лаптем щи хлебать.

Иван. И ты, дьяк!

Дьяк. А чего я? Я как все.

Иван. Все?! На что вы без меня способны? Всё развалите.

Симеон (*важно*). Мы тоже кой-чего разумеем. Ещё и других научим. Дай срок.

Иван (*ошарашено*). Мельница! Щи! Лапоть! Да я бы вас этим лаптем... Да утюгом сверху... Да я... я... я слов не нахожу, поганцы вы этакие... Аглицкие люди им подмогнут!. В шею гнать аглицких! К чертям собачьим иноземцев, иноверцев! У меня, может, и своих мыслей полно. Я и сам с усам...

Делает знак одному из сопровождающих, который держит в руках нечто, покрытое тряпичей. Тот приближается, стаскивает тряпицу и подаёт Ивану ту самую иноземную штуковину из первой сцены. Иван нажимает кнопку, штуковина начинает вибрировать, свистеть, скрипеть. Слышится подобие музыкальных звуков. Симеон в страхе отшатывается. Иван довольно улыбается.

Дьяк. Да видели мы это всё, Иван Васильевич. Устарела эта механика. Нынче новинки нужны. Настоящие.

Симеон (*прибодрившись*). А нам и Аглицких людей есть чем удивить. Не токмо блохой на подковах. Мы народ способный. Например, могём сделать скатерть с длиной, шириной, но без толщины. Тонюсенькую, но про-очную! Ею всё обернуть можно. Нам токмо волю дай!

Иван. Воля! Чего захотел! (*Отшвыривает штуковину, с трудом освобождает застрявший в полу жезл*).

Дьяк. Воля, она торговому делу способствует. И наук процветанью.

Иван поднимает жезл и идёт на Симеона. Тот пятится, потом бежит. Иван с силой кидает жезл. Тот, просвистев над согнувшимся в три погибели Симеоном,, вонзается в пол. Несколько мгновений все молчат. Появляются стрельцы и молча загораживают Симеона.

Иван. Вот значит как? Хорошо ж! Не волю вы получите, а пушечные ядра. А потом кнут и топор.

(Оборачивается к сопровождающим его людям.) Нам бы пищалей побольше достать. Мы им покажем волю!

Симеон *(высовываясь из-за охраны)*. Поосторожнее, Иван Васильевич. Не надо раскачивать лодку.

Иван. Думаете, новых опричных в моей партии мало? Думаете, у меня людей, к воинскому делу способных, не осталось? Думаете, одна измена кругом? Жаль, мой верный Малюта Лукьяныч, Григорий Скуратов-Бельский Богу душу отдал. Покойся с миром. *(Крестится)*. Ну, ничё! Да я сейчас к Ермаку в Сибирь гонца пошлю. Ворочайся, Ермак Тимофеевич, со стрельцами своими, с казаками добрыми. У меня на Москве свой Кучум объявился.

Симеон. Я вовсе не Кучум. Я – сам!

Иван *(хлопает себя по лбу)*. Сёма! Да это ж тебе снится. Это твой сон. Как я раньше не сообразил. *(С трудом вытаскивает застрявший в полу жезл и уходит.)*

11

Площадь перед Кремлём.

Множество беспорядочно движущихся людей, стрельба, дым...

Война...

Гусляр (поёт).

Ой ты гой еси,
прежний царь на Руси.
Словно кесарь Нерон
Возвращается.
Нас Господь упаси,
тьма со всех сторон,
городишко наш стольный
качается.

(Резко ударяет по струнам)

Восстал род на род... «И потом, по грехам Руския всея земли, восташа мятеж велик и ненависть во всех людях, и междоусобная брань и беда великая, и государя на гнев подвигли, и за великую измену царь учиниша опричнину-омоновщину»

Слышны крики:

Ура Симеону! Долой Симеона! Ивана на трон!

Симеон – лжецарь! Ивана – в острог! Даёшь Ивана!

Всех гнать!

Долой царя! Созывай вече! Даёшь графу «против всех»! Да здравствует царь! Всех долой! Приказных топить! Бояр на плаху! Опричных на фонари! Приди, царь-надёжа! Да окошел бы он скорее, царь ваш любимый! Легче бы дышать стало... Душно на Руси...

Бегут, бегут. Пушки бьют! Огонь, везде огонь...

Гуслияр. Кремль горит. Москва горит. Подмосковные особняки горят. Великий жар на Руси стоит (*Ударяет по струнам*).

У стен заветного Кремля
иссохла ель, не зеленеет.
Горит, горит моя земля.
И я сгораю вместе с нею.

Такова судьбинушка земли русской – раз в столетие гореть. А то и два раза. Когда особо много грешим. Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне....

Впрочем, история – штука хитрая. Свои ходы знает. И отходы. То сюды загнёт, то туды отогнётся.

Вот и сейчас. (*Ударяет по струнам*). Куды оглобля воротит? Чего наш прежний царь хочет? Чего ему опять неймётся? Чем наше дело обернётся? Ужель судьба нас вновь обидит?

Кто знает всё? И кто всё видит?

Вольнолюбивый наш народ!
Тебя и в задницу, и в рот...

12

Москва, осень 1576 года. Кремль. Палаты царя. Великий князь Всея Руси Симеон Бекбулатович дремлет в креслах, видит тревожный сон. Внезапный шум, звон алебард, бердышей, стук каблуков... Со своими людьми появляется «Иванец Васильев», он же царь Иоанн. Он громко ударяет жезлом об пол. Симеон открывает округлившиеся глаза.

Иван (*грозно-весело*). Здорово, Семён!

Симеон (*вскакивает*). Здравствуй царь-государь Иван Васильевич!

Иван. Не ждал?

Симеон. Как не ждал? Очень даже. Как раз, Иван Васильевич, к трапезе прибыли. Я сейчас распоряжусь. *(Подымает руки, хочет хлопнуть в ладоши)*. Даже Настасьюшка моя с утра хлопотала. Всё царя ждала. Тебя, то есть, государь наш любимый. Уж так она у меня царя любит, так любит... Жизни без него не чаёт...

Иван. Погоди, царь, со своей Настасьей. Обедать время не пришло. Дела сделаем, а потом уж отобедаем. Иль не так?

Симеон. Так. Так. Как... Как... *(падает на колени)*. Как скажете, Иван Васильевич.

Иван. Да не трясись ты, Семён. И вставай с колен. Не пристало царю Московскому перед холопом своим Иванцом Васильевым на коленях ползать. Воровал ты не шибко. Подписал две-три грамоты не слишком праведных... Речи порой пустые разносил по всей русской земле... Иноземным государям в глаза заглядывал. На их поддержку рассчитывал? Напрасные хлопоты, Семё. Тебя за царя никто не считал. Ну, да прощаю тебя. Главное дело, боярина Михайлу не выпустил. За это тебе особая наша честь. Пущай ещё посидит в остроге. Пущай почувствует тяжесть руки царской. ...Ничего худого на этот раз в Кремль я не привёз. Я с жалованной грамотой прибыл. Жалую тебя Тверской вотчиной и титулом Великого князя Тверского. Ты славно на Москве поцарствовал, дела по большей части вёл справно, а ноне тебя в Твери ждут.

Симеон *(на коленях)*. Смилуйся, царь-государь, ежели чем прогневал. А за званье князя Тверского прими смиренную благодарность. Тверскую землю всегда за родную держал, глубоко сердечно её чувствую. Думаю, царь-государь, не ошибся ты с выбором.

Иван. Сам знаю, что не ошибся. Дьяк!

Дьяк с бумагами выходит вперед

Где грамота княжеская? Вручи её царю Семёну. Как грамоту получит, губами к ней приложится, так царём быть перестанет, зато Тверским князем заделается. Тоже не худо.

Дьяк разворачивает грамоту, подаёт её Симеону. Тот опускается на одно колено, касается бумаги губами.

Дьяк. Свершилось!

Иван. А корона где? А ну подай её сюда.

Служки подносят шапку. Иван надевает её небрежно, набекрень. Из толпы выходит келарь Авраамий. Он щепотью бросает на царёву шапку несколько монет.

Дьяк. Слава Те, Господи. Народ православный, ликуй – отец вернулся.

Авраамий. Сему быть по смотрению Всевышнего Бога!

Иван (*громко хлопает в ладоши*). Всё! Трапезничать пора. Обед будет званый (*Симеону*) Где твои кравчие? Где жёнушка твоя? Я с гостинцами прибыл.

Симеон (*тихим голосом*). Сейчас распоряджусь. Вина лучшие, заморские...

Иван. Как Москва, Тверской князь, не горит?

Симеон. Не горит, царь-государь.

Иван. Как земля русская, Тверской князь, стоит?

Симеон. Стоит, царь-государь.

Иван. Ну, и славно. Скажите людям – я надолго вернулся.

Симеон. А что, дело какое затеял, царь-батюшка?

Иван. Затеял.

Симеон. Большое?

Иван. Большое.

Симеон. Скажи, не таи от людей.

Иван. Таить не буду. Собираюсь я крепостное право на земле русской укреплять-устанавливать. Надолго устанавливать. На века. Русский человек – смиренный человек. Раб Божий, раб царский, раб помещичий, раб чиновничий. А помещики да чиновники – все мои холопы. А холопы моих холопей – тож мои холопы. Оттого и порядок стоит на земле русской. Оттого, что все на Руси – холопы. Запомните это крепко. Нарушишь сей порядок – всю Великую Русь разрушишь. А сейчас вели вина наливать. За единую землю русскую ковши и братины подыдем! (*Оглядывается на затворённые двери*). Откройте двери, пустите народ.

Отворяются двери. Входит множество людей, среди них жена Симеона Анастасия.

Авраамий. Народ! Царь-государь Иоанн Васильевич токмо что соизволил короновать себя на дальнейшее царствование.

Народ молчит.

Морозов. Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Иоанн Васильевич!

Народ безмолвствует.

Авраамий (*негромко*). Народ молчит? Стало быть, смутные времена близко.

На авансцену выходит гусяр.

Гусляр (*ударяет по струнам*).

У стен заветного Кремля
иссохла ель, не зеленеет.
Горит, горит моя земля.
И я сгораю вместе с нею.

Конец

Микки Вульф

Солнце во второй главе булгаковского романа

Посвящается законченной стеклышку

ОЧЕМУ СТЕКЛЫШКУ. Я написал эту статью три года назад и посвятил ее полному солнечному затмению 29 марта 2006 года. Однако за прошедшее время (а сейчас конец 2011 года) два полных солнечных затмения состоялись 1 августа 2008 года (оно могло наблюдаться в Канаде – России – Монголии и Китае) и 11 июля 2010 года (остров Пасхи и Чили). Ближайшее затмение предстоит 13 ноября 2012 года (Австралия), а за ним 9 марта 2016 года (Индонезия). Во всех перечисленных местах я точно не побываю, не говоря уж о том, что в 2016 году меня вряд ли будут интересовать какие бы то ни было небесные явления. Поэтому мне только и осталось – из уважения к Солнцу – посвятить эту статью стеклышку, через которое на него смотрят...

ФАКТЫ, СЛЕДУЮЩИЕ ИЗ ТЕКСТА:

- Пилат сидит в кресле, которое на протяжении всей сцены не переставляют; оно неподвижно;
- подследственный пришел в Иерусалим из Галилеи, то есть с севера;
- он стоит лицом к Пилату (к креслу, в котором сидит Пилат);
- на вопрос прокуратора: "Откуда ты родом?" – арестант отвечает: "Из города Гамалы", "головой показывая, что там, где-то далеко, *направо от него, на севере*, есть город Гамала" (здесь и дальше курсив мой. – М.В.).

Выводы:

– чтобы показать, что Гамала находится *на севере, направо от него*, арестованный должен стоять лицом к западу, к Средиземному морю, спиной к востоку, к Иудейским горам (в Святой земле очень легко сориентироваться по странам света);

– Пилат, напротив, сидит лицом к востоку, спиной к западу.

Кадр из Ю. Кары. Герои, похоже, поменялись местами

ТЕПЕРЬ, УТОЧНИВ ПОЛОЖЕНИЕ ОБОИХ, вспомним, что дело происходит "ранним утром" (см. первую фразу главы) и допустим, что солнце в тот роковой день, как и всегда, взошло на востоке.

Этот предположение косвенно подтверждается в тексте:

"Все еще скалясь, прокуратор поглядел на арестованного, затем на солнце, неуклонно подымающееся вверх над конными статуями гипподрома, лежащего далеко внизу *направо...*"

Для прокуратора *направо* – это юг. Правильно: солнце так и идет – с востока через юг на запад. Этот пассаж свидетельствует, что автор пока еще держит в уме расстановку персонажей.

Но уже не совсем достоверна первая фраза следующего абзаца: "Он [Пилат] ... некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на *утреннем*

безжалостном ершалаимском солнцепеке стоит перед ним арестант..."

Чтобы разговаривать, не повышая тона и позволяя себе языковые тонкости и, скажем, иронические интонации, которых в этой сцене предостаточно, лица, ведущие диалог, должны находиться на расстоянии не более трех-пяти шагов друг от друга (иначе голос придется напрягать, так что будет уже не до нюансов). Пилат – в силу своего статуса – сидит, разумеется, в тени (секретарь, надо полагать, тоже). Чтобы допрашиваемый оказался на солнцепеке, тень, укрывающая прокуратора, должна заканчиваться хотя бы в двух с половиной шагах от сидящего, а дальше – залитое жарким светом пространство. Между тем в это время дня тени отходят от предметов на запад, постепенно укорачиваясь и смещаясь к северо-западу. Всё это – не забудем – может происходить лишь на свободном пространстве. Но перед нами (исходя из текста и только из него) – пространство иного рода.

Вспомним, во-первых, что колоннада – *крытая* (см. первую фразу главы), больше того – собеседники защищены от прямого солнца *золотым потолком* (см. эпизод с ласточкой). Это значит, что "безжалостного утреннего солнцепека" нет, по крайней мере его нет на месте беседы под колоннами, а точнее – среди колонн. Во-вторых, через несколько абзацев сказано следующее:

"Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над ипподромом, что *луч* (не лучи, не полоса света! – М.В.) *пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца*".

Единственный, хорошо видимый *в тени* луч, да и от него арестант имеет возможность отодвинуться, слегка посторонившись.

Не все так просто и с этим сиротливым лучом. С одной стороны, он подтверждает, что зной пока не терзает заключенного (разве что нарастающая духота), с другой – сам луч выглядит, как сегодня принято выражаться, *нерелевантно*, хотя, конечно, очень зрелищно и эффектно.

Вдумаемся. Чтобы луч был только лучом и не более, ему пришлось "пробраться" в колоннаду между парой колонн, стоящих близко друг к другу (остальные варианты физически исключаются). Это представимо. Хуже с "подползанием" луча к ногам арестанта. Это слово лучше подошло бы к лучу заходящего солнца. Но поскольку солнце во время допроса не садится, а восходит, луч на всем своем протяжении стремится к вертикали (и достигнет ее, когда мы подойдем к концу главы). Он, следовательно, не "подползает", а "убегает" (речь не о скорости, а об укорачивании луча). Но если "солнце уже высоко стоит над ипподромом", то путь солнечным лучам вот-вот должно преградить перекрытие колоннады, тот самый "золотой потолок".

А как долго он, луч, находился там? Думаю, совсем недолго, максимум минуту-две, потому что солнце не только поднимается в вертикальной плоскости, но и одновременно перемещается с востока к югу, и злосчастный луч непременно переломится об одну (более северную) из двух колонн, между которыми он проник в колоннаду.

Наверное, грамотный математик мог бы все это изобразить более наглядно и лаконично с помощью формул и диаграмм. К тому же существуют достаточно подробные описания Иродова дворца – скажем, у Флобера, – так что можно было бы, оставаясь в вымышленной художественной действительности, получить и более или менее реальные цифры.

Но вернемся к Булгакову. Знаменитый разговор продолжается:

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и *заслоняясь рукой от солнца*, возразил арестант..."

Здесь остановимся снова. Заключение стоит, как мы знаем, лицом к западу, и восходящее солнце, стало быть, светит ему в затылок или в темя (возможно, это тот самый луч). При таком раскладе описанный жест (судя по интонации фразы, произвольный) – неверен и невозможен. Что подтверждается через пару страниц вполне выверенным и точным жестом Пилата:

"Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе *поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча...*"

Да, правильно: если солнце вообще присутствует под колоннами, то оно светит ему в лицо. И хотя он прикрывается намеренно (притворно), никто не заподозрит его в фальши.

Вывод: если оба персонажа расположены так, как следует из текста, заслоняться от солнца в этот час может только один из них, а именно Пилат. Или – они располагаются иначе. Да еще золотой потолок колоннады... В любом случае – ошибка.

Но это не все. Читаем дальше. Арестант обречен или почти обречен:

"Приказания прокуратора были исполнены быстро и точно, и *солнце, с какой-то необыкновенною яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим, не успело еще приблизиться к своей наивысшей точке, когда...*"

Другими словами, солнце еще не приблизилось к зениту (или почти к зениту), а время – к полудню. Но утро уже совершенно точно не раннее.

Следует саммит – встреча Пилата с Каифой. Оба разговаривают в саду ("на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу"). Тут интересные детали:

"Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, *с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя* (то есть на балконе, в колоннаде, солнца как не было, так и нет, "золотой потолок" укрывает ее надежно, а в саду – есть, и автор, как мы увидим дальше, этот мотив разрабатывает. – М.В.), но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может". (Кстати, любопытно, почему? Боится подслушивания? Но его как раз должен опасаться и опасается Пилат: "Что ты, первосвященник? Кто же может услышать нас сейчас здесь?" – М.В.¹)

¹ Илья Корман, замечательный, на мой взгляд, знаток "М. и М.", убедительно объясняет это тем, что (см. главу 25: "Другие трепетные мерцания вызывали из бездны... дворец Ирода

Беседа, как мы помним, не клеится:

"...мысль об этом загадочном бессмертии заставила его [Пилата] *похолодеть на солнцепеке*".

Еще через несколько реплик:

"Прокуратор тыльной стороной кисти руки вытер мокрый, холодный лоб, поглядел в землю, потом, прищурившись, в небо, увидел, что *раскаленный шар почти над самой его головой, а тень Каифы совсем съежилась у львиного хвоста...*"

Дело явно идет к полудню. Что и подтверждает сам Пилат:

"– *Дело идет к полудню. Мы увлеклись беседою, а между тем надо продолжать*".

Следуют приготовления к выходу на площадь, затем мощная сцена на площади, и там:

"Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло. Ненавидимый им город умер, и только он один *стоит, сжигаемый отвесными лучами, упершись лицом в небо*".

Это уж точно полдень, хоть астрономический, хоть какой! "Троих со связанными руками" уводят, пересекает площадь кавалерийская ала, Пилат и должностные лица устремляются к воротам дворцового сада, и последняя фраза главы звучит (для меня, во всяком случае) неожиданно и абсурдно:

"*Было около десяти часов утра*".

В первой же фразе следующей, третьей главы Воланд на этом настаивает:

"– *Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, – сказал профессор*".

Но нет, этого быть не могло. Это или ошибка автора, или происки Воланда, который говорит в другом месте: "Праздничную полночь приятно немного и задержать". Но там приостановка времени имела смысл, а тут?..

Великого, и страшные безглазые золотые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки") для первосвященника золотые статуи – это идола, дворец Ирода – языческое капище, и войти туда, да еще в день, когда вечером должен наступить праздник Пасхи, он действительно не может.

Известен, правда, еще из ТАНАХа (Библии) факт, когда другой Иешуа – Бин-Нун, более известный за пределами Израиля как Иисус Навин, – задержал солнце в небе, чтобы можно было продолжать битву. Ну, а какова мотивация временных накладок в вышепрсмотренных сценах?

Боюсь, что здесь мы имеем дело с упущениями автора.

Возможно, стоит добавить, что в начале следующей главы внутреннего романа (по общему счету 16-й), теперь уже не рассказываемой Воландом, а снявшейся Ивану в "доме скорби", совершенно четко сказано: "Та кавалерийская ала, что перерезала путь прокуратору *около полудня...*"

К СЛОВУ, О ХУДОЖНИКАХ И ФИЛЬМАХ. Русский живописец Николай Николаевич Ге написал среди прочих картину "Что есть истина?" ("Христос и Пилат"), которая как бы отражает их встречу.

Картина Н.Ге "Что есть истина?"

Как сообщает Википедия, картина была впервые представлена на выставке Товарищества передвижников в 1890 году. Она вызвала неоднозначную реакцию

общественности и по распоряжению Священного синода была снята с экспозиции. Образ Христа расходуется как с церковной, так и с художественной традицией. На картине Ге Иисус изображен измученным, низкорослым. Стоит он в глухой тени. Мощную же фигуру Понтия Пилата заливают солнечный свет. Такое световое решение нарушает традиционные принципы, когда свет отождествляется с добром, а мрак – со злом.

Один из авторов Интернета, Семен Воложин, дает, между прочим, интересную трактовку разговора Пилата и Иисуса. "Надо уметь жить, раз жизнь дана", – говорит Пилат. "Надо уметь не жить, раз жизнь – такая", – отвечает Иисус.

Кадр из Ю. Кары. Солнце светит Христу в лицо, чего, при правильной расстановке, быть не может

Любопытна история приобретения картины: она очень не понравилась Павлу Третьякову, и он не хотел ее приобретать. Лев Толстой написал Третьякову резкое письмо: "...Выйдет поразительная вещь: вы посвятили жизнь на собирание предметов искусства, живописи и собрали подряд все для того, чтобы не пропустить в тысяче ничтожных полотен то, во имя которого стоило собирать все остальные. Вы собрали кучу навоза для того, чтобы не упустить жемчужину. И когда прямо среди навоза лежит очевидная жемчужина, вы забираете все, только не ее". Уважая мнение Толстого, Третьяков все-таки купил произведение Ге. Интересно было бы узнать, что именно

писатель считал кучей навоза, составившей основу Третьяковской галереи. Да и картина попала туда не сразу. В течение 1890-1891 годов она выставлялась в Европе и Америке, но успеха там не имела и была встречена равнодушно.

Лично мне она тоже не по душе.

Как не пришлось по сердцу оба фильма Юрия Кары и Владимира Бортко, которые мне удалось увидеть. Почему – здесь не место писать.

Кадр из Ю. Кары. Здесь расстановка людей и предметов почти
точна

К тому же я не видел картину известного польского режиссера Анджея Вайды, который в 1971 году снял фильм под названием "Пилат и другие", равно как и итало-югославской экранизации режиссера Александра Петровича, и восьмисерийного телесериала Мачека Войтышко (опять Польша).

Я прилагаю картину Ге и кадры известной сцены из Кары, обращая внимание читателей на то, что постановщик не справился с неверно сформулированной задачей Булгакова.

Виктор Вольский

Простаки за границей

Америка глазами иммигранта

Часть 1

Прошло немало лет с тех пор, как я прибыл в Америку в статусе беженца. На протяжении минувших десятилетий я нашел свою нишу в американском обществе, познал прелести американского футбола, притерпелся к наименее удобоваримым проявлениям местной культуры (хотя назвать рэп музыкой у меня до сих пор язык не поворачивается) и узнал об Америке достаточно, чтобы уверенно считать себя сознательным гражданином этой великой страны. И тем не менее, некоторые аспекты американской политической жизни для меня по-прежнему загадка. Вероятно, это следует отнести на счет неизжитых предрассудков иностранца, воспитанного в иной культуре.

Больше всего у меня вызывает удивление тот факт, что американцы мирятся со своим государственным устройством, а некоторые даже считают его наилучшим в мире. Не ослепли ли они? Разве они не видят, что их политическая система не работает и не может работать в принципе, по самому своему характеру? Поясню мою мысль на конкретном примере.

Отгремели залпы президентских выборов, и у страны появился новый лидер. Но недолго ему суждено наслаждаться своим триумфом. Он ощущает себя полноправным главой государства и правительства только непосредственно после своей победы, до того, как он принесет присягу и вступит в свои полномочия. В течение нескольких недель он выглядит и звучит как президент, упиваясь своей победой и восторгами своих поклонников.

Но не успеет он въехать в Белый Дом, как его медовый месяц внезапно обрывается: он перестает быть президентом и становится кандидатом на переизбрание на свой пост.

С первого же дня правления нового президента все его поступки продиктованы требованиями следующей избирательной кампании. Президенту-республиканцу приходится несколько труднее, ибо враждебная пресса зорко следит за каждым его шагом и не спускает ему ни малейшего промаха. Но у президента-демократа руки полностью развязаны, он может делать все, что ему заблагорассудится. Верная пресса провозглашает свой символ веры: все, что хорошо для президента, хорошо для Америки, и прозрачно намекает, что нежелание республиканской оппозиции уступать президенту есть проявление вероломства, коварства, низости, подлости, человеконенавистничества, ну а если президента зовут Барак Обама – то, естественно, и вопиющего расизма.

Таким образом, львиная доля деятельности президента посвящена политике, а не управлению государством. Он без устали колесит по стране, выдумывая самые нелепые предлоги для того, чтобы объявить свои политические вояжи «деловыми поездками», что дает ему возможность экономить средства из своего предвыборного фонда и перелгать все расходы на плечи налогоплательщиков (в теории президент обязан сам оплачивать мероприятия чисто политического характера). Он без остановки собирает политические пожертвования, обхаживает наиболее важных доноров, вознаграждает сторонников, раздавая им должности, гранты и контракты, и наказывает врагов (если он демократ, ему можно называть республиканцев «врагами»), республиканцу же разрешается именовать демократов – даже таких вопиющих образчиков хамства и просто откровенного хулиганства, как Алан Грэйсон или Энтони Винер – не иначе, как «наши друзья по ту сторону политического водораздела»)… Словом, делает все, что полагается кандидату, при едва ли не полном пренебрежении к своим официальным обязанностям.

Если президенту нравится ездить за границу, он может в полной мере предаться своей страсти, наслаждаясь

роскошью и включая в свою свиту за счет американского налогоплательщика сотни своих «ближайших друзей» и сторонников. Впрочем, странствия по свету обычно приходится на второй срок полномочий президента, после того, как его внутривластная программа потерпит крах (а иначе не бывает) и он волей-неволей вынужден заняться внешней политикой – предметом, в отношении которого избиратели проявляют минимум интереса и еще меньше понимания. При этом президент аккуратно получает немалую зарплату, потратить которую ему при всем желании не удастся, ибо все его мыслимые и немыслимые расходы оплачиваются из государственной казны (читай: из кармана многострадального налогоплательщика).

Безостановочная подготовка к предвыборной кампании длится всю первую половину срока полномочий президента. Вслед за тем наступает собственно кампания, и президент по понятным причинам вообще перестает появляться в Белом Доме, посвящая практически все свое время разъездам по стране и обхаживанию избирателей. Наконец приходит день выборов, и если президента переизбирают, происходит странное явление: в первый же день его второго срока приходит в движение и начинает раскручиваться маховик следующего избирательного цикла. Все забывают об обитателе Белого Дома, и пресса принимается на все лады обсуждать возможные кандидатуры на следующих президентских выборах. Президент превращается в «хромую утку». Для того, чтобы понять, что это за зверь, достаточно вспомнить, как после своего переизбрания Билл Клинтон, заброшенный и забытый, бесцельно бродил по коридорам Белого дома, мучительно ища, чем заполнить внезапно свалившийся на него досуг. Если Обама будет переизбран, он, вероятно, со страстью предастся *dolce far niente* («сладкое ничегонеделанье» – так по-итальянски называется его любимое занятие), т.е. всецело посвятит себя игре в гольф, лицезрению спортивных передач по телевидению и гулянкам с поклонниками из числа кинозвезд и музыкальных знаменитостей, в основном мастеров его

любимого стиля рэп. Ну и, конечно, будет регулярно ездить на курорты, чтобы отдохнуть от утомительных досугов.

Но независимо от того, чем занимается президент второго срока, переизбрание автоматически делает его нерелевантным, т.е. выбрасывает его на обочину политической жизни. В известном смысле поражение на выборах даже предпочтительнее, ибо с ним президент может забыть о скуке, как опять-таки свидетельствует опыт Клинтона в конце его второго срока: благополучно вывернувшись из многочисленных амурных скандалов и шантажом отведя от себя угрозу импичмента, он в оставшиеся два месяца своих полномочий деятельно готовился к переезду, доделывал незаконченные дела, уничтожал инкриминирующие бумаги, щупал за карман крупных доноров, выбивая из них дополнительные пожертвования в фонд своей Президентской библиотеки, вел переговоры о гонорарах за будущие публичные выступления и мемуары, придумывал инфантильные хулиганские выходки, чтобы досадить своему преемнику-республиканцу, и лихорадочно распродал президентские помилования. А тем временем его лучшая половина грабила Белый Дом, вывозя из него предметы мебели и произведения искусства.

А как обстоят дела на другом конце Пенсильвания-авеню - там, где расположен Капитолий? Увы, не лучше. Конгрессмены и сенаторы следуют примеру главы исполнительной власти. Из всех своих профессиональных обязанностей наиглавнейшим они почитают сбор денег на свою следующую предвыборную кампанию. Это занятие отбирает у них львиную долю времени и энергии. Затем приходит пора готовиться к выборам, и как минимум за год наши солоны облачаются в доспехи, препоясывают чресла и выезжают на бой с супостатами, которые зарятся на их богоданные выборные должности. Ну, а если «слуга народа» решает баллотироваться в президенты, тогда все остальное вообще отставляется в сторону, и он с головой погружается в предвыборные заботы. Правда, он время от времени прилетает в Вашингтон, чтобы все видели, как он голосует по важному законопроекту (о существовании которого у него нет

ни малейшего понятия), но в остальном его прямые обязанности перестают интересовать кандидата.

У кандидата в президенты от Республиканской партии Боба Доула в 1996 году хватило совести уйти в отставку из Сената, чтобы всецело посвятить себя предвыборной кампании, но он был исключением, которое лишь подтверждает правило. Пришло ли хоть раз в голову сенаторам Обаме, Клинтон или Маккейну во время предвыборной кампании 2007-2008 гг., что им платят за то, чтобы они занимались законодательной деятельностью? Почему налогоплательщики мирятся с возмутительной ситуацией, когда люди, которых они избрали представлять себя в Вашингтоне, стремятся лишь к увековечению себя у власти вместо того, чтобы служить своим избирателям или стране? Или с еще более смехотворным зрелищем мультимиллионера или миллиардера, который тратит неисчислимые средства из собственного кармана, покупая голоса избирателей, а как только попадет в Конгресс, тут же начинает жаловаться на бедность и требовать прибавки к зарплате – на том основании, что «лучшим» людям, дескать, нужно платить соответственно их талантам, чтобы создать для них стимул служить обществу?

Законодательный процесс часто уподобляют изготовлению сосисок – настолько это неаппетитное зрелище. Развивая метафору, следует полагать, что американские политики-сосисочники чуть ли постоянно бастуют, и остается только удивляться, как Конгресс все же изредка умудряется сделать что-то реальное. Государственное устройство США сконструировано таким образом, что правительство страны практически не в состоянии нормально функционировать. Сравним его, например, с британской моделью.

В Соединенном Королевстве победившая на выборах партия формирует правительство и беспрепятственно правит (не царит – это прерогатива королевы) в течение положенного срока – пяти лет, если только она не дезавуирует себя в такой степени, что ему будет вынесен вотум недоверия. В таком случае правительство выходит в отставку, парламент распускается и назначаются новые

выборы. Да, не забыть, что предвыборная кампания в Великобритании по закону длится всего шесть недель. При такой системе у правящей партии есть реальная возможность провести в жизнь свои планы, с которыми она шла на выборы, а народ может судить о деятельности правительства и в случае необходимости указать ему на дверь, вместо того чтобы беспомощно ждать, пока мучительно тянется этот бесконечный пятилетний срок.

Тот факт, что члены британского кабинета министров одновременно заседают в парламенте, несколько сглаживает отношения между законодательной и исполнительной властью, которые в Америке порой достигают немалой остроты. Более того, в Великобритании каждая ведущая партия располагает постоянной министерской командой. Те же самые люди, которые разбирают портфели, когда их партия приходит к власти, образуют теневой кабинет, если им приходится переходить в оппозицию. Таким образом, у партий в постоянной готовности пребывает контингент подготовленных и опытных специалистов, способных в любой момент подхватить эстафету и во всеоружии приступить к исполнению своих обязанностей, как только их партия окажется у власти.

В то же время в Соединенных Штатах каждая смена президента вызывает массовые перестановки в правительстве и длительный период хаоса власти. Проходит немало времени, прежде чем новые люди освоятся со своими должностными обязанностями – это в том случае, если они к этому способны, что не факт в системе, где умение собирать политические пожертвования в пользу победоносного кандидата в президенты расценивается как высший признак профпригодности. Неудивительно, что в Великобритании процесс перехода власти обычно протекает сравнительно гладко при сохранении значительной степени преемственности, между тем как в Америке немалая часть первого срока полномочий новой администрации выливается в курс молодого бойца для новых сановников, на время которого все важные дела откладываются в долгий ящик. Вот пример: в течение первого года правления Билла

Клинтона в Индии не было американского посла. В Дели с ума сходили, пытаясь понять, чем они не угодили новому владыке Белого Дома. Оказалось, однако, что они были ни при чем. Просто необстрелянные вершители американской внешней политики под грузом свалившихся на них незнакомых забот всего лишь забыли о таком пустяке, как установление дипломатических связей с одним из важнейших союзников своей страны.

В сравнении с британской американская политическая система выглядит нелепой и громоздкой. Если бы кто-нибудь специально думал о том, как получше связать американское правительство по рукам и ногам, ему вряд ли удалось бы выдумать нечто более неэффективное, чем нынешнее государственное устройство. Это в том случае, конечно, если оно не было именно таким и задумано. В конце концов отцы-основатели не питали особых иллюзий насчет человеческой природы и держали под большим подозрением демократию, которую многие из них уподобляли охлократии – власти толпы. Потому-то, обсуждая проект Конституции, они думали в первую очередь о том, как обуздать честолюбие жадных до власти политиков. Главный автор Конституции Джеймс Мэдисон считал, что единственный путь – это «амбиции противопоставить амбицию». Иными словами, речь шла о сдержках и противовесах. С точки зрения эффективности подобное государственное устройство обещало верный политический паралич. Но, может быть, именно в этом и состояла цель отцов-основателей. Если так, они вполне преуспели в своей затее.

Часть 2

В первой части этого эссе я выразил мое изумление по поводу государственного устройства Соединенных Штатов – настолько неповоротливого и нелепого, что оно практически гарантирует политический паралич. Однако это отнюдь не исчерпывает списка загадок американской общественно-политической жизни, которые ставят в тупик иммигранта даже с таким долгим стажем, как у меня.

Пример: По какой причине 1-я Поправка к Конституции служит предметом бесконечных споров и

раздоров? Что в ней непонятного? Почему нужно ломать копыя и проливать реки чернил, чтобы угадать истинные намерения отцов-основателей, запретивших «устанавливать» какую-либо религию? Не проще ли открыть любой словарь английского языка и посмотреть значение слова establish в приложении к религии. «Установление» всегда означало лишь то, что государство санкционирует и материально поддерживает какую-либо религию в предпочтении перед всеми остальными. Отцы-основатели американского государства были люди умные и образованные, они хорошо знали историю и понимали, что установление той или иной религии в новой стране поведет к бесконечным раздорам и, может быть, даже к религиозным войнам, как в Европе, и что религиозный мир будет обеспечен только в том случае, если все религии будут отделены от государства и отстоять от него на одинаковом расстоянии. История подтвердила их прозорливость. Нигде на свете не царит такая религиозная гармония, как в Америке; нигде люди разных верований и конфессий не уживаются друг с другом столь мирно и дружелюбно.

Пример: Почему таким вопиющим образом пренебрегается 10-я Поправка? Напомню ее формулировку: «Полномочия, не предоставленные настоящей Конституцией Соединенным Штатам и пользование которыми не возбранено отдельными штатами, остаются за штатами или за народом». Иными словами, федеральное правительство обладает лишь теми полномочиями, которые конкретно прописаны в Конституции, а все остальные права и функции автоматически являются прерогативой штатов и народа. С моей точки зрения 10-я Поправка, образующая основу американской федеральной системы, является едва ли не самой важной статьей Билля о правах. И тем не менее правящий класс ведет себя так, словно этой поправки не существует в природе. Понятно, что в интересах Вашингтона закрывать на нее глаза. Но почему штаты проявляют такую робость в отношении своих конституционных прав?

Пример: На каком основании Конгресс вторгается в экономику? В Конституции содержится лишь одно-

единственное положение, наделяющее законодательную власть прерогативами в хозяйственной сфере. Это положение (пункт 3 раздела 8 Статьи 1) гласит, что Конгресс имеет право «регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами». То есть, Конгрессу позволено лишь улаживать торговые конфликты между штатами (которые в те годы понимались как практически независимые государства). И тем не менее, прикрываясь этим фиговым листком, Конгресс практически полностью подмял под себя экономику страны под чисто казуистическими и нередко смехотворными предложениями. Так например, в течение многих лет безраздельного господства демократов в Палате представителей не было в Вашингтоне более грозной фигуры для частного сектора, чем председатель Комитета по энергетике нижней палаты Джон Дингел, который обосновывал свои притязания тем, что в сферу полномочий его комитета входят все виды экономической деятельности, где имеется энергетическая составляющая (а где ее нет?).

Пример: Почему американцы так спокойно относятся к роли Верховного Суда и к потенциальному ущербу, который он может причинить стране? Отцы-основатели отводили Верховному Суду весьма ограниченные функции, в основном в качестве арбитра при улаживании споров между Конгрессом и администрацией. Но с годами, движимый неумеренными амбициями своих членов, Верховный Суд превратился в едва ли не важнейшую ветвь власти, решения которой в значительной части определяют курс страны.

В настоящее время в высшей судебной инстанции Соединенных Штатов сохраняется неустойчивое идеологическое равновесие: четыре консерватора, четыре либерала, а посередине – «умеренный» судья Энтони Кеннеди, который, как маятник, качается то в одну, то в другую сторону. Таким образом, судьба многих дел, поступающих на рассмотрение конституционного суда, зависит от того, куда качнется девятый член суда. Вследствие этого Кеннеди фактически выступает в роли

самодержца, который в состоянии самолично определять будущее страны на многие годы вперед. Хороша демократия, не правда ли? Понимают ли американцы опасность такого положения? Учитывая, что члены Верховного Суда назначаются пожизненно, что они обычно живут очень долго (вероятно, им продляет жизнь ощущение своего могущества) и что, как правило, только смерть заставляет их разжать похолодевшие пальцы, цепляющиеся за власть, так ли уж трудно себе представить, что судья, владеющий решающим голосом, впадает в старческое слабоумие, а другие члены Верховного суда из коллегиальной солидарности покрывают его? В таком случае страна – да что там страна, весь западный мир! – окажется во власти скудоумного юридического тирана. Радужная перспектива, не правда ли?!

Пример: Не надоело ли американцам мириться с прессой, которая называет себя «центристской», хотя в подавляющем большинстве случаев она ратует за такие леворадикальные решения, что оказывается левее даже некоторых коммунистов (например, китайские коммунисты в сфере экономической политики занимают более консервативные позиции, чем «Нью-Йорк таймс»)? По своим общественно-политическим взглядам, шкале ценностей, вкусам и культурным предпочтениям так называемые «центристские» журналисты настолько же далеки от «народных масс», насколько придуманный пылким воображением Жан-Жака Руссо «благородный дикарь» отличался от жившего в каменном веке каннибала – обитателя джунглей Амазонки.

И тем не менее американцы терпят их самодовольство и слушают, не протестуя, как какой-нибудь либеральный интеллигент – который всю свою сознательную жизнь не вылезал из светских салонов Нью-Йорка и Вашингтона, брезгливо избегая контактов с «немытым быдлом», который сгорел бы от стыда, если бы злая судьба ненароком занесла его в «Уол-Март» – обличает «Партию чаепития», обвиняя ее во всех смертных грехах и в особенности в том, что «страшно далека она от американского народа». Это «Партия чаепития», члены

которой в подавляющем большинстве принадлежат к станковому хребту страны – среднему классу, у которой больше оснований, чем у любой другой прослойки американского общества, считать себя частью американского народа, «далека от народа»? Если ли предел самодовольству членов «второй древнейшей профессии» и терпению потребителей их продукции?

Пример: Почему американцы терпят расовых дельцов вроде Джесси Джексона или Эла Шарптона? Я понимаю всепоглощающую жажду искупить расовую вину, неустанно раздуваемую СМИ, но всему должен быть предел, даже крайней форме мазохизма. Разве не оскорбительно для здравого смысла слышать рассуждения о том, что расовое равенство есть коварная разновидность расизма, да еще со ссылкой на авторитет Мартина Лютера Кинга-младшего, который ратовал за прямо противоположное? И тем не менее именно об этом непрерывно трубят джексоны и шарптоны вместе со своими добровольными лизоблюдами из либеральных белых кругов. Не возмущается ли чувство элементарной справедливости поразительным бесстыдством негритянских членов Конгресса, которые неустанно поносят своих консервативных оппонентов, усматривая проявления расизма во всех их делах, поступках и мыслях? После того, как Барак Обама был выбран президентом (не в последнюю очередь в качестве акта расового искупления), не пора ли положить конец этому низкому фарсу или хотя бы хоть немного приглушить звук?

Пример: Американцы по праву гордятся своими демократическими традициями. Почему же тогда они мирятся с массовым равнодушием общества к избирательному праву? Право голоса – это привилегия, оплаченная потом и кровью поколений борцов за равенство перед законом, и тем не менее сейчас в Америке к нему относятся как к некой бессмысленной и докучливой обязанности, навязываемой гражданам помимо их воли. Невзирая на неустанные призывы голосовать, избирательная активность редко превышает 50 процентов; люди не скрывают, что им просто некогда идти на выборы, да и

незачем. А те, кто все же голосует, требуют, чтобы их уговаривали и ублажали, и тогда они, может быть, милостиво согласятся дать себе труд сходить на избирательный участок, заполнить бюллетень и опустить его в урну, а затем отправиться домой с чувством законного удовлетворения и гордости за выполненный гражданский долг. Политические наблюдатели не могут объяснить, почему вдвое больше американцев заявляют о своей приверженности консервативным идеям, чем либеральным (40 процентов против 20), и тем не менее демократы обычно преобладают на выборах над республиканцами. Одна из причин этого несоответствия и заключается в равнодушии избирателей к выборам, хотя вносит свой вклад и предмет, о котором пойдет речь в следующем примере.

Пример: Больно смотреть на массовое жульничество и подтасовку результатов выборов, которые приняли такие масштабы, что в обществе на них выработался взгляд как на некое явление природы – безусловно, предосудительное, но неизбежное и всепобеждающее, своего рода естественное право меньшинств, и в первую очередь обитателей гетто. Вот почему демократы ничуть не стесняются громогласно протестовать против малейших поползновений оздоровить избирательный процесс, обличая подобные попытки как проявления злостного расизма, словно требование, чтобы лица, явившиеся на избирательные участки голосовать, предъявляли какое-то удостоверение личности, например, водительские права (машину водят все, даже самые бедные – а тем, у кого прав все же нет, государство бесплатно предоставляет специальное удостоверение личности), представляет собой нестерпимое попрание человеческого достоинства и вопиющее преступление. Демократы даже не видят особой необходимости скрывать, что подобное мошенничество («Голосуйте непременно и по многу раз!») составляет одно из самых надежных подспорий их избирательной стратегии – настолько они уверены, что никто не осмелится бросить им вызов, под страхом быть вымазанным обвинениями в расизме. Не пора ли американскому обществу очнуться и положить конец этой

позорной практике, дискредитирующей само понятие демократии?

Пример: Почему американцы добровольно подчиняются юридической тирании? Если вы полагаете, что я преувеличиваю, посмотрите на телевизионные программы – в них видное место занимают сюжеты, живописующие героические подвиги благородных и бесстрашных адвокатов и прокуроров: элиты любят себя на свое отражение в зеркале массовой культуры. Да и как может быть иначе в стране, которая содержит и кормит более половины мирового контингента юристов? В такой стране юрист – король! И, естественно, это сказывается как во всех аспектах жизни в американском обществе. Неужели американцы этого не замечают? Перефразируя Марка Твена, для человека с дипломом юриста в руках все, что делается вокруг, выглядит как основание для тяжбы, все люди – как мишени исков. По стране в поисках добычи бродят стаи хищных юристов, и американцы приучены расценивать любые свои поступки в свете возможных правовых последствий, пренебрежение которыми может оказаться весьма накладным. Не говоря уже о причиняемом им громадном экономическом ущербе, юридический беспредел порождает в обществе такую пронизывающую атмосферу страха и неуверенности, что порой кажется, будто в Америке нельзя нормально жить, не имея юридического образования. Только ли у меня такое ощущение?

Пример: Одна из неизменных констант американской политики – ненасытное требование все новых и новых ассигнований на нужды образования. Политики давно поняли, что лозунг «ради наших детей» действует безотказно, в первую очередь, конечно, на матерей. И потому расходы на образование все растут и растут, Америка далеко обогнала по этой статье все развитые страны мира, а прока от этого не видно. Успеваемость американских школьников не только не растет, но наоборот – неуклонно снижается из года в год. Зато бурно растут расходы на полчища всевозможных консультантов и экспертов, засидевших школы. Если бы академические показатели зависели только от денег, школы в Вашингтоне,

были бы лучшие в стране, ибо расходы из расчета на одного учащегося в столице выше, чем где бы то ни было. На самом же деле они прочно обосновались на последнем месте.

Поймут ли когда-нибудь американские родители, что проблема решается не деньгами, а дисциплиной и повышенными требованиями к детям? Не худо было бы им также осознать, что бесконечное экспериментирование с «прогрессивными» педагогическими приемами при полном пренебрежении к методикам, апробированным тысячелетиями, – одна из главных причин деградации американских школ, в былые годы считавшихся в числе лучших в мире. Пора понять, что все эти новомодные теории – не более чем поветрия, салонные игры для досужих либералов, кичащихся своим моральным и интеллектуальным превосходством. Если бы это была наука, они по крайней мере сначала опробовали бы ее на крысах, прежде чем подвергать педагогической вивисекции ни в чем не повинных детей.

Пример: Почему американцы так заботливо относятся к утратившим трудоспособность политикам? Одно дело ценить и почитать умудренных годами законодателей, остающихся во всеоружии своих интеллектуальных ресурсов и обогащенных опытом долгой жизни, не разбавленным юношескими страстями и пороками. Но совершенно другое дело, когда в силу старческих хворей или печальных обстоятельств политик утрачивает способность отправлять свои обязанности. В 2006 году сенатор-демократ от Южной Дакоты Тим Джонсон перенес тяжелый инсульт, от которого он полностью не оправился и спустя четыре года, как сообщила в 2010 году газета «Уолл-стрит джорнэл». А это значит, что все эти годы население его штата не имело полноценного представительства в Сенате США.

Не имеют его последний год и аризонцы из избирательного округа, от которого в Конгресс была направлена Габриэль Гиффордс. Нельзя не сочувствовать несчастной жертве безумца-террориста, но в то же время не отвернуться и от того жестокого факта, что пока конгрессмен Гиффордс лечится, население ее округа лишено

голоса в Конгрессе, и неизвестно, сможет ли она когда-либо полностью оправиться от тяжелейших ранений в голову. По-человечески понятно, что избиратели Аризоны стремятся продемонстрировать своей избраннице свою любовь и поддержку, но как долго может это длиться?

Если следовать такой логике, спортивные команды должны держать в основном составе травмированных игроков. Долго ли будут болельщики мириться с присутствием на поле инвалидов, которые только мешают своим командам? Я понимаю, что такой подход отдает жестокостью и делает меня мишенью для упреков в бессердечии. Но жизнь, увы, не всегда отвечает канонам справедливости и иногда требует от нас суровых решений. Конгрессу следует в законодательном порядке предусмотреть соответствующую процедуру на подобные случаи.

Вышесказанное в полной мере относится и к политикам, которые продолжают упорно цепляться за свои места и в мафусаиловы годы. Нельзя было удержаться от усмешки при виде престарелого сенатора-республиканца от Южной Каролины Строма Тэрмонда, которого фактически носил по зданию Капитолия здоровенный ассистент (сенатору только и оставалось что слабо перебирать ногами в воздухе, висая на могучей руке своего помощника). Когда-то Тэрмонд был замечательным законодателем, но его время давно прошло, и избирателям Южной Каролины не следовало сентиментально потакать его стремлению отпраздновать свое столетие в кресле сенатора – насколько известно, единственному побудительному мотиву его упорного нежелания уйти на покой. Пойдя навстречу желанию Тэрмонда, избиратели ограбили себя и заодно продемонстрировали неуважение к его должности. В то же время их отношение можно истолковать и как проявление равнодушия к деятельности центрального правительства: дескать, не все ли равно, чем они там занимаются в Вашингтоне и кто там заседает. И кто знает – может быть, избиратели правы.

Этот перечень можно продолжать едва ли не до бесконечности, но думается, и приведенные примеры дают достаточную пищу для размышлений.

Август 2011 года
Йорктаун, Вирджиния

Элиэзер М. Рабинович

Мои мозаики.

Путешествия в Равенну

втор показывает сделанные им мозаики, а также рассказывает о поездках в «мозаичную столицу» Италии Равенну и о школе мозаики, в которой он учился в течение недели в сентябре 2001 года.

Вступление

Моя специальность – техническое стекло и керамика. Лет через двадцать пять после начала профессиональной карьеры, когда иммигрантская жизнь стабилизировалась и, собственно говоря, перестала быть иммигрантской, мне захотелось сделать что-нибудь красивое из этих материалов. Это не было просто. Если бы у меня не было ни голоса, ни слуха, – а у меня их нет, – мне вряд ли пришло бы в голову попытаться проникнуть на оперную сцену или хотя бы петь на дружеских сборищах. В отношении изобразительного искусства у меня тоже есть два «маленьких» недостатка: я не умею рисовать, и я отношусь к числу тех 8% мужчин, которые, будучи дальтониками, не отличают определённые оттенки красного от зелёного – по счастью, не те, которые на светофоре. Так что вступить на стезю художественного творчества было для меня, возможно, тем, что выражается ёмким ивритским словом «хуцпа», переводимым на русский не менее ёмко как «наглость».

Я посетил кружок витражей, сделал несколько образцов, но почему-то быстро охладел. Не помню, как появилась идея мозаики, но это пошло. Начал самоучкой, потом, 10 лет назад, я неделю проучился в мозаичной

«столице» Италии Равенне. Неумение рисовать компенсировалось тем, что я превращал в мозаику чужую живопись, а для цветов «нанял» жену в качестве консультанта. «Мои мозаики» - это и те, что сделаны моими руками, и те работы мастеров Равенны, которые я «присвоил» по праву любви. Об этом рассказ.

Материалы

*Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем
краса.*

(М.В. Ломоносов)

В древности – до нашей эры и вплоть до византийского средневековья – материалами для тессеры (по-итальянски - tessera, во множественном – tesserae) – тех кусочков, из которых мозаика собирается, – служили разноцветные камни и мраморы, но палитра цветов была ограничена. Королевой мозаики с практически неограниченным выбором цвета стала стеклянная смальта.

Смальта

Стекло – твёрдый материал, полученный из вязкого расплава, который в процессе охлаждения затвердел, не успев закристаллизоваться. Хотя существуют тысячи стёкол и их составов, большинство практических стёкол основано на одном стеклообразователе – двуокиси кремния (кремнезёме), составляющей бóльшую твёрдую часть земной коры и в почти чистом виде известной нам в виде песка. Поскольку температура плавления чистого кремнезёма очень высока (2000С), всё листовое и бутылочное стекло содержит дополнительно окись натрия (вводимую через карбонат натрия – соду) и окись кальция (вводимую через карбонат кальция – мел или известняк).

Происхождение стекла темно и уходит в глубокую древность Месопотамии и Египта за три тысячелетия до нашей эры. Я вообще с трудом понимаю происхождение высокотемпературных технологий металла, керамики и стекла путём обычной изобретательности. Мне нравится идея о Прометее, который прогневил богов тем, что принёс

людям огонь, а заодно и научил их ремёслам. Или это сделал наш Б-г. В «Этимологии» Исидора Севильского^[1], пересказана история из Плиния Старшего, согласно которой стекло впервые было изготовлено в устье реки Белус. Ныне эта река носит название Нахаль Неэман (ивр. נַחַל נְעַמָּן), около города Акко в Израиле:

В части Левантийского побережья, называемом Финикия, есть низменный берег, близко к району, проживания иудеев. Место это близ подножия горы Кармель, где течет река Белус... Быстрое течение водного потока в ее устье очищает пески на побережье от загрязнений. Сохранилась история, как на этот берег был выброшен корабль, который вез соду из Египта в Финикию. Когда купцы занялись приготовлением пищи, то не нашли поблизости никаких камней для того, чтобы сложить очаг. Поэтому, чтобы сложить печь, они принесли куски спрессовавшейся соды с корабля. Песок на берегу смешался при высокой температуре с содой, и полупрозрачными потоками новой жидкости стал вытекать из печи, застывая снаружи. Таково происхождение стекла.

История красивая, но невозможная. Жара костра не могло быть достаточно для получения стекла сколь угодно привлекательного вида. К тому же, практическое стекло не может быть двухкомпонентным, без кальция, ибо оно будет растворимо в воде.

Никольсон и Шо описывают составы и технологию стекла в древнем Египте, где оно использовалось для украшений за три тысячелетия до нашей эры. Как и сейчас, основное потребительское стекло делалась из песка, известняка и соды или поташа. Поразительно то, что уже за два тысячелетия до н.э. египтяне перешли на такое соотношение трёх главных компонентов, которое более или менее используется в современном листовом стекле. Они справлялись с варкой стекла при 1400°С.

Очень привлекательная особенность стекла – то, что его легко окрасить почти в любой цвет. Многие красители древности применяются и сейчас, например, кобальт, дающий интенсивный синий цвет при его содержании всего лишь около 0,1%. Но больше всего меня, как специалиста,

поражает способность египетских мастеров к эмпирическому манипулированию валентным состоянием иона меди для изменения цвета стекла от сине-зелёного (Cu^{2+}) до красно-коричневого (Cu^+). Египтяне умели делать как прозрачное, так и опаловое цветное стекло.

Так что к римскому времени технология цветного стекла была уже хорошо разработана, но римляне, а больше всего византийцы в 4-5-м века н.э. сумели наладить достаточное массовое производство стекла для мозаики, называемого «смальтой» (по-итальянски: “smalto” в единственном и “smalti” во множественном числе). Чтобы цемент под смальтой не был виден, для мозаики годится только опаловое стекло. Впоследствии византийские мастера мигрировали в Венецию, где на острове Мурано они создали стекольные заводы, находящиеся там и по сей день. (В 1976 г. я посетил исследовательский институт стекла в Венеции и после профессиональных бесед мне показали пару заводов Мурано, где стекло варили в больших горшках и вырабатывали вручную. После этого я видел много подобных заводиков, в том числе и в США.)

На фото №1 показана коробка со смальтой и неглазурованной керамикой.

Фото №1 Тессеры из мексиканской смальты и неглазурованной керамики. В третьем отделении справа – золотая смальта

И сегодня смальта в Венеции делается вручную так, как она делалась веками: 2-4 кг расплава черпаются ковшем и прессуются в круглую лепёшку («пиццу»). Лепёшка

медленно охлаждается (отжигается) в специальной печи, потом разбивается на куски и в таком виде продаётся художникам, которые в процессе работы разбивают её на тессеры нужной им формы и размера. Смальта ручной работы недёшева.

Особенно дорога золотая и серебряная смальта. На лепёшку прозрачного бесцветного стекла накладывается очень тонкий лист золота (или серебра), покрываемый тонким слоем того же стекла сверху. Верхний слой делает золото неуязвимым для абразивного действия времени. Высокая цена обуславливается не столько золотом, сколько усложненной технологией.

Другие стёкла и материалы

Большое количество листового художественного стекла производится в США и других странах. Каталог компании “Spectrum Glass” содержит около 200 стёкол разного цвета и фактуры. Стекло стандартной толщины в 2 мм производится прокаткой и может быть гладким или рельефным. Прозрачное стекло используется, главным образом, для витражей, а опаловое – для мозаики, успешно конкурируя с намного более дорогой смальтой.

Предпосылкой изготовления однородного стекла является тщательное смешение сырьевых компонентов (шихты), особенно малых добавок, вызывающих окраску. Однако можно хорошо смешать основные компоненты, а затем добавить красящие компоненты без тщательного перемешивания. Или даже вбросить эти компоненты прямо в печь в расплавленное стекло, предоставляя перемешивание причудам конвекции. Получается стекло резко неоднородной окраски, где ни один лист не повторяет другой, и такие листы могут найти неожиданное художественное применение.

Помимо листов, продаются стеклянные квадраты одного цвета, наклеенные на бумагу и легко снимаемые водой.

Я немного использовал неглазурованную керамику, в основном, для фона, поскольку она бедна разнообразием цветов. Совсем другое дело – керамика глазурованная, т.е. покрытая слоем стекла. В магазине керамических плиток

мне попались готовые тессеры из глазурованной керамики разных цветов размером 3,5 x 2,5 см, и эти прочные яркие тессеры стали одним из моих основных материалов. Разнообразие их цветов, однако, несопоставимо с палитрой для чистого стекла.

Нередко я смешиваю разные материалы в одной работе.

Инструменты и методы

Под нашим домом идёт подвал – прекрасное место для мастерской. Инструменты: японский резец стекла, различные щипцы для разлома керамических плиток, кусачки, профессиональный молоток и наковальня, привезённые из Равенны. Кроме того, у меня есть небольшой шлифовальный станок со сменными алмазными цилиндрами. В качестве подложек я беру толстую фанеру или доску (2 см толщиной), а для связки – цементную пасту, которую строители используют для установки керамических плиток в ваннных комнатах и кухнях.

Большинство моих мозаик сделаны прямым методом, когда тессеры крепятся непосредственно на доску, на которую нанесен рисунок. Можно накладывать цемент на небольшую площадь подложки и потом прикладывать керамику или смазывать цементом обратную сторону каждого камешка перед укладыванием. Преимущество прямого метода – простота. Недостатков два: во-первых, его удобно применять только к панели, которая потом будет выставлена или вывешена без монтирования в другом месте; во-вторых, эта методика довольна нетерпима к ошибкам. Профессиональный цемент прочен, и когда однажды я захотел что-то поправить в уже законченной работе, выбивание небольшого куска заняло несколько часов. О двойном методе – позже.

Grout. В словарях это слово переводится строительным термином «жидкий раствор», но это не вполне правильное определение для мозаик, поэтому я буду пользоваться словом «граут», объяснив его значение. Граут – это цемент (обычно портландцемент с добавками для цвета), который разводится в воде с примесью латекса и втирается в промежутки между тессерами на последней

стадии. В Равенне художница Лучиана Ноттюрни предостерегала своих студентов против граута, повторяя как священную фразу: “Gaps are mosaics” – «Промежутки – тоже мозаика». Когда мы дойдём до курса и до мозаик равеннского типа, вы увидите, почему иногда она права. Однако в случае мозаик, сделанных на подложке прямым методом, нецементированные узкие промежутки будут собирать грязь, и, кроме того, граут имеет явное художественное значение. Если для всей мозаики использовать один нейтральный цвет, втирание граута занимает меньше четверти часа, и он подчёркивает мозаичный эффект. В некоторых случаях я, однако, подбирал граут отдельно к цвету каждой части картины. Тогда процесс занимает значительно больше времени. Сначала втирается светлый граут и убирается излишек там, где этого цвета быть не должно. Затем надо подождать пару дней, пока первый граут не затвердеет и станет непроницаемым к влажной протирке. Тогда наносится другой цвет и т.д. После граута мозаика завершена.

Мозаики, сделанные прямым методом (до и после Равенны)

По аппликациям Матисса

Начал я с аппликаций Матисса, поскольку аппликации – тоже своего рода мозаика, и сначала выбрал «Двух танцоров» (1937-38, 80,5x64,5 см, фото №2, слева)¹. В первом варианте, сделанном для себя с тессерами из глазурованной керамики, размер был слегка меньше оригинального: 71x56 см (Фото №2, центр). Я попытался подобрать цвета как можно ближе к матиссовской бумаге, и открыл, что это не всегда правильно для другого жанра. Оказалось, что на стене глянцевая мозаика отражает свет таким образом, что синий фон порой сливается с черным костюмом танцора. Через несколько лет я повторил мозаику для подарка. Размер был меньше (38,8x31 см) – работа предназначалась для небольшой квартиры, – материалом

¹ John Elderfield, *The Cut-Outs of Henri Matisse*, George Braziller, NY, 1978, стр. 49 и 51.

послужило стекло, и для фона был выбран голубой цвет (Фото №2, справа).

Контраст оказался значительно лучше.

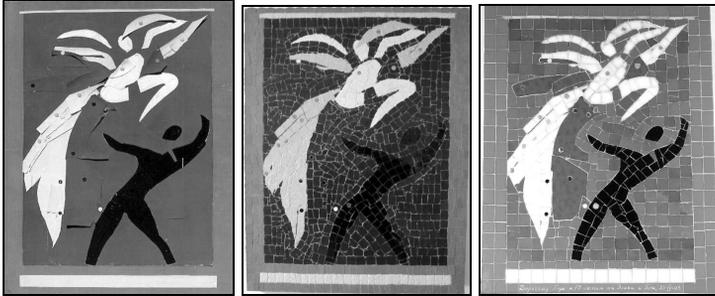

Фото №2. Слева – репродукция аппликации Матисса "Два Танцора", в центре – большая мозаика из глазурированной керамики, справа – меньшая работа из стекла

Почти все мои мозаики – без рамок, вместо этого торцы подложек закрываются тессерами цвета, продолжающего мотив передней плоскости.

Фото №3. Икар (по Матиссу)

Недавно была сделана мозаика из стекла по другой аппликации – «Икар» из цикла «Джаз» (34,3x24 см, фото №3).

У ворот обетованной земли

Попался на глаза израильский русскоязычный журнал «Ариэль» (№ 18, 1994) с интересной акварелью на обложке. (Фото №4, слева).

Фото №4. Слева – репродукция акварели Нахума Гутмана "У ворот", в центре – мозаика из стекла, внизу – деталь: рыбка из прозрачного стекла на жёлтом цементе

Внутри оказалась статья Айялы Гордон о художнике Нахуме Гутмане (1898-1980). В ответ на мой запрос г-жа Гордон сообщила, что это была иллюстрация 1934 г. к детскому стихотворению Бялика «У ворот», которое она прислала на иврите, а я сделал подстрочный перевод:

Трепещущая голубка,
Светлая голубка
Вела меня по морю
На крыльях ладьи
И привела меня
К избранной земле.

Ой, скажите, волны
И рыбы в глубине:
Как мне войти в ворота
Замечательной страны?
И ключ мой сломан,
И дверь заперта.

Ни звука, ни ответа,
И голубь с юношей
Всё ещё стучатся
В дверь ворот.

Мне захотелось сделать мозаику по картине, хотя дочь сказала, что это «хуцпа» пытаться «омозаичить» акварель. Я рискнул, и как будто не без успеха (Фото в центре). Был выбран примерно тот же размер (70,5x57,5 см), что и для первого Матисса, чтобы две картины могли висеть симметрично по обе стороны от камина. Куски стекла не всегда были маленькими, потому что нашлись крупные фрагменты неоднородной окраски, которые давали иллюзию волн. Хотя обычно для мозаики берут опаловое стекло, чтобы цемент не был виден сквозь него, в некоторых случаях и прозрачные куски не портят впечатления. Вот рыбка из прозрачного рельефного стекла (Фото справа), смонтированная на жёлтом цементе, – она смотрится интереснее, чем если бы было просто взято жёлтое стекло.

Скрипачи

«Еврей-скрипач» из стекла – по картине петербургского художника Анатолия Каплана (Фото № 5, слева), а «парная» к нему женщина – по рекламе в одном из журналов (Фото №5, центр). Здесь я особенно горжусь находкой – скульптурными волосами из рельефного стекла, как бы развевающимися на ветру (Фото №5, справа). Для того чтобы стекло «выпадало» из плоскости под него подложен керамический клин.

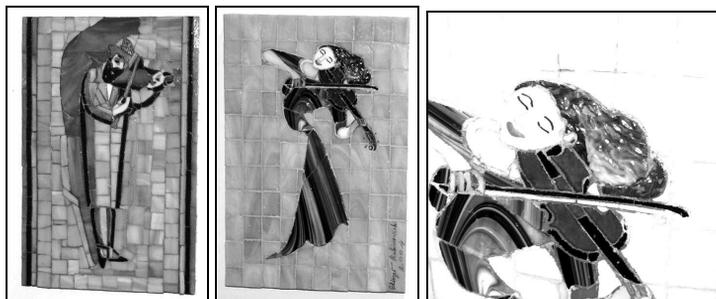

Фото №5. Скрипачи. Справа – деталь: скульптурные волосы скрипачки.

Столик

Как-то по телевизору показали небольшой фильм, как отец с мальчиком неожиданно обнаружили в своём районе магазин фокусника. Они зашли, мальчик накупил массу интересных вещей, денег у них не взяли, они вышли из магазина и... больше никогда его не видели.

Так и я, лет двадцать назад, возвращаясь на машине по торговому шоссе из командировки в соседнюю Пенсильванию, увидел справа непонятно откуда появившийся букинистический магазин. Зашёл - и вышел с купленной задёшево роскошной (высотой в 48 см) книгой «Israel – Ancient Mosaics»² («Израиль – Древние мозаики»), изданной в 1960 г. при содействии Юнеско. Продавщица сказала:

– Я рада, что книга попала в хорошие руки.

Я:

² By NY Graphic Society by Arrangement with Unesco, 1960.

– Откуда вы знаете?

– Я видела, как вы её брали с полки.

Магазин, однако, быстро исчез – это не то место, где у него могло быть много покупателей. Я считаю, что вся цель его существования была – продать мне книгу. Надо сказать, что после 1960 г. количество раскопанных в Израиле мозаик возросло в несколько раз, например, в Циппори открыт национальный парк мозаик³.

Я воспроизвёл мозаику «Мужчина играет на флейте для своей собаки» из Монастыря г-жи Мэри – донорши монастыря - в Бейт-Шеане (567 г. н.э.) (Фото №6, слева). Эту мозаику я не видел в натуре, хотя бывал в Бейт-Шеане не раз, но монастырь закрыт для посетителей. Подложкой была шестигранная доска, материалом - глазурированная керамика, для ножек был куплен металлический каркас, и так появился столик. Левую часть я додумал (нигде не смог найти изображение, полнее, чем в книге), внёс и другие небольшие изменения, например, решил, что это невежливо для пса не слушать музыку, исполняемую для него, и повернул его голову в сторону хозяина. Столик служит для сервировки напитков (Фото №6, центр и справа).

Фото №6. "Мужчина играет на флейте для своей собаки"

Могила ныряльщика (The Tomb of the Diver)

Эта могила с пятью фресками, относящаяся примерно к 470 г. до н.э.⁴, – наверно, самый значительный

³ Jewish Virtual Library, Zippori National Park, <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Society-&-Culture/geo/Zippori1.html>

⁴ Wikipedia на английском, статья "Tomb of the Diver", <http://en.wikipedia.org/wiki/Tomb-of-the-Diver>

экспонат Археологического музея в Паэстуме (Paestum, древнегреческое название города – Посейдония)⁵, недалеко от Салерно и примерно в ста километрах на юг от Неаполя. Могила была раскопана Марио Наполи в 1968 г. Все фрески – внутренние, на четыре стенах и на крышке (Фото №7). Это, возможно, единственный пример древнегреческой живописи, которая дошла целиком до наших дней, и единственный могила, расписанная человеческими фигурами. Боковые сцены изображают мужской пир и игру. На крышке размером 220x110 см показан человек, только что прыгнувший с вышки. Вышка, символизирующая жизнь как вершину человеческого существования, состоит из 24 камней (не считая верхней плиты), соответствующих 24 часам⁶. Человек прыгает с неё, покидает сферу времени и отправляется в бесформенное дальнейшее существование. Каждое из деревьев имеет по семи ветвей по числу дней недели. Художник «схулиганил» или пошутил, намекая, что его умерший прыгун вполне готов для участия в загробном любовном кутеже, и показал, в напряжении, некий орган его тела.

Мы купили в музее открытку с изображением фрески крышки, чтобы по ней сделать мозаику. Доска была много меньшего размера: 53,3x29,2 см. Все фигуры сделаны из глазурированной, а фон – из неглазурированной керамики (Фото №8). Наиболее трудно было сделать орнамент – я не стал повторять искажение рамки и сделал её симметричной. Чтобы изобразить тонкие «листья», я сделал многочисленные прорезы в керамике фона алмазной пилой, куда потом был втёр светло-коричневый цемент (граут). Не зная в то время символизма фрески, я сделал лишнюю, 8-ю, ветвь на левом дереве.

Здесь я, было, сделал и другую ошибку. Я читал, что фон должен следовать фигурам, и так это более или менее было получилось для деревьев. Ток же в начале было сделано и для ныряльщика, который получился как бы в капсуле. Готовая вещь повисела несколько дней на стене, и

⁵ <http://www.mlahanas.de/Greeks/Arts/Symposium.htm>

⁶ R. Ross Holloway, *The Tomb of the Diver*, Amer. J. of Archeology, 110 (2006), pp. 365-88.

«капсула» раздражала. Я снял её и несколько часов выбивал дефект, чтобы заменить его прямым фоном.

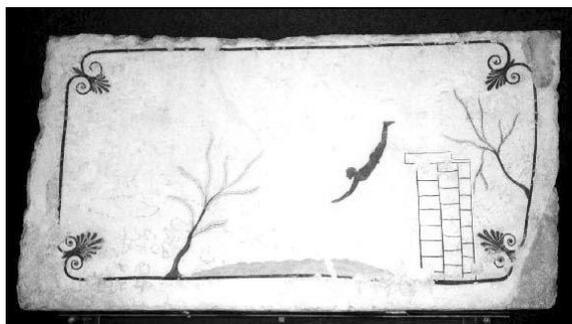

Фото №7. "Могила ныряльщика" в Паэстуме. Вверху – верхняя плита изнутри, внизу - "Пир", северная стена

Фото №8. Мозаика по фреске верхней плиты "Могилы ныряльщика"

Иллюстрация к «Буре» Шекспира и Сибелиуса

Это, собственно говоря, не мозаика, а удачно найденный уникальный кусок неоднородного стекла, напомнивший мне сцену из только перед этим прочитанной

«Бури». Я обрезал стекло, сохраняя его неправильную форму, и смонтировал на отлакированную доску с выжженным пояснением (Фото №9), что это относится и к началу музыкальной пьесы Сибелиуса, иллюстрирующей бурю, вызванную Просперо для разрушения корабля, как рассказано его дочерью Мирандой (Шекспир, Акт I, сцена 2-я):

*О, если это вы, отец мой милый,
Своею властью взбунтовали море,
То я молю вас усмирить его.
Казалось, что горящая смола
Потоками струится с небосвода;
Но волны, достигавшие небес,
Сбивали пламя. О, как я страдала,
Страданья погибавших разделяя!*

Фото №9. Иллюстрация к "Буре" Шекспира-Сибелиуса

Равенна

Город. Школа мозаики в первый день

14 июля 2001 г., в годовщину освобождения узников Бастилии, свободу получил и я, выйдя на пенсию после 42 лет работы в трёх странах и трёх учреждениях. Незадолго до этого одному из моих друзей попало на интернете

объявление об англоязычном курсе в итальянской столице мозаики – Равенне, я списался с художницей Лучианой Ноттюрни, и мы покинули Америку на 3 месяца: два месяца работы в университете Саарбрюккена (Германия), Россия, Израиль и 5-дневный (40 часов, с 10 по 14 сентября) курс в Равенне.

Равенна в 402 г. стала столицей Западной Римской империи, отделившейся от Восточной на 7 лет раньше. Императором был Гонорий, который жил в городе вместе с сестрой Галлой Плацидией. В Равенне возводятся первые христианские постройки, и она становится экономическим, политическим и культурным центром. Империя перестала существовать в 476 г., когда последний из императоров Ромул Августул был свергнут Одоакром, которого в свою очередь сверг вождь остготов Теодорих в 493 г., ставший правителем всей Италии со столицей в Равенне. Остготских правителей в 540 г. свергает император Византии Юстиниан, и до середины VIII века Равенна становится столицей византийской провинции, называемой Равеннским экзархатом.

По всей Италии - и в Риме, и, особенно, в Сицилии - можно увидеть замечательные мозаики, но ни в каком другом городе нет такой концентрации артистического новаторства и вкуса, как в Равенне, и весь этот расцвет мозаичного искусства пришелся на 100-150 лет перед завоеванием города Юстинианом и на первые годы правления Юстиниана, хотя некоторые мозаики меньшей художественной ценности были сделаны в VII веке. Уже более тысячи лет город – политическая провинция, но он остаётся мозаичной столицей Италии из-за того, что было создано в те полтора столетия. Сейчас только ранним утром Равенну можно увидеть такой, как её увидел Александр Блок более ста лет назад⁷:

*Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.*

⁷ Александр Блок, Отрывки из двух стихотворений о Равенне - №146 и 147, Собр. сочинений в 6 томах, т. 2, стр. 117-118, Л-д, «Худ. лит.», 1980.

*Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.*

В другое время дня – это очень живой, полный туристов, город.

Мы уже были в Равенне в 1999 г., но тогда я не думал, что вернусь для учёбы. Я сделал фильм (41 мин.) об обеих поездках на английском, и выставил его на YouTube:

<http://www.youtube.com/user/emrabin41#p/u/2/CCh8aaoEWyE>

<http://www.youtube.com/user/emrabin41#p/u/1/owxl20Awnwo>

<http://www.youtube.com/user/emrabin41#p/u/0/Q6Tu1zc2viE>

Встал вопрос: а что будет делать жена во время моего курса? Всесильный интернет принёс ответ: записаться на недельный курс итальянского. Школа мозаики могла нам только рекомендовать гостиницу, но школа языка поместила нас для практики в частный дом синьора и синьоры Донатти (Фото №10). Они не знали ни слова по-английски, но мы как-то умудрялись обсуждать с ними серьёзные политические проблемы!

Фото №10. Наша квартирная хозяйка синьора Донатти.

Чтобы найти студию Лучианы Ноттюрни надо выйти из дома Донатти, у собора повернуть направо на пл. Гарибальди, где на здании почты висит мемориальная доска в память евреев Равенны, погибших в войне (Фото №11), затем повернуть налево и дойти до виа Рубикон (Фото №12). Здесь надо приостановиться и, чтобы не принять себя

за Юлия Цезаря, Рубикон не пересекать – это никуда меня не привело бы. Вместо этого, надо на той же стороне повернуть направо и ещё раз направо на виа Арно, где семья Лучианы владеет двумя домами. В правом доме, принадлежащем её отцу, Лучиана держит студию и школу, в левом живёт она сама с семьёй.

Фото №11. Доска памяти равеннских евреев, погибших в войнах

Фото №12. Переходить ли Рубикон?

Что представляла собой школа? Штат состоял из самой Лучианы, женщины лет сорока, неплохо говорившей по-английски, ей помогала художница Брюнетта Заватти, очень красивая женщина, которой невозможно было дать её 60; она почти не знала английского. Третьим «профессором» была Мануэла Фарнети – гид, переводчица, историк и автор книг по мозаике, одну из которых – справочник по

изготовлению мозаик⁸ - я случайно купил в предыдущий приезд. Мануэла была основным рупором на английском, но чтобы все студенты могли удостаиваться интенсивного внимания, Лучиана держала ещё одну переводчицу, которая тоже могла давать ограниченные советы по мозаике. Пятым был техник Матео, лет 17, студент мозаичного колледжа. Фотографии «профессоров» даны на фото №13.

Фото №13. Наши «профессора»: Лучиана Ноттюрни (слева),
Брунетта Заватти (центр) и Мануэла Фарнети (справа)

В группе было 10 американцев. День начинался в восемь и заканчивался в пять с часовым перерывом на обед. Трудно себе представить, как много дала нам школа всего за 40 часов. Для каждого ещё до начала было приготовлено именное место, мольберт, передник, инструменты, неограниченное количество венецианской смальты всех видов и известковое ложе на деревянной доске. Каждый сделал копию одной из древних мозаик двойным методом, которым работали в те времена, и несложную мозаику прямым методом. Нас водили по городу на две профессиональные экскурсии, и мы прослушали две лекции: на одной Лучиана показывала пол в своём доме, а на другой Мануэла рассказывала со слайдами о современной мозаике.

Единственной парой инструментов, которыми пользуется Лучиана, является специальный молоток с двумя острыми краями и наковальня с всажённым в отверстие в бревне пирамидальным концом.

Мы купили эти инструменты в Равенне (Фото №14), и Матео показал, как всаживать наковальню в дерево и вынимать её для транспортировки и периодической заточки.

⁸ Manuela Farneti, *Technical-Historical Glossary of Mosaic Art*, Ravenna, 1993.

Дома в Нью-Джерси мой бывший коллега, хобби которого – резьба по дереву, подарил мне бревно и выточил стамеской пирамидальное отверстие.

Фото №14. Покупка инструментов в Равенне

В первый день Лучиана рассказывала и демонстрировала «двойной метод». Что это такое? Сразу делать высокохудожественную мозаику на стенах и куполах церквей очень трудно. Поэтому планирование и первоначальная сборка осуществляются на полу или в мастерской на временном мягком ложе из извести, которая остаётся влажной несколько дней и из которой кусочки могут быть вынуты с такой же лёгкостью, как из пластилина. Толстый слой извести (а впоследствии цемента) также компенсирует неравномерность толщины смальты. Законченная мозаика переносится и монтируется на постоянном месте.

Из предложенных репродукций я выбрал птицу из церкви Сан-Витале (Фото №15). Сначала надо было наложить на фото кальку и прорисовать специальными чернилами клеточку для каждой тессеры. Кальку приложил к влажному известковому ложу, чтобы чернила отпечатались на извести.

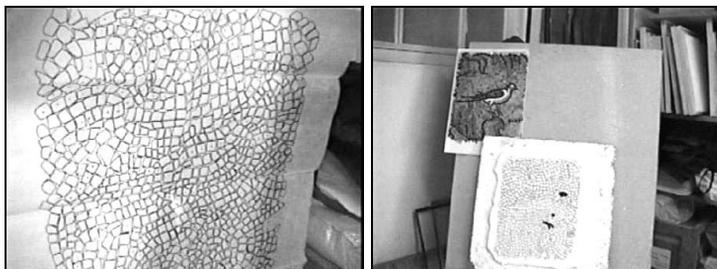

Фото №15. Слева – калька с клеточками, сделанными по картинке птицы. Справа – картинка и известковое ложе с первыми тессерами. Внизу – продвинутая стадия через день

После этого доска с известью была поставлена на мольберт, и я начал делать сборку. Так кончился день 10 сентября. А за десятым последовало, как известно,

Одиннадцатое сентября 2001 года

А что изменилось в мире? Всё.

И... ничего.

(Из лекции Ю.С. Пивоварова, 2011⁹)

Странно, что, пережив этот день, мы продолжаем жить, как ни в чём не бывало. Странно, что наш мозаичный курс мог потом продолжаться, как ни в чём не бывало.

День начался без событий. Я продолжаю колоть смальту и собирать мозаику (Фото №15). Около четырёх (десять утра в Нью-Йорке) вбегает вторая переводчица и

⁹ <http://abpopa1917.livejournal.com/1133796.html>, между 20-й и 21-й минутами.

говорит: «Мы думаем, что мы должны сказать вам. Что-то страшное происходит в Нью-Йорке. Скорее идите к телевизору у Лучианы в доме». Бежим, видим (Фото №16), слушаем, цепенеем. Они нам переводят с итальянского... Понятно, что никакой работы в тот день уже не было. Пытаемся пробиться в Америку по телефону.

По городу развешены плакаты (Фото №16, справа): «Трагедия в США. Все на площадь. Митинг солидарности». Назавтра – служба в соборе в память погибших.

Фото №16. Одиннадцатое сентября. «Мы думаем, что мы должны сказать вам...»

Потом

А в среду 12-го мы продолжаем и заканчиваем. Обе художницы и переводчицы постоянно курсируют между нами, смотрят, помогают. Вот на фото №17, слева, палец Лучианы кладёт последний камушек моей птицы, а справа - законченная работа в известковом ложе.

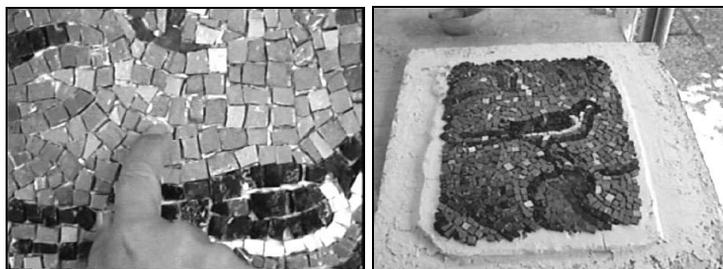

Фото №17. Лучиана кладёт последний камушек в мою мозаику. Справа – готова работа в мягком известковом ложе

Дальше – перенос на цементное ложе. Это для всех делает Матео; Мануэла и Лучиана объясняют каждый шаг, а мы стоим вокруг, смотрим, записываем, фотографируем. Сначала промежутки между тессерами засыпаются мраморной пудрой, чтобы туда не попал клей. Накладывается вырезанный по размеру кусок марли, на который наносится толстый слой густого клея (Фото №18, слева). После сушки клея на солнце мозаика с известью лопаткой отделяется от доски, известь ломается и выбрасывается – мозаика держится только на приклеенной марле (обратная сторона с остатками извести показана наверху в центре фото №18).

Фото №18. Перенос в постоянное ложе. Наверху слева – накладывание марли и клея. Наверху в центре – обратная сторона после снятия с доски, видны остатки извести. Наверху справа и внизу – Матео распределил цемент по обратной стороне, наложил рамку, и теперь заливает цементный раствор вокруг лицевой стороны, покрытой приклеенной марлей

Слой постоянной связки – портландцемента – накладывается и равномерно размазывается по обратной стороне (Фото №18, справа). Теперь мозаика готова быть

смонтированной в постоянном месте – в данном случае, в деревянной рамке, в которой мы увезём её домой. По бокам заливается цементный раствор с мраморной пудрой (Фото №18 внизу), и мозаика отставляется в сторону на время схватывания цемента. Хотя Лучиана использует быстротвердеющий цемент, всё равно мы должны ждать сутки.

Назавтра в конце дня цемент твёрд и, как и смальта, водонепроницаем. Мы вымачиваем мозаику в тёплой воде с мылом, снимаем марлю (Фото № 19, слева), тщательно щётками и струёй воды моем, сушим, красим край рамки. И вот результат висит дома вместе с другими моими работами (Фото №19).

Фото №19. Наверху – снятие марли и мытьё,внизу – мозаика висит дома на стене

Пока цемент «главной» мозаики схватывался, мы сделали простую мозаику прямым методом, но иначе, чем я

это делаю дома. Я выбираю рисунок звезды. Деревянная рамка наполняется цементом только наполовину, потому что предполагается, что не успеть выложить весь рисунок, прежде чем цемент за час-полтора затвердеет так, что перестанет принимать тессеры.

Фото №20. Мозаики нашей группы, сделанные прямым методом в студии Лучианы

Наношу полрисунка на цемент, выкладываю мозаику, заполняю и выкладываю вторую половину. Фото №20 показывает работы нашей группы.

Когда техника такова, что тессеры вкладываются в глубокий слой цемента, этот слой остаётся в промежутках, хотя и ниже плоскости смальты. Таким образом он служит вместо граута, так что понятно нежелание Лучианы добавлять граут. Когда цемент находится только под камешками и немного выдавливается в промежутки, граут необходим для прочности, сохранения чистоты и лучшего внешнего вида.

Прогулка по Равенне с Мануэлой Фарнети

Времени до схватывания цемента было достаточно, чтобы Мануэла могла повести нас на пешую экскурсию по городу на полдня. Описывать прогулку подробно равносильно написанию книги о Равенне, так как почти каждый объект заслуживает большой главы. Здесь – только краткий конспект виденного.

Базилика Сан-Витале

Эта базилика в форме восьмиугольника (Фото №21)¹⁰ была начата в 527 г. при Теодорихе и освящена в 548 г. при Юстиниане¹¹.

Фото №21. Базилика Сан-Витале

Основное пространство базилики украшено мраморной инкрустацией, а вогнутые поверхности покрыты византийской мозаикой, сделанной в 546-547 гг. Мозаики изображают сцены как Ветхого, так и Нового заветов¹². В центре базилики Сан-Витале мы видим молодого безбородого Иисуса (фото №22), а по бокам – две самые известные мозаичные картины собора (Фото №23): император Юстиниан слева и императрица Феодора – в прошлом, куртизанка и танцовщица, - справа, оба со свитой и дарами. (Метрополитен музей в Нью-Йорке владеет полноразмерными копиями, сделанными в Равенне, но они не выставлены). Эти мозаики символизируют триумф Юстиниана, завоевавшего Равенну для Византии. Как и Иисус, Юстиниан изображён молодым, хотя в то время ему было около шестидесяти.

¹⁰ <http://www.sacred-destinations.com/italy/ravenna-san-vitale-photos/slides/IMG-1446c>.

¹¹ Википедия, *Сан-Витале*,

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B5>.

¹² Я использовал как свои фотографии, так и взятые с интернета на: <http://images.search.yahoo.com/search/images?-adv-prop=image&fr=my-myy&sz=all&va=mosaics+san+vitale>.

Фото №22. Центральная часть базилики – Иисус с ангелами

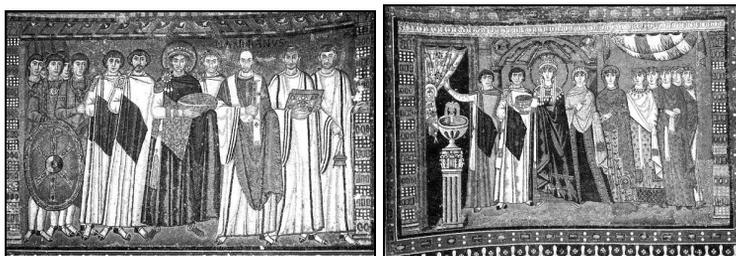

Фото №23. Слева - император Юстиниан со свитой, справа – императрица Феодора со свитой

Фото №24 показывает важнейшие эпизоды жизни Авраама. Вот к нему пришли три ангела, и гостеприимный хозяин несёт гостям зажаренного телёнка (Бытие, гл. 18). В этот визит Б-г обещает сына стареющей паре. Сын родился, но затем - это мы видим справа - Б-г потребовал принести Исаака в жертву. В последний момент властная рука из небес останавливает нож, и Авраам видит овцу для жертвы. Это как бы круг: от щедрого угощения до возвращения Аврааму животного для жертвы.

Через несколько лет мы были в Сицилии, и там в соборе в Монреале (пригород Палермо) почти вся Тора изображена в гораздо более поздних мозаиках XIII века. Давайте сравним две сцены жертвоприношения (монреальская мозаика – внизу фото №24). Здесь Исаак – безвольная жертва, как овца, тогда как в Равенне – он сознательный участник священнодействия. В Монреале ангел

останавливает нож Авраама – в равеннской мозаике мы видим руку самого Б-га.

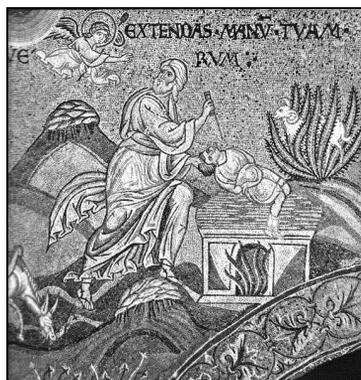

Фото №24. История Авраама, Сарры и Исаака в Базилике Сан-Витале в Равенне (вверху) и в Соборе в Монреале, Сицилия (внизу)

Фото №25. Моисей перед горящим кустом (Сан-Витале)

Интересно, что хотя все мозаики были сделаны всего за два года, они демонстрируют две школы, две философии. Мозаика Авраама, как и другие ветхозаветные темы, выполнены в греко-римском объёмном стиле, с перспективой, где каждый элемент фона живёт, а мозаики Иисуса, императора и императрицы – плоские, с золотым фоном. Посмотрите, как в мозаике Юстиниана все наступают друг другу на ноги – из-за необходимости «плоского» изображения (Фото №23). Византийское искусство ушло от реализма в сторону более символического и, как тогда казалось, более духовного представления жизни. Темы византийского искусства – религиозные и имперские. Русский искусствовед начала XX века П.П. Муратов¹³ писал:

Когда мы пробуем проникнуть в красоту Византии, нас поражает её крайняя сложность. В ней нет ничего простого, природного и свободного, ничего, что далось бы человеку легко, вместе с воздухом полей, светом солнца и шумом горных рек. Это самое компактное, самое «искусственное» из всех искусств. Оно представляет полную противоположность итальянскому искусству... Под тяжким давлением византийской государственности человеческие способности бесконечно изоцрялись...

Это подарок для посетителя собора Сан-Витале, что оба, казалось бы, противоположных стиля соседствуют и не создают чувства дисгармонии. Википедия сообщает^{viii}, с ссылкой на акад. В.Н. Лазарева, что в работе принимали участие разные мастера. Мануэла сказала, что это были одни и те же мастера, владевшие обоими стилями, а, точнее, обоими Заветами и историями. Я присоединяюсь к мнению Мануэлы: возможно, что мастера были свободнее в описании сцен Торы (Пятикнижия), тогда как для описания современных им правителей и религии они должны были следовать официальному канону. Впоследствии итальянское Возрождение взяло за образец именно греко-римский, а не византийский подход к искусству.

¹³ П.П. Муратов, *Образы Италии*, Москва, изд. «Республика», 1994, об Равенне – стр. 91-99.

Мы выходим из базилики и направляемся к стоящему неподалёку приземистому зданию (Фото №26). Это

Мавзолей Галлы Плацидии

Фото №26. Мавзолей Галлы Плацидии

Здание датируется второй четвертью V века – почти на столетие старше базилики Сан-Витале. Кем была Галла Плацидия¹⁴, жившая с 388 до 450г.? Дочь римского императора Феодосия Великого и сестра Гонория, потом королева вестготов, затем правительница Западной Римской империи. Трудно сказать, какое личное отношение она имеет к строительству и предназначалось ли здание в качестве места её погребения. Здание могло быть и часовней, посвящённой Св. Лаврентию, изображённому на одной из мозаик. В здании – три саркофага, в которых были обнаружены реальные останки, но Галлы среди них быть не могло, поскольку она умерла в Риме и была похоронена там.

Скромный внешний облик здания совершенно не подготавливает к ошеломляющему впечатлению – сразу, в момент входа. Цельность этого впечатления, трепет от виденного и в то же время какой-то покой возвышают ещё

¹⁴ *Википедия, Галла Плацидия.*

до того, как вы начнёте рассматривать в подробностях, передать которые фотографии не могут¹⁵. Приглушённый свет из небольших оконеч, играющий на смальте синей мозаики с добавлением золота.

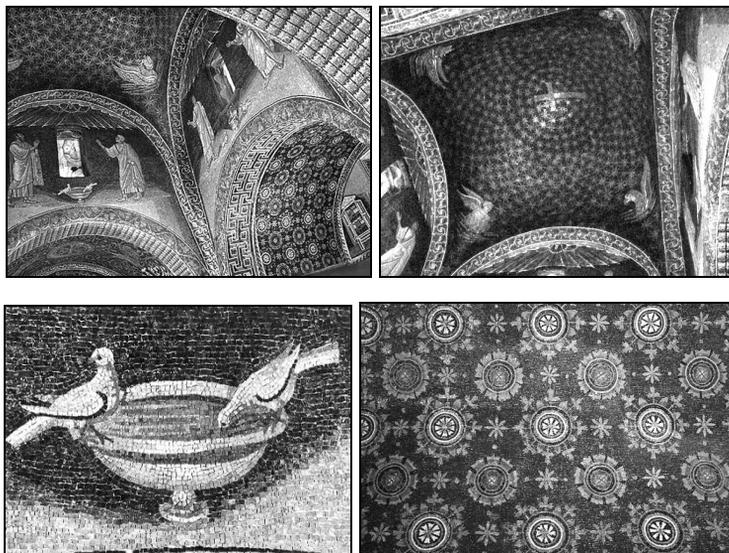

Фото №27. Мавзолей Галлы Плацидии внутри: общая архитектура, потолки, птицы

Цвет может меняться в зависимости от силы скупно проникающего света, создавая «волшебное мерцание»¹⁶. Итальянский искусствовед Джулио Карло Арган (1909-1992) писал¹⁷, что *сам контраст между крайней скромностью внешнего облика и ночным, но интенсивным свечением внутреннего убранства мавзолея полон, по-видимому,*

¹⁵ Я воспользовался фотографиями Р. Cash:
<http://images.search.yahoo.com/search/images;-ylt=A0PDoS3fk3ZOFRcAWbWJzbfF?p=mosaics+galla+placida&fr=my-myy&ei=utf-8&n=30&x=wrt&y=Search>.

¹⁶ <http://www.smalta.ru/istoriya-smalty/vizantiya/mavzolei-gally-placidii-ravenna/>.

¹⁷ Дж.К. Арган, *История итальянского искусства*, т. 1, стр. 97-99, Москва, *Радуга*, 1990.

многозначительного символического смысла. Художник, похоже, хотел сказать, что душа тем больше блещет, чем невзрачней её телесная оболочка, что материя конечна, но бесконечен наполняющий её божественный свет.

Это один из тех случаев, когда не веришь, что сотворено руками человека. Муратов писал, что при виде этого великолепия невольно думается, что человечество никогда не создавало лучшего художественного средства для убранства церковных стен. Я полностью согласен.

Великолепие потолков со звёздами на синем небе, золотым крестом, птицами и растительными орнаментами (Фото №27) дополняется мозаиками Доброго Пастыря и Св. Лаврентия (Фото №28). Пастырь – молодой Иисус – мирно пасёт белых овец. Стиль фигуративных мозаик – греко-римский, с глубокой перспективой и заполнением пространства.

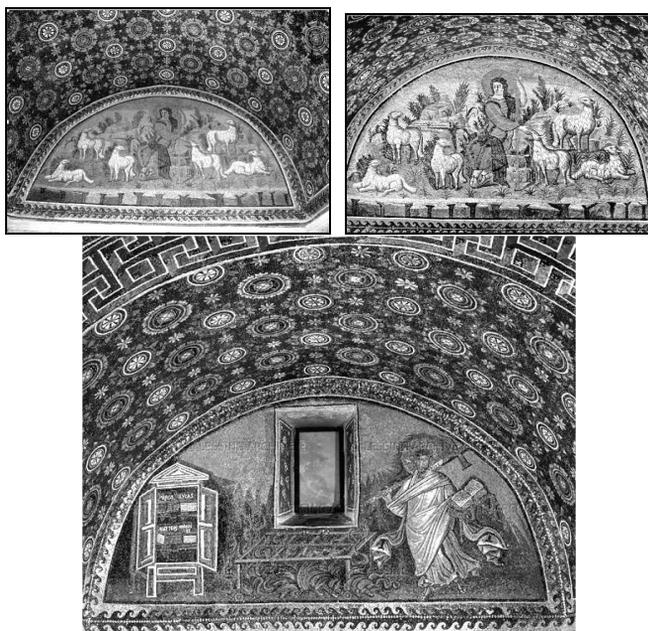

Фото №28. Вверху: "Добрый пастырь" (северный лонет), внизу: "Св. Лаврентий" (южный лонет)

Зал полон посетителями, но все молчат. В этой тишине, неведомо для окружающих и ненавязчиво, музыка из «Лета» Вивальди¹⁸, мысленно начинает сопровождать мои глаза, а потом и глаза зрителей моего фильма:

Наверно, у каждого бывают моменты, когда в присутствии Б-жества остро чувствуешь нехватку слов и мысль сверлит голову: «Ах, если бы я был поэтом!»

Но, может быть, для этого комплекса неполноценности нет причины. Большой поэт однажды стоял на моём месте и, кажется, тоже был в затруднении. Александр Блок написал:

*Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог, Чтоб чёрный взор
блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожёт.*

*Военной брани и обиды
Забыв и стёрт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.*

.....
*Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,*

¹⁸ <http://scores.ccarh.org/vivaldi/op8/02/02allparts.pdf>.

*О, Галла! - страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!*

(Цикл «Равенна», май-июнь 1909 г.)

Почему вдруг такое поклонение перед пусть яркой, но далёкой от нас императрицей? Блок знал, что тела Галлы здесь нет. Почему никогда не стремившийся к власти, слабый здоровьем, русский интеллигент вдруг почувствовал себя неадекватным и «ничтожным» для роли правителя Римской империи? Я осмелюсь спекулировать, что дело не в Галле, и эти строки – сублимация: Блок вдруг почувствовал свою неадекватность в сфере, к которой он был призван, – в поэзии. Возможно, он хотел бы сказать:

*О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Мастер!*

Проф. Арган подробно обсуждает технику этого волшебства:

Куски смальты укрепляются в связующей массе на различной глубине и с неодинаковым наклоном, в зависимости от прилежания и опытности мозаичиста. Полученная таким образом шероховатая поверхность не просто отражает свет, но и рассеивает его во множестве направлений, так что зрителю они представляются полной блеска, живого трепета и почти молекулярного движения.

Мозаичист добивается этого путём творческого подхода к выкладыванию рисунка и тщательной проверки световых качеств мозаики. А поскольку применяемый материал не позволяет ему смешивать краски, то он прибегает к вкраплению в слишком холодные (например, зелёный или синий) тёплых тонов (жёлтых, красных) или, наоборот, к приглушению слишком тёплых тонов за счёт вкрапления в них более холодных... Свет и пространство выступают в качестве идеальных выразителей образов...

Арган полагает, что философия этого мавзолея была основана на учении Плотина, на идее освобождения матери из состояния тьмы и возвращения её к состоянию духовности и света... Пространственность мавзолея Галлы

Плацидии, построенная на тёмно-синей доминанте, является... пространственностью ночного света...

Если бы ко мне вдруг на вертолёте спустился иноземец или инопланетянин и сказал, что у него есть только полчаса для Равенны – куда бы я ему посоветовал броситься, ответ был бы: только сюда.

Дальше по городу с Мануэлой

Я недаром изменил хронологической логике мозаик и повёл вас сначала в более поздний Сан-Витале – после созерцания мавзолея Галлы трудно продолжать описание других древних мозаик, а их много в остальных церквах, и многие хороши. Да и объём статьи не позволяет бóльшей подробности. (В фильме – подробнее.) Но Мануэла ведёт нас ещё в одно место, и это

Мои Мозаики. Могилы

Мои Мозаики. Могилы

Мои Мозаики. Могилы

Мои Мозаики. Могилы

Фото №29. Могилы Данте. Внизу - профиль и лампа с вечным огнём внутри здания

Во внутрифлорентийской борьбе Данте (1265-1321) оказался на стороне проигравших и должен был бежать из родного города, в который его обратно никогда не пустили.

Он скитался, пока не осел в Равенне, закончил здесь «Божественную комедию» печальными словами:

*Здесь изнемог высокий духа взлёт;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.*
(Данте, Рай, Песнь 33, 142-145.)

Здесь он умер и был похоронен (Фото №29).

Вскоре флорентинцы, обожающие «дорогие могилки» своих соплеменников, которых они гнали при жизни (как, скажем, Галилея), стали требовать от равенцев прах Данте для захоронения в некрополе знаменитых флорентинцев – церкви Санта-Кроче. Равенна отказала. Когда член могущественной флорентийской семьи Джованни Медичи стал папой Львом X (правил в 1513-1521), а Равенна входила в состав Папского государства, папа разрешил флорентинцам забрать прах¹⁹. Они приехали, но нашли могилу пустой: монахи соседнего францисканского монастыря, стену которого мы видим на фотографии, просверлили дыру, выкрали и спрятали тело. Ящик с останками был случайно найден только 27 мая 1865 г. в небольшом саду рядом с могилой (садик тоже виден на фото) и перемещён обратно в первоначальное место. Хотя Флоренция в XIX веке построила символическую могилу для Данте в Санта-Кроче, она больше не претендует на возвращение останков. По словам Мануэлы, каждый год делегация флорентинцев, одетых в одежды того времени, приходит на поклонение и приносит оливковое масло для вечного огня.

Современная мозаика

Мануэла показала памятник покойному мэру города Пьеру Паоло Д'Атторе – другу Мануэлы и Лучианы, – умершему в 1997 г. от рака в возрасте 46 лет (Фото №30). Это белая скамья, на которую брошены мозаичное пальто и

¹⁹ Gianfranco Bustacchini, *Ravenna - Capital of Mosaic*, Cartolibreria Salbaroli, Ravenna, стр. 71-72.

книга. Пальто было настоящим, вымоченным в эпоксидной смоле, после чего к нему были приклеены тессеры.

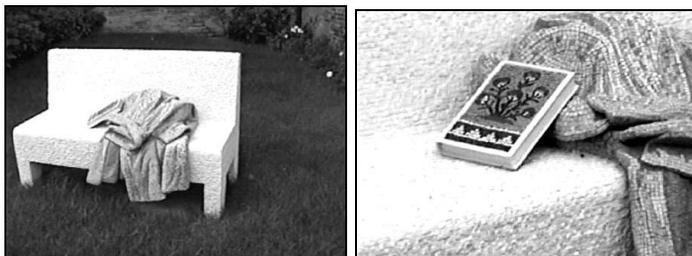

Фото №30. Памятник мэру Равенны Пьеру Паоло Д'Атторе

Мануэла прочитала лекцию со слайдами о современной мозаике. Наиболее интересной была могила Рудольфа Нуреева на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, которое нам удалось посетить через несколько лет, так что приведенные фото №31 были сделаны нами самими. Автор – художник из Равенны. Мозаика была сделана прямым методом. Моделью послужил персидский ковёр, которым владел Нуреев. В памятнике использовано много золотой смальты.

Фото №31. Могила Рудольфа Нуреева на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа

Наконец, в последний день Лучиана повела нас в Парк мира, построенный в 1980 годах. Для его создания были приглашены мозаичисты всех стран, кроме Италии, город предоставил материалы, студентов в помощь, наверно, жильё и питание, но они не получали гонорара. В парке есть замечательные работы. Мозаика на Фото №32 была сделана из гранита. Фото №33 показывает огромную мозаику на

земле, называемую «Древо мира». К сожалению, из-за её размера и инженерных ошибок она была вся в трещинах.

Фото №32. Мозаика в Парке Мира, сделанная из гранита (деталь – справа)

Фото №33. "Древо мира"

Очень интересна большая и сложная работа венской художницы Эдны Мэлли «Крылья мира» (Фото №34). Некоторые части этой работы сделаны просто из бетона, на который не нанесены тессеры.

Фото №34. «Крылья мира» Эдны Мэлли (Вена, Австрия), 1985

Работа московского художника Александра Корнюхова «Человек и природа» (1987) показана на фото №35.

Фото №35. "Человек и природа" Александра Корнюхова (Москва), 1987

Прощание

Это было всё. Группа и Лучиана сфотографировались в парке (фото №36), обнялись и расцеловались. Лучиана обещала по электронной почте отвечать на любые вопросы, мне она потом прислала ручку для рисования на кальке. Предыдущим вечером мы вместе обедали в ресторане, но Мануэла не смогла быть, так что этим вечером группа пригласила её на обед. Очень яркая неделя жизни кончилась, и на завтра мы покинули Равенну.

Фото №36. Групповое фото и прощание в Парке мира

Двойной метод после Равенны

Четыре вещи были сделаны двойным методом после возвращения из Равенны.

Рыбы

Эта была попытка сделать дома мозаику точно так, как учила Лучиана.

Фото №37. Рыбы (мозаика Дионисия, Циппори, Израиль)

Модель была взята из рамы мозаики Дионисия в Циппори (начало III века н.э.)²⁰. То, что было сделано в Равенне за 5 дней с помощью штата школы, дома заняло три месяца. Надо было найти подходящие материалы, хотя бы ту же известь. Смальты у меня не было – были глазурованная и неглазурованная керамика и стекло. Результат показан на фото №37, и, в общем, он довольно адекватен модели. Как и в случае равеннской птицы, я не пользовался граутом. Больше я в точности тем методом не работал, так как использовал, тессеры, более или менее одинаковые по толщине. Поскольку мне не нужно было, чтобы известковое ложе компенсировало разную толщину, я мог пользоваться бумагой вместо извести.

Кухня

При перedelке кухни я уговорил жену оставить две прямоугольные ниши в новой керамической облицовке стен, которые обещал заполнить. Делать мозаику в кухне на вертикальной плоскости было бы так же неудобно, как неудобно было мастерам работать под куполом собора.

²⁰ Ehud Neshet & Zeev Weiss, *Zippori*, Israel Exploration Soc., Jerusalem, 1994.

Фото №38. Мозаики в кухне на южной (слева) и северной (справа) стенах

Так что я работал на обычном месте в подвале с керамическими тессерами. На плотную бумагу был нанесён рисунок, и тессеры крепились разбавленным клеем. Перемещение тессер для правки было почти так же легко, как и в случае известкового ложа. Когда сборка была окончена, мелкий песок был засыпан в промежутки, лицевая поверхность намазана клеем, и другой слой бумаги прижат сверху – бумага казалась надёжнее марли для переноса. После того, как вся сборка полежала под пачкой книг и бумага высохла, оба листа были обрезаны по контуру и смоченная тампонами бумага обратной стороны была удалена. Затем паз в кухне был намазан цементом, и мозаика вмонтирована в него. Через день цемент затвердел, я отмочил верхнюю бумагу, отмыл мозаику от песка и клея и приложил граут. В мозаике на южной стене были специально оставлены большие пазы (до нескольких сантиметров) для граута, который служил частью картины. Если бы граутом был чистый цемент, то его усадка при высыхании и схватывании неизбежно привела бы к трещинам. Поэтому здесь была использована смесь цемента с песком. Обе мозаики показаны на фото №38.

Портрет жены

Года три назад жена сказала, вскользь: «А почему бы тебе не сделать мой портрет?» Мне пришлось расколоться и показать уже год назад купленную овальную доску и нанесённый контур по фотографии 1981-82 г. (Фото №39, слева). Лежала же доска без дела целый год потому, что карандашный контур был непохож, и я не знал, как начать.

Было ясно только, что прямой метод не годится хотя бы потому, что многое придётся переделывать.

Два с половиной года назад: «Ты бы хоть начал в мой день рождения». Начал. Знакомый программист сделал мозаичный фотопортрет с разными размерами ячеек (пример – на Фото №39, справа). Было сделано много копий фотографий в натуральную величину, и я мог экспериментировать, приклеивая тессеры прямо на фото то для одной, то для другой части лица, надеясь, что потом всё можно будет скомбинировать. Глаза клеились на «мозаичную» фотографию, остальные детали – на оригинальную или на фото с упрощённым компьютерным фильтром цветами. Основным материалом была глазурованная керамика, хотя часть волос и золотая серьга были сделаны из мексиканской смальты.

Фото №39. Слева – оригинальная фотография, справа – "мозаичный" эффект на компьютере

Я спрашивал друзей, какую часть лица они считали бы самой трудной? Все отвечали так, как вначале думал я сам: глаза. Ничего подобного – три варианта глаз и носа были сделаны, и всегодились. Непреодолимой трудностью оказался рот с улыбкой. Всё, что получалось, не было похоже. Повозившись со ртом месяц в 2009 г., я забросил работу почти на два года.

Вернулся к ней в январе 2011 г., желая сделать портрет к юбилею жены.

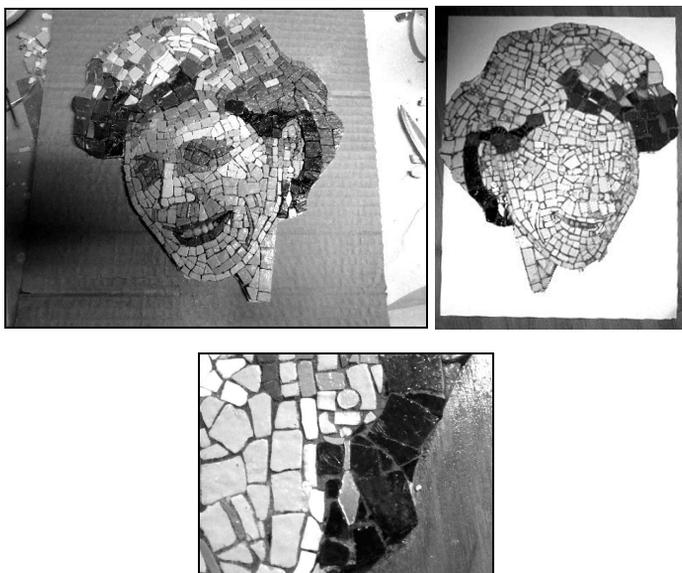

Фото №40. Вверху слева – законченное лицо на картоне до переноса. Справа – обратная сторона, уже очищенная от фотобумаги. Здесь хорошо видно, где я использовал смальту, так как она, в отличие от керамики, одинакова по цвету с обеих сторон. Внизу – деталь лицевой стороны: ухо и "золотая" серьга.

Было сделано около 15 вариантов рта пока, наверно, в какой-то момент надо мной не сжалился Б-г. Я чуть не споткнулся о полиэтиленовый мешок на полу и открыл его, чтобы посмотреть, что там. А была там морская галька – когда-то притащил на всякий случай. «Дай, – думаю, – поставлю зубы из гальки, это займёт минут десять, каков будет эффект?» Получилось! Рот сразу ожил и оказался терпим к некоторым изменениям геометрии без потери улыбки.

Теперь пришло время сборки, когда мозаичные нос, глаза и рот вырезались из разных фотографий-черновиков, где они были наилучшими, и собирались на новой «чистой» фотоподложке по гоголевскому принципу: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»; затем началось заполнение остальной

части лица. Наконец, голова была готова (Фото №40). Я начал перенос на доску, предварительно покрытую лаком.

Фото №41. Законченная работа на стене

Перенос состоял из многих этапов, но оказался, в общем, довольно простым. Последним было приложение граута сверху. Законченная работа показана на Фото №41.

Постскриптум

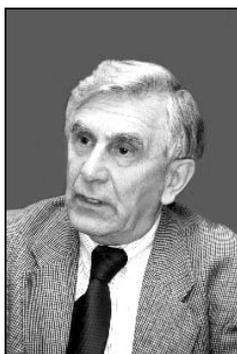
Два духовных начала объединились в мозаике – Израиль и Италия, иудаизм и христианство, Авраам и Юстиниан. Италия дана человеку как прощение, как выполнение обещания больше не устраивать потоп. Это непрерывный праздник искусства – нигде нет такого погружения в самое высокое, что создали человеческие руки. Конечно, в Италии замечательная природа, но красивые ландшафты есть повсюду. Выросшие в северном московско-петербургском холоде, мы с подозрительностью и не сразу раскрываемся ласке итальянской природы, но Италия быстро обезоруживает. Потому, что она населена итальянцами. Однако об этом надо писать отдельно.

Об авторах

Василий Демидович – российский математик, доцент механико-математического факультета МГУ.

Габриэль Мерзон – российский физик, доктор физико-математических наук

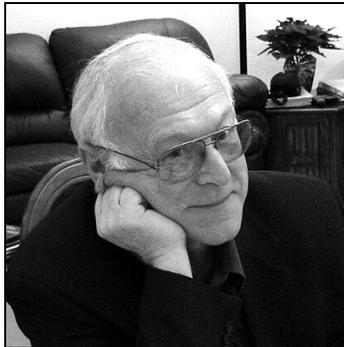
Виктор Гопман – переводчик.

Марк Лейкин – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный изобретатель Украины.

Жозефина Пастернак – младшая сестра Бориса Пастернака.

Эрнст Зальцберг – редактор-составитель книжной серии «Русские евреи в Америке».

Юрий Магаршак – президент нью-йоркской фирмы "Math Tech Inc, исполнительный вице-президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества (Нью-Йорк).

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Исаак Юдовин – преподаватель философии, кандидат психологических наук.

Артур Штильман – скрипач и дирижер, автор книг о музыкантах.

Виктор Юзефович – искусствовед, писатель.

Лазарь Любарский – автор более ста эссе на тему «еврейские моменты в творчестве различных авторов».

Моисей Каганов – профессор, доктор физ.-мат.наук.

Давид Паташинский – поэт, живет в США

Александр Балтин – член Союза писателей Москвы, автор многих поэтических книг, лауреат международных поэтических конкурсов.

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

Александр Винокур – поэт.

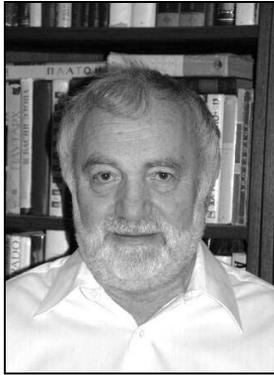
Артур Шоппингауэр – автор одного сочинения «Афоризмы Еврейской Мудрости». Пополняет его ежедневно.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

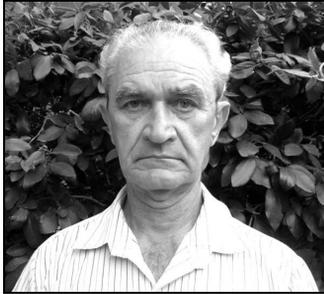
Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, филолог.

Гоман Адольф – переводчик технической и художественной литературы.

Владимир Слуцкий – к.г.н., доцент Томского университет (42 года). Живёт в Израиле.

Владимир Зайдельсон – театровед, писатель, трудотерапевт.

Александр Кацура – художник и литератор, член Союза российских писателей, а также член Международного Художественного фонда.

Микки Вульф – литератор.

Виктор Вольский – журналист.

Элиэзер Рабинович – кандидат технических наук. Автор статей по основной специальности и на исторические темы.

Журнал «Семь искусств», Октябрь 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 583 стр. 19,4 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины